

Ломачинский Андрей Анатольевич:

Курьёзы Военной Медицины И Экспертизы

АНДРЕЙ ЛОМАЧИНСКИЙ

КУРЬЁЗЫ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ЭКСПЕРТИЗЫ
(СБОРНИК РАССКАЗОВ)

От автора:

Что делает военная медицина в военное время в общем понятно - она оказывает помощь раненым и пораженным в ходе боевых действий. И тут есть один небольшой парадокс - с позиций доктора война ведь всего лишь "травматическая эпидемия", а в эпидемию болеют одним и тем же. Такое интересует в основном узких специалистов - "врачей медицины катастроф". Здесь о масштабных катастрофах ни слова - все рассказы о военной медицине мирного времени. Понятно, что в мирное время сам термин "военная медицина" весьма условен, а в этой книге, так ещё и умышленно упрощён до повседневной медицины военврачей.

Большинство случаев, которые здесь описываются, весьма банальны с чисто медицинской точки зрения. Чаще всего уникальна сама жизненная ситуация, приводящая к тому или иному медицинскому казусу. Гораздо меньшая часть историй имеет диаметрально противоположную основу - казус именно медицинский, зачастую необъяснимый с точки зрения современной науки.

И последнее замечание - даже самые простенькие ситуации в этой книге во многом рассматриваются с позиций судмедэксперта. А судмедэкспертиза, сами понимаете, наука весьма специфическая, и в силу этой самой специфики полна неожиданных детективных поворотов, бытовых мерзостей и медицинского цинизма. Хотя написаны все истории исключительно для широкой, не медицинской аудитории, но всё же слабонервным просьба не читать - рассказы варьируют от абсолютно безобидных околomedicalных баечек до эмоциональных крайностей, затрагивающих порою весьма неприятные и табуированные темы, типа расчленённых трупов, сексуальных извращений или криминальных аборт. А тем читателям, у кого подобные вещи рвотного рефлекса не вызывают - добро пожаловать в наш мир! В мир военных клиник и закрытых институтов, гарнизонных госпиталей и полковых лазаретов, медбатов и моргов, спецлабораторий и подводных лодок.

"...

- И немущим, и богатым,

Мы одинаково нужны, -

Сказал патологоанатом,

И вытер скальпель о штаны..."

/из анонимного интернет-комментария к этим рассказам/

ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ РАКА

Давным давно в городе Выборге жили-были два врача - доктор Райтсман и доктор Кузнецов. На чём специализировался доктор Райтсман я забыл, а вот специализацию доктора Кузнецова я буду помнить до самых глубоких седин старческого маразма. Онколог он был. Причём если верить материалам того уголовного дела и документам, присланным на судебно-экспертную медицинскую оценку, то онкологом он был классным. Никаких диссертаций не писал, но по части практического лечения многих злокачественных заболеваний, да и по теоретическим знаниям, доктор Кузнецов запросто мог составить конкуренцию какому-нибудь периферийному профессору из областного мединститута. Коллеги о Кузнецове давали самые положительные отзывы: взятки не брал принципиально, специальную литературу читал тоннами, в консультациях не отказывал, а когда консультировал, то нос не задирает и был всегда профессионально честен - слова "этого я не знаю" не боялся. Добрый, по характеру уравновешенный, жизнью доволен, хороший семьянин, никаких психопатологических выходов за всю жизнь этого доктора не зарегистрировано. От пациентов отбоя не было, а сами пациенты и их родственники только гимны славы этому доктору пели - лучший критерий оценки любого врача. Одним словом, как тогда говорили, достойный советский человек.

Доктор Райтсман и доктор Кузнецов были близкими друзьями. Антисемитизм в среде настоящих врачей-профессионалов явление редкое, особенно в советское время. Там больше профессиональные и личностные качества ценятся, нежели национальность. Дружили доктора семьями, прочно и долго. Дети в этих семьях друг друга с раннего детства знали, и отношения у них были как у близких родственников. Жёны ни одного праздника не помнили, где бы порознь. Даже отпуска подгадывали так, чтоб всё было одной большой компанией. Да и увлечения у этих докторов были одни и те же - любили выходы на природу, особенно грибы и охоту на боровую дичь.

На здоровье друзья не жаловались, и хоть медицину знали, оба смолили папиросы "Беломор" как сапожники. Поэтому, разумеется, у обоих были хронические бронхиты заядлых курильщиков - периодически друзья друг у друга выслушивали свистящие хрипы в лёгких и шутили на тему тех же сапожников без сапог. Такое наплевательское отношение к собственному здоровью было весьма распространено в интеллигентской провинциальной среде того времени.

И вот пришла семья Райтсманов в дом Кузнецовых встретить Новый Год. "Советское Шампанское" на столе, лучшие коньяки и деликатесы - не взятки, а знаки почтения от благодарных больных. По телевизору Брежнев поздравление отшамкал, часы бьют двенадцать. Все поднимают фужеры и пьют первый тост за наступивший. Улыбки, радость на лицах, предвкушение хорошего застолья. Но через минуту доктору Райтсману становится плохо - он бледнеет и бежит в туалет. Там его скручивает сильный желудочный спазм, а минутой позже приходит облегчение в виде рвоты. Доктор Кузнецов без всяких церемоний открывает незапертую дверь, входит и смотрит в унитаз. Там свежевыпитое шампанское с прожилкой крови. Новогодний вечер испорчен - рвота с кровью без причины всегда тревога для онколога.

Без всяких церемоний Кузнецов заводит друга в спальню, просит раздеться и лечь на кровать. Пальцы привычно утопают в ставшей податливой передней брюшной стенке. Мнёт Кузнецов живот другу и становится всё серьёзней и серьёзней. Долго мнёт. Жены за стол зовут, хватит мол, с кем не бывает. Перестаньте, мужики, друг на друга страх нагонять. Идите коньячку по маленькой - всё как рукой снимет! Не слушает доктор Кузнецов, злой стал, орёт

чтоб не мешали. Пошёл периферийные лимфоузлы пальпировать, лезет в пах, давит подмышками и над ключицами. А в одной из надключичных ямок непонятный желвачок. Хватает стетоскоп и долго слушает лёгкие. Потом основательно выстукивает грудную клетку. И начинают дрожать пальцы у доктора Кузнецова... "Ладно, пошли к столу. Пить не советую и кушай умеренно. Завтра с полудня ничего не есть, с шести вечера и жидкости не пить, а второго числа с самого утра ко мне в кабинет".

Второго января с утра первый раз в своей жизни доктор Кузнецов послал куда подальше своих плановых больных. Регистратура обозлилась, да высок был кузнецовский авторитет. Кому талончики переписали, кого, несмотря на протесты, к другим докторам направили, кого попросили подождать. Всё утро возился доктор со своим другом. Лично водил на рентген и в лабораторию. Принёс рентгенологу бутылку "Наполеона" давно стоявшую музейным экспонатом дома, а после разговора с завлабораторий на столе оставил коробку "Пиковой Дамы". Среди коллег такие вещи не популярны, сотрудники подарки принять отказываются - принцип "ты мне, я тебе" дороже. Отнесли подарки назад и отдали медсестре, что в кабинете у онколога сидела.

Наконец вернулся Кузнецов к себе в кабинет и сразу за телефон. На весь Выборг тогда единственный эндоскоп имелся. Эндоскоп - это такая штука, которой через рот в желудок залезть можно, посмотреть, что там творится, ну и биопсию взять, отщипнуть кусочек тканей для анализа под микроскопом. Звонит эндоскописту, просит немедленно приять больного Райтсмана. Эндоскопист тоже весь день скомкал, но раз аж сам Кузнецов просит, то будет сделано. Затем хирургу звонит - моему другу нужно срочно лимфоузел из надключичной ямки выерзать, опять же на гистологию. Затем патологу - ставь на уши всю свою патогистологическую лабораторию, а мои анализы в первую очередь! И тот согласен. Ещё просит несколько дополнительных стёклышек с прокрашенными тканями подготовить - для его собственного изучения и если кому на консультацию послать придётся. И это будет сделано. Надо сказать, что доктор Кузнецов сам микроскопа не чурался. Стоял у него в кабинете отличный бинокляр* и стоял отнюдь не для мебели. Частенько Кузнецов у него просиживал, изучая сложные тканевые изменения с подозрением на малигнизацию**.

**Микроскоп, в который смотрят двумя глазами, как в бинокль*

***Превращение тканей в злокачественную опухоль*

Всё, что надо доктору Райтсману сделали. Как никогда быстро результаты легли на кузнецовский стол. Остался Кузнецов после работы, обложился атласами по онкологической патологии и стал смотреть препараты тканей своего друга. Сидел за микроскопом допоздна, иногда переводя глаза с микрополя на матовый яркий экран на стене, где висели многочисленные рентгеновские снимки больного Райтсмана. Опустела поликлиника, вот уже и дежурному терапевту надо уходить. Дождался Кузнецов, когда тот примет последнего больного, и заходит к нему в кабинет. Такой просьбы от Кузнецова никто из коллег не припоминал, хотя то, что доктор попросил у коллеги, считалось делом обычным. А попросил он для себя банальный больничный на три дня с диагнозом ОРЗ. Сказал честно, что в Ленинград смотаться надо, надо срочно и по личному. Друг Райтсман дома тоже на больничном маялся, но этому законно выписали открытый лист - без указания даты, когда на работу являться.

Собрал Кузнецов свои записи, все рентгенограммы, микропрепараты и другие анализы и принёс всё домой. Рано утром, набил вторую сумку лучшим коньяком, сел в электричку и покатил в Ленинград. Хоть и не занимался этот доктор наукой, но многих знакомых в научных кругах имел. Остановился на три дня у кого-то из них. За это время своей "болезни" успел пройтись по светилам онкологии из 1-го Меда, зашёл на Кафедру Патанатомии в Сангиге, сходил к коллегам в Онкоцентре. Везде народ только недоумение выражает. Мол, ну чего ты к нам с такой элементарщиной припёрся? Ты ведь сам классный специалист, какие ещё у тебя могут быть сомнения? Задача для студентов-второкурсников - это же

элементарная, типичная аденокарцинома! Злокачественная опухоль тканей желудка, а раз имеются метастазы в лёгких и по всем лимфоузлам, то и диагноз проще пареной репы - рак четвёртой стадии. Прогноз больного однозначный - сливайте воду, выходите в тамбур, приехали. Станция "Терминальная", осторожно, двери закрываются, следующая станция - "Кладбище". Никто ничем помочь не может. Поздно. Давно поздно. Слушает эти очевидные истины доктор Кузнецов, а у самого в глазах слёзы. Да всё было ясно и понятно, только друг это - на чудо надежда была. А чудес, как известно, не бывает.

Здесь уместно сделать одно лирическое отступление. Точнее не лирическое, а бульварно-популяризаторское. Пусть медики снисходительно улыбнуться, да хоть остальным понятней будет. То что рак - это клеточная мутация, все знают. Но это не совсем верно. Каждую секунду в нормальном человеческом организме происходит более двух миллионов изменений хромосомного аппарата, однако двумя миллионами раков в секунду мы не заболеваем. Большинство мутаций не опасны, и хромосомные поломки чинятся не выходя из клеточного ядра - есть там специальные репарационные механизмы нашего геномного аппарата. Но некоторые мутации "прорываются", что в общем, тоже не проблема. Иммунная система стоит на страже - такие клетки-изменники быстро отыскиваются лимфоцитами и моментально уничтожаются, как предатели. Разные лимфоциты работают в нашей иммунной опричнине, есть там и высокоспециализированные следователи и штатные палачи. Прямо так и называются Т-киллеры, и это научный термин, а не жаргон. Так вот, эти киллеры без других типов лимфоцитарных клеток беспомощны. Не видят они клетку-мутанта. А вот почему не видят - вопрос открытый. Если кто на него ответит - то это Нобелевская Премия в области медицины и золотой памятник при жизни от всего благодарного человечества.

Понятно теперь, почему рак, это не только и не столько мутация, сколько брешь в системе "свой-чужой"? Как только принял организм мутировавшую клетку за нормальную, последняя сразу начинает своё простое быдлярское дело - жрать, гадить, безудержно размножаться и ломать всё вокруг. На начальной стадии такую опухоль можно вырезать. Есть в онкохирургии одно святое правило: маленький рак - большая операция, большой рак - маленькая операция. Ну а на последней стадии, когда опухоль набросала своих клеток во все органы, или если по научному, то распространила метастазы, операция зачастую совершенно бесполезна. Так кое-какая терапия может лишь слегка замедлить процесс и не более. Хотя в виде редчайшего казуса в мировой практике имелись единичные наблюдения, когда иммунная система восстанавливала контроль над ситуацией, и происходило самоизлечение от рака. "Единичные" и "в мировой" - это ключевые слова. Никто из обычных практикующих онкологов такого не наблюдал и на подобную казуистику ссылаться не любит. Шанс стать миллионером, играя в лотерею, во много раз выше, чем самоизлечение от рака.

Вернулся доктор Кузнецов из Ленинграда, взял дома немного спиртяшки и пошёл в гости к другу Райтсману. Несколько дубовая советская медицинская этика предписывала диагноз онкологического заболевания от самого больного скрывать, обнадёживая бедняг всякой лажей. Диагноз надлежало сообщать только ближайшим родственникам в строго конфиденциальной форме. Но Райтсман был друг и врач - не мог Кузнецов ему врать. Опять же впервые в жизни наплевал он на медицинскую этику. Разлил спиртик и на вопрос "а мне можно" ответил прямо - тебе, брат, теперь всё можно. Неоперабельная аденокарцинома у тебя, друг ты мой милый. Что такое карцинома, пояснять не буду, сам вроде знаешь одну из самых злых опухолей. Следующий Новый Год нам вместе уже не встретить, да и на охоту не сходить. Счёт, в лучшем случае, на месяцы. Приведи дела и душу в порядок, чему быть - тому не миновать. Как другу говорю: мучить ни тебя, ни твою семью я не собираюсь - не будет ни радио-, ни химиотерапии. Не нравится - иди к другому специалисту. В твоём случае, чем скорее, тем лучше. Обезболивающих вплоть до наркоты, транквилизаторов, антидепрессантов, и любой другой дряни получишь столько, сколько захочешь. Одно дополнительное средство тебе лишь посоветую - пей побольше гранатового сока. Лечить не лечит, но слизистую слегка дубит - по моим наблюдениям лучшая добавка в диету при таких случаях.

Доктор Райтсман вздохнул и сказал, что обо всём догадался ещё на Кузнецовской кровати в Новогодний Вечер. Поблагодарил за правду и дружеское участие. К ситуации отнёсся философски - хоть и был он евреем без иудаизма, но и атеистическую Марксистско-Ленинскую философию не ценил. Ну что же, пора, значит пора. Посмотрим, что лежит за чертой, откуда не возвращаются. Дети подросли, жена в торговле крутится - вытянет! Стал он спокойным и уравновешенным. Сам составил список препаратов, которые посчитал нужными и моментально получил на всё Кузнецовские красные рецепты со специальными печатями для доставки на дом. Позвал жену. Попросил не плакать, всё ей рассказал и наказал весь Выборгпродторг перерыть, но притащить домой десять ящиков гранатового сока. Напоследок обнял по-братски доктора Кузнецова, а потом сказал, как отрезал - к нему больше не заходить, пока сам не позовёт. А позовёт, когда боли нестерпимыми станут. А пока не стали, отложит доктор все дела, прочитает то, что не дочитал, простит тех, кого не простил, а между делами займётся обычным созерцанием окружающей реальности, наблюдать которую осталось не долго. Поэтому такая вот дружеская просьба не беспокоить. Других знакомых доктор Райтсман собирался оповестить позже. Выпили друзья по прощальному стопарику, и ушёл доктор Кузнецов домой. А дома впервые после студенческих лет нажрался в трабадан.

Проходят месяцы. Доктор Райтсман не звонит. Мадам Кузнецова как-то пыталась набрать номер Райтсманов, за что получала по рукам от мужа, никогда подобного себе не позволявшего. Желание друга было святым. Подошла осень, охотничий сезон в разгаре. В лесу красота, заветные места лежат под жёлто-красным одеялом. Только без друга не тянет больше Кузнецова на охоту. Вдруг в ночь с пятницы на субботу звонит Райтсман. На охоту зовёт. Вроде как вчера с Кузнецовым расстался. У онколога сразу только одна мысль в голове - всё, конец, метастазы в мозгу, бред начался. Осторожно начинает выяснять состояние больного. Райтсман в ответ смеётся бодрым голосом - да нормальное состояние. Курить бросил, по утрам бегаю, вчера только из лесу вернулся, хорошие места нашёл, где дичи много, а охотников мало. Поехали, не пожалеешь! Болей давно нет, бредом не страдаю. Короче, садись набивать патронташ, а утром ко мне.

Не верит Кузнецов, но всё же собирается на охоту. Если с другом плохо, то стоит ли врать его семье, а потом глупо извиняться, что мол зашёл навестить, да не вовремя, в столь ранний дурацкий час и ещё в несуразной охотничьей экипировке? Утро. Как много раз за много лет стоит Кузнецов перед квартирой друга. Звонить нельзя - давнишний уговор родственников не будить. Дверь должна быть не заперта. Точно не заперта. В прихожей свет. На тумбочке сидит довольный Райтсман и натягивает сапоги. Рядом ружьё и рюкзачок. Палец к губам - не шуми, все спят. Друзья выходят на лестницу. Райтсман запирает дверь и быстро сбегает на улицу. За ним ничего не понимающий Кузнецов. Поведение абсолютно нормальное, в смысле абсолютно странное - поведение здорового сорокалетнего мужика в отличной физической форме. На электричку опаздываем, давай бегом. У курящего Кузнецова задышка, у некурящего и бегающего по утрам Райтсмана - нет. Сели в электричку.

- Слушай, Райтсман, хватит загадок - рассказывай всё и подробно! Что делал и как себя чувствуешь?

- Чувствую себя прекрасно, а что делал... Как, что делал - что ты сказал, то и делал. Ничего не делал, гранатовый сок пил!

Нужная остановка. Друзья идут в лес. Хорошее место Райтсман нашёл - рябчик есть. Дождался доктор Кузнецов первого дуплета доктора Райтсмана, подошёл к другу вплотную и разрядил свой двенадцатый калибр ему в область сердца. Потом достал свой охотничий нож, труп раздел и провёл профессиональное вскрытие с полным извлечением органомкомплекса от языка до ануса. Только череп вскрыл непрофессионально - циркулярной пилы не было. Пришлось топориком поработать. Правду говорил доктор Райтсман - рак рассосался!

После этого доктор Кузнецов разобрал своё и Райтсманово ружья, забрал патронташи, труп прикрыл плащём и хорошенько запомнил место. А дальше сел в электричку и поехал в город Выборг. В Выборге сразу пришёл в привокзальное отделение милиции, сдал ружья и рассказал всю историю...

Занималась бы этим делом только Выборгская Прокуратура, кабы его КГБ по особому статусу не повело. Местный следок по особо важным решил, что доктор Кузнецов открыл средство от рака - гранатовый сок. И привлекла Гэбуха Военно-Медицинскую Академию по полной секретной программе. Ведь если действительно всё дело в гранатовом соке - то государственный доход в чистой валюте с подобной разработки может и нефтяной переплюнуть! Делов то - выделить действующее начало и запатентовать препарат. Судебка, Патанатомия, Фармакология, Токсикология и куча других кафедр привлекалось. Гранатовый сок подвергали всесторонним анализам - но ничего специфического не обнаружили. По всему Союзу тонны гранатового сока были выданы онкологическим больным в чистом виде - тоже никакого эффекта. Производство гранатового сока по всей субтропической зоне Союза не справлялось с масштабами темы. Закупали консервированный где могли - от Ирана до Израиля. Опоили гранатовым концентратом десятки категорий онкологических больных - эффект опять же нулевой. Почему-то это мифическое средство помогло одному Райтсману. Взялись тогда за него, точнее за его останки - тело Райтсмана основательно изучалось всеми возможными методиками. Нашли - зажившие рубцы от опухоли и метастазов. Не нашли - ни одной раковой клетки и причины исцеления.

Доктору Кузнецову прижизненного золотого памятника не воздвигнуто. По слухам, на суде он сам для себя попросил высшую меру и в дальнейшем никаких касаций да прошений о помиловании не подавал.

АВТОНОМНЫЙ АППЕНДИЦИТ

Старший лейтенант Пахомов ничем особенным не блистал. Три года назад он закончил 4-й Факультет Военно-Медицинской Академии и вышел в жизнь заурядным флотским военврачом. Хотя Пахомов был прилежен в учебе, троек за свои шесть курсантских лет он нахватался порядочно и уже с той поры особых планов на жизнь не строил. Перспектива дослужиться до майора, а потом выйти на пенсию участковым терапевтом, его вполне устраивала. А пока Пахомов был молод, и несмотря на три года северной службы, его романтическая тяга к морским походам, как не странно, не увяла. Распределился он в самый военно-морской город СССР - Североморск, оплот Северного Флота. Там находилась крупнейшая база военных кораблей и подводных лодок. На одну из них, на жаргоне называемым "золотыми рыбками" за свою запредельную дороговизну, Пахомов и попал врачом. Вообще то это была большая лодочка - атомный подводный стратегический ракетоносец.

Холодная война была в самом разгаре, и назначение подобных крейсеров было куда как серьезное. Им не предлагалось выслеживать авианосные группировки противника, им не доверялось разведки и диверсий - им в случае войны предстояло нанести удары возмездия. Залп даже одной такой подводной лодки, наспигованной ракетами с мегатонными термоядерными боеголовками, гарантировано уничтожал противника в терминах "потерь, неприемлемых для нации", выжигая города и обращая экономику в руины. Понятно, что при таких амбициях выход на боевое задание был делом сверхсекретным и хорошо спланированным. Подлодка скрытно шла в нужный район, где могла замереть на месяцы, пребывая в ежесекундной готовности разнести полконтинента. Срыв подобного задания, любое отклонения от графика дежурства, да и само обнаружение лодки противником были непозволительными ЧП. Понятно, что и экипажи для таких прогулок подбирали и готовили с особой тщательностью. Народ набирался не только морально годный, самурайско-суперменовый, но и физически здоровый. Получалось, что врачу на подлодке и делать то особо нечего, в смысле по его непосредственной медицинской части.

Это была всего вторая автономка доктора Пахомова. О самом задании, о том что, как и где, знают всего несколько человек - сам капраз, командир корабля, да капдва, штурман. Ну может еще кто из особо приближенных. Для доктора, впрочем как и для большинства офицеров, вопрос о конечности Вселенной на полгода или больше решается однозначно - она сжимается до размеров подлодки. Самым любимым местом становится медпункт - специальная каюта, где есть все, даже операционный стол. В нормальных условиях он не заметен, так как прислонен к стене, откуда его можно откинуть и даже полежать на нем от нечего делать. За автономку много таких часов набегает - бесцельного и приятного лежания в ленивой истоме. За дверью подводный корабль живет своей размеренной жизнью, где-то отдаются и четко выполняются команды, работают механизмы и обслуживающие их люди, где-то кто-то что-то рапортует, кто-то куда-то топает или даже бежит. А для тебя время остановилось - ты лежишь на любимом операционном столе, в приятно пахнущей медициной и антисептиками, такой родной каюте, и просто смотришь в белый потолок. Впрочем пора встать. Скоро обед, надо сходить на камбуз, формально проверить санитарное состояние, снять пробу и расписаться в журнале. Короче изобразить видимость некой деятельности, оправдывающей пребывание доктора на субмарине. Вот и получается, что доктор здесь, как машина в масле - стоит законсервированным на всякий случай.

Обед прошел как обычно. Доктор пробу снял, а вот сама порция почему-то в рот не полезла. После приема пищи замполит решил провести очередное политзанятие. На берегу это была бы скукота, а тут развлечение, привносящее разнообразие в монотонную жизнь. Доктор Пахомов всегда серьезно относился к подобного рода мероприятиям. Если просили выступить, то непременно готовился и выступал, что надо конспектировал, да и выступления товарищей внимательно слушал. Но не сегодня. На обеде за миской супа внезапно мысли доктора закрутились назад, он стал мучительно вспоминать курсантское время, Академию и свои занятия по хирургии. Впервые он решил не присутствовать на политзанятии. А виной тому симптомы. Доктор снова лежал на своем любимом операционном столе в десятый раз перебирая в памяти те немногие операции, на которых он побывал зеленым ассистентом-крючководержателем и парочку операций, выполненным его собственными руками. Он вспоминал банальную аппендэктомию - удаление червеобразного отростка при аппендиците. Операция на подлодке явление из ряда вон выходящее, хотя все условия для этого есть. Но наверное, не в этом случае.

Дело в том, что симптомы острого аппендицита появились у самого доктора Пахомова. После не съеденного обеда неприятно засосало под ложечкой, потом боль возникла где-то ниже печени. Потом спустилась до края таза. Брюшная стенка внизу живота в правой половине затвердела. Если медленно давить, то боль несколько утихает, а вот если резко отпустить, то острый приступ боли кажется пробивает живот насквозь. Сильная боль, до крика. Пахомов скрючившись слезит со стола и медленно садится на стул перед микроскопом. Колет себе палец, сосет кровь в трубочку. Пахнущий уксусом раствор моментально разрушает красные клетки, но не трогает белые. Доктор осторожно заполняет сетчатую камеру и садится считать лейкоциты. Здесь вам не больница, лаборантов нет, и любой анализ приходится делать самому. Черт, выраженный лейкоцитоз! Ещё температура поднялась. Для верности надо бы градусник в жопу засунуть. Опять ложится на любимый операционный стол. Как хочется подогнуть ноги, вроде боль немного стихает. Так, лишим сами себя девственности термометром. Не до смеха, повышенная ректальная температура развеяла последние сомнения и надежды - банальный классический аппендицит! Надо звать капитана, командира и бога всего и вся на нашей бандуре. Такие вещи надо вместе решать.

В двери появляется голова стармеха. "Ну как?" "Хреново, зови командира". Приходит командир, старпом, особист. Появляется замполит. О-оо, даже политзанятия прервал! Еще кто-то мельтешит сзади. Начинается не опрос, а допрос больного. Потом слово берет капраз. Ситуация мерзопакостная, домой идти никак нельзя, да и долго туда добираться, считай Тихий Океан надо пересечь. Это тебе, доктор, по страшному секрету говорим в нарушение

всех инструкций. И никакую посудину вызвать не можем. Ну чтоб тебя перегрузить и в ближайший порт доставить. Всплыть не можем. Ничего не можем. Даже компрессированный радиосигнал на спутник послать нельзя. Все, что мы можем, это океан слушать, ну и временами космос через специальную антенну-буй. А иначе это срыв задания и громадная брешь в обороне. Извини, старший лейтенант Пахомов, но на подобный случай, как с тобой, у нас инструкция строгая. Жаль что в инструкции аппендицит у самого доктора не предусмотрен. Скажи нам, что с тобой будет с позиции твоей медицины. Помрешь?

Что будет то? А то будет - отросток наполнится гноем и станет флегмонозным. Потом перейдет в гангренозный, так как ткани умрут, и сосуды затромбируются. Потом "гнилой червяк" лопнет и начнется перитонит. Если перитонит будет не сильно разлит, то можно выжить. В конце концов сформируется холодный инфильтрат, который можно прооперировать и через полгода. Но далеко не всегда. Чаще от перитонита человек умирает. Или от заражения крови вместе с перитонитом. Так что скорее всего помру.

Ваше решение я слышал, теперь вы послушайте мое: Родину я люблю, ситуацию понимаю, вас не виню - наша боевая задача поважнее отдельной жизни будет. Раз эвакуация невозможна, то шансы выхода через холодный инфильтрат я использовать не буду. Хреновые шансы, да и больно. Наркотой с антибиотиками всю автономку ширяться не хочу. Это уже мой приказ, я хоть и маленький начальник, но медслужбы. Операция будет. Удачная или неудачная - это как получится. Авантюра, конечно, но в процентном отношении шансы берег увидеть не меньше, чем если ничего не делать. А раз никто, кроме меня, операций не делал, то я ее делать и буду. В помощники мне боцмана Кисельчука позовите, он садист известный и крови не боится. Да с камбуза мичмана Петрюхина, пойдет кок за второго ассистента. А еще мне помощь нужна - надо здоровое зеркало из кают-компании повесить горизонтально над столом, а операционную лампу поставить с правого боку. Ну и замполит нужен - будет перед моим носом книжку листать, меня ободрять и нашатырь под нос совать, если отключусь. Пусть поработает санитаром - один нестерильный нам все равно необходим.

Капраз, это железо, нет сталь каленная. Подпольная кличка "Камаз: - эмоций, как у грузовика. А тут вдруг преобразило мужика. Всех из "медички" выгнал. Крепко сжал Пахомовскую руку, трясёт, что-то такое правильное сказать пытается, а вылезает что-то глупое: "Прости, сынок, ну пойми сынок, если смерть, сынок, вроде как я тебя приговорил. Вроде на моей совести... Как матери сказать, сынок... Не прощу себе, но поделаться ничего не могу, сынок. Служба..." А доктор ему и отвечает: "Товарищ капитан первого ранга! Мы это обсудили. В журнале я свою запись сделаю. Решение мое, приказ мой, подпись моя. Если что, так прямо и матери и командованию доложите. А вам лично скажу - я старался быть достойным офицером, хоть и от вас нагоняи получал. Мое отношение к службе не изменилось, поэтому разрешите приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей". Капраз опять стал Камаз: "Разрешаю, товарищ старший лейтенант. Выполняйте, Пахомов! Но смотрите, чтоб все как надо. Я лично проконтролирую - как закончите, вашу книжку ко мне в каюту!" Рассмешил Пахомова такой ответ, он без головного убора, лежа на столе, отдал честь "под козырек" и с улыбкой ответил бодрое: "Есть! Будет книжка у вас. Рекомендую, как лучшее снотворное".

Пахомов кое-как слез со стола и держась за стенки и переборки пошел писать назначение операции самому себе. В хирургах он оставил себя, боцман с поваром пошли первым и вторым ассистентами. Операционной сестры не было, замполита приписали как "лицо, временно исполняющее санитарные обязанности". Описал он и про метод предполагаемой операции, и про зеркало, которое уже технари устанавливали в его малюсенькой операционной. К нему заглянул кок. "Сан Сергеич, хорошо, что заглянул. Найди мне чистую пол-литровую банку с крышкой - мы туда формалина нальём и отросток, как вещественное доказательство, положим". Будет сделано. Затем опять в операционную - там уже все моется, дезинфицируется. Зеркало на месте. Пахомов садится на стул и начинает давать указания - откуда что достать, где что открыть, куда что поставить. Наконец готово. Опять по стеночкам

идет в каюту. Операционная бригада в сборе. Начинается нудный инструктаж, как вести себя стерильным, как руки мыть, что можно, что нельзя. Ну невозможно курс общей хирургии прочитать за час, да еще заочно. Понял доктор, что только зря время тратит. Там на месте разберемся - что скажу, то и делать будете. Снимай, ребята, робу, одевай нестерильные халаты, маски и фартуки. Давай теперь мне лобок, пузо и ноги от стопы до колена брить. И чтоб было чисто, как у баб-манекенщиц! А ноги зачем? Надо! Задумка одна есть. Обрили здесь же, в каюте.

Снова в операционной. Бактерицидную лампу выключили, чтоб не резала глаза своим синевато-фиолетовым светом. Доктор налил первомура из чёрной бутылки, развёл и стал мыться. Один. Ассистенты смотрят. Затем Пахомов лезет в биксы, корцангом достаёт перчатки и стерильный халат, одевается. Затем накрывает столик с инструментами. Инструментов кладет больше, чем надо - с такой бригадой точно половина окажется на полу. Готово. Всё покрывается стерильной простыней до поры, до времени. "Ну что, мужики, надо бы мне капельницу поставить, но не в руку - в ногу, для того и брил. Руки мне свободными нужны". Пахомов бесцеремонно раздевается до гола. На нём остаются перчатки, маска и белый колпак. На ногу накладывается легкодавящий жгут. Вены выступили, как у рысака на ипподроме. Вот хорошая - на голени. Игла у внутривенной системы толстая, колоть такой самому себя ой как неприятно. Под кожей сразу надувается синяк - чёрт, с самого начала не все так гладко, как хотелось. Надо опять покопаться, поискать венку, поширять. Наконец из иглы выбивается бодрая струйка чёрной венозной крови. Подсоединяется капельница, ослабляется жгут. Теперь порядок. Физраствор пущен редкими каплями, пока сильнее не надо. Пластырем фиксируется игла по ходу вены.

"Ой, бя! Одну вещь забыл. Товарищ капитан второго ранга - сходите ко мне в каюту, там в тумбочке пачка презервативов!"

Замполит удивленно смотрит на доктора: "Гандоны? На подводной лодке? Мы же в порты не заходим! Или вы что тут втихую..."

"Да несите их сюда, сейчас увидите, что к чему!"

Возвращается замполит с пачкой презервативов. Пахомов уже не стерильный, хоть всё ещё в перчатках - после "сервировки" он уже хватался за что попало. Он стягивает перчатки и достаёт два презерватива. Разворачивает и вкладывает один в один. Потом срезает "носик" - спермоприемник. Достаёт резиновый катетер и капельницу. Соединяет их в одну длинную трубку и опускает её в градуированную банку под столом. Катетер продевает через презервативы и засовывает себе в член, по трубке начинает бежать моча. "Так, эту золотую жидкость мы мерить будем, сколько когда натекло. Без катетера, боюсь, что мне будет не проссаться после операции. Вообще-то его туда стерильным надо пихать, ну да ладно - уретрит* не самое худшее в нашем деле. Пойдет и так". Презервативы плотно одеваются на член и фиксируются пластырем к коже и катетеру. Получается герметичная манжета - о катетере можно забыть на время операции. Опорожненный мочевой пузырь сжавшись что-то сдвинул в брюхе - боль резко усилилась. Чёрт, с трубкой в мочевице, с капельницей в ноге и сильными болями в животе уже совсем не побегаешь. А-ля хирург-паралитик.

**Воспаление уретры (мочеиспускательного канала).*

Дальше велит поднести ему банку от капельницы. Заранее заготовлен шприц с лошадиной дозой мощного антибиотика широкого спектра действия. Такое при нормальной операции не надо. Это так - подстраховка на всякий случай, операция то совсем ненормальная. Хакири, а не операция. Кто за что тут поручиться может. Поэтому пойдет антибиотик внутривенно-капельно - бережного Бог бережёт.

Ну всё, ребята, идите ручки щёткой под краном помойте. Пять минут на ручку. Хватило бы и двух, но опять же , подстрахуемся. Помылись - теперь руки в таз с первомуром, квасим кисти секунд тридцать, а затем начинаем поливать раствором руку от самого локтевого сгиба.

Отлично! Мокрые руки держать вверх. Да не так, твою мать. Чо ты их держишь, как немец под Сталинградом? Вверх, но перед собой. Ничего не касаясь, ко мне! Пахомов корцангом выдает стерильные полотенца, что заблаговременно положил на столик с хирургическим инструментом. Хоть и наставлял, что надо начинать сушить с пальцев, а уж потом всё остальное и на кисть больше не возвращаться, не получается у них. Вытирают, как тряпкой солидол после работы. В любой хирургии заставили бы перемыться. Но нам пойдет, лучшего от такой "профессуры" не дождешься. Теперь халаты. Пахомов берёт в свою руку шарик со спиртом - намоченный марлевый комочек. Вроде тоже общие правила нарушает. Разворачивает халат лицом к себе, просит механика просунуть туда руки. Руки просовываются и тыкаются в нестерильное тело голого Пахомова. "Так, ты расстерилизовался. На тебе шарик со спиртом - тщательно три руки и держи их перед собой". Опять же по нормальному и руки перемыть надо, и халат сменить. Да ну его - болит сильно. Побыстрее бы уже. Повар точь в точь повторяет ошибку боцмана. Ну и тебе спирт на руки. Готово.

Так, дай мне вон тот разрезанный целлофановый кулёк. Я его себе на грудь до шеи пластырем налеплю вместо фартука. Теперь меня повторно моем - замполит, неси тазик! Полулежа Пахомов отмыл руки, без всяких церемоний схватил стерильное полотенце, высушил первомур. Взял халат со столика, просунул руки - замполит завязывает тесёмки сзади. Халат подогнут до солнечного сплетения. Дальше халат не нужен - на половине тела доктор кончается и начинается больная.

Опять спирт на руки, одеваем перчатки. Вначале доктор натянул свои, затем помог ассистентам. Ну и снова спирт. Спирт - наше спасение, даже если и не во внутрь. Вроде бы есть возражения? Во внутрь будет после снятия швов, замполит поддерживаете? Ну если даже замполит поддерживает - тогда точно будет. И снятие швов, и спирт. Красимся! Пахомов начинает густо мазать свой живот йодом. Так, чуть подсохло - давай простыню, будем операционное поле накрывать. Ты что, дурак, делаешь?! Зачем ты это говно с пола поднял?! Не эту простыню надо. Ну ка возьми спирт на руки два раза, а нагибаться в операционной имеет право один замполит. Всем стоять, как будто ломов наглопались! Руки до яиц не опускать!

Правильно - вот эту стерильную простынку. Теперь цапки давай. Каких таких тяпок не видишь? Я сказал - цапки! А-аа, так это у вас на Украине так тяпки называются. Я и не знал. Давай вон те зажимчики-кривули, это и есть цапки. Чёрт, ими через простынь за тело хватать надо. Оо-ой! Аа-ай! Ыы-ых! Блядь! Фух, ну вот и всё. Да нет, не всё - обрадовался. Всё - в смысле всё готово начинать операцию. Всем спирт на руки! Руки дружно полезли в банку с шариками, как дети за конфетами. Любая операционная сестра лопнула бы от смеха.

Замполит, вон ту банку давай. Нет не наркоз. Если вы возьметесь провести операцию - то с удовольствием сам себе наркоз дам. Новокаин это - местная анестезия будет. Да-да вот именно, чтоб "заморозить". Пахомов набирает здоровый шприц новокаина. Начинает себя потихоньку колоть по месту предполагаемого разреза. Кожа взбухла лимонной корочкой. Перед продвижением иглы предпосылает новокаин. Вроде не очень больно, но страдание на лице видно. Один шприц, другой, третий. Вот и подкожка набухла. Только руки уже дрожат. Чёрт подери, что за дела, ведь считай, что ещё и не начинал. "Сан Сергеич! Вы буженину делали? А её маринадом напитывали? Да вы что - пользовались для этого обычным шприцом? Это очень хорошо! Тогда возьмите у меня шприц и напитайте стенку моего брюха новокаиновым маринадом из этой банки. Не бойтесь - получится. Я пока чуть отдохну - расслаблюсь. Только стенку насквозь не проткни. Да не бойся - вгони шприца по три-четыре в обе стороны". Кок начал старательно ширять новокаин в ткани. Ни о какой анатомии он не думал и перед уколом лекарство не предпосылал. Получалось очень больно - точно как в гуся или свинину. Однако уже через десять минут боль стала тупеть и гаснуть. Количество бестолково вколотого лекарства переходило в качество обезболивания. Пора за нож!

Пахомов опять скомандовал лозунг дня - спирт на руки. За дверями операционной явно стоял народ - командир корабля приказал подежурить на подхвате - вдруг ИМ чего понадобится. Раздались смешки - во дают, их медициной уже по всей лодке несёт. Видимо вентиляционная система быстро разносила хлорно-бензиново-эфирно-спиртовой букет хирургических запахов. Пахомов с опаской взял в еще мокрую от спирта перчатку брюшистый скальпель. По спине побежали мурашки, ноги похолодели, а в руках снова появилась дрожь. Вот дьявол, только сейчас он ощутил, как страшно резать себя. Сразу пожалел, что не выпил сто грамм спирта перед операцией - ни замполит, ни особист, ни кэп не сказали бы ни слова. Сам решил, что оперировать "под газом" не в его интересах. Тогда терпи. Доктор зажмурил глаза и решил испытать - будет больно или нет. Он без всякого прицеливания нажал острием скальпеля на кожу. Ощущалось слабое тупое давление. Когда он открыл глаза, то с удивлением обнаружил полупогруженный скальпель в лужице крови. Боли не было. Проба пера очень обнадежила Пахомова, он осушил ранку и решил, что дальнейший разрез проведёт от неё - просто расширится в обе стороны. Вроде и так на месте. Разрез надо сделать большой - от моих слесарей-поваров с маленьким разрезом помощи не будет.

Пахомов закусив губу стал резать кожу вверх от ранки. Ливанула кровь, хоть и полосонул он не глубоко. Разрез получился под каким-то углом, некрасивый. Надо бы и вниз сразу расширится. Салфетки быстро намокали и тяжелели. Вместе с кровью сочился новокаин, от явно плохой инфильтрации. Пахомов нашёл пару кровящих мест и сунул туда москиты. Держать голову становилось всё труднее и труднее - шея крупно дрожала. Пришла пора воспользоваться зеркалом. Завязать узел под кровоостанавливающим зажимом, глядя в зеркало оказалось делом почти невозможным. Зеркальное отражение полностью переворачивало движения и вместо работы оставалась досада. Оставалось вязать на ощупь. "Замполит, пустите раствор в капельнице почаще - три капли на две секунды. Похоже, мне предстоит немного крови потерять!" Наконец наложил две несчастных лигатуры - можно дорезать вниз. Разрез опять получился кривой и рана стала несколько напоминать математический знак "<" "меньше", только с более тупым углом. Внизу чувствовалась боль, но кровило не так сильно. Опять москиты легли на сосуды. Поймать кончик сосуда не удавалось, а когда это выходило, то попутно захватывалось немного тканей. Такие перевязанные кусочки могут дать некрозы. Но уж лучше так, чем никак. Пахомов опять взял шприц и скомандовал растянуть рану крючками. Как крючков нету? А что это? Нет, боцман, "цэ нэ грабэльки", эти грабли и есть крючки. Рана растянута. Страх кромсать самого себя почти ушел. Для пущей самостраховки доктор берёт наполненные новокаином шприцы и вкалывает их в открытую рану в подлежащие ткани брюшной стенки, за апоневроз и мышцы, туда где ему сейчас придется резать. Колоть себя можно с комфортом - глядя в зеркало. Новокаина вогнано много - боли нет совсем, но есть чувство расперания в тканях.

Опять скальпель. Подкожка рассечена окончательно и по всей длине. Палец лежит на фасции-апоневрозе - большом, но тонком и плоском сухожилии. Кок нашел забавным ловить кровящие сосуды - в ране уже торчит дюжина москитов, а кровотечения нет! Может был прав Мао Цзедун, когда сказал, что маоизм и Китайская культурная революция позволяют подготовить врача-специалиста за 2-3 месяца. Ортодоксальный марксист-ленинец Пахомов начинал верить Великому Китайскому Кормчему. Боцман и кок в такие сложности не лезли, но сосуды вязали. Не быстро и неправильно, но прочно: "Ты побачь - уця блядына соскочет. Давай другу нытку! Чи как там её - лихамэнту". "Не лигаменту, а лигатуру!" "Да якось воно будэ - нехай лигатура. Сымай щипцы, звязав!"

Тут кок забыв про стерильность бросает крючок и начинает старательно тереть свой нос под маской. Маска мажется кровью. Первым заорал замполит: "Ты чо, урод, делаешь!!! Спирт на руки!"

Вмешивается доктор: "И перчатку сменить, а потом опять спирт на руки. Смотри, и замполит к хирургии за час приобщился!" Точно прав Мао.

Кок идет "перестерилизовываться", первоначальный стресс из-за свалившейся

ответственности боцмана явно уже отпустил: "Доктор, ты ж мэнэ говорив, шо у тэбе спирту нэма. Глянь сколько тратим! Извините, товарищ капитан второго ранга, цэ бэз намёков".

Замполит тоже не прочь разрядить обстановочку, но должность обязывает к строгости: "У нас сухой закон. Это мы не обсуждаем. Сказано же - как будем швы снимать - тогда и устроим доктору ревизию". Похоже, что в благополучном исходе операции никто из них не сомневается, хоть сделано всего-ничего. Вся аппендэктомия ещё впереди.

Кок занимает свое место. Пахомов опять берет скальпель и вскрывает апоневроз. Яркими губами выворачиваются мышцы. Где-то перерезана небольшая артерия, и из нее тонкой струйкой бьёт кровь, окрапляя мелкими пятнышками простынь и халат кока. "Боцман, лови эту суку - видишь как кровит!" - орёт несколько струхнувший доктор. "Да, боцман, ты и вправду садист - чего полраны в зажим схватил? Пересади его аккуратненько на кончик сосуда. Замполит, раствор в капельнице кончился. Поставь вон ту, маленькую, и гони частыми каплями. Как только прокапает, опять поставишь большую, но на редкие капли. Вот так, теперь капает хорошо!"

Похоже ребята и с этим кровотечением справились. Ох и узлы! Им же только швартовые вязать! Хотя вяжут же крючки на леску, может есть надежда, что узлы не разойдутся ночью. Может и не спущу на первый послеоперационный день свою кровушку. Дальше мышцы в другом направлении идут - тут не только резать, но и тупо расслаивать надо. Ха, получилось - мужики сильные, им мясо раздвинуть не проблема. И кровит мало. Так, ребята, теперь начинается самое трудное. "Замполит держи им картинку!" Замполит открывает учебник по хирургии. "Мы сейчас на глубокой фасции - её разрезать особых проблем нет. Там дальше брюшина. Она мягкая и вскрыть её надо аккуратно. А вот потом будет самое сложное. Судя по моим болям, то аппендикс мой за слепой и восходящей толстой кишкой спрятан. Сам он в рану не выпрыгнет. Надеюсь, что брюшиной он всё же не прикрыт, и вы его без труда вытащите. Но очень бережно! Если он лопнет - то смерть. Сбоку у него может быть плёночка-брыжейка. Его надо будет в рану вывести, два раза перевязать и посередине перевязок отрезать. Ну а потом культю йодом обжечь и кисетом обшить. Я вам много помочь в выделении аппендикса не смогу. Как вскроете брюшину, то под кишку - сюда, сюда и сюда надо наколоть новокаина длинной иглой. И только потом за отросток браться, иначе я могу сознание от боли потерять. Поняли?"

Объясняя Пахомов водил по картинке кончиком зажима, оставаясь стерильным. Но теперь ляп дал боцман - он ткнул пальцем в перчатке в книжку, оставив там красное пятно: "Так шо, мне в эту дырку к тебе прям в брюхо руками лезть?"

Доктор крайне вымученно улыбнулся: "Да, только перчатку смени и спирт на руки". Пахомов чувствовал себя всё хуже и хуже, и контролировать ситуацию ему становилось тяжело. "Давайте, ребята, побыстрее, хреново мне. За кишки потянете, могу отключиться. Тогда вам замполит один будет эту книжку читать".

В брюшную полость вошли быстро и без проблем. Брюшину сам Пахомов подхватил пинцетом и боцман без колебаний одним движением рассек её, приговаривая: "Брюхо як у сёмги, а икры нэма!". Потом попытались подвинуть слепую кишку для забрюшинной анестезии. Тут и началась главная пытка! У Пахомова выступили слезы, его пробил дрожь с холодным потом. Через стон он сказал: "Стойте, мужики, очень больно! Плесните на кишку пару шприцов новокаина, может поможет, а потом продолжим". Вне зависимости от обезболивающего эффекта, он решил терпеть и стиснул зубы. Плеснули. Подождали минуту и опять полезли куда-то колоть. Вроде боль немного стихла, но всё равно, когда тянули кишку, она оставалась на грани переносимости. Слезы полились ручьем, а стоны доктор уже и не сдерживал. "Бляди, давайте отросток в рану!!! Мочи больше нет!"

Боцман в очередной раз сказал свое заклинание "а яось воно будэ" и решительно запустил руку в рану. Пахомову показалось, что с кишками у него попутно выдирают и сердце. Внезапно боль унялась. Левая рука боцмана всё ещё утопала где-то в Пахомовском брюхе, а

правая рука бережно, двумя пальчиками, вертикально держала весьма длинный, багрово-синий червеобразный отросток. Анатомическая удача - брыжейки практически не было, все сосуды шли прямо по стенке аппендикса. К ране вплотную прижималась слепая кишка. Пахомов схватил лигатуру и попытался приподняться. Замполит поддерживал его под плечи. Напряжение брюшной стенки опять пробудило боль и Пахомов заговорил с подвыванием: "Щаа-ас, я-ааа тебя-ааа, суку, апендюка, перевяжу!" Перевязал. Хорошо ли, плохо - сил нет переделывать. Уже лёжа и глядя в зеркало перевязал ещё раз. Потом окрасил йодом своего большого червяка и отсёк его.

Замполит заорал "Есть операция!!!" и подставил банку с формалином. Отросток плюхнулся в банку, а культя и слепая кишка опять ушли в рану. Вот досада! "Боцман, достань опять, так чтоб обрубок мне был виден! Ушить надо!" Пытка повторилась снова и закончилась тем же - странно и совсем не по хирургически выкрутив руки боцман снова вытянул слепую кишку. Он сильно и больно давил на брюхо. Картина такой ассистенции совершенно не походила на то, что делали в клиниках. Слабеющей рукой Пахомов взял иглодержатель с кетгутом - специальной рассасывающейся нитью. "Только бы не проколоть кишку насквозь!" Он ещё раз прижёт культю отростка йодом и попытался подцепить иглой наружный слой цекума. Выходило плохо. Иглодержатель перешёл в руки кока. У того тоже выходило не лучше - кое где нить прорвала ткани, но местами держала. Попытались затянуть кистет. Получилось довольно некрасиво, но культя отростка утопилась. "Ладно, не на экзамене, сойдет и такая паутина. Вяжем." Узел Пахомов завязал сам. Показал как надо шить брюшину простейшим обвивным швом. На это дело пошел боцман, твердя свою мантру "а яось воно будэ, а шо - як матраc штопать!" Потом лавсаном ушили апоневроз. Узлы были несколько кривые, но фасция на удивление сошлась весьма ровно. Брюшная стенка была настолько перекачана новокаином, что её Пахомов уже шил сам, практически не ощущая никакой боли. Сам он и закончил операцию, наложив швы на кожу. Швы, правда, тоже были далеко не мастерские - кое где выглаживали "рыбьи рты" от неправильно сошедшихся краев под узлом. Да плевать - лишь бы не разошлось, а уж уродливые рубцы на брюхе как-нибудь переживём.

Наконец наложена повязка. "Замполит, сколько там мочи с меня накапало?"

"А кто его знает - банка полная и лужа на полу... Да мы помоем!"

"А времени сколько прошло?"

"Кто его знает. Долго возились, а время мы что-то и не засекали..."

"Да-аа, бригада у меня подобралась. Ладно - вытащите мне катетер, пора перебраться из операционной в каюту-изолятор".

Напоследок Пахомов засадил десять миллиграмм морфина прямо в капельницу, со словами, что работа работой, но надо и отдохнуть. Затем быстро докапал остатки и приказал сменить банку на обычный физраствор. В физраствор опять дали антибиотик и пустили очень редкими каплями, а глаза доктора заблестели, и по телу разлилась приятная истома. Боль и сомнения отступили на второй план. Хотелось покоя и уюта. Подали носилки и множество сильных рук бережно сняло расслабленное тело со стола и потащило в изолятор. Пахомов пошутил, что сегодня он порядок нарушает и протокол операции писать не будет. Похоже никто его шутку не понял. А через десять минут доктор уже спал странным сном с сюрреалистически яркими сновидениями.

На утро (если такое деление времени применимо к подводным лодкам в автономном походе) температура была 38. Рядом на стуле дремал офицер-акустик свободной смены. Стало понятно, что в сиделки к доктору-герою рвутся многие. Пахомов негромко позвал спящего: "Василь, ты мне утку не подашь? Боюсь, что швы хреновые, разойдутся. На постельке хочу дней пять полежать". Акустик подскочил как ужаленный и стал подкладывать утку. Оправившись, доктор попросил новую банку физраствора и ещё раз засадил туда антибиотик. Тут в дверь постучали - это был капраз, командир ракетноосца собственной персоной.

"Ну, здравствуй, док. А ты, старлей - мужик. Придем домой, проси, что хочешь - на любую учёбу отправлю. Сам по штабам хлопотать буду. Эх жалко такого хлопца терять - но уж если ты себя смог прооперировать, то уж других... Ты - хирург!"

"Спасибо, товарищ капитан. Спасибо за доверие!" Потом они ещё поболтали с полчаса в основном на околomedicalные темы и шеф собрался уходить. Тут из-под одеяла Пахомова раздался нелицеприятный громкий пердёж и каюта быстро наполнилась "ароматом". Капраз сконфузился, а Пахомов закричал "Ура! Это моя самая приятная музыка на сегодня! Газы отошли - кишечник работает. Уж не буду извиняться". Капраз улыбнулся, опять пожал доктору руку и вышел из благоухающей каюты.

Затем пришел кок. После доктора, его помощников боцмана и кока на борту чествовали героями номер два и три, а замполита - номер четыре. Правда из рассказа самого замполита получалось, что это он чуть ли не единолично выполнил операцию, руководствуясь мудрыми решениями партии. Хотя все знали вес замполитовских слов. Кок пришел узнать, чего же больной желает откусать? Сегодня, пожалуй, ничего - попью глюкозки. А вот на завтра захотелось гоголь-моголя, манной каши на молоке и шоколадных конфет. Кок на каприз не обиделся, сказал что исполнит.

К вечеру температура спала до тридцати-семи, что Пахомову страшно понравилось. Антибиотики прокапали еще раз, а потом надобность в них отпала. Доктор явно полный курс завершать не собирался. На ночь он решил никаких обезболивающих не принимать, а выпил две таблетки нитрозепама - сильного транквилизатора со снотворным эффектом. Шов болел, но вполне терпимо. "Под транками" спалось нормально.

На следующий день кок принес красиво сервированный поднос с тарелкой манной каши на молоке и гоголь-моголь. И то и другое было сделано из порошковых продуктов, но вполне вкусно. Пахомов поел, а дальше началось странное. Шоколад! Коробка конфет от самого капитана (хранил себе на День Рождения), старпомовские трюфеля, "Птичье молоко" от штурмана, "Каракумы" от радиста, грильяж в шоколаде от ракетчиков, шоколад "Вдохновение" от реакторного отсека и много, много чего. За свою лежку Пахомов съел по чуть-чуть из каждой коробки, а остальное сберёг на собственную "выписку" - ссыпал остатки в большую чашку и раздал всем в кают-компани после ужина к чаю. Праздник то семейный, общий!

Швы Пахомов снимать не спешил - решил подождать для верности до седьмого дня, хотя рана выглядела вполне прилично. Не совсем он себе верил - мало ли чего и как он там навязал, пусть срастётся получше. Вечером шестого дня к нему опять зашел Камаз. Видимо от замполита разношал, что доктор кое-чего обещал. Тянуть волюну и косить смысла не имело, и Пахомов решил сказать командиру в открытую: "Товарищ капитан, я тут это, ну тогда, бригаде моей пообещал кой чего... Мол если всё нормально будет, ну я всем спиртяшки плесну. Так символически, немного..." Камаз зло смотрел на доктора своими стальными непроницаемыми глазами. Такой взгляд ничего хорошего не сулил: "Снятие швов проведёте сразу после ужина. Это приказ. Я приду, проконтролирую!"

Об этом разговоре Пахомов оповестил всех участников. После ужина он в одиночестве отправился в операционную, которая опять стала обыденной "медичкой-процедуркой". Опустил стол, снял штаны и отлепил повязку. Рана абсолютно чистая, даже "рыбьи рты" под неудачными швами загранулировались и по краям пошла нормальная эпителизация. Работая пинцетом и ножницами доктор резал нити у самой кожи и резко дёргал - старые лигатуры выходили легко, не больнее комариных укусов. Когда осталось снять последний шов, дверь каюты бесцеремонно распахнулась. В проёме стоял грозный Камаз. Доктор застыл с пинцетом в руке и вытянулся по стойке "смирно" со спущенными штанами. Командир шагнул в процедурку: "Ну как?" "Да всё отлично, товарищ капитан первого ранга" - отрапортовал старлей.

"Бригада, заходите!" За ним ввалились замполит, кок и боцман. "Товарищи офицеры, больше всего на свете я не переношу болтунов и стукачей! Если где-то услышу хоть полслова - ззз-сгною! А сам всё буду отрицать". С этими словами Камаз извлёк откуда-то небольшую банку домашних консервированных патиссонов. Всем всё стало понятно; доктор лихо срезал последний шов, натянул штаны и нырнул за бутылью и стаканами.

Близился конец похода. Лодка уже не лежала в дрейфе, а весьма активно работала своими гигантскими винтами. Скорее всего домой. Этого никто, кроме приближенных, конечно не знал, но каждый догадывался. Старший лейтенант медицинской службы Пахомов всё также бесцельно лежал на своем операционном столе и глядел в белый потолок. Зеркала не было - его давным-давно перевесили на старое место в кают-компанию. Мысли доктора были просты и прозаичны. О его будущем. Вероятно будет представление к награде. Камаз не соврал - поможет. Надо писать заявление в клиническую ординатуру. По общей хирургии...

ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД или пропедевтика на ВПХ

Этот забавный эпизод произошёл на Кафедре Военно-Полевой Хирургии, или как принято говорить у военврачей - на ВэПэХа. Тогда я был всего лишь зелёный курсант-первокурсник и там пробовал себя в качестве будущего хирурга в научном кружке (выброшенное время - к хирургии в дальнейшем не подходил на пушечный выстрел). Кто из младшекурсников не мечтает стать хирургом? Вот и я был не исключение. В те юные годы ВПХ мне нравилась, и нашел я себе на этой кафедре толкового молодого научного руководителя - майора Константина Яковлевича Гуревича. Ныне этот дядька весьма известен - один из ведущих профессоров в ГИДУВе, или как он сейчас обзывается - Медицинской Академии Последипломного Образования. Ну а тогда сей учёный был заурядным клинордом*, только только отписавшем кандидатскую.

**Неформальное сокращение от "клинический ординатор", младшая должность военврача в клинике или госпитале.*

Весна первого курса, снег ещё не стаял, ночами холодно. Позвал меня майор Гуревич "на крючки" в своё дежурство - помощи не много, волосы брить, мочу катетером выпускать, операционное поле йодом мазать, да рану для хирурга растягивать. Но какое ни есть, а приобщение к рукоделию - к оперативной медицине. Надеюсь не забыли, что "хирургия", это "рукоделие" по латыни. Сам Гуревич хоть и большая голова (в смысле умный), а росточку маленького. И вот в его дежурство поступает здоровенный химик с колото-резаным ранением в области правой почки. Может сейчас термин "химик" не совсем понятен, на тогдашнем сленге "химиками" называли зеков на вольном поселении - вроде как условно-досрочно освобожденный, но обязан ежедневно отмечаться.

Зечара здоровенный, росту за два метра, весу за сто-пятьдесят кило, ботинки размера этак сорок шесть - сорок восемь. Да такой и в солидном костюме по Невскому пройдет - от Адмиралтейства до Гостиного Двора народ в след смотреть будет. А тут мороз, из "Скорой" весьма бодро соскакивает этот амбал с голым торсом, на его бычьем теле не обнаруживается естественного цвета кожи - одни тюремные татуировки и алая полоска крови на спине. На все вопросы докторов и сестричек отвечает исключительно матом вперемешку с тюремными идиомами. Ко всему прочему видно, что наш Геракл крепко пьян и настроен весьма агрессивно. Кулаки как баскетбольные мячи, а пальцы веером - точно павлиний хвост. Как к такому подойти? Гуревич ему едва ли до плеча. Сестрички вмиг врассыпную. Дежурный реаниматолог опасливо из предоперационной выглядывает. От меня, малолетки, тоже толку, как с козла молока. Ситуация патовая.

И тут Константин Яковлевич вдруг преображается. Вроде как он не хирург и кандидат медицинских наук, а обычный работяга с хулиганским уклоном.

Гуревич: "О-оо, Васёк, сколько лет, сколько зим! Какие люди к нам пожаловали! Проходи родной, не стесняйся."

Зек: "Ты чё, Айболит, в натуре? Не Васёк я, Васёк на "хулигане" ещё год назад погорел, ему "строгую Ригу" приписали. Я Жора-Маленький, разуй глаза, мудило!"

Гуревич: "Опа! Неужели сам Жора-Маленький?! Совсем я плохой стал, таких людей перепутал. Жорик, ну проходи, щас мы с тобой за встречу спиртугана гахнем!"

Зек: "Ты чё, Айболит, в натуре?"

Гуревич: "Да за базар отвечу. У меня в моей камере спирта хоть залейся, хоть утопись!"

Зек: "Ну давай, пошли по маленькой".

Гуревич проводит зека в предоперационную. Реаниматолог убегает, и там остается только операционная сестра Тамара. Тётка молодая и очень симпатичная, хоть и форм Рубенсовских. Гуревич показывает на неё пальцем: "О, это моя начальница, бугриха здешняя. Щас у неё спиртягу будем клянчить. Тамарочка, золото, вишь ситуация - друг закадычный ко мне зашёл, выдай нам спирту литра два".

Тамара впадает в предобморочное состояние, бледнеет, молча показывает на стеклянный шкафчик с бутылкой и пулей выскакивает из предоперационной. Гуревич лезет в шкаф, достает здоровенную бутылку коричневого стекла, литров этак на пять и почти полную. Открывает пробку и нюхает: "Чистый спирт! Самый лучший, самый медицинский, садись Жорик на стульчик, а я огурчики и стаканчики организую".

Выходит он из предоперационной как будто ничего не происходит. Все к нему, на мордах немой вопрос: "Что делать?" Гуревич голосом дежурного хирурга говорит: "Пустую литровую банку, пару соленых огурцов и два стакана". И без всяких дальнейших объяснений шмыг назад в предоперационную. Оттуда слышно: "Жорик, моя бугриха добро на спирт дала. Сказала, что бухать можно столько, сколько захотим. Только её на стрём твоя рана поставила. Что было-то? Пока нам стаканЫ и закусь принесут, ты забазарь всю историю. Ну чё за кипеж был, в натуре?"

Зек: "Да в натуре подляну кинули! Падлы - перо в спину".

Гуревич: "Сознанку не терял?"

Зек: "Ты чё, в натуре? Они б меня затоптали! Не-ее, я продержался. Хреново было, но вниз сошёл, а там контролер внутреннего порядка, падла, скорую вызвал. Типа грузись, блатата, а то назад в зону отчалию. Ну я, понятно, лучше сюда, чем на лесоповал. Чё свистеть-то, вот и все дела".

Гуревич: "Жора, ну ты молодец, в натуре!"

Зек: "На молодцах нормы списывают, а я, в натуре, с понятиями!"

Гуревич: "Жора, так ведь и я о том же! Ты же с понятиями, сразу видно, что не фраер. Так вот я тебе по понятиям скажу: что тебе перо в спину всунули, это или дешёвое фуфло, типа не фиг суетиться. Или тебе труба - через час ласты склеишь и даже на обидку ответить не сможешь. В натуре так, век воли не видать! Наверняка тебе эти падлы почку прошили".

Зек: "Ты чё, Айболит, в натуре?"

Гуревич: "Да в натуре, Жора, сказал же - век воли не видать. Сейчас нам закусон принесут и банку. Так вот, ты в эту банку пописай. Если там одна моча, то тогда мой базар - пустой прогон и холостые беспонты. Бухнем спиртяшки, помажем ранку йодом и пойдёшь себе домой. Ну а если что серьёзное, то я тебе листочек и карандашик дам - может успеешь прощальную маляву мамане или там друзьям накатать".

Зек: "Ты чо, Айболит, в натуре? Ты - на воле, да и бабы через дверь смотреть, мне так ссать запаadlo. Неси банку и вали в калидор!"

Реаниматолог, опасливо поглядывая, вносит пластмассовый поднос. На подносе литровая банка, два стакана и блюдце с нарезанными огурцами. Гуревич берёт поднос, ставит на свою табуретку и выходит. Дверь в предоперационную остается открытой. Зек недовольно смотрит на собравшийся в коридоре персонал клиники: "Вы чё, в натуре? Чё театр? Чё не ясно? Не, ну в натуре!" Затем зек берет с подноса банку и в своих грязных ботинках идет в стерильную зону операционной. Дежурная бригада заглядывает в дверь.

Зек: "Не, ну вы чё, в натуре?! Щас мОзги вышибу!"

С этими словами зек захлопывает двери в операционную, да и ни у кого уже нет особого желания смотреть, что там происходит. Проходит минуты три-четыре. Дежурная бригада начинает волноваться. В основном теоретические предположения крутятся вокруг шкафов с медикаментами группы А. Наверное зечара их уже разгромил и морфином колется. Или выбил окно и смылся со всем запасом наркотиков. Делать нечего, майор Гуревич, как главный на дежурстве, берёт риск на себя - подкрадывается к дверям и чуть приоткрывает одну створку.

Голос Гуревича в момент снова становится властным голосом ответственного хирурга: "Санитарка, приберите. Вынести всё и быстро дезинфицировать пол! Бригада - мыться. Пенетрационное ранение правой почки, острая кровопотеря. Сестра, быстро кровь на группу и кровь на гематокрит!"

Мы вваливаемся в предоперационную. Сквозь распахнутые двери стерильной зоны нам предстает следующая картина: на операционном столе на животе лежит абсолютно голый зек. Вся его одежда аккуратно сложена на полу, и венчают эту кучку его громадные грязные ботинки. Рядом стоит литровая банка, почти до краев наполненная ярко-красной артериальной кровью. Зек медленно поворачивает голову: "Друганы, режьте меня!" А затем обращается персонально к майору Гуревичу: "Слышь, братан! Ты же свой, паря, не надо письмо мамане. Спаси, бля буду, век воли не видать. Да я за тебя везде впишуся, бля буду! Спаси, братан!!!"

Операция прошла успешно. Но это мелочи, главное - индивидуальный подход к больному!

БОРЩ С ПИВОМ

Заговорив о "крупногабаритных случаях", сразу вспоминаю ещё одну историю. Дело было в Клинике Факультетской Хирургии. "Факультетка" специализировалась в основном на urgentной абдоминальной хирургии. Поясню что это такое - это когда в животе какая-то проблема, требующая немедленной операции. Ну там аппендицит, ущемлённая грыжа, или например, когда камень в желчном пузыре отток желчи закупорил, та обратным ходом в кровь пошла, а сам пузырь вот-вот порвётся. На хирургическом жаргоне всё это называется "острый живот".

В Военно-Медицинской Академии (сокращённо ВМА) тогда имелись свои машины "Скорой Помощи", которые привозили "тематических" больных - вылавливали по всему городу случаи, попадающие под профильность клиник и необходимых для демонстрационных целей учебного процесса. Так вот дежурный капитан-клиниорд, который попал на этот вызов, буквально через минуту после осмотра больного позвонил назад в клинику, истерически требуя срочно прислать вторую машину со специальными носилками и четырёх курсантов ему в помощь. Срочно! Очень срочно, потому как остановлено движение поездов на Петроградской ветке метрополитена.

Михаил Александрович демонстрировал "острейший живот", хотя в бытовом понятии его живот был плоским, как аэродром, и зыбучим как бархан. Эта безмерная жёлтая масса заполнила почти весь проход в вагоне остановленного поезда метро. Там, если не считать доктора, больше никого не было, а тётеньки в форме и менты отгоняли зевак, столпившихся на перроне в момент переполнившейся станции. Сам Михаил Александрович уже не вставал, а вытащить его за руки и за ноги из вагона не смогли, как и не смогли его уместить на обычные носилки, из тех, что имеются в медпункте каждой станции. Потому что при росте под метр восемьдесят вес Михаила Александровича приближался к трёмстам кило!

Михаил Александрович был домосед, любитель дивана, телевизора и книжек. Работал он дежурным эликтриком-цэпэушником, точнее оператором центрального пульта управления

(ЦПУ) на какой-то мудрёной подстанции. Из всех обязанностей ему вменялось главное - без усталости сидеть по двенадцать часов на стуле в помещении без окон перед громадным пультом с бесчисленными лампочками, и если где какая лампочка замигает или потухнет, немедленно вызвать по тому месту дежурную бригаду. Сам Михал Александрыч ничего не чинил. Оплата на этом месте была так себе, и туда никто не рвался - сидеть там было невероятно скучно, а смотреть телевизор строжайше запрещалось, поэтому дежурный электрик слушал радио и постоянно что-то жевал, чтоб скоротать время. А вот добираться на работу было без проблем - каждый день маленький автобус их подстанции, полугрузовая, полупассажирская дежурная "летучка" перед работой появлялась под окнами и услужливо сигналила, а после смены забирала Мишку домой. Впрочем не его одного - часто многих электриков так развозили. Однако если остальных часто, то его - всегда. Народ-то понимал, как тяжело их коллеге приходится! Такая вот полулегальная услуга, своего рода доплата за скуку.

В этот день случилась беда. Впервые за долгие годы работы Александрыч забыл свой "тормозок"! Здоровый свёрток с котлетами, отварной картошечкой, яйцами вкрутую, бутербродами, тремя пакетами молока, а также дюженой конфеток и кучей бубликов-сухариков, заботливо приготовленный его женой ещё с вечера, так и остался лежать в холодильнике. Вместо него Мишка прихватил кулёк сухой алебастровой штукатурки, что завалилась у него с незапамятных времён, и что он по сучью обещал кому-то на работе. По инерции взял свёрток в руки и успокоился, хлопнул дверью и тяжело отдуваясь потопал до лифта. Жил он на третьем этаже, но лифтом, сами понимаете, пользовался всегда. А про второй свёрток, где завтрак, он же ленч, обед и полдник, как-то совсем забыл...

К середине смены, когда подошло время главного "перекуса", муки голода превратились в настоящую пытку. Мишка обшарил все ящики в ЦПУ, но не нашёл там ничего, кроме несчастной замызганной карамельки. Смокча конфетку как можно нежнее и пытаясь растянуть удовольствие, он заглянул в мусорную корзину - вчера жена дала ему курицу и может там остались кости... Но нет, уборщица уже успела всё опорожнить. Ко дну прилипла маленькая скрученная шкурка от сала. Это уж точно ещё с прошлой недели. Конфетка слизалась окончательно, обдав язык прогорклым повидлом. Через секунду во рту стало совсем пусто. Мишка воровато огляделся - за открытыми дверями никого. Он запустил руку в мусорку, бережно отодрал сальную шкурку и быстро засунул её в рот. На приторный карамельный остаток горько наложился вкус солёного сала. "Дурнэ як сало без хлиба", вспомнилась ему тёщина поговорка, и тут же шкварочка соскользнула в пищевод. Голода эти находки не утолили, даже наоборот, разбудили какое-то неистовое урчание в кишках, отчего ему стало совсем невыносимо. Мишка тщательно облизал конфетный фантик, и обречённо вздохнув, опустил его в мусор.

Вообще день этот оказался удручающе гадким. К концу смены прибыла дежурная бригада, радостно объявив, что у "летучки движок дал клина", и завтра им из Горэнерго срочно пришлют другую машину. А на сегодня вся работа отменяется. Мишкиному сменщику уже позвонили, из-за форсмажора тот приперся на работу раньше и наконец отпустил голодного Саньча на все четыре стороны. Мишка запыхтел паровозом, и быстро, насколько позволяла его комплекция, побрёл на выход. Вообще-то он ненавидел самостоятельные поездки по городу, да и последний раз в метро спускался пожалуй пару лет назад. На полпути до станции одышка взяла своё, и Александрыч тяжело опустился на лавочку в первом попавшемся сквере. Через минуту мимо проскочил паренёк, кому он принёс алебастр. Заметил Саньча, сразу предложил зайти - пропустить по маленькой. Чего ж не зайти! С удовольствием. Мишка, словно переросток-Винни-Пух, сглотнул слюну. В гости это хорошо, благо идти всего до соседнего дома, и пытки лестницей не будет - хата на первом этаже.

За заветной дверью вместо ожидаемых вкусных ароматов чего-нибудь жаренного, в нос ударил запах краски. К сожалению, жена у паренька уехала с детьми в отпуск, и тот временно холостяковал, занимаясь мелким квартирным ремонтом. Такая работа давала уважительную причину самому себе ничего не готовить - главным местом ремонта была кухня. Из всех

припасов, что супруга наготовила перед отъездом, осталась одна здоровая кастрюля борща. А мужики, они ведь в таких ситуациях частенько становятся как дети - вначале съедят всё второе, потом пожрут колбасу, а первое стоит, пока не скиснет, коли никто им его не греет и на стол в тарелочке не подаёт. Короче к кастрюле борща даже хлеба нет - единственную корочку пустили на "занюх" припрятанной чекушки водки. Хозяин увидел Мишкин голодный взгляд и подзадорил: "Мих-Саньч, да ты ешь, не стесняйся! Хоть всё съешь - всё равно я этот борщ в унитаз вылью, пожалуй он завтра уже скиснет. Выручай, чего добру пропадать?!"

И Мишка ел. От пуза ел. Борщ был не густой, кислый, но в общем-то вкусный. Кастрюля быстро пустела. Его коллега смотрел на такое чудо и только ахал от восторга, подзадоривая его. Наконец голод отступил, Мих-Саньч наелся. Благодарный хозяин вызвался проводить Мишку до метро. Побрели неспешно, чинно. Вот уж и станция. А на пятаке перед ней - ларёк, пиво в розлив. Ну давай на прощание по кружечке. По кружечке не вышло, вышло не то по пять, не то по шесть, а может и побольше, кто их там считал. Хорошо хоть рядом с "точкой" туалет, нужда не мучает. Простояли до закрытия - белые питерские ночи незаметно крадут вечернее время.

Наконец распрощались. Мишка поджал левой рукой живот, и кое как запустил правую руку в брючный карман. Обдавливаемая со всех сторон складками жира, рука нащупала мелочь. Фух, вот он - долгожданный пятак. Протискиваться через через хищные створки Александрыч не любил. Он опустил монетку в крайний турникет, где проход шире, пропыхтел мимо вахтёра и осторожно стал на эскалатор, надёжно перегородив его для всех желающих бежать вниз. Осталось самое страшное - сойти с эскалатора. Он завистливо посмотрел на стайку молодых студентов, весело прыгающих через "гребёнку" где-то впереди. Опасная черта всё ближе и ближе. Мишка сконцентрировался и сделал критический шаг. Тело закачалось, но ничего - не упал, не потерял равновесия. Слава Богу пронесло. Заранее подгадав место, где остановится вагон, из которого ему будет ближе всего выходить на его станции, Мишка остановился, невольно морщась от удивлённых взглядов прохожих - его фигура явно привлекала внимание. Впрочем, народу на станции было не много, а вскоре подошёл поезд, в котором тоже полно пустых мест. Ну вот и проделана самая сложная часть его сегодняшнего вынужденного путешествия. Мих-Саньч уже успел пропотеть, словно на него вылили ведро воды. Он вздохнул с облегчением, прошёл в вагон и, предчувствуя как приятный холодный дермантин коснётся его липкой спины, с наслаждением плюхнулся на сидение.

Наслаждения не получилось. Случилось нечто ужасное - как будто ему в живот вогнали кол. Острая боль пробила его. Та боль, что называют скручивающей. Он бы и скрутился, если б не его телеса. Живот гузно сверзился на бок, потащив за собой всё тело. Усидеть не было сил, и Михаил Александрович упал, а тут поверх боли вдруг нахлынула такая слабость, что и на помощь не позвать. Миша захрипел, потом жалобно заскулил. Народ повскакивал с кресел, попытался его поднять. Всё что им удалось, так это перевернуть Мишу на спину. В этом положении ему лежать было даже тяжелее, чем на боку, его хрип перешёл в громкое сдавленное сипение пополам со свистом, как будто его тело подкачивали велосипедным насосом. Кто-то дёрнул стоп-кран, поезд завизжал тормозами, и из селектора послышался грозный голос машиниста. Уяснив, что происходит, машинист снова тронул поезд, пообещав "Скорую" на ближайшей станции.

На ближайшей станции прибежали два малохольных мента с носилками, но и они не смогли вытащить Мишу из вагона. Ситуация сложилась неприятная - стоит целая ветка, в подземном городе образуется людской затор. Поэтому и завернули туда первую попавшуюся скорую, на счастье с нашим клинордом. Клинорд же оказался мужиком толковым, быстро распознал у этого гигантского толстяка "острый живот", а не стандартную проблему с сердцем. Поэтому и решил эвакуировать больного в свою родную "Факультетку".

Дополнительная помощь в виде четырёх здоровых детей в курсантской форме с

раскладными НШБ-2 ("носилками широкими брезентовыми" по старой военснабженческой номенклатуре) поспела буквально за минуты. Носилки в проход рядом с телом не вставали - места мало. Пришлось под него подложить обычные носилки, да пару человек поставить по краям живота. Кое-как вынесли тушу из вагона и уже на перроне перевалили на НШБ. Потом на эскалаторе поставили головной конец на ступенку, а ноги держали, попеременно сменяясь и стараясь поддерживать тело по возможности горизонтально. Хорошо хоть, что тётка выключала эскалатор, давая бригаде погузится и сойти. В "Скорую" тащили его вшестером, и то руки аж белели от напряжения.

Ну наконец туша в Клинике. Толстенные обычно повышенным давлением страдают, а тут низкое, и дальше падает, а пульс наоборот растёт. Ого, вот уж зашкалил за сто тридцать! Такое обычно при кровопотере. Дежурный хирург пытается сквозь жир прощупать живот. Руки врача топнут в гигантских складках, скрываются мягких волнах жировой трясины. Наконец удаётся докопаться до брюшной стенки. Живот твёрдый, как доска. Если бы наш богатырь был бы раза в три полегче, он пожалуй бы завертелся ужём от боли, а так только пронзительно завизжал, судорожно забив кистями рук, словно выброшенный на берег кит.

Ответственный хирург морщится - клиническая картина не слишком понятная. Ну ка, давайте ему сделаем лапароцентез. Это малюсенькая операция с сугубо диагностической целью - в животе делается небольшой разрез, потом в эту дырочку заводят крючок, им цепляют переднюю брюшную стенку и поднимают её "палаточкой". В образовавшееся пространство вводят специальный инструмент, лапароскоп, если нужно чтоб было лучше видно, то дополнительно подкачивают брюхо стерильным газом и спокойно рассматривают все органы. Можно также засунуть обычную трубочку от капельницы, подоседевить к ней шприц и взять содержимое брюшной полости на анализ. Вообще-то в норме там сухо - всякая жидкость находится исключительно внутри кишек.

Где-то в клинике нашли здоровый толстенный кусок акрилового оргстекла, больше чем метр на полтора и сантиметра три толщиной. Промыли дезраствором, протёрли спиртом, положили его на операционный стол, сверху покрыли стерильной клеёнкой и простынями, а уж потом перекатали нашего негабаритного больного. Сделали лапароцентез, подцепили брюшную стенку - крючок по самую рукоятку скрылся в жиру. Потягивать эту массу пришлось двоим, да и то без особого успеха. Внутри почти ничего не видно. В норме на внутренних органах лежит этакая кисейная сеточка с жировыми включениями - большой сальник называется. Так вот сальник у Михаил Александровича представлял собой лоснящиеся непроходимые тяжелые торосы белесого жира, по которым бежала реденькая паутинка кровеносных сосудов. Дали в брюхо газ на максимум. Где-то по самому краю сальника появилась полоска жидкости. Попробовали отсосать шприцом пару миллилитров. Странная жидкость - красноватая, мутная. Поставили больному предварительный диагноз "прободная язва желудка", быстренько погружаем в наркоз и идём уже на настоящую лапаротомию - операцию, где широко вскрывается передняя брюшная стенка ровно по срединной линии живота.

Подошёл анестезиолог с клинком-ларингоскопом. Сестра-анестезистка пустила по вене наркотик, больной обмяк, теперь надо быстро засунуть ему в трахею трубку, а потом специальными лекарствами-миорелаксантами отключить мышечный тонус и сразу же подсоединить к аппарату искусственной вентиляции. Человек буквально парализован, и сам дышать уже не может, воздух в его лёгкие будет подавать машина. Зато ничто не будет мешать хирургу работать. Легко сказать быстро - у этого пациента и второй и третий подбородочки имеются, и каждый потяжелей хорошей ягодицы будет, да и шея какая грациозная - как у самого породистого борова на пике откорма. Такое едва гнется и к быстрой работе не располагает. А сам жир! Жир - это депо для большинства лекарств. Не добавь наркотика - умрёт человек от болевого шока, переборщи - умрёт от передозировки. Нужную дозу обычно считают исходя из веса тела. Нормального тела. А тут 70% жира. Он в силу своей химико-биологической природы поглощает лекарства, как губка, а потом долго отдаёт

их. Грань между "очень мало" и "передозом" становится весьма зыбкой, расплывчатой. И чем неясней эта грань, тем нервной анестезиолог. Он играет желваками, стучит зубами и вместо строгих и понятных схем начинает рассчитывать только на собственную интуицию. Ну вот наконец наркоз дан, аппарат работает... Ребята, поехали!

Поначалу ведущим хирургом к столу к столу встал подполковник Федоткин, личность истероидная, осыпающая всех и вся какой-то нарочитой квазиинтеллигентностью. Словно молитву прочёл собравшимся вокруг курсантам лекцию о том, что во всяком теле необходимо видеть свою скрытую красоту. Хирургические маски скрывают выражение лица, но слышно, что курсанты за спиной двусмысленно захихикали. Федоткин неуверенно полосанул скальпелем по операционному полю. Рана моментально развалилась, обнажив ярко-жёлтые, словно гранулированные края мощнейшего подкожного жира. На редкие сосудики наложили зажимы и хирург полосанул ещё раз. Никакой "анатомии" не возникло - просто жёлтый овраг заметно углубился. Руки подполковника скрылись в ране и неуверенно пошарили по дну - везде монотонный подкожный жир. Федоткин проямлил нечто жалобно-несуразное и опять резанул тело. Эффект тот же - жир! Федоткин поднял руки: "Случай тяжёлый, позовите профессора!" Курсанты опять захихикали.

Пришёл профессор. Оценил обстановку. "Да, случай тяжёлый, в прямом и переносном смысле. Рану прикройте стерильным - я моюсь и продолжу. Вы станете в ассистенты!" Через пару минут курсанты почтительно расступились. Капая первымуром на пол, профессор быстро прошествовал к операционной сестре, вытерся стерильным полотенцем, принял халат на плечи, сунул руки в подставленные перчатки. Кто-то услужливо завязал пояс, кто-то поправил ему очки. Шаг к столу и операция понеслась с невиданной скоростью.

Вот уж видна белая линия живота - прочное сухожилие, что разделяет брюшную стенку на симметричные половинки. Этот апоневроз вскрывается буквально одним движением, словно это не профессор медицины, а скрипач на сольном концерте. Руки ассистентов сдвигают тяжёлый пласт сальника и подним появляется... Борщ!!! Точнее плавающие в борще кишки, а по операционной тут же разносится мощный запах пива. Кто-то из курсантов растерянно бормочет "жигулёвское, поди..." Профессор недовольно бросает "это кто тут такой знаток", и на болтуна дружно зашипели. Всех сейчас больше волнует не сорт пива, а сама причина нахождения этого винегрета в брюшной полости. Неужели и вправду прободная язва, где в желудочной стенке образуются свищ, через который изливается содержимое? Нет, всё проще.

При ревизии желудка никакой язвы не нашли. Желудочек был, правда, что надо! Объём нормального желудка, около литра, ну полтора. Этот же куда более трёх. Бурдюк, а не желудок! На человека, прошедшего курс нормальной анатомии, такой производит впечатление, пусть даже пустой. И на передней стенке этого "вместилища" где-то сантиметров пять от малой кривизны находился огромный, в ладонь, РАЗРЫВ! Заполненный до отказа борщём и пивом, желудок элементарно лопнул, когда Михаил Александрович плюхнулся на сиденье в метро.

Разрыв ушили, брюхо промыли от борща. Потом долго боролись с инфекционными осложнениями. Но выжил наш гигант. За долгий и мучительный послеоперационный период даже весу порядочно сбросил - перед выпиской на нём громадными лопухами висела лишняя кожа. Здесь, правда, начкаф* один секретик сотворил - ушил он нашему толстячку желудок весьма хитро, так что от трёхлитрового бурдюка остался маленький мешочек с кулачок. Хочешь, не хочешь, а всю оставшуюся жизнь ему максимум по полмиски супчика кушать придётся - больше за раз не влезет. Самое радикальное средство от ожирения. Тут бы и позубоскалить насчёт неумеренного обжорства, да не получается. Болезнь это. Нельзя обжорство списывать исключительно на личную распущенность, хоть таковая и важнейший фактор. Тут и генетика, и психология тоже свою роль играют.

**Начальник кафедры, неформальное сокращение*

На самой милой кафедре Академии - Кафедре Детских Болезней, довелось нам видеть такую картину - железную решетку, и плачущих за ней детишек. Плачущих от голода. Потому как эта мирная кафедра делала большую военную науку - изучала влияние того самого питания на становление армейского призывника. Ведь каждый солдат когда-то был ребёнком. А то, что иные будут негодны к призыву, становится порой ясно уже в весьма раннем возрасте. Или ограниченно годны - то, что вырастает с таких детей, солдатом можно назвать только в издёвку - ни отжаться, ни пробежать, ни подтянуться не могут! При том, что ничем не больны. Единственная причина их инвалидности - лишний вес. Вот и создали специальное отделение, где пытались таких детишек лечить. Мы приходили на кафедру и слышали голодный плач упитанных восьмидесятикилограммовых крепышей, что тянули к нам из-за решётки ручки, с мольбами "солдатик, дай конфетку". А решетка в этом деле совершенно необходима, чтобы сердобольные детки из других отделений им свои печенки не отдавали. "Крепышам" же маминих передач не дозволялось, да и самих мам старались в это отделение не часто допускать - ведь пытка голодом, пусть даже частичным, для матери порой куда тяжелее, чем для ребёнка.

В сталинское время таких практически не было, появились они под закат хрущёвской эпохи, в брежневское время обозначились, как проблема, а после Перестройки словно плотину прорвало. Излишний вес сейчас у каждого пятого россиянина, пусть и не до такого экстрима, как у Михаила Александровича. Поэтому хочется дать всем мамам один такой простенький совет - в 99% случаев если ваш ребёнок не доел, не заставляйте! Большую этим пользу ему сделаете. "Кушай хорошо, вырастишь большой" - это палка о двух концах. Вырастишь большой в любом случае, но если очень хорошо кушать, то запросто можно вырасти очень большим. Ведь неосознанно взрослые частенько меряют детские порции, исходя не из потребностей своих чад, а исключительно из собственного представления о таковых. Кошунственно это или нет, но живём мы в век продуктового изобилия, а поэтому пока этот век длится, то место несъеденной каши в помойном ведре, а не в желудке. Ведь количество липоцитов (жировых клеток) закладывается до пяти лет, а всю остальную жизнь мы лишь меняем их качество, усиленно накачивая туда жир. Вот когда таких клеток много, да ещё и заполнены они под завязку, и получают трёхцентнеровые мих-саньичи, с рисками лопнуть всего лишь присевши в метро.

ДУШ С РАСЧЛЕНЕНИЕМ

Говоря о случаях, так или иначе связанных с метрополитеном, можно вспомнить и эту историю. В начале 80-х недалеко от Финбана велись земляные работы. Отсыпали здоровую насыпь на Выборгской железнодорожной ветке. И вот один из бульдозеристов заметил какие-то куски в земле. Мясо напоминают. Остановился, вышел и обомлел. Мясо то с человеческой кожей оказалось. Работам стоп, звонок ментам.

Менты приехали, попросили раскопать. Извлекли мясо. Больше ничего не нашли - ни одежды, ни иных зацепок. Куски мелкие, но почти целый труп складывается. Явно мужской. Лицо восстановить невозможно - череп сильнее всего разбит и фрагментирован. Труп должен быть свежий, больше 24, но менее 48 часов. Метод расчленения не ясен. Края явно не резанорубленные. Да и вообще, какие-то странные. Выглядят как будто эти фрагменты человеческого тела помыли, вроде как мясо перед варкой. Чуть какая-то получается - помыли и закопали. Уверенно определить откуда земля, приехали ли куски на самосвале или захоронены на месте, оказалось сложно. В одно и то же место одновременно по крайней мере с восьми точек землю возили. Да и грунты схожи, плюс все перелопачено здорово.

Вся надежда на экспертизу. Взяли пробы землицы, собрали куски, разложили по кулёчкам и отправили в ВМА, на Кафедру Судебной Медицины. Определяйте, товарищи эксперты, откуда тело прибыло, по той земле, что на мясо налипла. Заодно заключеньице дайте - что это такое интересное с трупом сделали. Ну и главное - причину смерти, если сможете.

Собрались светила экспертизы. Сняли первично-налипший грунт. Быстро выяснили, что останки расчлененного тела были закопаны в землю, которую свозили с метрополитена. Следов крови в грунте нет - расчленение на месте исключается. А вот с самим методом расчленения и причиной смерти проблема. Ни на что не похоже - ни пилено, ни разорвано, ни передавлено. И в то же время чем-то все методы сразу напоминает. Никаких дополнительных ран-травм на фрагментах не обнаруживается. Сердце-почки-печень в норме. Похоже был здоровый молодой парень семнадцати-восемнадцати лет. И вроде как его живого по щучьему велению на запчасти разобрало.

Подготовили ткани на микроскопию. Под микроскопом ещё загадочней - ткани водой напитаны, вроде как кто её туда под давлением закачал. Догадка одна возникла. Так как подобное на кафедральной практике не встречалось, решили провести эксперимент. Заказали молодого поросеночка со спецфермы и послали гонца в поликлинику Академии за безыгольным инжектором для солдатских прививок. Этот аппаратик без иголок укол делает - напором жидкости кожу прошивает. И поросенок нужен был не для шашлыка - просто у маленьких хрюшек кожа и мясо по механическим характеристикам на человеке похоже. Вот этому поросеночку кучу уколов обычной водой сделали, потом умертвили, а места уколов изучили под микроскопом. Картина разрушения тканей идентична с найденными кусками. Для верности ещё холодного трупа покололи - там разможнение иное. По результатам экспертизы и следственного эксперимента интересная вещь получается - расчленили живого человека, порезав его струей воды под громадным давлением! Об этом и доложили следакам. Дальше распутывание дела заняло часа три.

Оказалась вот такая история: в Метрострое была водяная пушка. Такая штука в горнодобывающей промышленности используется - она дает струю столь большого давления, что та выбивает камень куда быстрее отбойного молотка. В СССР гидропушки популярны были - беспыльная выработка, вроде как о здоровье проходчика забота. Вот и совали этот метод куда ни попадя, в том числе и на строительство метрополитена. Но там грунта мягкие и от такой пушки толку не было. Не пропадать же добру, и работяги нашли этой "брызгалке" хорошее применение - на самом малом напоре смывали грязь в построенном туннеле. Работала эта пушка всего-ничего, а всё остальное время стояла без дела для голой отчётности.

Пришли в Метрострой два пэтэушника на практику. Работали с месяц, пушку при них ни разу не включали. Да они и не знали толком, что это. Знали - туннель мыть. Каждый день после работы были грязные и потные, а до душевых далеко было тащиться. Вот этим умникам после конца смены пришла в голову блестящая мысль - далеко не ходить, а прямо на проходке помыться. На гидропушке была надпись "при большом давлении струя горячая". То что надо! Устройство в управлении простое. Врубают давление на максимум, чтоб душ приятней был. Один разделся и под "краник" стал. Другой у пульта струю врубает. Ну водичка и того - дружка пополам.

"Оператор" испугался. Хоть и непреднамеренное, а убийство. По тем законам лет на шесть по-минимуму. Вокруг никого, свидетелей нет. Парень решил выкрутиться - положил дружковы половинки на толстый стальной щит и покромсал той же струйкой. Потом куски закопал прямо на ленте землепроходочного комбайна, а место происшествия хорошенько замыл. Утром транспортер скинул дружковы останки прямым в самосвал - никто ничего бы и не заметил, если б не бульдозерист. Пошел таки парень за непреднамеренное, но уже с весьма отягчающими.

КЛИНЧ

А вот ещё случай о подростковой глупости. Вспоминая его, снова возвращаешься в одну из самых интереснейших кафедр академии - в клинику Военно-Полевой Хирургии. Как-то раз поступил туда по "Скорой" экстренный больной. Парнишка лет четырнадцати с

многочисленными рваными ранами конечностей и разорванным горлом. Необычным сочетанием к такому букету шло сквозное пулевое ранение кисти правой руки. Пятно ввевшихся в кожу пороховых газов свидетельствовало, что выстрел в руку был сделан почти в упор. Раненный был без сознания, в тяжёлом шоке от массивной кровопотери. Станным было и то, что подросток был абсолютно голым. Обычно все травматологи одеты, и медсестры безжалостно режут одежду ножницами, прежде чем подать тела хирургам на стол. Иногда частичное раздевание делает "Скорая", но тогда привозная бригада обязана скинуть шмотки по месту доставки больного.

Опрос "извозчиков" тоже никакой ясности не дал. Вызов ментовский, целевой. Сразу запросили реанимационную бригаду. Адрес в самом блатном доме на набережной Невы - возле Домика Петра, где куча сталинских скульптур на крыше. Когда прибыли; дверь в квартиру была взломана, парень валялся в луже крови и уже без сознания. Менты тоже ничего не объяснили, да и особо спрашивать было некогда. Сказали только одно - доставить в Военно-Медицинскую академию, где лечение лучше, а трёпу поменьше. Видать какого-то туза сынок.

Особо болтать времени нет. Неотложная реанимация - растворы по жиле струйно, затем эритромасту и цельную кровь-матушку. Ну и в операционную - срочная остановка кровотечения, а дальше хирургическая обработка ран. Чуть резать, а больше шить да латать, запихивая куда возможно дренажи для оттока раневого экссудата - главную меру профилактики инфекционных осложнений. Хирургам ещё ничего, а вот реаниматологи подергались, побегали за ночь. Но вытянули. На утро давление стабильное, если бы не литра вколотой наркоты и прочей дряни, уже бы паренёк в сознанию пришёл. А так лежит под аппаратом искусственного дыхания.

Среди ночи в клинику звонок от Дежурного по Академии - к поступившему больному приедут родственники, приказываю их в клинику пропустить! Как не можете? Какая стерильность? Как в реанимацию неположено? Пропустить без разговоров под мою ответственность! Приказ не обсуждать! Через пять минут ещё один звонок, теперь от начальника клиники генерала Дерябина. Тон уже человеческий - ребята, сам бы всем голову за подобное намыл, но уж сильно "блатной" нажим. Придут, маски им на нос, бахилы на ноги, халаты на всё остальное. Проводите папочку с мамочкой до их сынули.

Припёрлись на персональной "Волжане", по тому времени самый крутяк. В руках здоровые сумки с деликатесами. Смех - и это в реанимационный зал! Ну разъяснили большим людям, что горлышко у вашего отпрыска порвано. Ему такое ещё долго не кушать. Кормить его будем сами, вначале по венке, потом протёртой бурдой через трубочку. Проводили к "телу", ну и намекнули - посмотрите, поплачьте, но лучше валите отсюда. Пользы от вас нет, а мешаетесь сильно. Переведём наверх в общее отделение, тогда и милости просим.

Мамаша повыла чуть, папаша молчком слёзки повитырал, наконец засобирались на выход. Ответственный хирург в расспросы родителей подался. Что случилось то? А родители несут какую-то ахиною. Мама гонит, вроде как пришёл мент с собакой, а у нас своя собака, редкая смесь волка и сибирской лайки, те подрались, да сына искусали. Папа несколько иную версию говорит - мент в нашу волко-лайку выстрелил, вот она сына и покусала. Ну вроде и сыну до кучи руку прострелил. Ясности мало, но хоть стало понятно, что основная травма - результат укусов собаки.

Смену менять, а тут милиция и следак в клинику заявляются. Вообще-то в Полевой Хирургии это частые гости, иногда и не раз за день. Одно неудобство - сдающую смену с ночи задерживают. Один мент, совсем молодой сержантик, повёл себя нетипично - перед дежурным хирургом на колени упал. Попросил дать медописание в уголовное дело в свою пользу, так как родители этого мальчика уже его на Колыму послать грозятся. А всё за то, что он их отпрыску жизнь спас. Только папа-туз очень не хочет, чтобы правда где-то всплыла. А

правда оказалась простой.

Из элитного дома поступил звонок в ближайший опорный пункт милиции от соседей - за стеной погром и нечеловеческие вопли. В том доме, кроме белой горячки, проблем никогда не было, там на входе вахтёры. Менты в "опорняке" на всякий случай послали на сигнал самого молодого. Пойди посмотри, если что, то свяжись по рации. А если "белый конь", то бишь алкогольный делирий, то сразу звони 03 медикам. Приходит сержантик по адресу. За лакированной дверью действительно погром и вопли. Звонит, стучит - никто не открывает. Спустился до вахтёра, у того на счастье здоровый лом имелся, лёд перед подъездом скалывать. Звякнул сержант коллегам и давай этим ломом дверь ломать. Возня продолжается, но крики стихли.

Врывается мент в квартиру и видит сюрреалистическую картину: подросток с разорванным горлом СНОШАЕТ здоровую собаку! Собака пытается подростка кусать, а тот из последних сил правой рукой её за голову удержать пытается. Левая рука изгрызена и висит плетью. Вся хата в крови, обстановка погромлена. Сержант хватает подростка и пытается оттянуть от собаки. Не выходит - как склеились! Собака пытается и мента покусать. Достает сержант пистолет и бух собаке в голову. Да с перепугу через руку этого ёбаря. Собака пару раз дёрнулась в конвульсиях и тут же "партнёр" из её влагалища вывалился. Говорить не может из-за травмы горла. А через несколько секунд вообще сознание потерял. Вызвал спаситель скорую, а тут и другие менты подкатили. Вот и вся картина происшествия...

Не поверил ответственный хирург. Не поверил, потому что история слишком уж на устное народное творчество смахивала. Ну кто не слышал баек про то как Он Её, а тут Муж. А у Неё того - зажало. Потом Их вместе склеенных выносили. Так вот с женщинами такого не бывает! Брехня это. Бывает женский патологический спазм влагалища - по медицински называется вагинизм. При вагинизме туда засунуть невозможно, а оттуда вытянуть проблем нет. Ну разве что женщине это больно. Тем более не застрять, когда грызут до смерти. Невоз-мож-но! Да только вид у сержантика такой, что вроде как мужик правду говорит, к тому же собака не человек...

Снимает тогда хирург телефон и звонит начальнику Кафедры Биологии, профессору Щербине. Извинился за странный звонок, конкретно историю описывать не стал, спросил в принципе - с собакой сцепиться реально? На другом конце провода категорическое "Да, да, да - элементарный КЛИНЧ!!!" Почти как в боксе, когда друг на друге виснут. Оказывается "клинч" - это научный термин в зоологии семейства Canis*. При размножении шакалов, койотов и волков это обязательное состояние. У собак такая реакция слабее, но тоже наблюдается весьма часто. У волков же клинч длится от двух до пяти часов. Специальные мышцы влагалища так плотно сжимают половой член самца, что вытащить его, не порвав самку просто невозможно. К тому же эти мышцы пережимают венозный отток из члена, переполняя кавернозные тела кровью. Тогда и член не способен упасть даже в самой критической ситуации. В медицинской терминологии такое "суперстояние" называется механический приопизм. В этой беззащитной ситуации много молодых зверей гибнут от клыков конкурентов - матерых волков и волчиц, но даже перед смертью не могут расцепиться. Природное значение этого явления не ясно, но известно, что если пытаться разнять таких партнеров, то самка будет испытывать страшные боли, ну и разумеется, будет кусаться. Но и тогда не расцепится. Возможно ли это у гибрида собаки с волком? Не только возможно, но и неизбежно. Правда в одном только случае - сука "горячая" должна быть. В смысле, в течку.

* Собаководных (лат.)

Следователь положил на стол заключение ветеринара-кинолога, осмотревшего труп гибридной собаки. Сука в разгар течки, во влагалище обнаружена свежая сперма. Значит всё-таки клинч.

МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Вообще-то зоофилия распространена гораздо шире, чем об этом говорят или пишут. А ведь всё потому, что говорят об этом те, кто сами подобным не занимаются. Те же, кто страдает этой половой перверзией, о ней молчат. Полное табу! Отсюда почти все сведения о зоофилах случайны. И вот ведь какая интересная закономерность - о зоофилах узнают в первую очередь не психиатры, коим вроде по роду деятельности с таким явлением дело иметь, а врачи неотложек и urgentные хирурги. Потому как животному трудно объяснить правила поведения, а человеческий организм хрупок. Особенно у девушек. Ещё одно заблуждение - считается, что зоофилией страдают в основном мужчины. Это верно лишь с "технической" точки зрения - мужчине легче совершить половой контакт с самкой, пусть даже насильно, чем женщине возбудить самца не родственного нам вида. Тут ведь насильно не получится. Но чуден свет, а дела людей живущих в нём, ещё чуднее.

Эта история произошла в маленьком гарнизонном госпитале в районе посёлка Угулан, что на побережье Охотского моря. Впрочем близость там относительна - от части до Угулана ещё ехать порядочно. Места там малолюдные, и поэтому военным медикам часто приходится оказывать помощь гражданскому населению. И вот в один прекрасный день заезжает во двор госпиталя виды выдавший "Зилок" из местного рыбпромхоза. В кузове грузовика набросано соломы, а поверх лежит девушка без сознания. Рядом мать и подруга. Спрашивают, что случилось, мать ничего не знает. Лицо в полнейшей растерянности, похоже действительно для неё случившееся полная неожиданность. Подруга тоже молчат, только от чего-то жмётся к стенке. По поджатым губкам и бегающим глазкам создаётся впечатление, что не всё так чисто - похоже что-то она всё же скрывает.

Сняли девушку, положили на каталку, отвезли в приёмный покой госпиталя. Там полностью раздели, подошёл хирург, терапевт, реаниматолог... И тут замечают, что на простынке, какой была покрыта та каталка, красное пятно. Откуда? Да между ног. Госпиталь малосенький, нету там в штате гинеколога. Ближайший за триста вёрст в Магадане. Придётся самим. А гинеколог оказался и не нужен - кровь из заднего прохода сочилась. Небольшой разрыв на анусе. Пока реаниматолог устанавливал систему для внутривенных вливаний, хирург быстро пальцевое исследование заднего прохода провёл. И обнаружил там сперму. Эге, вот какое дело! Изнасилованием с извращённым половым актом и причинением тяжких телесных повреждений такое называется. Статья 117-я, а учитывая возраст потерпевшей (несовершеннолетняя), то ещё и 119-я. Впрочем выглядит вполне половозрелой. Кто же это мог быть. Беглые зеки, бичи, старатели, залётные гастролёры? Местные - рыбаки, да охотники - на такое не пойдут, нравы Севера строгие. А может это наши солдаты постарались? Но рассуждать некогда - похоже повреждения внутренних органов серьёзные, срочно девушку на стол. Едва догадались серильным тампонами смазы из заднего прохода и влагалища взять. И на счастье фельдшер, что у них за лабораторию отвечал, дельный попался. Перед тем, как положить этот материал в пробирки и поставить в холодильник, он тампонами мазнул по стёклышкам для микроскопии. Подписал, что от куда - получились готовые микропрепараты, разве что не покрашенные. Вот молодчина, здорово помог следствию! Места глухие, следовательно придётся на вертолёте сюда лететь. Поди знай, когда он явится, а тут ещё и погода нелётная.

Когда разрежали живот, то сразу по всей операционной завоняло фекалиями. Среди розовых кишек прятались коричневые колбаски - самая мерзкая находка для хирурга. Без разрыва кишечника такое в брюшную полость не попадёт. Причину нашли быстро - ректальная ампула, самый последний участок прямой кишки, разорвана по длине. Края раны рваные - явно такое возможно только в одном случае, если в задний проход забить что-то твёрдое, например палку. Да, настоящий садизм... Хирурги рассуждают, а их руки тем временем ловко вылавливают вышедшие из разрыва фекальные массы и бросают их в стоящий подле стола тазик на треноге. Вонь так и лезет под маски. Вот наконец последний кусок. Подбежавший

санитар сразу уносит таз, воздух в операционной становится чище.

Меняются халаты и перчатки, кто-то по-быстрому пошёл перемыться - измазавшись в дерьме, стерильности понятно, никакой. Теперь начинается самое сложное. Нет, не ушивание ампулы прямой кишки. Это тоже весьма мудрённая процедура, требующая хорошей сноровки, твёрдых знаний и навыков. Но не от этого разрыва исходит главная опасность. Каловый перитонит, или воспаление брюшины, обсеменённой микрофлорой фекалий, вот это враг номер один. Вначале заполнили брюшную полость физраствором, "прополоскали" в нём кишки, потом электроотсосом откачали. Затем залили раствором фурациллина, постарались промыть каждый закуток брюшной полости. Но удалить таким образом бактерии невозможно. Можно только уменьшить их количество, но всё равно останутся в брюхе миллиарды кишечных палочек да всяких пептококков. До начала эры антибиотиков каловый перитонит означал смерть. Теперь же есть надежда, правда далеко не стопроцентная.

К сожалению надежда на антибиотики не оправдалась. Разлитой каловый перитонит цвёл пышным цветом, не обращая внимания на самые сильные дозы новейших лекарств. Брюшную стенку в таких случаях даже полностью не зашивают. Повторные промывания бактерицидными средами, дренажи и трубки, через которые внутрь брюха подавались растворы и оттекало гнойное содержимое, тоже особого эффекта не имели.

Девушка умерла не приходя в сознание, как раз когда прилетел следователь. Он и отправил вертолёт назад с телом умершей, двумя пробирочками и теми лабораторными стёклами, что были взяты в первые минуты при поступлении. Понятно, что отправил он это областному судмедэксперту. Вскрытие трупа мало чего дало - прошло много времени с момента предполагаемого изнасилования, а ушитая рана изменила свои очертания. Можно, конечно хирургические нитки снять и попробовать восстановить края на момент травмы, но и это почти бесполезно. Лучше воспользоваться описанием самих хирургов. Травмирующий объект должен был быть твёрдым и скорее всего с коническим, но не острым, концом. Впрочем, теперь это всё гадания. Из сопутствующих повреждений только небольшая ссадинка и синяк на спине. Повреждений в паховой области и на внутренней стороне бёдер никаких - очень странно для столь садистского изнасилования. Об этом и записали в протоколе.

Дошло дело до мазков. Покрасили стандартными гематоксилин-эозином. Теперь можно и под микроскоп. Влагалищный мазок пустой. А вот в ректальном точно сперма, да ещё какая - сперматозоидов навалом. Правда они чуть-чуть странные. Головка нормальный сперматозоида прокрашивается немного неравномерно - передний конец более светлый. А эти тёмные... Потом пропорции несколько иные. Опять же - едва заметная разница в соотношении размеров головки и среднего участка - небольшого утолщения, переходящего в хвост. Но известно же, что около четверти спермиков в обычной сперме здоровых мужиков имеют те или иные дегенеративные признаки или абнормальные формы. Списал судмедэксперт свои догадки на индивидуальное различия конкретного индивида, и значения им не придал. А зря... золотое правило патогистологии - сомневаешься, положи для сравнения рядом контрольный препарат с нормальным образцом и сравни. Нашлось бы ещё кое-что интересное, например разница в размерах.

Тем временем следователь вплотную занялся подругой потерпевшей. Кстати, подруг звали Лена и Надя. Лена в морге, а Надя показания даёт. Вначале отнекивалась, мол не знаю ничего, а потом разрыдалась и рассказала как было дело. Не было никакого изнасилования. Была странная девичья забава, кончившаяся так неожиданно и страшно.

Подруги приезжали в поселок только летом, на каникулах. В остальное время они жили порознь - Лена в Магадане, Надя в Охотске, где учились в профтехучилище и десятилетке-интернате. Были они одногодки и исполнилось им по шестнадцать лет. Отец Лены работал зоотехником на свиноводнике. Несмотря, что главным делом посёлка было рыболовство, но

местный рыбпромхоз имел небольшое подсобное хозяйство, где выращивал мясо для своих рабочих. Свинарник был маленьким, и по штату, да и то неофициальному, работал там лишь один зоотехник. Летом, когда путина и все в море, в посёлке скукота. Вот и пошли девушки помочь отцу на свинарник. А у того ответственный день был - он свиноматок до хряков подпускал. Девчёнкам на такое смотреть он не разрешал, но те всё равно что надо увидели во всех деталях - залезли на чердак, да залегли в соломе. Вот загнал папаша свинку к хряку, тот взгромоздился, но попасть куда надо не может. Отец хватет хряка за детородный орган и суёт его по назначению. Истошный визг свиноматки, довольное повизгивание хрячка - дело сделано. Закончив с осеменением, батя достал початую бутылочку беленькой, хлебнул из горлышка за будущий приплод, а потом ушёл в посёлок. На сегодня ему здесь делать нечего.

Девушки долго лежали на соломе в вонючем свинарнике, смачно обсуждая увиденное и возбуждая друг друга рассказами о своих половых связях "на большой земле". Потом решили спуститься и самим попробовать провести осеменение - уж очень им понравился вид трахающихся свиней. Впустили хрюшку к хряку, картинка повторилась, и опять хряк попасть не может. Тогда Лена набралась смелости, схватила хряка за член, и точно так же как делал её отец, направила его. От этого прикосновения её тело аж вздрогнуло от разлившегося возбуждения. Дождавшись конца случки и разогнав свиней по клетухам, девушки пошли в посёлок по домам. На полпути Лена сказала, что в торопях забыла на свинарнике часы, пусть подруга идёт одна, а ей надо срочно вернуться. Ведь если их найдёт отец, то могут быть лишние вопросы... Логично. Так девушки и расстались.

Вечером в дом к Наде постучалась мать Лены - оказывается та ещё с утра ушла, да так и не появлялась. Наде что-то подсказало, что поиски надо начинать со свинарника. Но в свинарнике Лены тоже не оказалось. Правда самый стройный и молоденький хрячкёк свободно разгуливал меж клетухов, а дверка в его загончике оказалась настеж открытой. На сетке, огораживающей клетух, висела Ленкина кофта, а на столике, где её отец-зоотехник вёл журнал по уходу за своим свиным хозяйством, лежали трусики и колготки.

Лену нашли у ручья за свинарником. Та лежала у воды без сознания. Мать осталась с дочерью, а Надя побежала в промхоз за машиной. Девушку отвезли в госпиталь, а дальше, товарищ следователь и сам всё знает. На вопрос, кто же изнасиловал Лену, Надя отвечает просто - вот тот хряк и изнасиловал.

Рассмеялся следователь с такой версии. Свиньи людей не насилуют. Кусают, грызут, даже бывало полностью съедают, но не насилуют. Вариант отпадает, как полностью бредовый. Но как бы там не было, за неимением никаких улик и других подозреваемых, надо эту бредятину отместить научно. Следак звонит судмедэксперту и задаёт ему глупый, казалось бы, вопрос: "Слушай, дока, а случаи женской зоофилии со свиньями в науке описаны?" Оказывается описаны, пусть как и казуистика. Причём и исходы такого сожителства известны - очень часто подобные амурные дела заканчиваются серьёзной травмой, в основном от копыт животного. Свинья в три раза тяжелее и намного сильнее человека. Но встречается и более специфическая травма - промежностные разрывы. Дело в том, что член у *Sus scrofa** закручен на манер штопора, а головка заострена. Кроме кавернозных тел и спонгиозных хрящей, в физиологии спаривания свиней большую роль играют специальные мышцы по бокам пениса. С одной стороны, чаще всего справа, они гораздо сильнее развиты, чем с другой. Поэтому во время полового акта кабанья член действительно подобен штопору - он с силой вкручивается в свиноматку, словно гиганский шуруп. Да и топографическая анатомия Ното и *Suidea*** довольно разная. Если представить себе женщину в роли свиноматки, то очень вероятно, что такое оружие попадёт чуть выше - в женский задний проход, и тогда разрыв прямой кишки гарантирован.

* *домашнего кабана (лат.)*

** *людей и свиней (лат.)*

Ну что ж, оказывается версия не так уж и глупа, как казалось ранее. Дело за малым - проверить серологическим методом, а чья же сперма? Антигены не врут. К великому изумлению ленкиных родственников и вообще всех, кто её знал, дело об садистском изнасиловании со смертельным исходом было закрыто из-за отсутствия состава преступления. Её смерть, пусть редкий, но несчастный случай при совершении полового акта по обоюдному согласию. Иммунология подтвердила - сперма оказалась свиной. А вот как там уж дело обстояло... В смысле какие ласки, да какие позы, остаётся только гадать.

СЛИВНОЕ ОТВЕРСТИЕ

В продолжение темы о молодых забавах, кончающихся промежуточной травмой со смертельным исходом, правда без сексуального мотива, можно рассказать и этот случай. Где-то на Охте, недалеко от знаменитого Металлического Завода, стояла старая водонапорная башня. Находилась она в стороне от заводских корпусов, и проход к ней был относительно свободный - огораживал её лишь невысокий забор с дыркой. Видать эта водонапорная башня была какого-то допотопного проекта - вместо герметичной ёмкости в ней на пятнадцатиметровой высоте находился обложенный старинным кафелем резервуар по типу крытого бассейна. Не очень большой - в диаметре метров пять, а глубиной метра полтора. Сбоку в этот бассейн шла труба для подачи воды, а в его днище находилось сливное отверстие.

Недалеко то этой башни работали солдаты-стройбатовцы. У солдат-ряботяг есть одна беда - банный день раз в неделю, а грязь на работе каждый день. И вот деды из того стройбата, разведав такое дело, повадились лазить в эту башню, и наплевав на всякие гигиенические правила по охране водоемчиков общего пользования - купаться там. Никто их не ловил, да похоже никто и не догадывался об их шалостях. И вот один раз туда залезли три старослужащих, а воды почти нет - может на доньшке по колено. И виден в центре бака водоворот - это в сливную трубу так быстро вода вытекает. С боковой трубы напор бьёт, но похоже не поспевает за убылью. Прямо школьная задачка - сколько втекает, а сколько вытекает, посчитайте, когда башня окажется пустой. Тут одного солдатика "гениальная" идея посетила - а что если эту дырку задницей закрыть? Просто взять и сесть на неё. Небось подобное каждый делал в своей ванне - затыкал сливное отверстие пяткой, а то и попкой. Тут вся разница, что диаметр побольше. Пяткой не получится, а вот пятой точкой в самый раз. Пока вода будет только прибывать, двое купаются, а один на дырке сидит - водяной уровень обеспечивает. Идея бойцам понравилась. Решили, чья очередь первым на дырку садиться, скинули сапоги, хэбэ-голифе и айда в воду.

Только одного воины не учли - высоты гидростатического столба. В ванной он сантиметров двадцать - сорок, если считать от пробки до стояка. В водонапорной башне соответственно равен её высоте. Вода в вертикальной трубе, если путить её самотёком, а верхний конец закрыть, может дать максимальный столб всего около десяти метров - её вес под силой тяжести создаст сверху полный вакуум. Именно так и случилось. Только сел солдатик на дырку, как заорал от нечеловеческой боли. Так его присосало, что самому ни за что не встать. Лицо внезапно побледнело, и крик перешёл в самый настоящий пыточный визг. Вмиг подскочили товарищи, попытались за руки оторвать дружка от дырки - бесполезно. Намертво засел. В этот миг солдат потерял сознание. Нечеловеческие крики привлекли внимание сослуживцев, работавших неподалеку. Трое солдат поднялись в башню, на всякий случай прихватив с собой ломы и молотки. Кто его знает, кто и что там с их товарищем делает. Быстро поняв в чём дело, они крикнули оставшимся внизу людям, чтоб те срочно звонили в "Скорую", а сами прямо в форме спрыгнули в воду и подсунув ломы под зад незадачливого "деда", наконец отодрали его от "присоски". Вода вокруг бойца на миг пошла розовыми клубами, а потом это "облачко" с шумом устремилось в сливное отверстие.

Когда молодого человека спускали с башни, это была ужасная картина. Его промежуточность полностью разорвало вакуумом и от туда болтались петли посиневшего кишечника,

высосанного из брюшной полости через вывернутую прямую кишку. Тёмно-фиолетовые, опухшие до невероятных размеров гениталии и контрастом к ним жёлтоватый лоскуток лопнувшего мочевого пузыря дополняли картину. Подоспела академическая неотложка. Под синей мигалкой и с "музыкой" (так на своём жаргоне неотложные врачи называют сирену) повезли солдата в клинику Военно-Полевой Хирургии. Хотя это и недалеко, но врач "Скорой" успел поставить капельницу и начать инфузионную терапию - кровяное давление было низким и требовалось безотлагательное внутривенное вливание больших доз растворов.

К сожалению, и усилия врачей-неотложников, и все старания бригады хирургов оказались тщетными. Солдатика убила не сама эвентрация, то есть наружное выпадение кишечника, а массивное внутреннее кровотечение. Дело в том, что гиганская вакуумная присоска сильно сдвинула петли кишечника, оборвав брыжжейку - плёнку, которая удерживает кишечные петли и питает их. В брыжжейке идут крупные кровеносные сосуды. Именно их разрыв и привёл к смерти.

При достаточной экзотичности, данная травма всё же не так уж и редка. Когда я был мальчишкой, в моих родных местах на юге Ставропольского края произошёл похожий случай и тоже со смертельным исходом. Там парнишка-семиклассник прикоснулся правым боком к десятисантиметровой трубе, что сливала самотёком воду из прудка в Кубань. Причём труба эта выходила буквально к поверхности того "лягушатника" и выглядела абсолютно безопасной. Но видать в ней было достаточно воды, и перепад уровней пруд-река позволил там создать вакуум. Вокруг купалась одна ребятня и паренька долго не могли отодраться, он так и умер, присосанным. Смерть произошла от травмы печени и сильнейшего внутреннего кровотечения.

Но чаще всего подобное случается в США. Особенно в южных городах на холмистой местности, типа Лос-Анжелеса или Сан-Диего. Там главными "присосками" служат сливные трубы домашних бассейнов, которые так любят американцы. Реже в этой функции выступают вводные трубы насосов для принудительной циркуляции кистально-голубой влаги в этих "чашках" на сотни кубов. Оказавшись присосанными, люди чаще просто топнут, но случаются и травмы. Самый запоминающийся случай подобного повреждения описан в медицинском журнале "Ланцет". Там после "насосно-присасывающей" травмы в области пупка ребёнку удалили более трети кишечника, но жизнь умудрились спасти.

ДРУЖБА РЯДОВОГО С ГЕНЕРАЛОМ или хирургия гениальности

Уж коли мы частенько говорим о кафедре Военно-Полевой Хирургии, то пожалуй и её тогдашнего начальника следует упомянуть. Большой хирург, блестящий учёный, прекрасный организатор, генерал-майор, профессор, но бомж. Точнее, Б.О.М.Ж. - "без определённого места жительства", общепринятая советская аббревиатура. Генерал-бомж в условиях развитого социализма. И это не осквернение памяти заслуженного человека - это он сам себя так называл. А был Дед Дерябин, как кто-то из пролетарских классиков писал - "матёрым человечием!"

Но давайте по порядку. Как-то выпало мне быть свидетелем на свадьбе у одного сокурсника - Вовки Чернова. А батяня у того курка был военно-полевым хирургом крупного калибра и гости там были весьма крупнокалиберные. Короче, сижу я, рядовой. С одной стороны - жених, с другой - генерал Дерябин в форме. За столами от эполетов и лампасов в глазах рябит. Ну как посмотрит какой чин в мою сторону - мне по стойке смирно вытянуться охота. Видит Дерябин - сильно колдобит курка их присутствие. Ну как перед ними бухать, если им же сдавать экзамены? Тогда он тихо так, но властно, говорит мне: "Товарищ курсант, пройдите в коридор". Есть, товарищ генерал! Пять секунд - я в коридоре, а генерал следом неспешно идёт.

- Коньяк будешь? - совершенно неожиданно спрашивает меня Дерябин.

- Никак нет, товарищ генерал!

- Почему?

- Уставом Внутренней Службы не положено! - отвечаю я.

- Ну и глупо! - ухмыляется генерал.

Мне как-то становится неловко от показной "правильности". Пытаюсь сгладить ситуацию: - Товарищ генерал, а вам принести?

- А я уже взял! - и генерал достаёт из внутреннего кармана кителя плоскую фляжку из нержавеющей стали с теснённым профилем Сталина. Свинчивает крышку, нюхает:

- КВВК, армянский, тридцать пять лет выдержки. Один мой ученик прислал - он сейчас на госпитале в Ереване.

Я слюнаю слюнки: - Ну если вы не возражаете и не доложите...

- Ну ты что, и вправду с причудой? Передразнивает: - Не в-ввоз-зражаете, да не доложите! Кому мне на тебя стучать? Самому министру обороны? Я чай генерал... Слушай, а ты сам-то не болтун?

- Да нет, вроде. Курсанты не жалуются.

- Правильно, курсанты на болтунов не жалуются - курсанты болтунов бьют! Дерябин протягивает мне фляжку: - Ладно, посмотрим. Вот мой предшественник, генерал Беркутов, он всех, кого к нам на кафедру в адъюнктуру брал, то прямо в лоб спрашивал: "А ты не сволочь?", Кстати, ты хирургию любишь?

Я, глотаю коньяк, и отвечаю с придыханием: - Не-а... Совсем... Не, ну правда, абсолютно не люблю. Раньше баловался, в кружок, там, к вам на кафедру ходил - да и то больше с Вовкой, ну с женихом сегодняшним, за компанию.

- Ага, значит подлизываться тебе незачем? - заключает генерал в ответ на мою откровенность.

- Так точно, а коньяк какой хороший! Ну такой замечательный, я такого не пробовал, и фляжка такая красивая...

Генерал сразу обрывает меня - Да, ничего коньячок. А ты где живёшь?

- Как где!? Где и все - на Втором Факультете, ну на Маркса девять.

- О, на Девятой Карламарле! Ха, и я там же! Соседи мы с тобой, получается. Хотя, вообще-то я там нелегально. А если совсем откровенно - то я бомж.

- Шутите, товарищ генерал.

- Нет, не шучу. Так, проблемы личного плана... Ну, конечно, была у меня квартира генеральская - всё чин-чинарём. Решил не ссориться, отдал тем с кем жил - пусть радуются, а подробности не интересны. Мне то много не надо - спать в тепле, да книги читать при свете. Ну позвонил я генералу Образцову, а этот куда денется - иди живи на 2-й Факультет, милости просим. Вон и до кафедры рукой подать. А документально оформлять не зачем - и так вокруг одна бюрократия. Так что можно записать меня в Книгу Рекордов Гинесса - я первый советский бомж-генерал!

- А мы вам не мешаем?

Генерал в ответ хмыкнул: - Это я вам мешаю. Как идёшь домой - дежурные при виде генеральской формы орут как полоумные, весь первый этаж "смирняют". Слушай, что-то мы с тобой, брат, заболтались. Свадьба, в конце концов, пора тебе возвращаться к исполнению своих свидетельских обязанностей - ну там свидетельницу танцевать, балагурить, тосты говорить... И не сиди ты как на госэкзаменах! Что, генерал не человек? А человеки на свадьбах веселятся. Значит так - хлебни-ка ещё моего коньячка и пошли в зал.

Через неделю после этой свадьбы стоял я в наряде по курсу. В тот день заступил дежурным по факультету один прапор с курса годом старше. За "добрый" нрав и любовь к уставному порядку все его Рексом звали. Звонит, значит, мне это животное "на тумбочку" - дневальный, гони своего дежурного ко мне в "банку" (так мы окрестили застеклённое КПП в вестибюле Факультета). Я вроде трубку телефонную положил, но телефон у нас был калечный, и рычажки не всегда хорошо вдавливались. Вот и случился конфуз - сидит Рекс в своей стекляшке и через селектор слышит, как я во всю глотку своему дежурному ору: "Игорёха,

беги скорее вниз - тебя Рекс, псина-козлина рябая-кривомордая, по-срочному вызывает! Кто-то, Рекс, говорю - дебилный "кусок".

Пятнадцать секунд, и Рекс взлетел на наш этаж - быстрее, чем мой дежурный от толчка до двери добежал. Морда красная, от злости скулы ходят: "Дежурный, останетесь на этаже, мне нужен этот курсант на продолжительное время для уборки внизу".

Игорёк пытался меня отмазать, но Рекс пригрозил нас всех в конце смены с наряда снять и "паровозом" на следующие сутки опять поставить "за прямое оскорбление прямого начальника". Ну типа, как же так - я аж прапорщик, а вы - говно.

Заставил он меня полы на первом этаже мыть. В общем дело не хитрое, при сноровке за двадцать минут управиться можно. Да как только я этаж домываю, он берёт подошву сапог своих извёсткой мажет и по мокрому полу ходит (как назло там что-то подбеливали, и извёстка в его конуре стояла). А вот уже отмыть извёстку!.. Как не стягивай воду, но как высыхает, так пол в белых разводах. Короче, кто мыл - тот знает. Ну мне делать нечего, всё равно всю ночь мудохаться. Уже я этаж раза три промыл, смотрю Дед Дерябин в спортивном костюме на другом конце коридора за мной внимательно наблюдает. А мне с чего-то ну такой неудобняк стало, вроде как я чем-то постыдным занимаюсь. Пока расстояние было порядочным я делал вид, что генерала не замечаю, а как домыл до него - ну что дальше притворяться, мы ж вроде знакомы. Поднимаю голову, вижу генерал смотрит на меня и улыбается.

- Привет!

- Здравствуйте, Илья Иванович. Ой... Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

- Ладно, ладно... Давай без титулов, я ж не в форме. За что это он так тебя?

- Да вроде как обозвал я его. Случайно, хоть и нехорошо, за глаза получилось - трубка на телефон не легла... Ладно, товарищ генерал, мне мыть надо...

- Да подожди, ты! У Рекса к утру упадёшь.

Тут у меня швабра из рук выпала и челюсть отвисла: - Как вы сказали, у Рекса? Я именно так его и назвал.

- Да так все его называют. Вообще-то я стараюсь жить незаметно, но уж героев Факультета знаю, тут как говорится, кто мало говорит - тот много слышит. Давай, пойдём ко мне чай пить, а то вот я старый стал - бессонница мучает, а до всяких снотворных-седативных не хочу привыкать. Честно сказать, я в дела Факультета ещё ни разу не вмешивался, но попробую тебя на пару часов освободить - и генерал пошёл в стекляшку дежурного.

Через минуту я сидел в генеральской комнатухе - в точно такой же, в какой жил сам, только я ещё делил её с тремя подобными организмами. Конечно, обстановка у Дерябина отличалась от нашей - книжные полки до потолка, вешалка какого-то диковинного дерева, дубовый стол, небольшой сервант с набором красивой посуды. Там же стояла и обычная курсантская кровать со стандартным постельным комплектом и даже заправленная абсолютно по-курсантски, кирпичиком. Тот факт, что Начальник ВПХ оказался знаком до таких мелочей с нашим бытом, меня удивил. Пока генерал хлопотал с электроплиткой, я решал головоломку - толи в русской армии способ заправки кроватей не меняется никогда, и тогда генерал научился ему ещё будучи рядовым, толи кто-то его научил уже на Факультете. Так этот вопрос и остался не выясненным.

Генерал похвастался своими заварочными чайниками. По его словам это лучшие в мире чайники. Для зелёного чая - китайские, из сычуанского фарфора с плетённой ручкой сверху, а для чёрного - индийские из стерлинга (сплава серебра с никелем) и эбонитовой ручкой сбоку. Чайники оказались подарками учеников-азиатов с 5-го "импортного" факультета. Генерал заварил какого-то экзотически-ароматного чая, разлил по чашкам, в каждую бухнул по доброй ложке коньяку (самого обычного "Самтреста" три звезды). Себе взял кусок сахара, но в чай не положил, а положил в чайную ложку, залил вонючей валерианкой и морщась отправил в рот.

Почему-то мне стало абсолютно ясным душевное состояние этого деда - на предсознательном уровне пронеслись подобострастные лица молодых хирургов, шепотки умудрённых коллег за его спиной с немymi вопросами - "а не пора ли, генерал, на покой; уйди - нам свежий старт нужен", и его собственная чудовищная тоска и одиночество, сродное тому, что называют "одиночеством в толпе". Генерал с полчаса пытался создавать видимость диалога, якобы интересуясь нашей учёбой, но было видно, что это дань вежливости - то, что надо ему, как профессору Академии, он прекрасно знает и без моих комментариев. Затем дед пустился в воспоминания. Рассказывал много и интересно - жаль сразу не записал, а сейчас, через четверть века, разве вспомнишь!

Но одна вещь мне врезалась в память намертво. Далеко за полночь Дед Дерябин наконец подустал, и я понял, что пора идти домывать пол или, если Рекс изменил свое решение после генеральского визита, то спать. Я поблагодарил генерала и встал из-за стола. Генерал тоже встал, и задумчиво посмотрел на настенный календарь: - Подожди минуту. Слушай, ты можешь мне сделать маленькое дело?

- Ну, постараюсь. Только мне в город выход не скоро - я "залётчик", нарядов полно ещё, - отвечаю извиняющимся тоном.

- Да не надо никуда выходить. Дел то, через Боткинскую перейти! Я бы не просил, да завтра учёный совет аж на пять вечера назначили - скорее всего опять допоздна затянут. Своих же просить не охота - опять судачить начнут... И ведь ничёго по сути не надо! Надо проторчать с шести до девяти перед кафедрой и дожидаться прихода странного человека с ведром цветов. Быть снаружи, в здание не заходить. Ну а вечером ко мне сюда прийти и описать, что видел. Да не бойся ты, не шпионаж это. Если он завтра придёт - ты не ошибёшься, сразу его узнаешь! Так, задание понятно? Тогда после девяти жду с докладом, а в награду я тебе расскажу одну интересную историю. Ну всё. Спокойной ночи!

Я вышел из генеральской комнатухи. Заглянул в "банку" к Рексу - тот шумно храпел, развалившись на кушетке. Конечно же будить я его не стал и быстро прошмыгнул к себе - похоже моё наказание на сегодня закончилось.

На следующий день к назначенному времени я был перед клиникой Военно-Полевой Хирургии. Жду. Вот уже наш старшина Абаж-Апулаз погнал курс на вечерний выпас - на ужин, где рыба плюс картошка-пюре, день в день третий год без перемен. А "скотопрогонная тропа" - это прямо-мимо-возле меня, тысячу раз хоженный маршрут. Чтоб меня не заметили, я спрятался за Боткиным, перемещаясь вокруг памятника по мере прохождения курса. Вскоре я понял, что мёрз не зря.

Прямо к крыльцу подкатила чёрная "Волга" с госномером. Быстро вылез шофёр в сером пиджаке и при галстукe - крепкий стриженный дядька кагэбэшного вида. Он как-то колко, наверное профессионально, осмотрел пяточок перед зданием, затем открыл пассажирскую переднюю дверку и вытащил громадный букет цветов. Да каких! Там были каллы, белые лили, красные короны - ну те, что цветками вниз, и ещё какое-то чудо, похожее на наперстянку. Меня, привыкшего к зимнему репертуару "тюльпан-гвоздика" с лотков кавказцев перед метро, букет потряс.

Наконец водила открыл заднюю дверь "персоналки" и помог вылезти пассажиру. Сразу стало ясно - какой-то туз. А вот сам туз выглядел странно. Нет, одет он был что надо - дорогуший плащ-пальто из натуральной чёрной кожи с меховой подбивкой, пожалуй тоже натуральной. На голове норковая шапка-"пирожок", как у тогдашних совсем больших людей, всяких там членов ЦК или Политбюро. Но первое, что бросилось в глаза - человек явно страдал тяжёлыми неврологическими расстройствами. Его движения были плохо координированными и перемежались инволюнтными дёрзаниями всего тела, руки била крупная, почти паркинсоническая дрожь. Он опёрся на трость и сильно выбрасывая одну ногу в сторону заковылял к двери. Его шофёр не на шутку встревожился, что человек пошёл

один, побежал и первый открыл дверь - даже не столько, чтобы помочь, как скорее убедиться, что "в тамбуре чисто". Я вдруг понял, что первый раз в жизни вижу проводку охраняемой персоны, ведь у наших генерал-полковников, начальников ВМА и ЦВМУ*, водилами были простые солдаты, а не профессиональные телохранители.

** Военно-Медицинская Академия и Центральное Военно-Медицинское Управление - высшая инстанция военной медицины в СССР*

Второе, что совершенно сбило меня с толку - это страшное уродство. Голова "туза" была несимметричной из-за чудовищных деформаций черепа, один глаз выше другого, очки с сильными линзами с оправой явно под спецзаказ, лицо всё в грубых старых шрамах, но в общем выглядит слишком молодо для старпёра такого ранга.

Я хотел было пройти за человеком, да вспомнил, что генерал просил (или приказывал, если угодно) в здание не ходить. Простоял на морозе ещё с полчаса, пока парочка не вышла. Я был далековато, но мне показалось, что у туза-урода под очками блестели слёзы. Разглядеть толком я не сумел - его кагэбэшный шоферюга моментально вперил в меня тяжёлый взгляд, он явно запомнил, что я тут был по их приезду. К тому же уже слышался стадный топот идущих со столовки курсов, а попадаться "вне строя" на глаза в мои планы не входило. Оставалось только повернуться и бежать на Факультет.

В коморку к Дерябину я попал лишь после вечерней проверки. Дед опять спать явно не торопился. Я подробно, как мог, рассказал (доложил, если угодно) ему, что видел. У самого любопытство свербит как шило в большой ягодичной мышце. Дед молчит. Я не выдерживаю и спрашиваю, мол кто это, если не секрет?

- Секрет! Потом Дерябин видит крайнее разочарование на моей физиономии и добавляет: - Да, правда секрет, не мой секрет - казённый. Но раз обещал, то намёком скажу - это учёный-оборонщик.

- Это он вам цветы приносил?

- Мне!? Да он со мной не разговаривает, как и с любимым врачом в форме!

- А что так?

- Что, что - а то, что я его должен был убить!

- Как убить? - спрашиваю я ошалело.

- Да так и убить - очень просто, холодным оружием, скальпель же холодное оружие.

- А-аа, ну там, врачебная ошибка! - догадался я.

Генерал грозно сверкнул своими глазами: - Запомните, коллега, врачебные ошибки, а тем паче ошибки военного хирурга убийством не являются, как бы прокуроры не внушали нам обратное. А будешь считать иначе - не сможешь работать. Стал бы я тебе из-за этого огород городить! Я должен был преднамеренно убить этого человека, но не просто, а крайне изысканно - в лучших традициях центрально-американских индейцев, всяких там майя или ацтеков. Я должен был у него вырезать бьющееся сердце!

Я думаю - дед гонит, хотя вида не подаю. Генерал с сомнением посмотрел на мою деланно-невинную физиономию, поставил чайник и неспешно стал рассказывать:

- Цветы эти для его второй мамки в честь его второго Дня Рождения. О чём речь сейчас поймешь: Было это по моим понятиям - недавно, по твоим - давно. И был шанс у Академии стать вторым местом в мире (а может и первым!), где была бы осуществлена трансплантация сердца. Это сейчас все привыкли смотреть на западные достижения, как на икону. Тогда же мы им дышали в затылок, и уж что-что, а Южная Африка для нас авторитетом не являлась. Главную роль играл не я, а академик Колесников с Госпитальной Хирургии. Они там к тому времени уже тонну свиных сердец пошинковали, да и на собаках кое-что отработано было. Что думаешь, экстракорпоралка* у нас слабая была? Что без забугорных оксигенаторов не прошло бы? Да мы тогда уже над пузырьковой оксигенацией смеялись, вместе с "Медполимером" разработали хорошие насосы и мембраны - гемолиз, то есть разрушение кровяных телец во внешних контурах был весьма приемлимым. Да, была наша оксигенация в

основном малопоточной - ну а делов то двадцать литров дополнительной крови в машину залить! Всё равно больше выбрасываем. А какие наработки по гистосовместимости**! Да нам неофициально вся Ржевка помогала - я имею в виду Институт Экспериментальной Военной Медицины, они же там со своими "химерами", ну облучённые с чужим костным мозгом, нам все реакции отторжения смоделировали! А про оперативную технику я вообще молчу.

* *Экстракорпоральный контур - цепь аппаратов и сложный процесс, обеспечивающий насыщение кислородом и искусственную циркуляцию крови в организме без сердца*

** *Гистосовместимость - законы сочетания антигенов тканей при пересадках; простейший пример - группы крови*

Короче всё готово. Но... Но очень большое "но" остаётся. Через Минздрав такое провести было невозможно, даже через их 4-е Главное Управление*. И досада, кроме политической, вторая главная препона - юридическая. Ну вопрос, когда человека мёртвым считать. Сердце бьётся - значит жив, а когда сердце мертво - так на что нам такое сердце! Подбил меня Колесников с ним на денёк в Москву съездить, на приватный разговор к начмеду в Министерство Обороны. А тут пальма первенства уже утеряна - как раз в те дни "супостаты мотор пересадили". Речь идёт по сути о повторении достигнутого. А ведь в СССР как, раз не первый - значит и не надо. Что с луной, что с сердцем. В Управлении же и резко рубить не охота, и напрасно рисковать не желают. Ситуация - ни да, ни нет. Хлопцы, разок попробуйте, но из тени не выходите, мы тут наверху за вас не отвечаем. Получится - к орденам и звёздам, нет - к неприятностям.

* *Четвертое Главное Управление при Минздраве СССР - самое элитное и закрытое учреждение советской медицины, обслуживавшее верхушку власти*

Тогда придумали мы бюрократическую процедуру, которая помогала эти ловушки обойти. Несколько потенциальных реципиентов подобрала Госпиталка, всех протестировали. Дело ВПХ за малым - добыть донора. Мы даже придумали как нам через Боткинскую с ним "прыгать", тогда ни технологии, ни контейнеров для спецтранспортировки органов и в мыслях ещё не существовало. Кому донорское сердце больше подойдёт - тому и пересадыт. Так вот, был у нас документ с печатью ЦВМУ за подписями Начмеда и Главного Хирурга. Было в том документе упомянуто 11 фамилий на 12 пунктов под подпись. Десять военных, ну кто к "донорству" будет приговаривать, одна - пустой бланк (это на согласие от ближайшего родственника "покойника"), и последняя, самая малозначительная подпись вообще считай лаборанта - подтвердить оптимальную совместимость донор-реципиент при "переводе на казнь" в Госпиталку! Ну не совсем, конечно, лаборанта - я специально пробил должность в лаборатории клиники. Ну там иммунология-биохмия всякая, и мгновенно взял туда молоденькую девочку сразу после университета. Нет хоть одной подписи - и "донор" автоматически остаётся в нашей реанимации до самого "перевода" в Патанатомию.

По понятным причинам намерение держим в тайне и ждём "донора". Через пару недель происходит "подходящий" несчастный случай. Считаю рядом с Академией, сразу за Финбаном, пацан 17 лет на мотоцикле влетает головой в трамвай - прямо в ту гулю, что для вагонной сцепки. Скорая под боком - пострадавший наш, профильный, доставлен в момент. Прав нет, но редкость - в кармане паспорт. Посмотрел я этого травмированного - категория уже даже не агонирующих, а отагонировавшихся. Травма несовместимая с жизнью. Но на ЭКГ все ещё работающее сердце! Голову кое-как сложили, с кровотечением справились и быстро на энцефалограмму. Там прямые линии - красота мёртвого мозга. Говорю сотрудникам - боремся с возможной инфекцией, в башке то точно некрозы пойдут! Ну нельзя же сделать хирургическую обработку травмы мозга в виде ампутации полушарий под ствол, а там всё побито! И конечно реанимационное сопровождение и интенсивная терапия по максимуму - тело сохранять живым любой ценой, пока мы наш "адский документ" не подпишем.

Первым делом согласие родственников, без него всё дальнейшее бессмысленно. Одеваюсь в форму, беру для контраста с собой молодого офицера и пожилую женщину, чтобы легче было уболтать любого, кто окажется этим ближним родственником. Мчимся по адресу в паспорте куда-то на Лиговку. Заходим. Комната в коммуналке, на полу грязь страшная, на стенах засохшая рвота, вонь вызывает головокружение, из мебели практически ничего, похоже живут там на ящиках. Оказывается, что существует только один ближайший, он же единственный родственник - его мать. Человеком её уже было назвать сложно - полностью спившееся, морально деградировавшее существо. Такого я ещё не видел - её главный вопрос был, а можно ли НЕ забирать тело, чтоб не возиться с похоронами. К сыну похоже она вообще не испытывала никаких положительных эмоций, а истерика и вопли моментально сменились откровенными намёками, что по этому поводу надо срочно выпить. Я послал офицера купить ей три бутылки водки. Документ она подписала сразу, как услышала слово водка! Получив подпись мы с брезгливым осадком пулей вылетели из той клоаки.

Но ещё более интересную новость я узнал чуть позже, когда в клинику прибыл тот офицер, что был послан за спиртным для "ближайшего родственника". Он столкнулся с другими обитателями той коммуналки и узнал некоторые подробности о самом "доноре" - крайне асоциальный тип, хулиган, исключался за неуспеваемость из школы и ПТУ, хоть и молод - сильно пьёт, страшно избивает свою мать! Короче, яблоко от яблони... А ещё через десять минут, как по звонку свыше, в клинику пришёл следователь и принёс ещё более увлекательную информацию - мотоцикл "донора" краденный, точнее отобранный в результате хулиганского нападения, а сам "донор" и без этого уже под следствием не то за хулиганство, толи за ограбление. Похоже, что за всю жизнь единственное хорошее дело "донору" ещё только предстоит - и это отдать своё сердце другому.

Быстро все обзваниваются - собираем заключительный консилиум бумаги под "приговор" подписывать. Все ставят подписи - сомнений ни у кого нет. Только одну подпись не можем пока поставить - анализы не готовы, времени не достаточно их завершить. В Госпитальной Хирургии идёт подготовка операционной, а у нас ответственной за лабораторию велено сидеть на работе, пока результатов не будет. Ну вот наконец и это готово - иди, ставь свою последнюю подпись! Тут эта девчушка и говорит, мол по документу на момент подписания я обязана совершить осмотр! Тю, ты ж дура, думаю. А десяток академиков-профессоров, совершивших осмотр и разбор полдня назад, тебе не авторитет!? Ну вслух ничего такого не говорю, пожалуйста, идите. Смотрите себе тело под аппаратом, только не долго.

Она и вправду недолго. Пошла, взяла ЭЭГ, а мы ему энцефалограммы чуть ли не непрерывно гнали - как не было, так и нет там ничего. Мозг - аут! Стетоскоп достала - вот умора, да её в клинике со стетоскопом ни разу не видели. На что он ей вообще? И что она там выслушивать будет - "утопил" ли дежурный реаниматолог его или пока нет? Да мне уже всё равно - счёт, пожалуй, на часы идёт. Что-то она там потрогала, что-то послушала, толком ничего не исследовала - курсант после санитарной практики лучше справится. А потом поворачивается ко мне и так это тихо-тихо, но абсолютно уверенно говорит:

- Он живой. Не подпишу я...

Девочка, ты деточка! Да ты хоть представляешь какие силы уже задействованы?! Отдаёшь ли ты себе отчёт, что ты тут человек случайный - почти посторонний? А понимаешь ли ты, что городишь ты нам полную чушь - кровь в пластиковом контейнере тоже живая, а вот человек - мёртвый. Тело есть, а человека в нём нету! Короче ругали мы её, просили, убеждали, угрожали увольнением. Нет, и всё. И ведь сама по себе не упрямая, а тут ни за что не соглашается. Мол если я ноль - то и делайте без моей подписи. Сделали бы, да не можем мы без твоей подписи.

На утро собрались все главные действующие лица. "Донор" терпит? Да пока терпит - ни отёка легких, ни инфекции, кое-какая моча выделяется. Стараемся, ведём этот "спинно-

мозговой препарат" как можем. А может потерпеть, если Колесников в Москву слетает и переутвердит новый документ? Не знаю, надежды мало. Короче день мы решали лететь или не лететь. Потом полетели. Что-то сразу не заладилось. А там выходные. Восемь дней волокита заняла. А "донор" терпит! Горжусь - во мужики у меня в клинике, мертвеца столько ведут.

Наконец назначен новый консилиум с "вердиктом". Только не состоялся он - ночью на энцефалограмме кое-какие признаки глубокого ритма появились. Всё - дальше по любому не мертвец, а человек. Зовём спецов с Нейрохирургии - пусть погадают. Много они не нагадали - ведите как сможете, прогноз неблагоприятный. О том, что это был кандидат в доноры сердца - табу даже думать. Обеспечиваем секретность, как можем.

Долго он был в нашей реанимации. Сознания нет (а я тогда был уверен, что и не будет), но мозг ритмы восстанавливает. Попробовали отключить искусственную вентиляцию лёгких. Без ИВЛ дышать пытается! Дальше - больше. Перевели в Нейрохирургию. Там ему много чего сделали, но ничего радикального - всё как у нас, что природа даст, то и прогресс. В контакт вступает, что-то старается глазами показать, мычит - говорить пыжится, шевелится.

Уже порядком восстановившись из Нейрохирургии он попал в Психиатрию. Наверное для учебного процесса психо-органический синдром* демонстрировать. А там вроде вот что было - перечитал все книжки, и всем надоел. Ну кто-то и подшутил - сунул ему вузовский учебник по высшей математике. А ещё через полгода комиссия и первая (!) группа инвалидности. А ещё через полгода ещё комиссия - пацана в ВУЗ не берут! Молит-просит - дайте вторую. Что он закончил, я не точно не знаю, по слухам Московский Физтех. Пять лет за два года. Если это не легенда - то на экзамены ходил так - один экзамен в день. Сегодня сдаю ну там математику за первый семестр, завтра сопромат за пятый, послезавтра ещё что-то за девятый. Заходил на любой экзамен вне зависимости от курса. А к концу второго года что-то такое придумал - короче моментально целевое распределение в какой-то сверхсекретный "почтовый ящик". Ну а финал ты сам сегодня видел.

* Тяжёлые нарушения психики в результате травмы мозга

Колесников год ходил грознее тучи - полностью подробностей не знаю, но похоже кое-что просочилось на самый верх в ЦВМУ и выше в МО. Вроде сам маршал Гречко* об этом узнал - может как байку в бане кто ему рассказал, а может в сводке прошло, типа вон в ВМА пытались сердце пересадить, да ничего не вышло. Видимо посчитали там наш подход к решению проблемы авантюрным, направление быстренько прикрыли. Особисты и люди из Главпура** нас самого начала предупреждали - какая-либо информация только в случае полного успеха. Боялись видно, что вражьи голоса злорадно запоют - в Советском Союзе провалилась попытка пересадки сердца, а вот у нас в Мире Капитала с пересадками всё ОКэй, как зуб вырвать. Нам последствий никаких - пострадавших то в этой истории нет, да и вообще полная картина известна единицам, и с каждым годом этих "единиц" меньше и меньше становится... Люди, подписавшие этот конфузный документ молчат, а сам документ мы уничтожили - всё равно он силы без той подписи не имел, чего макулатурой архивы забивать? Всё вроде тихо-спокойно... Забывается потихоньку. Но одна тайна всё же мне покоя не даёт. Невозможно это, ну абсолютно исключено и совершенно не научно. Но факт...

* Министр Обороны СССР

** Главное Политическое Управление

Знаешь, никто ему не мог сказать, что он "донором" был. Мы с Колесниковым все варианты перебрали. Некому было рассказать. А он знает! Притом знает всё с самого начала. Даже как под ИВЛ трупом лежал.

- Ну вы же сами говорили, учёный не простой, ну там КГБ вокруг всякое. Они же ему и сказали! - предположил я.

- Глупости! Не получается так.

- Ну а тётка эта?

- Нет, нет и нет! Парадокс, что он вообще её знает. А ещё больший парадокс, что всю дальнейшую историю эта иммунологша знает только со слов самого "донора"! Я ведь от неё избавился сразу после отказа подписаться. Два года спустя разыскал её - меня сильно совесть мучила. Предложил вернуться в клинику, посоветовал хорошую тему для диссертации. Она никогда не интересовалась судьбой "донора" - история в её изложении была очень простой: "донор" умер, тему закрыли, генералов надо слушаться. Так она и считала, пока "донор" уже в теперешнем виде не явился к ней ровно в тот же день, как она сказала, что он живой. А сам "донор" знает только то, о чём говорилось в его палате. И значить это может только одно: когда у него на энцефалограмме прямые линии ползли, ОН ВСЁ СЛЫШАЛ!!! Слышал и помнил...

Дерябин взял кусочек сахара и обильно полил его влерианкой: - Ладно, поздно уже. Иди спать и не болтай много!

ГЕНОТИП

или сила крови

Я о своей дружбе с генералом не распространялся и ей не злоупотреблял. Да и вообще подходит ли слово "дружба" к нашему знакомству? Профессор Дерябин такое отношение оценил, и как мне казалось, порой нарочно выходил в коридор как раз перед обязательными построениями, когда всё население Факультета гарантировано промелькнёт перед его глазами. Тогда он едва заметно махал мне рукой, подавая знак зайти к нему вечером. Такое происходило периодически, хоть и не очень часто. Редкими визитами я навещал Деда до самой его смерти, что случилась к великому сожалению, когда я был на пятом курсе. Той же весной генерал был ещё полон энергии и юмора.

Вечером самого длинного дня в Ленинграде устраивался полулегальный праздник Алых Парусов - народное гуляние в честь самой белой ночи. Хоть и самый разгар сессии, но прогулять этот день, точнее всю ночь напролёт мы считали своей обязанностью. Однако от нашего начальства такие намерения не скроешь, вот и устроили нам вечернюю поверку с полковничьим личным присутствием. Ночные гуляния откладываются до полуночи - как начальник спать уедет. Пока же до поверки ещё куча времени, и его надо как-то убить, ведь перед таким мероприятием, как распевание со знакомыми студентками песен на станах Петропавловки с обязательным распитием спиртных напитков, никакой учебник в голову не полезет.

Дед Дерябин вышел на крыльцо Факультета в своем любимом спортивном костюме и тихонько стоял там, словно любясь высоким вечерним солнцем ленинградского июня. Наш курс только что поужинал и строем пришёл со столовой. Стоим и слушаем нудные морали старшины. Наконец он выговорился, распустил строй, и курсанты повалили в двери. Генерал улучил момент, как-бы невзначай поймав меня взглядом, и подал свой знак. Появилась прекрасная возможность скоротать пару часов перед вечерней поверкой.

Когда я зашел к профессору, то чай уже был готов. Генерал положил перед моим носом целую коробку шоколадных конфет и как всегда начал свой неторопливый расспрос о нашей жизни. Я не стал скрывать от Деда своё намерение прогулять в самоволке всю ночь. В ответ генеральские глаза как-то озорно заблестели, видать в свою молодость он тоже подобным баловался. Пораспрашивал о подругах. Посоветовал, уж если и приспичит делать серьёзный выбор, то надо обязательно посмотреть на родителей зазнобы. Я в ответ несколько неуважительно хмыкнул. Генерал улыбнулся.

- В двадцать-то лет конфликт отцов и детей ещё рассматривается исключительно с позиции последних. Назидать я тебя не собираюсь. Лучше я тебе одну нашу академическую сплетню

расскажу, а выводы ты делай сам. Нашу, в смысле генеральскую, сплетню:

Соседкой нашей академии является Артиллерийская академия - если с Литейного моста смотреть, то медики по правую сторону, а артиллеристы по левую. Чтобы из одной академии в другую добраться, всех делов проспект Лебедева перейти. Между собою эти академии жили очень мирно, так как их пути и интересы никак не пересекаются. То есть где-то, конечно, пересекаются, но это далеко и высоко, в Москве, в Министерстве Обороны, а в повседневной жизни наше бытие абсолютно автономное друг от друга. Видать из-за такого географического соседства и возникла у начальников обеих академий большая дружба.

Наш начальник генерал-полковник Иванов, а начальник Артиллерийской Академии - генерал-полковник Анисовец. Равенство званий и полная независимость друг от друга такой дружбе весьма способствовали. Любили генералы друг к другу в гости съездить, на дачке рыбку половить, в картишки перекинуться, да в баньке попариться. У медицинского генерала уж внучата нарождаться стали, а вот у артиллериста... Облом, короче - не было у Анисовца детей. Ну над мадам Анисовец вся кафедра Гинекологии колдовала, да без толку. Точного диагноза я не помню, но вывод был один - медицина бессильна. Очень такое заключение генерала Анисовца опечалило, что он своему другу и высказал.

На кафедре Гинекологии ВМА в то время начальствовал один военный профессор, полковник Цвилёв. Знаешь же классификацию советских полковников - "товарищ полковник", просто "полковник" и "эй, полковник!". Для медицинского генерал-полковника обычный полковник медицинской службы в любом случае попадал под категорию "эй-полковников", будь ты хоть трижды профессор. Позвал Иванов Цвилёва и говорит: "Проблему моего друга необходимо решить самым наилучшим образом - надо найти очень хорошего ребёнка на усыновление." Точнее на удочерение, очень Анисовцам девочку захотелось. Критерии были просты - родители должны быть стопроцентно здоровы, очень умны и красивы. Козырнул Цвилёв, ответил вечно-военное "Есть!" и принялся за работу.

Уж по каким каналам он ребеночка искал, я и понятия не имею, однако нашёл, что потребовали, и весьма быстро. Молодую беременную привез к себе в клинику аж за месяц до родов. Досконально обследовал, убедился в полном здоровье, лучший курс витаминотерапии провёл и точно в срок сам роды принял. Ну подождал ещё дней десять - проконтролировал, чтоб ребенок на полноценном грудном питании был, и пошёл докладывать начальнику академии. Оба генерала пристальные смотрины "генотипа обеих сторон" устроили. И по документам генеалогию родителей перекопали самым тщательным образом, и в личных "очных ставках" присутствовали - младенец, как не поверни, на пять с плюсом. Девочка, две недели от роду, роды неосложненные, быстрые, естественные. Вес три-триста. Ни группового, ни резусного конфликтов, никаких заболеваний у матери не до, не во время беременности, ни токсокоза, ни осложнений. Биологическая мать из самой, что есть благополучной семьи - питание беременной было полноценным, психологические стрессы отсутствовали. Дедушка по материнской линии доктор наук, бабушка - кандидат. По отцовской линии науки меньше, но общественный статус повыше - дедушка был так себе, невесть каким партийным начальником в Ленисполкоме, а вот бабушка из мира искусства - на весь мир известным преподавателем консерватории.

Одно только "но" оставалось - отец ребенка только месяц назад, как поступил на первый курс юрфака Ленинградского Университета, а мама вообще малолетка - только перешла в девятый класс средней школы. Озаботил этот факт медицинского генерала, собрал он всех знатоков человеческой генетики у себя в кабинете и попросил (или приказал) дать им свое научное заключение о молодом возрасте родителей, и как такой фактор на потомстве может отразиться. Учёные корректно попросили недельку на раздумья, чтобы свои выводы результатами мировых исследований, опубликованных в открытой литературе, подтвердить. Через положенное время вся "генетическая экспертиза" является с докладом - если зачатие без осложнений было, в смысле не по пьяне и без какой-либо наркоты-химии, то ранний

возраст только плюс - меньше риск мутаций и отклонений от исходного генотипа.

Позвал тогда генерал-полковник Иванов главного особиста Военно-Медицинской академии, и просит (тут уж точно просит - военному КГБ не прикажешь) устроить небольшой допросец самим родителям. Для Гебухи дело пустяковое, тем паче если заслуженному человеку надо. Явились школьница, первокурсник и оба генерала в гражданской одежде (не разглашать же тайну удочерения!) в назначенное место, что скорее всего было на Литейном-4, в главном КГБшном здании Ленинграда. Папа с мамой загляденье - мать, хоть и молода совсем, а уже красива по взрослому, как обложка с "Плэйбоя", ну а отец как герой с советского плаката. Родители от страха дрожат - всё что есть, как на духу перед взрослыми "агентами в штатском" выкладывают: "Ну согрешили мы, так как живём недалеко. Не пили, не курили. От ребёнка надо избавиться, так как малышка нашей обоюдной будущей карьере мешает." Очень генералам такой ответ понравился, быстренько оформили необходимые документы об удочерении, а о том, что ребёнок приемный тайна получилась полная - родители отказ безоговорочный подписали, вроде как и не сношались, и не рожали никого.

Мадам Анисовец и муж-генерал в приобретенной дочке души не чаяли. А девочка своим биологическим родителям соответствовала на все сто - красива была, как на открытке, училась на одни пятерки, в школе активистка и спортсменка, учителя не нарадуются, а одноклассники, так все поголовно в любви признаются, класса этак с пятого... И все было благополучно до конца восьмого класса. Четырнадцать полных лет прошло с момента, как профессор Цвилёв сию малышку на руках своих держал, и вот нате - опять она в его клинике очутилась!

Снова вызывают генералы эй-полковника Цвилёва и говорят: "Можно ли что-нибудь придумать, типа аборт на таких сроках сделать?" Цвилев же, хоть и военный, но гуманист, им и отвечает: "Виноват, товарищи генерал-полковники, но никак нет. Окончательно и бесповоротно - девочке рожать через месяц!" Опечалились тогда оба генерала и приказали Цвилёву найти хорошую семью на усыновление (на этот раз там был мальчик, это полковник-гинеколог ультразвуком определил).

А ты вот фыркаешь, когда я тебе говорю, что смотрины надо с родителей начинать. Этож какой фактор - сила крови! Ладно - пора тебе на поверку строиться, а потом своих студенток над Невой тискать. Иди, а то опоздаешь.

БОЛТ МИОКАРДА

На Пятом Факультете в Академии учились одни иностранцы, но готовили из них тех же военврачей. Поэтому и программа у них была весьма схожей с нашей, ну разве за исключением секретных лекций - им особо щепетильную военную информацию не давали. В остальном всё как у нас, даже физподготовка с приличными нагрузками. А это значит, что и обязательный медосмотр им полагался. Правда на медосмотре чувства "импортных слушателей" щадили. С нашим курсантом как - загнали курс в поликлинику Академии, раздели всех до в чём мать родила, и бегом по кабинетам. Иностранцам же каждому давался номерочек с датой и временем, и они в спокойной обстановке обходили всех положенных специалистов. Правда нашему брату такой подход не нравился - это ж сколько раз за день раздеться-одеться придётся!

И вот на подготовительный курс иностранного факультета зачислили одного слушателя из Йемена. Понятно, почему на подготовительный - год иностранцы учили русский язык, а также старались набрать минимум знаний, хоть как-то прилбижающихся к русской средней школе. С какого Йемена был тот йеменец, с Северного или Южного, я не знаю - как-то не интересовался тогда ближневосточной политикой. Только помню, что оба Йемена друг с другом воевали, и одному из них СССР протянул "братскую руку помощи" в виде военных

советников и оружия. Ну и конечно, их военспецов учить сразу взялись. Так и появился Ахмет в стенах Академии. Недельку-другую поучился, и на тебе талончик на медосмотр.

Пришёл Ахмет в поликлинику. Взвесился, измерил рост, сдал кровь-мочу, и вот первый специалист - терапевт. На осмотр азиатов ставили терапевтов со стажем - в основном таких, кто хорошо знаком с тропическими болезнями и гельминтозами*. Если "новобранец" с Лаоса-Вьетнама-Кампучии, то обязательно не меньше четырёх видов паразитов, если с Африки - не меньше двух, а вот с Ближнего Востока - обязательно один вид червей и букетом какая-нибудь хроническая кишечная инфекция. При этом арабы на здоровье жаловаться не привыкли, а у новичка ещё и проблема с русским языком - кроме "здравствуйте", ничего сказать не может и ничего не понимает. Расспрос исключается, врачу приходится полагаться исключительно на физикальные данные**.

* *Глистнами*

** *То что сам обнаружил при исследовании*

Доктор знаками попросил раздеться. Араб жмётся, словно первый раз у врача, потом после некоторых колебаний неохотно снимает форму. Снять майку потребовало ещё пару минут пантомимы. Наконец можно приступать. Осмотр грудной клетки ничего особого не дал - кроме малюсенького шрамчика в межреберье, ничего особенного. Надо бы послушать. Только положил терапевт мембрану своего фонендоскопа на область сердца, так сразу чуть не подпрыгнул от неожиданности - во первых громко, а во вторых такого он за всю свою практику не выслушивал. Сердце гудело, клокотало и рычало. Иногда в этих шумах слышалось протяжное пш-шшш, как будто в грудной клетке кто-то сдёргивал миниатюрный унитаз, иногда совсем необычное гулкое глук-глук-глук, словно из некой внутригрудной ванны вытекала вода. Иногда оттуда неслась барбанная дробь, иногда кошачье мурлыканье, как при сильном пороке. Но при пороке шумы на каждое сердцебиение одни и те же, а тут разные! Так не бывает.

Направили араба в клинику Факультетской Терапии на электро- и эхокардиограмму. Что такое ЭКГ, всем понятно, а вот что такое "эхо" следует пояснить. Это такая методика с использованием ультразвука, сродне тому, что используют при УЗИ, ультразвуковом исследовании внутренних органов. Только при УЗИ картинка получается, как в ненастроенном телевизоре с помехами, но всё же реальная (наиболее "любим" этот метод в акушерстве-гинекологии, когда не рождённых ещё бэбичек их мамкам показывают), а эхокардиограмма даёт картинку, напоминающую волны - динамику движения клапанов. Тут неспециалист не разберётся. Однако в Ахметовой эхокардиограмме и врачу-кардиологу мало что понятно - на верхушке сердца была зона неподвижности, вроде внутри сердца вырос гриб. Этаким маленький внутрисердечный подосиновик или подберёзовик, совершенно не похожий ни на тромб, ни на опухоль. Наверное этот "гриб" и шумит так странно...

Ещё "эхо" чётко показало дефект межжелудочковой перегородки. Это такая мышечная пластина, что разделяет наше сердце пополам - одна половинка качает венозную кровь в лёгкие, а другая - артериальную по всему телу. Если в этой перегородке будет дырка, то обе крови будут смешиваться - венозная кровь, где мало кислорода, будет "портить" артериальную. Ещё напором крови через такую дырку сильный левый желудочек может запросто раздуть слабый правый. А когда правый желудочек раздуется, то хорошо качать кровь через лёгкие он не сможет - образуется венозный застой. Таким больным даже лечь проблема - "сидячая" инвалидность с кашлем и кровохарканием, а потом долгая и мучительная смерть.

Иностранцы под наш 185-й Приказ, согласно которому в те годы из армии по здоровью комиссовали, никак не попадали. Поэтому хоть ты трижды калека - но если есть желание, то учёбу можешь продолжать. У Ахмета желание было. Тогда позвали ему в переводчики другого араба-старшекурсника и предложили операцию - хирургически закрыть этот дефект.

Ахмет согласен. Ну раз согласен - ложись в клинику Госпитальной Хирургии, там у нас сердце оперируют.

Хорошо в СССР медицина бесплатная. В Штатах бы такая операция за сотню тысяч долларов запросто зашкалила, даже ещё по тем "тяжеловесным" долларам 70-х. Ахмет пользуется моментом - бегом на Госпиталку. Свою экзотическую форму сдал сестре-хозяйке, от неё же получил халат и тапочки и айда на обследование. Клиническое обследование отличается от амбулаторного своей дотошностью. Начало обычное - сдать анализы. Потом рентген грудной клетки. Ахмет прошёл в тёмный кабинет, стал под аппарат. На большом экране вместо привычного негатива рентгеновских плёнок картинка-позитив, как в чёрно-белом телевизоре. Вот ярко высветились лёгкие, на них рёбра и позвоночник с мягкой тенью сердца, на фоне которой... Не может быть! Именно так рентгенолог и воскликнул: "Не может быть, там же у него болт!" Первая версия всё же, что болт просто в грудной клетке, вероятно случайно проглоченный и образовавший пролежень в пищеводе. Однако стоило повернуть араба в боковую проекцию, все сомнения сразу отпали - болт сидел в миокарде! Чётко видно, как он покачивается в такт сердцебиениям.

Пришлось ещё раз послать за толмачём-старшекурсником и теперь уж собрать настоящий подробный клинический анамнез*. Однако как попал болт в собственное сердце, сам Ахмет не помнил. Более того, он и не догадался, что в его сердце есть что-то лишнее, но единственно правдоподобную версию всё же предложил:

* *Анамнез - опрос больного, история его жизни применительно к болезни*

В Йемене нет ни нефти, ни газа. Да там кроме песка, верблюдов и арабов вообще ничего нет - страна бедная. До начала советских военных поставок с оружием у йеменцев было так себе - обе стороны мастерили противопехотные мины из чего придётся. Чаще всего это были обычные тротильные шашки, а то и вовсе куски допотопного динамита, для увеличения поражающей способности обложенные гвоздями, болтами и гайками. Этаким самодельный аналог стандартного поражающего элемента. Ахмет помнит одно - он на такой мине подрывался. Очнулся уже в санитарной палатке. Из лечения вспоминаются давящие плотные повязки с топлёным курдючным жиром, отвар из верблюжьей колючки, верблюжье же молоко и сон. Провалился он очень долго, но никакой операции ему не делали, да и ни крови, ни растворов не переливали. Даже антибиотиков никаких не давали. Всё само зажило по воле Аллаха. Потом Ахмет "окончательно выздоровел" и поехал учиться на военного врача, правда бегать ему всё ещё несколько тяжеловато... Теперь он понимает почему - в его сердце болт остался, за который он слёзно просит русских врачей, чтобы вытащили. Да продлит Аллах годы их жизни и наполнит их дома достатком! Падджялуйста!

Операцию провёл сам академик Колесников. Болт извлекли, дефект межжелудочковой перегородки ушили. В ходе операции по старым рубцам определили траекторию болта. Тот попал в нижнюю часть грудной клетки со спины, слегка отрекошетив от ребра, прошёл стенку правого желудочка, пробил межжелудочковую перегородку, вышел в левый желудочек, где на излёте и затормозился в самой верхушке сердца*. По всем канонам полевой хирургии такая рана без самой немедленной специализированной помощи гарантированно не совместима с жизнью. И не один раз, а ПЯТЬ! Почему сразу не возникло острой тампонады - смертельного состояния, когда сердце обжимается кровью, вытекшей в сердечную сорочку, и из-за этого останавливается - никто не знает. Удивительно, что этот раненный не скончался от кровопотери, а ещё вероятней от синдрома "пустого выброса", когда сердце перестаёт сокращаться, если его камеры внезапно оказываются пусты от мментального массивного излития крови. Непонятно, почему не погиб от пневмоторакса - состояния, когда грудная клетка пробита, и лёгкое спадается от накопившегося вокруг него воздуха. Не ясно, каким образом он по сути без какого-либо лечения избежал тяжелейших инфекционных осложнений, всяких там гнойных перикардитов, плевритов, да медиастенитов

****.** И совсем странно, как такая рана в сердце смогла самостоятельно зарубцеваться. Впрочем не совсем - дырка то между желудочками все же не зажила. И последнее чудо - как с металлическим объектом в миокарде и таким серьезным пороком Ахмед себя нормально чувствовал?

** Анатомически верхушка сердца располагается в самом низу - это аналог того самого "острячка", что на всех стилизованных картинках рисуют.*

*** Полостей вокруг сердца и лёгких, а также области в центре грудины, неизбежно заражаемых микробами при осколочном ранении такого рода*

Именно на эти вопросы академик Колесников и хотел получить ответы. Когда Ахмед поправился после операции, опять послали за переводчиком, опять принялись за расспросы, и опять ничего не узнали. Тогда переводчика отпустили, но чтобы хоть как-то скрасить научное фиаско, академик-генерал решил на худой конец блеснуть политической "правильностью":

- Вот видите, как трудно живется трудовому народу зарубежом. Никакой медицинской помощи! Ахмед, скажи нам, ты ведь из бедняцкого сословия?

Ахмет непонимающе хлопал глазами. Академик упростил вопрос:

- Ну кем твой папа работает?

На этот раз до Ахмета дошло, о чём его спрашивают. Он вздохнул и обречённо махнув рукой ответил:

- Царёй!

ЦЕНТРИФУГА

Кафедра Биохимии не оставила каких-нибудь особо ярких воспоминаний. Почти... Хорошо помню пол главного коридора из метлахской плитки (мрамор в полированном бетоне), что идёт через всю кафедру. А в конце того коридора на полу есть неровное бетонное пятно, где цемент несколько иной текстуры, а блестящая мраморная галька отличается по цвету. Вроде когда-то дырку в полу заделали. Вот об истории этой дырки и пойдет речь:

Академик генерал-майор медицинской службы Борис Федорович Коровкин давно мечтал дополнить свои старенькие и слабенькие центрифуги на 1 MG для седиментации белка чем-нибудь более серьёзным. Захотелось ему и тонкие фракции осаждать по тогдашнему последнему слову техники. Заказал он кучу зарубежных каталогов и выбрал самую-самую продвинутую центрифугу на 5 MG. Кто забыл, напомню - G это сила тяжести, а M это "мега". Ротор таких центрифуг так быстро крутится, что за счёт этой силы позволяет фракционно осадить, что хочешь. Очень нужный для исследований в современной биохимии белка аппарат.

Самые лучшие центрифуги в то время делала немецко-американская компания "Сименс". С валютой для науки, тем более военной, в советские времена намного проще было - раз надо, значит дадим. Направили все заявки и вот с Внешторга приходит ответ - центрифугу вам продать не могут, так как она попадает под санкции КОКОМ (тогда высокие технологии СССРу Запад не продавал).

Началась бюрократическая переписка - инструмент вроде не для прямых военных целей... Надо отдать должное советским юристам, они нашли факт, что какая-то центрифуга уже передавалась в СССР, но почему-то в рамках космического советско-американского проекта "Союз-Апполон" 1975-76 годов*. Кафедра Биохимии в этой волоките не участвовала. Академик-генерал написал что-то умное в ЦВМУ и выше в МО, типа без такого инструмента советской военной медицине Америку не перегнать, ну и всякие там МИДовские агенты вкуче с военными атташе включились в работу. Пришла бумажка из Москвы, что центрифуга в Академии будет, но по цене в несколько раз большей от указанной. А вот устанавливать её придется самим - КОКОМ импортных наладчиков не пропускает.

**Тогда в силу так называемой "разрядки напряжённости" сделали показное шоу на весь мир - впервые в истории советский космический корабль "Союз" состыковался с американским "Аполлоном".*

Приходит долгожданный день. МинФин платит валюту, и на склады Академии подъезжают несколько большегрузных немецких фур-грузовиков. Сверяются документы - по документам всё нормально. Сверяется заявка. Кроме слова "Центрифуга" ничего не совпадает. Центрифуга оказалась чуть великовата и предназначалась для ВВС - лётчиков-космонавтов в ней крутить!

Налетело комиссий, давай выяснять, кто такую глупость сотворил и на каком этапе верхняя бюрократия свихнулась. Виновных нашли быстро где-то в Москве, но даже вроде не наказали, так как за эту машинку сразу три ведомства друг другу за плотки схватились - Институт Авиационной Медицины, Звёздный и Байконур. Куда же её в конце концов отослали, я и не знаю.

А генерал Коровкин ходит в великом гневе и печали. Опять бумажки в верхние инстанции сочиняет: "Где моя крутилка! Советская Армия боеготовность теряет не по дням, а по часам! Гоните срочно центрифугу, она утверждена в плане обязательных закупок". Возымели действие бумажки - покупают теперь уже "правильную" центрифугу. И опять КОКОМ не пропускает - на той центрифуге стоит супер-секретный воздушный подшипник. Сам ротор весит за центнер, а на тех скоростях, что он крутится при сотнях тысяч оборотов в минуту, его ось никакой материал удержать не сможет - любая композитная супертвердая керамика сгорит, растрескается, изотрётся и взорвётся, а любой металл не только расплавится, но и испарится...

Так что имелось только одно техническое решение - держать эту махину в воздухе. Точнее на специальном потоке-подушке фильтрованного и сильно охлажденного воздуха под гигантским давлением. Этот узел так и назывался аероламинарный несущий воздушный подшипник ультра-высокого давления. Сам же ротор крутился за счёт электромагнитного силового момента банальных проволочных обмоток по его периметру и на внешних контурах - по типу обычного электромоторчика, а балансировался специальной системой электромагнитов. Ко всей этой машине прилагалась куча трансформаторов, каскадных турбин, компрессоров, вакуумных насосов, фильтров и систем охлаждения. Ну и весь этот комплекс на не один мульён долларов того времени тянул. Дорогая игрушка штучного изготовления.

Списался Коровкин с нашими "ящиками", НИИ всякими закрытыми. Ему и говорят: ваш воздушный подшипник - не проблема. Мы на гироскопы тяжёлых ракет подобные штуки имеем. Бери, мол, центрифугу без этого узла - мы тебе несущую подушку за месяц сделаем, нам бы только размеры померить.

Купили центрифугу. Сделали и установили воздушный подшипник советского производства. В подвале под Биохимией выкопали здоровую квадратную яму и залили её бетоном с кучей арматуры - специальный противовибрационный фундамент. На него и поставили центрифугу. Рядом установили все вспомогательные узлы. Ввели должность инженера-эксплуатационщика, чтобы всю эту систему обслуживать. Провели пробные испытания - агрегат пашет как швейцарские часы! Кому надо премии дали. Но когда устанавливали русский подшипник, пришлось отключить всю западную программную систему, в народе называемой "защитой от дурака". Ротор, работающий на таких радиальных ускорениях, требует сверхточной балансировки. Иначе каюк - резонанс. Пробирочки должны стоять в строго определенных местах и каждая должна быть сбалансирована точно по весу другой пробиркой аналогичной массы на радиально-противоположной позиции ротора. Изначально это достигалось автоматически, или аппарат отказывался включаться при

малейшей дисбалансировке, а вот после русской реконструкции приходилось полагаться только на инструкцию, что висела на стенке. Но машина исправно, хотя и недолго, работала и сыпала кандидацкие и докторские, как из ведра.

Пока умные люди на этой супер-центрифуге крутую науку делали, всё было хорошо - медицинские полковники народ в основном серьёзный. Но вот дорвался до передового края науки какой-то жутко блатной не то адъютант, не то клинорд аж в чине капитана. Но по блатате его отказать ему никак не могли и дали столько часов работы, сколько мальчику хотелось. Подвинули докторов-профессоров, мол очень хорошему и перспективному человеку на очень важную тему срочно необходима наша центрифуга. Эх, жаль забыл его имячко - написал бы вкупе с паспортными данными. Курсанты характеризовали его весьма точно - лёгкая степень дебильности, осложненная крайней мохнаторукостью. Так вот это капитанское чмо получило полный доступ и безраздельную власть над мировым достижением технической мысли.

Как-то после шести вечера, когда штатный инженер ушёл домой, сей научный деятель остался в Лаборатории Тонкой Седиментации один. Пара курсантов-кружковцев не в счёт. Взял тот научный светоч тефлоновую ёмкость, залил туда миллилитров двести какого-то своего экстракта и засунул её в первую попавшуюся лунку. Всё! Контрбаланс не сделал. Никого нет - на кой правила эксплуатации соблюдать? Включил машину. Машина не включается - вся красными лампочками мигает и визжит, как "Скорая Помощь" на инфарктном вызове. Не проблема! Капитан уже выучил - под аккуратными импортными кнопочками и тумблерочками есть обыкновенный громоздкий русский выключатель из тех, что в казармах свет выключают. Щелкни его, и какофония с забастовкой у центрифуги сразу кончается - она начинает ротор раскручивать. А если по инструкции, то можно и пару часов с балансировкой провозиться, пока машинные визги успокоишь, да лампочки погаснут. Кому такой непродуктивный подход нужен? Вот и отключил наш гений защиту от дурака и пошёл на второй этаж чай пить. Центрифуга обороты набирает медленно, а там ещё и крутить на заданных оборотах с час надо, короче времени завались. А что там только одна ёмкость в крайнем ряду ротора его никак не волновало.

Проходит час. На кафедре Биохимии тишина. Несколько отработчиков и дежурный преподаватель сидят кучно в одном из классов-лабораторий. ВНОСовцы*, как мыши, тихонько гонят свои эксперименты в подвале. И вдруг.. Пол в коридоре биохимии со страшным грохотом взрывается и в пролом влетает НЛО (неопознанный летающий объект характерной "тарелочной" формы). Крутясь на страшных оборотах и сыпя искры, с визгом пролетев по коридору, эта "летающая тарелка" вышибла какую-то дверь с куском стены в дальнем конце коридора, разгромила всё в лаборатории и затихла. Как вы поняли, это был ротор ультраскоростной центрифуги.

** Военно-Научное Общество Слушателей - додипломная наука курсантов-медиков того времени*

После аварии оборудование ремонту не подлежало и было списано в металлолом. На Биохимии быстро провели ремонт. Блатному капиташке ничего не было - он пошёл дописывать свой диссер на другую кафедру. Гражданского инженера-эксплуатационщика чуть не посадили по статье "преступная халатность", потом правда сжалились и просто уволили за халатное отношение к работе. Из курсантов и преподавателей, находившихся в тот момент на Кафедре, по счастливой случайности никто не пострадал. Методика ультратонкой седиментации больше в академии не применялась. Вскоре и генерал Коровкин уволился на гражданку (тогда академики в почёте были и везде на расхват).

ЗОЛОТИСТЫЕ ЭСТРОГЕНЫ

А вот ещё одна история о глупом капитане. Даже не о глупом, а совсем дураке. Этот

капитан был офицером связи, и служил он не где-нибудь, а в самом Штабе округа. Красвец мужчина, высок и ладно сложен, от поклонниц отбою не было. Правда по месту службы о личной жизни того капитана мало чего знали, у него была нормальная жена, а если он и ходил "налево", то тихо.

Служил себе капитан, не тужил, да с некоторого времени стало одно обстоятельство его сильно огорчать - сослуживцы над ним посмеиваться начали. Обидно так. Войки, они же порой просты до безобразия, а шутки у них сальные, да хамоватые. "Эй связист, дай за сиську подержаться!" Кому такое приятно? К тому же, с грудями у капитана действительно начались какие-то проблемы - они увеличились и стали болезненными, как у девочки-подростка. Потом стала исчезать растительность на лице, щетина на месте бороды и усов стала совсем редкой. И наконец появились приступы учащенных сердцебиений, сопровождавшиеся покраснением лица, обильным потоотделением и головокружениями - точь в точь, как у женщины в начале климакса. И ещё один неприятный момент для молодого капитана, хотя пожалуй и самый незначительный - нечто, что с натяжкой можно назвать ослаблением потенции. По его собственным словам, половую жизнь он вёл так же часто, как и раньше, но вот чтобы кончить ему приходилось возбуждаться намного дольше.

Понятно, что военврач в его части только руками развёл, поставил диагноз "гинекомастия неясного генеза"* и послал этого капитана в ВМА к эндокринологу**. Эндокринолог с лёту тоже первопричины не обнаружил и положил капитана в клинику Факультетской терапии на обследование. Там врачи прежде всего кинулись у него гормонально-активную опухоль искать. Обычно вырастает такая где-нибудь в надпочечниках или гипофизе, и начинает выкидывать в кровь женские гормоны - эстрогены. Эстрогены в свою очередь у мужика начинают формировать женские вторичные половые признаки. Но никакой опухоли у того капитана не нашли.

**Непонятное увеличение грудных желёз у мужчин*

***Специалист по гормонам*

Тогда решили проверить его на скрытый гермафродитизм - редкое состояние из разряда казуистики, когда мужчина может иметь скрытые женские органы. Результат обычный - никакой капитан не гермафродит, а самый настоящий мужик, и генетически, и анатомически. К тому же за время обследования офицер стал себя чувствовать совершенно нормально - никаких тебе "менопаузных приливов", грудные железы болеть перестали, даже как-то спали в размерах, а самое главное - его гормональный фон полностью восстановился.

Давно известно, что у всех абсолютно здоровых мужчин в крови присутствуют женские гормоны, а у всех абсолютно здоровых женщин - мужские. Развитие вторичных половых признаков определяется не самим фактом их наличия, а соотношением их количества. Больше андрогенов - организм развивается по мужскому типу, больше эстрогенов - по женскому. Но и те и другие нашей эндокринной системой образуются всегда. Так вот при поступлении в самом первом анализе крови у того капитана нашли некоторое увеличение доли эстрогенов, но последующие анализы давали исключительно нормальное соотношение.

Примитивный диагноз, поставленный штабным начмедом, так и остался в первоначальной формулировке. Недокопавшись до первопричины, академические светила не смогли его чем-нибудь конкретным дополнить. Но капитану то помочь надо. Хоть здоровье само по себе восстановилось, но женские сиськи то остались! Предложили ему сделать простую операцию, по типу пластической - просто удалить железы и восстановить первоначальный мужской облик его груди. Капитан согласился. Ну что ж, в таком случае спешки не требуется - операция плановая, срочности никакой. Вот вам направление в клинику Общей Хирургии, прооперируетесь через пару месяцев. А пока на выписку и домой.

Через два месяца приходит тот капитан на Общую Хирургию. Потный, красный, сердце

молотится, груди набухшие, снова твёрдые и снова болят. Значит вернулась его болезнь. Подняли его старую историю болезни, и сразу кровь на анализы. Только теперь уже не одним андроген-эстрогенным соотношением заинтересовались, а ещё захотели узнать, какие же конкретно эстрогены присутствуют и в каких количествах? Тонкий анализ, сложный. Отправили образцы на кафедру Биохимии. Те применили самые последние методики того времени и дают однозначный ответ - кроме несколько повышенных концентраций нормальных эстрогенов, фолликулостимулирующего и лютеинизирующего гормонов, да пролактина, в крови найдены следы местранола, этинил-эстрадиола и норэтиндрона - гормонов искусственного происхождения! Стероид норэтиндрон очень похож на женский гормон прогестоген. Он не является эстрогеном, но по женской части тоже очень активный. На основе этого вещества делают противозачаточные таблетки. Неужели капитан их пьёт?! Кто же он - скрытый трансвертист, или тут какая иная причина?

Стали на офицера наседать - так и так, в вашей крови, товарищ капитан, циркулируют излишние женские гормоны, но вместе с гормонами из противозачаточных таблеток. Объясните, пожалуйста, как они туда попали? Каким образом и скакой целью вы их туда вводите? Капитан клянётся и божится, что никаких противозачаточных таблеток он в жизни не пил, никаких эстрогенов себе не колол, что он никакой не гомосексуалист и не трансвертист - своей мужской породой он весьма доволен, любит исключительно женщин и пол менять даже в страшном сне не собирается. Одно только смутило хирургов - после этого разговора уж очень капитан мрачный стал. Сидит в полном одиночестве на подоконнике в коридоре и курит одну за одной в полнейшей депрессии. Позвали тогда они на консультацию психатра.

Приходит психиатр. Для приватности увёл капитана в процедурную, и давай там его расспаршивать. Уж какой он там подход использовал, уж какую психологическую методику применял, но видать оказался профессионалом наивысшей категории - с одной беседы в самые сокровенные глубины души залезть сумел. Ведь какие самые оберегаемые секреты конкретного человека? Секреты сексуальных отношений! Тем более становятся секреты подобного рода тайной в квадрате, если сексуальные отношения отличаются от общепринятого среднего. То, что большинство людей нормой никак не считает и называет сексуальным извращением.

Тот связист действительно любил женщин, любил много и любовью самой плотской. Жену свою удовлетворял ежедневно, а в выходные, так и не раз, но ещё умудрялся по любовницам бегать. Только его мужское хозяйство просто так на женщину не вставало. Необходим был довольно странный ритуал - капитан упрашивал свою партнёршу помочиться ему в рот. А мочу эту пил. После этого у него возникала бурная эрекция, и он страстно удовлетворял свою парию всеми возможными способами. За последующие бурные ласки подруги этого офицера-красавца, включая жену, ему такую странность прощали, а после нескольких "сеансов" даже выполняли эту просьбу с нескрываемым удовольствием.

Вот и весь секрет - большое количество женских гормонов и противозачаточные стероиды, а также продукты распада эстрогенов всё ещё с весьма высокой гормональной активностью, выводятся из организма почками. И жена, и любовницы того капитана регулярно пользовались противозачаточными таблетками, и разумеется их моча кроме собственных эстрогенов, была весьма сильно "подсолена" синтетическими. Такой "коктейль" из натуральных и искусственных гормонов мог запросто вызвать гормональные расстройства с появлением "климактерических приливов" и формированием женских половых признаков. Но при одном условии... Такой мочи должно быть выпито не просто много, а очень много, регулярно и часто. "Так сколько же вы мочи выпиваете?" - спросил психиатр. "Ну у жены каждый день, а у подруг четыре-пять раз в неделю. Каждый раз столько, сколько у них в пузыре удержаться сможет - они знают, что перед моим приходом в туалет ходить не следует, терпят и ждут, а то ведь у нас ничего не получится..."

Операцию пришлось отменить - на следующий день у этого молодого капитана случился самый настоящий инфаркт. И дело тут вовсе не в психологическом стрессе, хотя конечно задушевная беседа с таким признанием, капитанские нервы пощекотала порядочно. Дело тут всё в тех же гормонах - очень известный побочный эффект их излишней концентрации заключается в том, что они вызывают повышенную свёртываемость крови с тенденцией к тромбообразованию. А ведь инфаркт миокарда это всего лишь внутрисосудистый тромб в сердце. Капитанское признание сработало лишь как спусковой крючок, но не как главная причина. Капитана из армии уволили по кардиологической статье, хотя если честно, то всё же стоило ему дать "семёрку" из психиатрии.*

** Статья 76 от Приказа МО N185, куда попадали маргинальные психопатии*

HEAVY METAL*

Тяжёлых последствий от тяжёлого металла хватает. Я не о рок-музыке. И не о тяжелых металлах в чистом виде, вроде изменений личности в погоне за тяжёленьким золотом-серебром или тяжких девяти граммах в сердце. Конечно в последнем случае свинец весьма летальное последствие даёт, да и просто тяжёлая железяка на голову не полезна. Но всё это случаи в общем-то понятные. А вот отравления тяжёлыми металлами часто совсем не понятные!

** Хэви метал (англ.) - буквально тяжёлый металл, музыка такая*

Вольфрамовая звёздочка

Этот случай тоже о странном питии. Как вы уже знаете, нашими соседями были артиллеристы из Артиллерийской академии. И ещё вы наверное знаете, что у всех, кто носит погоны, принято обмывать каждую новую звёздочку, что туда прикручивают при присвоении очередного воинского звания. Медики обмывали свои звёздочки весьма прозаично - нальют в минзурку разведённого спирта, кинут туда знак отличия, а потом спирт выпьют. Правда были уникамы, что спирт не разводили. Тогда его надо было махом глотать, а это опасно - можно ненароком и новенькую регалию в пищевод отправить. Хорошо младшим офицерам - там звёздочки мелкие, а если майор и выше? Такой звездой и подавиться можно.

Но у артиллерийстов дело обстояло совершенно по-другому. У них был свой ритуал! Выполнялся он далеко не для всех - надо было умудриться получить очередное звание в стенах Артиллерийской академии, да ещё не просто так, а в период практических занятий. Тогда учебная группа артиллеристов сбрасывалась на несколько бутылок коньяку, чтобы отметить присвоение чина своему товарищу. Вся группа пила коньяк просто и без затей - со стаканов. А вот "имениннику" доставалось. Старший группы заливал полстакана коньяка в ствол только что отстрелявшейся пушки, а потом сливал чёрно-серую, пахнущую гарью и порохом, мутную жидкость обратно в стакан. Туда бросали звёздочку, а потом под дружное ободрение давали до дна выпить "счастливчику". Последствия обычно были или никакие, или дело ограничивалось лёгким поносом. Правда изредка организм отказывался принимать отдающую металлом и очень горькую гадость, и тогда "новопроизведённый" под бравурные аплодисменты просто блевал. Вырвать на глазах у всех было зазорно, но даже в этом случае офицер считался "порохом прожженным" настоящим артиллеристом.

В этот раз стреляли где-то далеко, километрах в ста от города. Новоиспечённый майор Лобанов решил от традиций не отступать - коньяк на всю группу закупили заблаговременно. А тут ещё и второй повод появился - группа отстрелялась на "отлично". В город отъезжать только завтра, можно и ритуал соблюсти, и выспаться. Эй, старший! Товарищ подполковник, давай выполняй обязанности - заливай пушку, крести майора! Ополоскав звёздочки, майор морщась проглотил "пушечный коньяк". Скрутило желудок, от отвратительного вкуса во рту тут же потянуло на рвоту. Сослуживцы смеясь протянули шоколадку, а потом поднесли

вторую, уже нормальную чарочку. Отлегло, похорошело. Майор принимает поздравления.

День закончен, товарищи офицеры идут на ужин, а потом возвращаются в палатку допивать припрятанное. К ночи всё опорожнили. Посидели немного, потренировались на гитаре, повспоминали прежнюю службу и курсантскую молодость, пора и спать ложиться. И тут майору Лобанову становится плохо. Народ диву даётся - вроде выпито не так уж и много, чтоб с такого взрослого мужика развезло. Но совет народный прост - иди в кусты, а там два пальца в рот и всех делов. Майор поднимается и тут же падает. Во развезло, так развезло! Пытаются его отнести в палатку, и тут замечают, что майор совершенно ни на что не реагирует. Он не пьян, он без сознания!

Все во хмельку, поэтому особенно светиться никому не охота. Может сам отойдёт? Майора хлещут по щекам, в лицо плеснули холодной воды. Похоже, что сам не отойдёт - у Лобанова начались судороги, изо рта пошла пена. Эх, какой вечер испорчен! Хочешь, не хочешь, а надо звонить врачу этого учебного полка. Если вызвать городскую "Скорую", то когда она в эту глухомань приедет.

Прибыл военврач на зелёном "Уазике"-санитарке. От майора запах алкогольный, поэтому первый вопрос: "Сколько выпил?" Сказали не то чтобы честно, а ещё от греха подальше раза в два преуменьшив. Да от такого не то что не упадёшь, а даже не зашатаешься! А про обмывание звёздочек коньяком с пушечного ствола вообще молчок. Тут майора опять судороги бить начали. Врач опрос прекратил, что-то делать надо. Быстро отвёз его в полковой пункт, где вколол ему все противосудоржные препараты, что только были. Судороги стали слабеть, а вот и вовсе исчезли. Меряет доктор давление, щупает пульс - всё в норме! А сознания нет. Кричит в самое ухо, щекочет рёбра, щиплет в самых болючих местах, трёт грудину, что есть силы сдавливает пальцы, колет иголкой - никакого ответа, неврологическая активность на нуле!

Вот и дыхание мельчает и становится реже и реже. "Срочно неси КИ-4!" - орёт врач фельдшеру. Тот прибегает с небольшим кислородным аппаратом для реанимации в полевых условиях. Маску на нос и бегом в машину - едем в клинику Военно-Полевой Терапии, начмед Артиллерийской академии с соседями уже созвонился.

Привезли Лобанова в клинику. Сразу заинтубировали* и настоящий стационарный аппарат искусственной вентиляции лёгких подключили. Дежурные терапевты на такого больного глянули и решили - не в ту клинику привезли. Похоже у него кровоизлияние в мозг. Но прежде чем отфутболить майора в Нейрохирургию (а это снимать с аппарата и капельниц, вызывать спецтранспорт со спецбригадой - ой какая морока), надо точно в правильности диагноза убедиться. А вдруг это менингит? Сделали люмбальную пункцию - взяли на анализ немного спинно-мозговой жидкости. Кстати, бытует в народе мнение, что от пункции может парализовать, якобы из-за того, что в спинной мозг укололи. Глупости. Парализует скорее всего по той же причине, для диагностики какой пункцию и делали. А в спинной мозг уколоть таким образом просто невозможно - он гораздо выше заканчивается. Наши мозги окружает всего около 150-ти миллилитров светло-желтого ликвора. Если инсульт, то там может быть кровь, если инфекция - то гной, тогда ликвор мутный. У майора Лобанова ликвор оказался абсолютно нормальным, первоначальные подозрения отпали.

* Засунули в трахею трубку, к которой подключается аппарат ИВЛ

Взяли кровь на экспресс-анализы. И зацепиться не за что. Уровень алкоголя в крови и вправду незначительный. Ни алколоидов, ни барбитуратов, ни наркотиков. Тесты на цианиды, фосфоротравляющие соединения, свинец, мышьяк, сурьму, сулему* - всё отрицательные! Сутки проходят - изменений никаких. Прошли вторые сутки. Всё также аппарат за майора Лобанова дышит, но динамика умеренно-отрицательная - стали почки сдавать. На третьи сутки организм майора совсем перестал мочу выделять, начала

развиваться уремия - состояние, когда организм травится накопившимися продуктами белкового распада. Пришлось подключить аппарат искусственной почки и провести гемодиализ.

** Очень токсичное легкорастворимое соединение ртути*

Что же это такое? Полевые терапевты вкупе с военными токсикологами все возможные варианты перебрали. А может это финал бериллиоза, хронического отравления бериллием? Или острая интоксикация таллием? Такую экзотику на ВПТ не проверить, зато можно запросто её проверить у соседей - рядом с клиникой находится кафедра Токсикологии, даже на улицу выходить не надо - оба здания связывает длинный застеклённый коридор. В одной из лабораторий той кафедры делали парно-индуктивную плазма-эмиссионную спектрометрию. За длинным названием, описывающим физическую суть метода, спрятан принцип его работы - в специальных условиях взятый образец превращают в плазму. В плазме уже нет молекул, одни атомы. Самый простой пример плазмы - это пламя. Так вот его излучение можно разложить по спектрам и каждый спектр отдельно померить - каждый элемент излучает только свой характерный спектр. О структуре вещества этот метод ничего не даёт, а вот о нахождении там самых редких элементов в самых незначительных количествах указывает безошибочно.

В данном случае во всех биологических жидкостях нашли вольфрам, и не в каких-нибудь ультра-следовых количествах, а в концентрациях в две тысячи раз превышающих норму. Это в крови. В моче в десять раз ниже, но тоже впечатляет - 200 раз от нормы! Вольфрам - это самый жаропрочный из всех известных науке веществ. Например, из него делают спирали в лампочках накаливания. И обрабатывают стволы некоторых артиллерийских орудий... Не знал майор Лобанов, что с медицинской точки зрения вольфрам - тяжёлый металл и отравления будут протекать схоже с отравлениями свинцом, мышьяком или ртутью. Знал бы - не пил эту гадость. Артиллеристы до него пили из старых пушек, где ствол одна сталь. Там действительно смывается только сажа от сгоревшего пороха, да относительно безобидные окислы железа, типа ржавчины. Стволы же новых орудий какой только гадостью не покрывают!

Недельки через две почечные функции восстановились. Ещё раньше майор Лобанов пришёл в сознание и рассказал о дурацкой традиции, как причине появления вольфрама в его организме. Здоровье его быстро улучшалось, и через месяц он выписался доучиваться в своей Артиллерийской академии. Майор выздоровел, а вот традиция умерла.

Таллий

Затронув метод ICPOES* в диагностике отравлений редкими металлами, хочется рассказать ещё один случай.

**Ion Coupled Plasma Optical Emission Spectrometry - английская аббревиатура той самой плазмоспектрометрии*

Термоядерная боеголовка----?

Свинец

МЕТАНОЛ НА ОПОХМЕЛ

Много интересного в медкриминалистике расследования отравлений. Но бывают в подобной практике случаи, когда состава преступления нет - отравления неумышленные. Взять хотя бы отравления метанолом. На вид - чистый спирт. Бахнул 30 грамм - ослеп, махнул полста - кони двинул. Метанол "младший брат" этанола, винного спирта. В организме

они оба перерабатываются одним и тем же ферментом - алкогольдегидрогеназой. Только если при употреблении винного спирта продуктом этой реакции будет ацетальдегид, дрянь порядочная, но не смертельная, разве что вызывает головную боль с похмелья, то продукт распада метанола куда серьёзней - формальдегид или токсичнейшая муравьиная кислота. Она блокирует окислительные процессы на молекулярном уровне, и клетка "задыхается", несмотря на полноценное обеспечение кислородом.

Так вот у некоторых людей, у совсем-совсем незначительной части населения, алкогольдегидрогеназа дефектная. Такие люди практически не имеют похмелья, но пьют мало, так как быстро пьянеют и особого удовольствия от пьянки не получают. А ещё они известны тем, что могут без особого вреда хряпнуть метанола. Их неполноценный фермент не может "зацепить" его маленькую молекулу в достаточных количествах, а сам по себе метанол не токсичен и оказывает лишь лёгкое наркотическое действие, наподобие обычного алкоголя. Правда в силу крайней редкости, феномен врождённой толерантности к метанолу практически не изучен.

Известен случай, произошедший с подобным уникамом на Дальнем Востоке. Пограничникам, обслуживавшим громадные прожектора на китайской границе, что светили через Амур, одно время выдавался метанол для протирки контактов и оптики. Именно метанол, потому как обычный спирт они безжалостно воровали и понятно, пили. На каждой точке висел плакат с черепом и костями, предупреждающий, что метанол - яд. И вот один солдат случайно бахнул на опохмел метанола вместо остатков купленной на ближайшем хуторке самогонки. И ничего! Своим открытием он поделился с сослуживцами. Результат оказался плачевным - в ночь того же дня в роту был срочно вызван дежурный по части офицер. Среди личного состава роты им был обнаружен один бухой и четыре трупа.

Всё, ЧП, буди всех - от ваньки-взводного до комдива, а они уж пусть сами отзваниваются тем, кто уголовное дело по этому поводу заведёт. Дело, конечно, завели да и расследовали его весьма тщательно. А того солдатику в хмелю мигом потащили в ближайший медпункт, куда срочно вызвали полкового врача. Прибежал военврач и давай лечить погранца, несмотря на абсолютно нормальное, в смысле просто "пьяненькое", самочувствие и здоровое состояние его организма. На всякий случай, от греха подальше. А знаете, чем отравления метанолом в самой острой фазе лечат? Этанолом! Водкой по вене, ну точнее разведённым обычным медицинским спиртом. Тогда эти спитры начинают конкурировать за фермент их расщепляющий, и яда в организме производится куда меньше и медленней - шансы на выживание повышаются. Да только слегка переусердствовал военврач - так "напоил" бойца, что тот едва не скончался от чрезмерной алкогольной интоксикации.

И оказалось, что зря столько алкоголя ввёл. Когда пришли анализы, то оказалось чудо - в организме этого уникама метанол практически не ферментировался, хотя в его собственной крови оказалось его полно, концентрация надёжно перекрывающая смертельную. Вот так два раз бойцу "бухнуть на халяву" пришлось. И посадили бы того горе-солдатику за преднамеренное отравление сослуживцев, если бы не это смягчающее обстоятельство. Только благодаря своей "дефектной" алкогольдегидрогеназе и жив остался, и от статьи отвертелся. Кстати, выдачу метанола сразу прекратили - уж лучше пусть спирт воруют. Для нормальных то людей - метанол яд, хоть и соблазнительный!

КОПАЛЬХЕМ и трупные яды

Но есть другой вид повышенной переносимости ядов - так называемая приобретённая толерантность. Точно так же, как при регулярных упражнениях можно накачать мышцы, при регулярном приёме небольших доз яда можно развить ферментные системы, способные этот яд нейтрализовать. Правда специально заниматься таким делом не следует, да и далеко не на все яды такая устойчивость возможна. Чаще всего результатами подобных "упражнений"

будет хроническая интоксикация, а с ядами аккумулятивного, то есть накопительного действия, то и с летальным исходом.

Данная история о других ядах - о трупных. Навание этой группы самообъясняющее - трупные яды образуются при гниении трупов. Наиболее известна троица так называемых птоаминов - нейрина, пудресцина и кадаверина. Это сильные яды. Считается, что у человека от них защиты нет. Другое дело шакалы, гиены, грифы - их эта отравка совсем не берёт. Оно и понятно - они же падальщики, трупные яды просто неотъемлимая "специя" к их пище. Мы же вроде чистой едой питаемся, ферментные системы, способные нейтрализовать птоамины, нам не нужны. Но не торопитесь с выводами - эволюция человека полна тайн и загадок, и ещё очень большой вопрос, насколько чистой была пища наших далёких и не очень, предков. Оказалось, что биологический механизм такой защиты у человека всё же есть. Но весьма своеобразный.

Самое начало того периода, что ныне принято называть брежневским застоём. Специальная топографическая группа под началом подполковника Дузина облетала район между озером Кокора и озером Лабаз. Это в самом основании Таймырского полуострова. Летели на вертолёте МИ-8, что называется дружною гурьбой - два летуна, трое топографов и один местный - некто Савелий Пересоль, ненец по национальности. Военные взяли его с собой просто как знатока местности, показывать болота, указывать местные ориентиры и их названия.

И вот в воздухе произошла серьёзная поломка - что-то случилось с гидравликой, что передаёт движения от пилотской ручки на ось винта. Ручка взбесилась, начала колотить лётчика по ногам, управления никакого, вертолёт падает. Высота на счастье была небольшой - случилось то, что называется жёсткой посадкой. Вертолёт завалился на бок, винт с визгом врезался в землю, и раскидав чахлую растительность, обломался о вечную мерзлоту. Удар был сильным, однако никто особенно не пострадал. В ушибах и ссадинах, с разбитыми носами и с головокружением от лёгкого сотрясения мозга, народ ошалело таращился друг на друга.

Первым очухался пилот - в вертолёте нестерпимо завоняло горелой проводкой, и к этому вдруг примешался знакомый запах авиационного керосина. А потом в нутро повалил дым. "Всем из машины!!!" - заорал он, распахивая дверку. Каждый моментально оценил ситуацию и ринулся наружу. В двери на секунду образовался затор из тел, но ещё через миг людской клубок вылетел из вертолёта, как пробка из бутылки. И вовремя - внутри что-то негромко теснуло, и в салоне показались языки пламени, которое в секунды объяло весь вертолёт. Народ открыв рты, немигающими глазами молча наблюдал это зрелище. Вначале даже с радостью - ведь все живы, потом с растерянностью - а что же делать?. Ведь вокруг на сотни километров ни души, рация сгорела, еды нет, тёплой одежды нет, оружия нет, ничего нет! А ведь "на дворе" сентябрь - ещё повезло, что снег не лежит, хотя пора. Ночами уже давно ощутимый морозец, да и днём не жарко. Вся надежда на поисковую группу, по идее всего через несколько часов должны хватиться. Правда район поиска великоват...

Первую ночь провели вблизи вертолёта - по предположениям такой ориентир с воздуха легче всего обнаружат спасатели. Но никто не прилетел. Никто не прилетел и на второй день, а третий день был туманным - похоже никто и не летал. На четвёртый день где-то вдали слушался вертолётный стрёкот, и ослабевшие люди побежали туда, но военную форму на фоне болотных кочек с воздуха трудно заметить, особенно если так далеко. Не помогла и надежда на маленький костерок, что постоянно жгли на месте аварии - таймырский кустарник не мог обеспечить значительного огня, а попытки устроить дым кончились ничем - северный ветер разгонял его по тундре уже в десятке метров от костерка.

За всё время умудрились убить с десятков леммингов и дюжину мышей, в обгорелых останках вертолёта нашли куски, заменившие сковородку и кастрюлю. Постоянно варили

орвар из брусники и морошки, но сильнее всего помогали грибы. Вот чудо - древесных пород практически никаких, но даже среди карликовой тундровой растительности встречаются лесные грибы. Да ещё какие крепьши-гиганты! Вероятно ещё августовские - сейчас уж и днём около нуля. Видать поэтому в грибах ни единого червяка, все крепкие, как на подбор. Однако такое счастье долго длиться не может - припорошит первым снегом, и придёт смерть. Даже не от голода - от холода. Ведь более-менее одет один Пересоль - ненцы свою кухлянку* не снимают ни зимой, ни летом. Ещё сам Дузин выскочил в ватнике, у пилота унты, у остальных - комбинезоны и полевое Пэ-Ша**. Верхняя одежда сторела в вертолёт. Хоть и дают греться, предлагая по очереди ватник и кухлянку, но помогает такое не сильно - ночью сна практически нет, силы на исходе.

* *Меховая верхняя одежда северных народностей, своего рода шуба без застёжек, что надо одевать через голову наподобие штормовки-анорака.*

***П/Ш - полушерстяное зимнее обмундирование, на верх которого обычно ещё одевается тулуп или шинель*

На следующее утро с первым взглядом на сереющее холодное небо, в глазах каждого застыла безысходность - такое пожалуй к снегу. А если судить по едва заметной позёмке, что заструилась между болотными кочками и запела тонким голосом в тоненьких веточках полярных ив, то это будет не просто снегопад - это будет метель. Подобие убежища, что сварганили из оставшейся вертолётной обшивки, едва могло вместить всех, да и то сидя. Такое от пурги не спасёт. Офицеры молча взяли за руки - вроде вместе бедовали, давайте друзья, вместе и встретим неизбежное. Не разделял общего настора один Пересоль:

"Ой-ой какой мы все шибко глупый! Лучше бы по заветам стариков поступать... Зачем сидели?! Кого ждали?! Сегодня ветер болото выморозит - копальхем найти трудно будет! Надо было в первый день болото обходить - обязательно бы копальхем нашли! Давно бы нашли, много бы наелись, много бы с собой взяли! Каждый день бы шли, кухлянку и ватник по очереди бы носили, копальхем бы кушали, уже бы до Хеты* дошли! Я бы мало-мало посмотрел по берегу, а потом бы повёл вас куда ближе - на север в Жданиху или на юг в Хатангу. А потом туда бы за нами из ваших Крестов веролёт послали, где шибко сгущёнки, тушёнки и водки. Шибко много! Мы бы спаслись и веселились. А так подохнем!"

* *Река Хета, что впадает в Северный Ледовитый океан юго-восточнее Таймыра и ненецкие поеления на ней - самое верхнее Жданиха, потом Хатанга, южнее Кресты, где и была военно-топографическая база.*

Офицеры расценили план местного оленевода, как полную авантюру - он предлагал маршрут не в одну сотню километров. И это пешком по тундре без еды и одежды? Глупость! Даже если бы они вышли в первый день, то всё равно к этому моменту не сделали бы и полпути. Хоть так, хоть иначе - всё равно помирать. Даже скорее всего, пойдя они к Хете, то уже бы были трупами - такой путь по-любому вымотал бы их силы, да и намного быстрее. Однако про какой такой копальхем говорил ненец? Что это за зверь такой?

"А-аа, копальхем вкусный, копальхем жирный, от копальхеа тепло, от копальхеа сила, от копальхеа жизнь! Копальхем духи берегут, потому что в том болоте, где копальхем лежит, живёт сам Дух Большого Оленя. А он самый главный, кто помогает человеку в тундре! Других богов, если плохо помогают, можно и плёткой выстегать, и вообще в костёр бросить, а Духа Большого Оленя нельзя! И нельзя тут больше оставаться - пока болото совсем не выстыло, и Дух Большого Оленя на зиму спать не лёг, надо за копальхемом идти, а то все помрём!"

Такое объяснение сути мифического копальхеа не раскрывало. Что-то вкусное и жирное, что связано с каким-то Духом Большого Оленя и при этом почему-то живущее в болоте, куда нормального оленя и в век не загнать. Насчёт других богов понятно - их фигурки ненцы

вырезают из берёзы и хранят на стойбищах, как божков-талисманов. Если талисман "плохо работает", в смысле счастья не приносит, то такого воспитывают методом кнута и пряника. Вначале задабривают оленьей кровью, а если тот не "исправился" то могут и выпороть. Если и после этого удачи не прибавилось, то могут в сердцах ткнуть головой в полный дерьма подгузник из берёзовой коры, заменяющей туго спеленаным ненецким деткам дайперсы и пелёнки. А уж если и это не помогло, то такому никчемному богу одна дорога - в костёр. Тогда отчего же такое трепетное отношение к Духу Большого Оленя?

После многочисленных дополнительных вопросов наконец вырисовалась более-менее материалистическая картина. Самого духа мы оставим ненцам - это одна из ключевых фигур в пантеоне местного шаманизма. Но вот сопутствующий обряд, посвящённый этому духу, оказался весьма интересным. Периодически в оленьем стаде надо менять вожака. По каким-то местным эзотерическим приметам вычисляют, когда это надо делать особым способом - старого вожака необходимо отдать в жертву Духу Большого Оленя. Такого оленя отбивают от стада и пару дней ему ничего не дают есть для полной очистки кишечника. Дальше ритуал принесения такой жертвы прост - свергнутому вожаку (при этом обязательно надо, чтобы тот был жирным и в полном здравии) на шею накидывают сыромятный аркан и тянут его на ближайшее болото. Там его этой петлёй давят и оставляют в болоте. Но оставляют хитро - олень должен скрыться там полностью, потом это место ещё досыпают торфом или мхом-сфагнумом, а сверху обкладывают ветками и камнями. Давят оленя с великой осторожностью - нельзя, чтобы его шкура хоть где-нибудь повредилась, туша его должна быть абсолютно целой. Сам торфяник хорошо маскирует запахи, а поэтому случаи осквернения копальхема хищным зверем сравнительно редки. Возле копальхема на ближайшей кочке вбивют кол, обязательно из лиственницы, чтоб не гнил. Кол украшают пучками травы и ягеля, а часто ещё какой-нибудь яркой тряпочкой. В советское время, например, особой популярностью пользовались пионерские галстуки или вымпелы "Лучшему Оленеводу".

Так вот, эта оленья туша может так пролежать столетиями. Вообще-то с позиций танатологии, раздела судебной медицины, изучающей трупные изменения, тут ничего особенного нет. Ведь даже в средней полосе России в торфяниках находили тела невинно убиенных купцов времён средневековья. Да ещё при этом вызывали милицию - вроде как на недавнее убийство, настолько хорошо сохранилось тело и рубленая рана на голове! А в болотах Ирландии находили даже людей каменного века. В тундре условия одновременно и хуже, и лучше. Из-за вечной мерзлоты вода там всегда холодная - несомненный плюс. В то же время холодная вода не позволяет бурно развиваться болотной растительности. Не позволяет она и гнить тем скудным растительным остаткам, что собственно и создают торф. Поэтому вода там бедна гуминовыми кислотами, органическими соединениями типа широко известной янтарной кислоты, что являются дубящим агентом и губительным для бактерий консервантом. Относительно чистая вода - это главный минус. Там всё же трупное гниение идёт. Медленно, десятилетиями, но идёт. Прекращается оно только в одном случае - если болото поглотит вечная мерзлота.

Оказывается, у ненцев отношение к этим "мумиям оленьих фараонов" отнюдь не святое. Впрочем, как и ко всем их богам. Эти святыни можно запросто кушать! Прямо в гнило-сыром виде с душком. Даже полная тухлятина не теряет своей калорийности. Едят такое не только в нужду или по форсмажорным обстоятельствам, но и просто как своеобразный деликатес. Но всегда восполняют взятое - захотелось копальхема, смерть вожаку, Духа Большого Оленя тоже обижать не следует. Тысячелетия жизни в тундре такому научили - это ведь прекрасные консервы на чёрный день, неговоря уже о спасительной помощи тем, кто потерялся в тундре. Ведь главная их ценность - что они как-бы ничьи, забытые и разбросанные по северной земле дары предков. Именно такую тушу и взялся разыскать Савелий Пересоль.

Идея разжиться мясом офицерам очень понравилась - про то, что это тухлятина, не хотелось даже и думать. Если помираешь, то и такое съешь, а что запах... своеобразный... Так нос можно пальцами зажать! Короче, Пересоль, надевай свою кухлянку, хватай нож и бегом

за консервами национальной ненецкой кухни. Всё равно никуда идти отсюда нельзя - ждать надо. Но на полный желудок шансов дожидаться намного больше! Так что, товарищ оленевод, от тебя зависят наши жизни - не подведи.

И он не подвёл. К вечеру, когда уже стали закрадываться сомнения, а вернётся ли Пересоль, не дёрнул ли он в одиночку на Хету, из-за сопки на фоне ярко-оранжевого неба чёрным силуэтом медленно появилась его коренастая фигурка. Офицеры радостно побежали ему на встречу. Вот он идёт грузёный, улыбается - за спиной висит здоровая оленья нога. Савелий нарезал ремней из оленьей шкуры, и подцепил мясо на спину, словно рюкзак. Ого! Сегодня пируем.

Мясо, как таковое, уже слабо различимо - вместо него какая-то сероватая и дурно пахнущая масса. А вот жир ничего - просматривается. Гязно-серый и мылкий на ощупь, во рту он прилипал к нёбу, чем-то напоминая мягкий парафин, только холодный. Легко отдиралась и грязно-серый слой, что сразу под шкурой. У свежей оленины такую мезгу не прожухешь, а тут ничего - мягкая, словно восковая корочка с сыра. Вкус же копальхема больше всего походил на жутко прогоркшее несолёное сало. Когда попробовали прожарить копальхем на костре или хотя-бы разогреть его на сковородке, то получилось ещё хуже - вонь пошла такая, что кусок определённо нельзя было взять в рот. С него капал тягучий жир, который горел тёмным смрадным пламенем, словно резина. Да, такое "лакомство" лучше всего глотать холодным, хотя по словам ненца самый вкусный копальхем вообще мороженный, тогда его нарезают тонкими ломтиками, что сворачиваются под ножом в серенькие трубочки. Полученную строганину мокают в соль и едят вместе с парными сырыми лёгкими только что забитого оленя.

Служившим на севере частенько приходилось сталкиваться с местной традицией сыродения. Из оленьей требухи - национального ненецкого лакомства - наиболее отважные из офицеров иногда пробовали сырую печенку, а вот мясо любили слегка обжарить на сковородке. Внутри оно оставалось практически сырым, лишь чуть-чуть белело снаружи. Нарезанное мелкими кубиками, такое называли "пастеризованной олениной". Это там пробовал практически каждый. Поэтому к вонючему копальхему отнеслись с доверием. Нарезали кусочками и запивая брусничным отваром, нежуха наглотались до отвала.

К ночи разыгралась непогода. Первый снег пришёл с порывами ветра. Теперь ему лежать до конца мая. Однако на удивление ночь со снегом оказалась не такой уж и холодной. Облака действовали как одеяло, сохраняя последнее тепло земли. Народ набился в убежище, там же запалили импровизированную "буржуйку". А к утру вообще всё стихло, воздух стал прозрачен, небо ясным. Побелевшая тундра словно надела повенечный наряд. Или саван... Фатой к наряду по небу разбежалось северное сияние. Ух как крутит! Вот стратосферным дождём вытянулись зелёные всплохи. Вот кое где они порозовели, развернулись поднятым зановесом божественного театра. Светящиеся складки пошли фиолетовым отливом, под ними опять зелёная бахрама... Ударил приличный морозец. Холодно, конечно, но на сытый желудок такое терпеть можно. Не смертельно.

Оказалось смертельно. Не от холода - от копальхема. У кого начались боли в области печени, у кого рвота, под конец у всех галлюцинации, а к утру потеря сознания. Однако Савелий Пересоль оставался в полном здравии, никаких симптомов у него не появилось, хоть он-то съел больше всех! Всю ночь он пытался хоть как-то помочь офицерам, но бесполезно. Уже когда совсем рассело, остановилось дыхание у лётчика, а вот и тело старшего отпустило Дузинскую душу в землю предков. К обеду умер механик. Двое топографов ещё были живы, но в тяжёлой коме.

Савелий не понимал почему так. Давно подзабывший тонкости верований собственного народа, он вдруг вспомнил, что ещё в детстве ему говорила бабка, и о чём со страхом в голосе полярными ночами шептал дед. В чуме тихо, лишь потрескивают дрова под чайником,

а дед всё не ложится спать - первый снег ведь, надо вспомнить Духа Большого Оленя. Такая же ночь, как сейчас. Неужели Савелий чем-то тундру обидел? Эх, проклятая водка! Лучше бы деда слушал, да заклинания учил как следует... Натянув портянку на их кастрюльку, Пересоль принялся бить в неё, как в бубен, пытаясь заговорить от смерти оставшихся. Потом прыгал вокруг вертолёт и что было силы кричал на ненецком те обрывки магических фраз, что всплыли в его памяти. Пытался разбудить духов, призывал деда прийти, и как в детстве, отвести беду.

И видать разбудил! На низкой высоте, со стороны болота, где вчера вечером выходил он сам, из-за сопки внезапно выпрыгнула гигантская зелёная стрекоза с красными звёздами на боках. С высоты на белоснежном фоне тундры закопченный остов вертолёт выделялся особенно чётко. Перед лицом изумлённых лётчиков промелькнула смешная будочка, из которой шёл дымок, три безжизненных тела перед ней и выплясывающая фигурка какого-то местного с непонятным круглым "барабаном". Стрекоза винтом, вертолёт заложил крутой вираж, развернулся, завис на минуту над своим сгоревшим собратом, а потом прыгнул в сторону и погнав во все стороны позёмку, принялся снижаться. Всё, Дух Большого Оленя доказал, что он главный в тундре - пригнал таки вертолёт! И всего-то стоило найти копальхем...

Эвакуацию произвели прямо на север, в Жданиху. Всё равно до Крестов или даже до Хатанги горючки бы не хватило. Но в Жданихе был только фельдшер, гражданский правда, но какая разница. Врач аж в Крестах. Пока вертолёт заправить, потом ещё сколько часов лёту... Решили не рисковать - связались с ним по рации. "Заочные" диагнозы дело трудное и опасное, но что делать? К тому же абсолютно не понятно, почему местный без каких-либо отклонений, не обморожен и даже не кашляет, а двое военных без сознания. Спасибо тот же местный разъяснил - было шибко мало кушать, с голоду оленьей тухлятины нажрались. Тогда рекомендации простые - внутривенно-капельно побольше жидкости, медикаментозно форсируйте диурез*, для защиты печени дайте глюкозки и витаминов, если надо, то колите препараты, поддерживающие дыхание и деятельность сердца. Понятно, что всё это в миллиграммах, миллилитрах, процентах...

* *Мочеготделение*

Ночью умер один из топографов. Состояние последнего военного, старшего лейтенанта, оставалось "стабильно-критическим". Это значит, что в любой момент помереть может, да только вот чего-то долго не мрёт. Через день кризис, похоже, миновал. Дыхание стало глубже, вернулось нормальное давление. Кома незаметно перешла в сон. А вот и пробуждение. Именно выживший старший лейтенант и поведал всем о вкусовых качествах копальхема. На следующий день с ним вылетели в Кресты, где располагался поисковый штаб, и куда прибыла комиссия по расследованию проишествия. А с ней аж два следователя - один гражданский, другой офицер военной юстиции. И как вы понимаете, завели эти следователи уголовное дело на гражданина Савелия Пересоля за убийство четверых военнослужащих путём отравления. По ходу расследования статью за убийство поменяли на "непреднамеренное убийство", потом "за случайное убийство по неосторожности".

А какая ещё может быть осторожность при приёме внутрь местного пищевого суррогата, называемого по-ненецки "копальхем"? О такой осторожности тогда ни один профессор-токсиколог не знал. В Москву, в Центральную Лабораторию Судебной Экспертизы МО доставили замороженные куски копальхема. Ненца Пересоля тоже потаскали по военным заведениям - был он и в Институте Военной Медицины на Ржевке, и в разные другие токсикологические лаборатории захаживал. В военных интересовало лишь одно - кака же в его организме система противодействия и нейтрализации птоаминов? Очень интересно, а может и к другим ядам у ненцев такая устойчивость? Оказалось, что нет. Только к трупным ядам они не чувствительны. Но ничего, кроме повышенной активности специального белка, называемого цитохромом Пэ-450*, у него не нашли. Кстати, для науки бедняга Пересоль

даже добровольно согласился на биопсию печени. Это когда толстой полой иглой с острыми краями из печёнки наживую столбик ткани вырезают.

Может из-за такой вот научной ценности и осудили Савелия лишь условно. Тот случай, когда из-за принципа неотвратимости наказания буква закона перевешивает его дух - по идее, нет никакого состава преступления в этом деле, как и в будущем, "метанольном". Там хоть траванулись ворованной социалистической, а значит общенародной собственностью. А здесь чем? Дарами предков. Хоть тоже общее достояние ненецкого народа, но ведь не воровство!

** Фемент печени, способный напрямую окислять многие токсичные соединения*

Аналог ненецкому копальхему есть у российских чукчей - они подобным образом сохраняли мясо моржей. Дальневосточные народности до прихода белого человека с его поваренной солью, раньше красную рыбу не солили - чуть подкоптят, чуть подвялят, но в общем хранили её "медвежьим методом" и ели вполне тухленькой. Американские эскимосы по сезону лезут на прибрежные скалы, так называемые птичьи базры, где большими сачками ловят морскую птицу. Особенно они предпочитают мелких крачек и тупиков - тёмных причек с широкими ярко-оранжевыми клювами. Этих они даже не потрошат - набивают ими кожаные мешки, перекалывают слоями тюленьего жира и оставляют такое порой на годы. Едят это только тогда, когда содержимое "перебродит" в однообразную серую массу. Понятно, что косточки и пёрышки не в счёт - это остаётся, так что плевать всё же приходится. По оценке FDA* калорийность такой пищи выше, чем у бекона! Кстати торговля этой "едой" категорически запрещена по всей территории Штатов, включая Аляску, а изготовление строго лимитировано резервациями северных "нэйтив американз***". Самое забавное в этом законе - а кто же, кроме самих эскимосов, такое купит? Ещё чуднее "консервы" у "нэйтив канадиенс****" - канадских инуитов. Эти умудряются "сгноить" целого кита!

** Food and Drug Administration - в США головное учреждение по контролю за качеством пищевых продуктов и медикаментов*

*** Native Americans (англ.) - коренные жители Америки*

**** Native Canadiens (англ.) - коренные жители Канады*

Однако индивидуальная история такой вот толерантности к трупным ядам у каждого представителя северных народов отслеживается легко. И начинается она с самого-самого рождения. Чобы новорожденный не плакал, ему вместо соски дают сосать кусочек сырого мяса на нитке. Привяжут, чтоб не проглотил и в рот. А меняют эту "соску", когда мясо, как бы это сказать... попахивать начинает. Потом вместо кашки кровушки оленьей попить дадут. Потом и ломтиком копальхема побалуют. Вот постепенно и развивается толерантность к птоаминам.

Ну и последнее, что известно любому судмедэксперту, работавшему с эксгумированными останками. Если захоронение производилось в плотную глинистую землю и в сравнительно герметичном гробу, то без доступа кислорода труп не гниёт, а переходит в состояние, называемое жировоском. Такое я видел, а вот копальхем не приходилось, но сдаётся мне, что биохимические превращения там весьма сходные. Хотя весьма затруднительно сей процесс отнести к кулинарии...

НАЧМЕД

Часть 1 (НАЧМЕД)

Была в ВМА кафедра с длинным названием - Кафедра Военной Токсикологии-Радиологии и Медицинской Защиты от Оружия Массового Поражения. Ну курсантам такая абракадабра не очень нравилась, поэтому при переводе этого названия с военно-тарабарского на русский, его

сильно сократили и стали называть эту кафедру просто ТоксОй. Так вот был на ТоксЕ Начмед. Фигурой он был крайне вальяжной. Против него никто никаких действий предпринять не мог, несмотря на то, что Начмед был крайне ленив. Например он был единственный, кто мог без стеснения спать на людях. Да при любых обстоятельствах Начмед был неприкосновенным, так как слыл любимчиком самого Главного Токсиколога Вооруженных Сил СССР генерала м/с* Саватеева. А с такой протекцией делай, что хочешь - в жизнь никто ни полслова сказать, ни против шерсти погладить не рискнёт. Да, лапа у него, что называется, лохматая была! Весь коллектив кафедры перед ним пресмыкался. Ну там, чтобы к курсантам выйти, это было выше его достоинства. Курсанты видели его крайне редко, он в основном в верхних лабораториях ошивался. Несмотря на то, что с медзащитой от радиации Начмед был прекрасно знаком, можно сказать с пелёнок, да и торчал на кафедре безвылазно, ничем полезным он не занимался - только жрал, да пил, ну и действие некоторых радиопротекторов демонстрировал. Из прямых обязанностей ему вменялось только одно - открыто людям не гадить, да и в фикус или под пальмой малую нужду не справлять. Но это всех вполне устраивало, потому что Начмед не был офицером медицинской службы. Гражданским он был, а по характеру и складу ума - чистое животное. Но несмотря на эти нелицеприятные характеристики, слава о Начмеде по всей Академии ползла. Потому, что кот он был. Но кот необыкновенный!

**Медицинской службы*

Вообще все эти отравители с Токсы, может и мечтали о ядерной войне, но природу любили. У них на кафедре целый зоопарк был. Был здоровенный террариум с длиннющими змеюками, которых они кормили живыми мышами к всеобщему удовольствию. Забавное было зрелище. Ещё был солидный аквариум с пузатыми тетраодонами - такими рыбками, у которых самая ядовитая в мире печень. Толи они там втихую японской кулинарией баловались - суши из рыбки фугу готовили, толи тетродотоксин из своих питомцев для науки извлекали, это мне не ведомо. Но все равно среди всей этой экзотики Начмед особняком стоял. Вот действительно был Кот-Бегемот, в реале, а не в Булгаковских сказках! Огромный был кошара. Ну тигр какой-то. Точнее не тигр, а свинья, покрытая кошачьей шерстью. Кличку этому монстру лично генерал Саватеев придумал.

Об истинной истории Начмеда случайно проболтался один препод. Оказывается, что его судьба была неразрывно связана с другой гордостью кафедры - РДД. Весь коллектив работал над его созданием, и назывался их шедевр Радиопротектор Длительного Действия. Для знающих людей само за себя название говорит - таблетка от радиации. Было это снадобье основано на каком-то чудовом веществе, напоминающим гормон стероидной группы, не встречающийся в природе и поэтому с жутко секретной формулой. И по фармакологическому действию РДД являлся стероидом с суперсильным эффектом. Ещё в "мышиный" период, когда всякие ЛД-50* определяют и тератогенные эффекты** ищут, мышки, вместо того чтобыдохнуть, несколько великоватыми становились. Вот генерал Саватеев это заметил и приказал вырастить себе котика.

**Летальная доза яда, при которой погибает 50% всех подопытных животных*

***Эффект изменения генетического аппарата подопытного животного, вызывающий уродства потомства*

Часть 2 (NACHMED)

Эта часть только для факультативного чтения. К обязательному прочтению не относится, так как настоящего военномедицинского Начмеда Первого касается весьма косвенно.

Была у меня кошка Джессика. Кошка весьма мелкая, а имя длинное, вот и стали мои дети её Сикой называть. У всех дети как дети, кошачьи имена с хвоста подрезают, а мои - с начала. И вообще наша семья в этом (кошачьем) плане не сознательная. Нормальные люди хватают

кошечку и сразу тащат до ветеринара. Он кастрирует животное (коты - 50\$, кошки - 200\$), потом вакцинирует (всех одинаково за столярник), потом дегильментирует (глистов гоняет за полтинник), потом регистрирует (за 17\$), и наконец специальный ошейник с медальончиком цепляет (всего за десятку, ну а если ошейник со снадобьем от блох, то за двадцатку). Так вот мне денег стало жалко. Пусть Сика живет себе как в развивающихся странах - рожает сколько хочет и без квалифицированной медицинской помощи.

А у соседа моего, мистера Мак-Грегора, кот был по кличке Виски. Эта кличка не от естественного созвучия с английским whiskers - кошачьи усы. Эта кличка от естественной любви мистера Мак-Грегора к скотчу и бурбону. Кот Виски был ободренным чахлым доходягой, а вот виски на соседских вечеринках хорошее и дорогое. Поэтому, если сосед приглашает, я не отказываюсь. Ну и его Виски не отказывал моей Сикой пользоваться. У нас чуть теплее, чем в Санкт-Петербурге, поэтому мартовских котов нет. У нас мартовские котята, а коты январские.

Моя Сика исправно давала свой приплод, и как только котята начинали самостоятельно кушать, я ещё одну мерзость совершал - сажал их в картонную коробку и раненько утром отвозил к какому-нибудь большому магазину, где сознательные люди, воспитанные в правильном духе энвайронментализма-мультикультурализма, быстренько и политкорректно растягивали их по домам.

И долго длилась бы эта идиллия, если бы Сика не повадилась свою кличку оправдывать - стала она с завидной регулярностью сикать на коврик "Welcome" - "Добро Пожаловать", что перед входной дверью. Как к дому подойдешь - вонь, а если кто ненароком ковриком по назначению попользуется, в смысле ноги вытрет, то мне хоть под землю проваливайся. Ну, значит пора от неё избавляться по-несознательному. По сознательному надо опять же к ветеринару - он за мзду ей отравы вколет, та гуманно сдохнет. А по несознательному надо отвезти через первый фривэй (скоростную дорогу) или через речку и там выпустить - пусть себе живёт бездомной кошкой. Но было на тот момент одно обстоятельство - Сика пузатая ходила. Ну нельзя же беременных из дому выкидывать. Решил я повременить. И тут меня идея прошибла - а не сделать ли мне Начмеда-2?

У меня на работе врачей нет - то ли страна бедная, толи врач дорогой, бюджета не хватает, чтобы его на каждую точку сажать. Один нёрс - сержант-фельдшер. К тому же наш нёрс, сардж Джимми, смесь чёрного с пуэрториканцем. Хуже только смесь тринитротолуола с гремучей ртутью. Подхожу я к Джимми и говорю: "Привет, старина! Насыпь ка мне самых сильных таблеток от радиации".

А он, буквоед, мне и отвечает: "Бэдж давай". Бэдж, это такая карточка с фотографией сотрудника и магнитной полоской на обороте, типа водительских прав или кредитки. Обычно болтается у всех на шнурке на шее. Её используют как ключ от дверей или как источник информации о сотруднике. Суёт он мой бэдж себе в компьютер, смотрит тупо на экран и говорит. "Ты на вход под открытый щит реактора не внесен. Дозиметр давай!"

Я ему: "Джимми, да в порядке мой дозиметр, нигде ничего я не нахватался. А под щит мне и за даром не надо, я там никогда не был и не собираюсь быть. Мне эти таблетки для личных целей нужны".

Тут как он на меня посмотрит и так сурово говорит: "Не дам, может ты русский шпион и мою секретную таблетку в Кремль пошлешь!"

Я думаю: "Fucking idiot!" И прямо так откровенно, прямо в глаза ему заявляю со всей американской прямоотой: "Многоуважаемый господин сержант. Я практически полностью разделяю ваши опасения и очень рад за вашу проявленную бдительность. Я только хотел бы обратить ваше почтенное внимание на пару мелочей: Во-первых если бы я из нашей шараги чего туда передавал, то твоя таблетка была бы на самом последнем месте в списке

"Бесплатные Приложения". Во-вторых я бы их втихую уже фунтов десять набрал, когда ты свои пузырьки к нам в морг на помойку таскаешь. Мне просто тогда они не нужны были, а сейчас нужны". А ему и вправду всю его антирадиационную гадость с истекшим сроком годности в обычный мусор по инструкции нельзя было выкидывать, вот он и сбрасывал всю эту химию в наш контейнер с биохазардом.*

* *biohazard waste* (англ.) - опасные отходы биологического происхождения

Но разве сарджа переубедишь простыми доводами? Джимми мне и отвечает: "То таблетки негодные, старые, а значит - несекретные!" Ну разве против такой логики попрешь? Это ж естественно, что новое - секретное, а старое - несекретное. Вчера "секретно", сегодня "несекретно" - в жизни такое сплошь и рядом бывает. Понял я, что дальнейший разговор бесполезен и говорю ему: "Ну ладно, старина, не сердчай. Звякни мне, как твоё начальство приедет". Он: "О-Кэй, нет проблем". И вправду, через пару дней звонит, мол приходи, офицеры у меня в медпункте сидят.

Захожу. Сидят секунд льютенант и льютенант-кёнал, лейтёха и подпол по-русски. На эмблемки глянул - свои люди, договоримся. Правда у нас страна малопьющая и дисциплинированная, поэтому на эмблемах офицеров медицинской службы змеи не вокруг рюмок, а вокруг палок обвиваются. Объяснил я в трёх словах, на что мне нужен радиопротектор на стероидной основе, заодно и историю Начмеда вскользь помянул.

И тут подпола пробило. Оказывается, он по молодости на подлодках класса "Огайо" служил. И надо им было за советскими "Акулами" по океанам гоняться. Он говорит лейтёхе, вроде как опытом делиться: "Вот у русских в бывшем СССР всё такое было - "Акула" втрое больше "Огайо" по тоннажу была, Ту-160 вдвое больше Б-1. И в военной радиологии у них тот же подход, где мы крыс травим - они котов!" Растрогался от воспоминаний, дал мне банку таблеток и фельдшеру наказал и дальше выдавать их по первому моему требованию. А я больше не требовал, я их с помойки брал.

Родила Сика котят. Генотипчик, как я уже упоминал, так себе, на троечку с минусом. Когда она их только молоком кормила стал я ей радиопротектор давать, ну так сказать, чтоб киски с ранья привыкали, впитывали что надо буквально с молоком матери. Вся эта гадость в белковой капсуле, поэтому давать её легко было. Положишь на кошачий язык, она и глотает без проблем. Киски подросли, выбрал я себе котика рыженького, а от остальных "магазинным" способом избавился, заодно и Сике вольную дал. Котёночку стал назначать протектор напрямую, перорально, исходя из его веса. Высыплю три четверти капсулы в самый обычный мусор, остальное назад белковыми половинками закрою и ему в рот. Потом больше. Пытался сам порошок давать, и в кошачьи консервы сыпал, и на их гранулированный комбикорм - не жрёт. Потом нашёл на чём жрёт - на свежем филе лосося. Так до сих пор с него свою дозу получает - подрос уже и к гормону привык. Теперь если не дашь вовремя, такой мяв поднимает! Моя жена говорит, что у него явная гормональная зависимость. Не верю я. Просто кот умный и к тому же Начмед. Калифорния, она же на белых гранитах стоит, естественный радиационный фон в три раза выше среднестатистического. Вот кот это чувствует своей мудростью природной и добровольно принимает превентивные лечебно-профилактические контрмеры, чем всем начмедам и положено заниматься по роду службы.

Но должен оговориться - не получился у меня тот настоящий Начмед. Так, Начмедишко - жалкая пародия на оригинал. Видать слабоват американский радиопротектор. Сейчас нашему Наче один годик и три месяца. А как он выглядит сложно сказать - кот как кот, просто в пропорции 2:1.

САФОЛЕН ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ

Это тоже жутко военное лекарство. Но не ищите его ни в Фармакопее СССР, ни в секретном приложении к ней. Нет его там. Даже в приказах МО, касающихся военснабженческой фармации, это наименование отсутствует. Правда по разрозненным приказам в ГО* всё нет-нет да промелькнёт. И вовсе не из-за какой-то там суперсекретности - с началом третьего тысячелетия "дедушке" сафолену уже бы пятый десяток пошёл. По отношению к спецмедикаментам военную тайну так долго не хранят, смысла нет - всё равно формула давно уже "по секрету всему свету" известна. Тогда правда, а дело было в самом начале 1960-х, препарат этот секретили весьма серьёзно - на сафолен-21 возлагали большие надежды в борьбе с мировым империализмом.

* *Гражданская оборона*

Научное название фармакологической группы, куда попадал сафолен, называется *антодоты ФОВ*, что в переводе на нормальный язык означает *противоядие фосфорорганическим отравляющим веществам*. Есть такие вещества, их ещё часто химоружием нервно-паралитического действия называют. Например, обычный зарин или ви-газы к этой группе относятся. Действие у них довольно кошмарное, хоть с фармакологической точки зрения очень простое: в нашем организме они блокируют единственный фермент - холинэстеразу. У нас ведь нервные импульсы в мышцы передются не как электрический ток. Из мозга импульс бежит по нервному волокну до его окончания, где выделяется чуть-чуть химического медиатора, в случае с мускулатурой - ацетилхолина. Именно ацетилхолин и заставляет мышцу сокращаться. Но так как нервное воздействие скоротечно, то после работы этот самый ацетилхолин надо срочно убрать. Он и ферментируется специальным ферментом холинэстеразой. Если фермент заблокировать, то медиатор слишком долго будет действовать на мышечный рецептор, и вместо сокращения получится судорога, причём всех мышц, даже мышц глаза. Зрачок становится как игольное ушко, да и видит поржённый не дальше собственных ресниц, что частоколом нависают сверху и снизу, как брёвна. Но спазмы внутриглазных мышц не самое страшное - ведь в бронхах тоже есть гладкомышечная мускулатура, поэтому и там происходит тоже самое. В результате после весьма мучительного "задыха", наступает смерть от удушья. Пусть эта патофизиологическая схемка до вульгарности примитивна, но суть более-менее отражает.

Спасти от гибели можно только введя антитоды, блокирующие ацетилхолиновый рецептор. Вот тут парадокс - отравленному организму иногда приходится колоть такие дозы противоядия, что в нормальных условиях сами по себе гарантированно привели бы к смерти. Наиболее известны ситуации с атропином. Всего несколько миллилитров этого препарата могут запросто умертвить здорового человека. А пораженным ФОВ вводили по 20, даже по 30 миллилитров этого вещества, и ничего. Это ведь десяток смертельных доз в "догонку" к яду! А всё потому, что яд и противоядие "уравновешиваются". Не буквально, конечно, но по суммарному эффекту. Однако риск остаётся значительный. Поди ты просчитай точную дозу в полевых условиях! Военный токсиколог в этой ситуации как канатоходец - всё время точку равновесия ищет. Недало противоядия - смерть от яда, переборщил - смерть от лекарства. Для отравленного солдата результат один.

Тогда поручили той самой Токсе, кафедре Токсикологии, разработать что-нибудь "более мягкое". Чтобы и рецептор блокировало надёжно, и в то же время само по себе не таким токсичным было. Чтоб не бояться неизбежного "передоза" в условиях Третьей Мировой. Думали они думали, и наконец придумали. Лекарство под названием "сафолен". "Са-" это Саватеев, "-фо-" это Фомин, а "-лен"... Нет, не Ленин, тот точно в токсикологии не петрил. Ленинград это. Такой вот препаратик из Питера от молодого тогда учёного Саватеева со старичком Фоминым. Название сущности вещества никак не объясняет, что абсолютно правильно с военной точки зрения. Фармакологически же его действие как у атропина, но даже значительная передозировка смерти у лабораторных животных не вызывала. Много было испробовано разных вариантов этого сафолена, и наиболее перспективным оказался N21, прям как лучшая Смирновская водка! Кстати, рекомендую.

Осталось дело за малым - провести клиническую апробацию. Может и провели бы как следует, будь Берия у руля. Или останься "добряк" маршал Жуков министром обороны. Он же на Тоцком полигоне на собственных солдат ядерную бомбу бросал. Ну не совсем на них, а чуть впереди на предполагаемого противника, а "свои" через место взрыва топали, да лётчики через ядерное облако пролетали. С такой гуманностью можно было и химоружием нервнопаралитического действия поэкспериментировать, глядишь и узнали бы ценность антидота в условиях приближённым к боевым.

Но Берию к тому времени уже расстреляли, Жуков пьянствовал в опале, и химоружие на собственных солдат распылять было некому. Поэтому испытывался сафолен N21 исключительно на алкашах, самоубийцах и тех мизерных несчастных случаях, когда инсектециды, типа всякого там дихлофоса, внутрь попадают. Это ведь вещества той самой фосфоротравляющей группы, разве химоружием они считаются только среди гусениц, клопов и тараканов. У людей же картина отравления лишь несколько сходна с тем, что можно получить при поражении боевыми газами. Разница в самом начале - несёт таких отравленных изо всех дырок, а вот потом начинается классический бронхоспазм и судороги. Но тут оказалось, что на алкашах сафолен двадцать первый работал куда хуже чистого атропина. Тогда решили так, раз в Минске уже налажен промышленный выпуск этого препарата, то считать его профилактическим средством. Поставить в армию и заложить в соответствующие наборы, но применять его только в том случае, если точно не известно, проник яд в организм солдата или нет. Риски такое проделать с атропином - столько жизней "побочным эффектом" положишь, что и думать страшно. Хороша "профилактика"! А вот сафолен-21 ничего, безопасный.

Может быть и совсем бы забраковали сафолен-21, свернули бы производство, а то что сделано, заложили бы на военные медсклады до истечения срока годности как "препарат второй линии" - то есть для помощи гражданскому населению. И не видать Саватееву с Фоминым положенных почестей, да как нельзя кстати произошло на самом верху одно событие. Называлось оно секретным Постановлением Совмина СССР от 17-го Августа 1967 года о так называемой Программе "Ф". Вот тут наши министры, конечно маху дали! Например, режиссёр Гайдай куда умней был - он тогда же свой фильм снял и назвал его "Операция Ы". Поди годай, что там сделал Гайдай... А вот с совминовской Программой всяким там ЦРУ, ЦУР да МИ-5* и годать много не надо. Написано же "Ф", небось "фосфор"! Эх, не изучали наши министры забавный такой предмет, "Режимом обеспечения секретности" называется.

** американской, китайской и английской разведкам*

Согласно той самой Программе "Ф" начал Советский Союз вооружаться химоружием на всём серьёзе. Из двадцати предприятий, по сути дела цехов, втечении последующих пяти лет четыре (в Чапаевске, Дзержинске, Волгограде и Новочебоксарске) были переоборудованы и расширены, став по сути полностью новыми узкопрофильными заводами. Не удивительно, что с такой "винокурней" система сумела "нагнать" в закрома Родины 50 тысяч тонн химгадости, из которой фосфосротравляющей дряни было аж 32 тысячи тонн. Поясню, чтобы сдохнуть, человеку надо всего от одного до нескольких миллиграммов. А тут десятки тысяч тонн - вот это я понимаю, ударные темпы! Ритмы пятилетки, передовики производства, переходящее красное знамя и прочая соцатрибутика! До сих пор звучит красиво.

Ясно, что при столь грандиозных масштабах никаким антидотом пренебрегать нельзя. Вот и попал наш сафолен-21 из номенклатуры "списанные" в номенклатуру "табельные". Лёг во всякие наборы с мудрёнными названиями типа номерных "Лучей", РП-3, ПХКГО-7Р* и т.п. Правда до индивидуальной солдатской аптечки не добрался - упаковывлся сафолен только тысячами ампул в большие зелёные ящики, что согласно штатному предписанию мирного времени распределялись по окружным и дивизионным складам. Мобилизационным складам,

конечно не аптечным. На обычные склады он поступал только на действующие заводы по производству химоружия, да в места стратегического хранения - а это ещё с полсотни дополнительных адресов. Там ящички вскрывались военпредом и местным токсикологом, впрочем тоже военным. Офицеры, в свою очередь, разносили эти ампулки во всякие аптечки первой помощи, что на подобных заводах понатыканы в изобилии на каждом углу. А то что препарат, как бы это сказать... клинически несколько недоисследован, никто уже и не думал. Всесоюзные и всеармейские инструкции, написанные в духе единой военно-медицинской доктрины, как известно не врут! Не способны, ибо они же такие все-все-всеохватывающие, да и составлены на самом верху. Оттуда виднее.

** Раненные и пораженные НЗ; Противохимический комплект гражданской обороны N7 расширенный*

И вот на секретнейшем заводе в Новочебоксарске в 1972 году произошло знаменательное событие - к 7 Ноября, ровно ко дню 55-летия ВелОСрев. (Великой Октябрьской Социалистической революции, как тогда офицеры в своих конспектах на политзанятиях писали), открылась линия по производству ви-газов. Радости то сколько! Плохо одно - сверху жутко торопили к круглой дате. Нет, оборудование смонтировали как надо, а вот со всякими там дополнительными причандалами, например с теми же приборами котроля, как водится, не успели. Ничего - главное отрапортовать, а там за недельку-другую всё наладим!

Оттопала праздничная демонстрация, отгремело застолье, отболело похмелье - кончились Октябрьские праздники, и народ на работу пришёл. В Заводоуправлении, или как его в шутку называли "Белом Доме", за канцелярскими столами неторопливо рассаживаются очкастые дяди и полнеющие тётеньки, что всякие бумажки пишут. Начинается рабочий день, всяким бухгалтериям, да прочей канцелярии никакого дела до опасной химии нет. Поэтому и решили монтировать приборы химконтроля в этом здании в самую последнюю очередь. Да и система принудительной вентиляции здесь пока не готова. Хоть и административный корпус, а находится внутри "периметра", а поэтому никаких тебе привычных батареек и открытых форточек. Заводские корпуса делались более-менее герметичными на случай возможного выброса. Воздух в них гонялся по системе воздуховодов, а в случае опасности, то и через специальные поглощающие фильтры. Так вот, хоть система обогрева уже работала, но система аварийной фильтрации ещё установлена не была.

И тут по заводу объявляется тревога! Сразу даже источник выброса не смогли установить. Ясно одно - на одном участке территории и аппараты-химдетекторы, и облачившиеся в ОЗК* и противогазы контролёры-дозиметристы обнаружили ви-газ. Вообще-то ви-газ это не совсем газ, он может быть и жидким и даже твёрдым, но ветерком всё равно разносится. И куда же ветерок с этой зоны дует? Да прямо в воздухозаборник административного корпуса. Позвонили туда, дали тревогу. А фильтр то не работает! Взяли пробу из внутреннего воздухопровода - худшие опасения подтвердились, есть следы газа. Боевое отравляющее вещество в здание прошло. Сколько? А кто его знает! Может ерунда, доступная только лабораторному анализу, что даже ни единого симптома не даст, а может всему "Белому Дому" каюк придёт через несколько часов - ви-газ, он ведь не какой-нибудь там зоман-табун, он медленно действует. Зато сильно.

** Общевоинской защитный комплект - полностью покрывающий тело зелёный резиновый костюм для работы в зараженной местности.*

Какое же решение принимает дежурный токсиколог? Правильно - самое правильное. То есть действует согласно инструкции. Если точная поглощенная доза яда или сам факт его попадания в организм не известны, но вероятны, надо срочно провести профилактическое введение антидота. Что-там у нас на снабжении? Сафолен-21. Отлично, вот согласно той же инструкции его и вколем. Вкололи. При ЧП такого рода в СССР ещё одна инструкция была - городским медикам о таком знать не к чему. Во-первых, в минздравовских больницах

спецпрепаратов нет (а зачем они там?). Во-вторых, секретность. В-третьих, при социализме такие ЧП не происходят. Официально во всяком случае. Поэтому всех толстеньких тётенок и очкастых дяденек после положенной профилактики свели в актовЫй зал, где достоверно установили, что никакой отравы нет. Там же и принудительную вентиляцию через переносные фильтры подключили.

Перед трибункой сам дежурный токсиколог сел, чтобы видеть ему каждого, вдруг кому плохо станет. А за трибункой, дабы время по-напрану не терять, перед собравшимися попросили выступить местного парторга, комсорга, профорга, пожарника и массовика-затейника. Вроде всё хорошо, чинно так сидят себе дяденьки-тётеньки, потирают уколотую попу и повышают свою политсознательность. Вдруг какая-то женщина где-то на задних рядах как заорёт нечеловеческим голосом, что в проходе РЕЖУТ ЕЁ РЕБЁНКА! Народ с мест повскакивал, что за крик, что за бред? А до селе та тётя абсолютно нормальной считалась. Народ к ней бросился, успокаивает, а токсиколог дрожащей рукой в шприц транквилизатора набирает. Только не успел токсиколог ей успокаивающего ввести. Женщина та, как львица в проход бросилась, всех вокруг себя разметала, а потом ещё парочке спокойных сотрудниц в волоса вцепилась.

Что тут началось! Визг, вой, кровавые сопли, по всему актовому залу летают выбитые зубы и вырванные пучки волос. Присмотрелся токсиколог, а там уже не одна такая женщина! Уже целая куча добреньких сотрудниц в орущий благим матом клубок сцепились. Но та, первая, всё же сумела завести коллектив под свою песню - большинство из них дрались якобы спасая своих детей. Такой вот массовый психоз с одной фабулой. И ничего, если бы только одни тётеньки в этом шабаше участвовали, но тут ведь и дяденьки подключились! Этим, кстати за детей как-то меньше драться хотелось. Кто орёт первому встречному, "я убью тебя, чёрный человек!", кто бросился защищать честь якобы поруганной жены, кто просто за Родину-Мать, а кто конкретно полез бить немцев под Сталинградом. Ну а несознательные и меркантильные сражались за сожженные соседями квартиры и ворованные ковры.

Однако самое интересное учудил токсиколог. Наверное сумел он всё-таки ввести успокоительное. Себе. Один он ни с кем не дрался - на сцене перед всем честным народом разделся до гола и залез под самый потолок. Там такая железяка со всякими софитами-прожекторами висела, вот он туда затянул занавес, соорудил из него наподобие холобуды и сидел там тихо-тихо. Его последним сняли. Руки аж синие от напряжения были - шутка ли пару часов, как сорока на тыну, на такой высоте проболтаться.

Ликвидировали этот бардак в основном силами трёх подразделений - солдатами местного полка химзащиты (понятно, почему такой поблизости квартировался), мстной же пожаркой и отделением ведомственной охраны. С орущими благим матом бухгалтерами да табельщицами поступали просто - привязывали их к носилкам, а наиболее буйных, так даже между двумя носилками. Психоз этот длился довольно долго, несколько часов, поэтому поработаť пришлось. Благо, что запасы транквилизаторов при заводе были порядочные, а всё благодаря той же мудрой инструкции! Ведь даже при обычной переатропинизации, лечении отравлений стареньким атропином, когда доза рассчитывается немного выше минимально достаточной, расстройства психики не редкость. В фармакологии даже термин такой есть - атропиновый психоз. Но ведь именно за этим и создавали сафолен, чтобы избежать побочных эффектов. А оказалось вон оно как...

От атропина мрут, загнав собственное сердце в бешеном ритме, а от сафолена всего лишь бесятся! И бесятся куда сильнее, чем от других холинолитиков*. Ведь холинорецепторы в мозгах тоже имеются! Заблокируй их, и такое в мозгах начнется... Впрочем создатели нового антидота тогда меньше всего о них думали, да и точных методик определения их работы ещё не существовало. У отравленных ФОВ сафолен подобных эффектов не давал. Определённые краткосрочные расстройства психики наблюдались, но такое считалось вполне приемлимым. Однако как профилактическое средство, он оказался куда хуже самого боевого агента. Это,

правда, если судить исключительно с военных позиций. Да, от него не умирают, но психоз в боевых условиях порой намного опасней просто отравления. Для поражения полка нервно-паралитическими газами, надо "отгазировать" процентов 40-60 солдат. И то, если командир волевой, то наплевав на потери может сформировать боевое подразделение из оставшихся. А при поражении несмертельными психотомиметиками** достаточно, чтобы яда наглотались всего 3-5 процентов! У них же боевое оружие в руках, а ну как бросится такой на родного взводного с криком "умри, чёрный человек"? Если окружающие твои братки-сослуживцы вдруг стали врагами-оккупантами, а страха совсем нет, и агрессия просто бурлит в крови? О боеготовности в такой ситуации говорить смешно - подразделение погрязло в междоусобной борьбе за выживание. Нет, на уничтожение!

** Вещества, блокирующие действие ацетилхолина*

*** Боевые отравляющие вещества, вызывающие острый психоз*

Так что после этого случая сафолен-21 списали подчистую. Изъяли со снабжения, закрыли производство, вывезли со складов. Сколько это стоило в масштабах СССР никто не считал. Но самый большой вопрос в этой истории, а каким же образом непроверенное средство попало в лечебные прописи военно-медицинской доктрины? Ведь в войну это главный закон для врача, от которого зависят тысячи жизней!

Впрочем и в сугубо гражданском Минздраве фокусы даже похлеще встречались. Вы никогда не обращали внимание, сколько глухонемых среди родившихся с конца 40-х до середины 60-х? Они мелькали в любых городах и стали, вместо доселе редкой инвалидности, вполне заурядным явлением. За эти пятнадцать лет в Союзе были построены сотни специальных интернатов, а училось в них больше, чем за всю предыдущую историю. Когда такие детки подрали, они создали свои общества, свои предприятия, в конце концов свою закрытую культуру, где даже криминальные авторитеты были глухонемыми. Народ в народе! И знаете что интересно? Что подавляющее большинство было рождено нормальными родителями, и у подавляющего большинства также родились здоровые дети. Это не генетический дефект, это намного страшнее. Это врачебная ошибка. Одна такая большая ошибочка, возведённая в закон в масштабах всей страны.

Тогда ведь молились на антибиотики. Считали, что эра инфекционных болезней позади. И вот одного известного академика, кого до сих пор считают иконой во многих медицинских ВУЗах страны, посетила такая "гениальная" идея. А чего это у нас столько ангин да хронических тонзиллитов? Не порядок - от них же тяжелейшие осложнения на почки и сердце! Пороки клапанов на всю жизнь! Ликвидировать такое безобразие. Так вот каждому участковому педиатру под роспись был спущен Минздравовский приказ о профилактике стрептококковых инфекций у детей первого года жизни. При любом чихе-кашле предполагалось проводить комбинированный курс лечения антибиотиками. Прямо тут же колоть смесь стрептомицина с пенициллином.

Приказ выполняли, хотя уже тогда грамотные врачи втайне считали его глупостью несусветной. Во-первых, если носить ребёночка на такие уколы два раза в день, то на микробов они совсем не действуют. Наоборот даже, микробы в результате такой "профилактики" приобретали устойчивость к этим антибиотикам, так как лекарство успевало полностью вывестись из организма между инъекциями. Слабый микроб дох, оставшийся сильный размножился - всё по Дарвину. Частота стрептококковых осложнений только возросла. А во-вторых при такой схеме у стрептомицина проявлялась страшная ототоксичность - то есть он убивал слуховой нерв. Если ребёночек маленький, то маминых ласковых слов ему больше не услышать, а значит и не заговорить. Так что всесоюзное снабжение каким-то сафолоном-21, от которого группа людей подурила полдня, по масштабу последствий просто мелочи.

СОЛИДОЛ МАРШАЛА ЖУКОВА

Нет, не смеха ради я упомянул легендарного маршала! О том, каким он был полководцем, пусть военные историки пишут. Тут уж извиняюсь - не тому учился. А вот каким он был министром обороны в мирное время с военно-медицинской позиции можно судить по тем учениям, что при нём проводились. Ни до, ни после него, никто и близко не приближал их столь "удачно" к боевым условиям. Да ни какой-нибудь там гипотетически локальной, а настоящей мировой войны!

Но вот Жукова "ушли", а с ним ушло на гражданку и добрых две третьих офицерского корпуса. Весёленькие были деньки - эпоха легендарного хрущёвского сокращения армии. С документацией тогда творилась неразбериха. Особенно тяжело было снабженцам. У этих и так бюрократии и связанной с ней документации порядком, а тут такое началось! Снятие остатков, зачисление на баланс в другие части, расформирование части с соответствующей передачей матимущества, укрупнение соединений, смена штатного расписания... Чёрт ногу сломит! И ведь ещё надо суетиться, чтоб самому не вылететь - при социализме армия была местом хлебным... Но улеглось, устоялось, а после радикального омоложения и обновления кадрового состава, новоиспечённые начальники стратегических складов и дивизионные замполиты получали в распоряжение порой невиданную солянку подотчётных материальных средств. В этой кутерьме всё путалось. На артскладах оказывались запчасти, на складах с техникой - ГСМ*, на продуктовых - медицина, на медскладах - мясные консервы. А всё из-за стихийного бедствия - авральное реформирование вооружённых сил.

** Горюче-смазочные материалы*

После такого ненастья надо наводить порядок. Вот и погнали солдат из обычной мотострельковой части, каких в Читинском гарнизоне стояло порядочно, на Стосорокседьмой Объект - стратегический склад ГСМ, подчинённый непосредственно Штабу Забайкальского военного округа. Поставленная задача была проста - рассортировать бочки со самзкой. Легко сказать рассортировать, когда этих бочек там тысячи, поставлены они как попало, добрая половина вообще ещё не сгружена с вагонов, а вагонами забиты все складские железнодорожные пути. Негрол, автол и салидол часто стоят в одной пирамиде в абсолютно одинаковых чёрных металлических двухсотлитровых "барабанах". Какие-то бочки уже потекли, их скользкая поверхность так и лоснится от масла. Какие-то наоборот, несмотря на десятилетия складской "спячки", сохранили полную герметичность. Впрочем такое тоже не совсем помогало - на такой бочке краска облезла, сама она ржавая и грязная. Что в одном, что во втором случае маркировку не прочитать. Приходилось открывать маленькую крышку и заглядывать в каждую, что же там? Если не видно - то можно и по запаху различить. А потом затыкать пробку, гуртом сгружать её, склизлую, с вагона и катить, куда прапорщик укажет. Там уже каждую бочку подписывали заново.

Ребята молодые, а главное их много - целая рота! Дело быстро идёт. Прапора едва успевают указания давать. Вот и долгожданный обед привезли. Старшина побежал по территории, созывая своим трубным гласом бойцов на положенное построение. Грязные, в засаленной форме из всех углов потянулись солдаты. Построились, вышел ротный. Травмы, проишествия есть? Никак нет! Ну тогда приятного аппетита. Бойцы разошлись, зазвенели посудой, сотня чёрных, промасленных рук замелькала у ящика с хлебом. Вообще-то руки перед едой следует мыть, но умывальник аж в другом конце склада. Притом кран всего один на сто человек, да с холодной водой, а тот обмылок, что там был, давно уже смылили. Ладно, не впервой - обтёр руки ветошью и "воюй" с борщём, да перловкой. Правда если техническое масло на хлеб попадёт - плевать будешь, оно горькое. Хотя с голоду и не такое проглатывается.

После обеда командир расщедрился - в положенные послеобеденные полчаса личного времени дал поваляться на травке. Уставшее от работы молодое тело быстро восстанавливало силы. Но вот эти райские минутки истекли. Рота, строиться! Народ неходя поднимается,

подтягивает ремни, надевает пилотки. Через минуту рота застыла в стройных шеренгах, только вышедшие командиры взводов нарушают рядки. Впрочем нет - вон какой-то чужак в первой шеренге чего-то кланяется. К нему подходит нахмурившийся ротный.

- Ты чё, боец?

- Виноват, товарищ старшлейнант! Живот... скрутило.

Похоже боец не врёт - вон какой весь зелёный. О а вон ещё один - стоит качается, тошнит беднягу, похоже сейчас вырвет. А вон тот, во второй шеренге, уже повернулся и в открытую блюёт. Сволочи, наверное обед не качественный. Отравили, гады! Надо будет дежурному по части сообщить, пусть прочихвостят кого надо. А сейчас что делать? Спроси строй, кто ещё отравился, так добрая половина с работы убежит. Как же так, такой шикарный предлог... Командир внимательно осмотрел каждого. "Бледно-зелёных" всего трое, ещё парочка жалуется на страшную слабость и боль под ложечкой. Итого пятеро. Этих посадим в машину, что привезла обед, и отправим в полковой медпункт, остальным продолжать работу.

Прав командир - больше больных нет, прапорщики снова разбили роту на сортировочные команды. Однако через час ещё три бойца работать отказались. При чём кто? Самые халывщики - те кто бочки открывал и в них заглядывал. Да и жалобы у них странные. Первый работу прервал, мол что-то в глаз попало. Песок, похоже. В тот глаз, каким он в бочки заглядывал. Другой жалуется на резь в обоих глазах, но говорит что у него такое бывает - аллергия на какую-то траву. А третий вообще грамотный попался, недаром мать у него докторица. И слово то какое мудрённое придумал - говорит, что у них, у всех троих, конъюнктивит! Такая глазная инфекция. Иш ты... Хотя с глазами у этой тройцы действительно непорядок. Вроде и не сильно красные, но слёзы текут ручьём. Ладно, идите в умывальник, промойте глаза под краном. Но смотрите не долго! Сачковать не получится.

Вернулись солдатики. Теперь их поставили бочки катать. Пусть попотеют, грязными руками глаза меньше тереть будут. Только жмурятся ребятки, на свет смотреть не могут. Но в общем работают. Дальше часа два-три прошли без каких-нибудь заметных происшествий. А вот потом почти у всей роты стали чесаться руки. Не то, чтобы нестерпимо, но неприятно. Кисти промаслились, грязь с маслом аж въелась в кожу, поди разбери под такой чернотой, что там такое. Однако теперь всем ясно - это от смазки. Хоть местные прапора-гэсээмщики клянутся, что от самзки подобного быть не должно. Вон механики целыми днями, да годами в ней ковыряются, и ничего! И это в грязной смазке. В бочках же смазка новая, чистая. Но много бойцов умудрились уделать в эту самзку свою рабочую форму. Вон какие пянта на хэбэшке - у кого всё пузо блестит, у кого бока, кто даже спиной где-то вляпаться умудрился, а у большинства запачканы колени и бедра выше колен. Несколько бойцов сняли форму, на теле под этой грязью оказалась краснота. Значит всё-таки от самзки.

Командир идёт звонить в часть. Надо бы срочно баньку солдатам организовать. Дежурный вначале отнекивается, говорит, мол сегодня банный день не его роты. Подожди, старлей, а это не от тебя ли пятерых бойцов сегодня привезли, что супом отравились? Ах от тебя... Так это, весь полк сегодня обед жрал и ничего. Доктор уже рвёт и мечет. Ребятки эти у него в медпункте. Четверым ничего, а один слабенький. Ладно, раз вся рота чешется, то помывку организуем. Правда без смены нательного белья. Устроит? Раз устроит, то прекращай там работать, строй роту, сейчас машины подам.

Местные прапора с объекта пытались что-то возникнуть, как же так, ещё пару часов можно и поработать, но старлей был непреклонен. Извиняйте, но поскольку рота в вашей смазке перемазалась выше меры, а самзка у вас оказывается вредная, то окончите сортировку своими силами. Мы же едем мыться, не видите - чешутся все. Вот, кстати, и транспорт подошёл, теперь до ужина успеем. Ротный орёт заветное "по машинам!", и солдаты под ненавистные взгляды прапоров лезут на борта. Прибежал какой-то майор, видать местный начальник. То же что-то кричит ротному, грозит доложить кому следует "за срыв фронта работ", с пеной у рта убеждает, что солидол безвреден. Ой, майор, уйди! Мы поехали, у нас приказ из части.

Ну вот и банька. Конечно солдатская помывка от настоящей бани отличается как кабачковая икра от осетровой, но после работы тоже ух как приятна. Разделись и гурьбой в душевую. На всех душах не хватает, трое мылятся, один под краном стоит. А не хочешь ждать, бери тазик, наливай туда воды погорячее и "мойся шаечкой" - плескай на себя. Под душем же больше старослужащие стоят. Молодые из тазика себя с головой окатывают. Всё равно кайф, особенно если взять два тазика и попеременно обливаться то горячей, то холодной водой. Хороша закалка, и усталость как рукой снимает. Плохо только одно - после помывки надо опять влезать в грязную рабочую форму и быстренько топтать в столовку. Потому как время поджимает, а если на ужин опоздать, то от комбата ротный хорошую пилюлю получит. Вперёд, на долгожданный ужин.

После ужина солдат считает, что день прошёл. Но сегодня дел полно. В роте открыли каптёрку, народ переоделся в чистенькое, а потом засуетился у умывальников. Все отстировали с формы пятна "чесоточной" смазки. Солидол, заразу, даже мыло не берёт. Дембеля сразу же позабিরали все тазики для мытья полов, в горячую воду настрогали хозяйственного мыла и насыпали посудомоя, а потом отпаров погоны, замочили "рабочку". Всё, время вышло - вечерняя поверка, кто не успел, тот опоздал, останется его хэбэшка грязной. Это у молодых, старики за собой смотрят и постираться успели. Приказано развесить форму для просушки на спинках кроватей. Рота, отбой!

Спалось плохо, беспокоил зуд. Обычно деды за порядком после отбоя строго следят, чтоб молодняк не крутился и не скрипел кроватями. Но ни сегодня. Сегодня народ вертится, чешется. Нельзя сказать, чтоб уж зуд был нестерпимым. Да нет, ничего вроде, если сильно не чесать, то терпеть можно. А вот у тех, кто в бочки заглядывал, среди ночи кашель начался, к утру даже с ознобом.

Утро. Рота, подъём! На зарядку бегом марш! Что-то слабенькие бойцы сегодня, вон как бегут-шатаются. Зуд вроде поутих, а краснота только хуже стала. После зарядки появился ротный. Солдаты стоят с голым торсом, эту красноту на телах ему видно. Грозится после завтрака всех в медпункт повести, поэтому занятия отменяются, всем быть в расположении.

На офицерском совещании старший лейтенант доложил о вчерашнем происшествии. То, что вся рота измазалась в солидоле и теперь чешется, на командира полка особого впечатления не произвело. Эти вопросы к начмеду - пусть выдаст мазь какую-нибудь. А вот то, что бросили работу раньше времени.. Плохо, конечно, но будем считать оправдано. За внеочередную помывку однако похвалил. Больше командира беспокоили те пятеро с пищевым отравлением. Послушаем доктора, что там у них... Что-о?! Зловонные выделения изо рта и носа? Чего же они нажрались? Это уж точно не от обеда. У самого тяжёлого признак паралича? Начмед, а почему этот больной ещё в части? А-аа, уже в госпитале, другой доктор его ещё ночью отвёз. Ну ладно, молодец. Закроем тему, следующий вопрос - приближающиеся стрельбы...

После собрания ротный, как и обещал, привёл всех в медпункт. Точнее к медпункту. Врач полка такую ораву внутрь пускать не захотел. Ничего, день хороший, всех построили на улице и тут же заставили раздеться до пояса. Так, дерматит* почти у каждого. И пятна какие здоровые! Угодило же вляпаться. В полковой аптеке пришлось опорожнить все запасы противовоспалительной мази. И ещё одно плохо - у многих температура. Одна радость, что не высокая. Человек десять, правда чувствуют себя очень слабыми. Из них троим совсем плохо. Это те, что в бочки заглядывали. У них конъюнктивит, а ещё кашель. Тут дело аллергией не обойдётся - лёгкие всюю булькают, как при серьёзной пневмонии. Этих госпитализируем в медбат, просто температурающих пока оставим в медпункте, а остальные пусть идут в роту. Слышь, старлей! Не гоняй солдат сегодня, а к вечеру доктор прямо в твоё расположение зайдёт, проверит, как мазь помогает.

* *Воспаление кожи*

Врач созвонился с дивизионным терапевтом, в трёх словах описал ситуацию, а потом посадил "слепых" бойцов с подозрением на воспаление лёгких в свою "санитарку" и повёз в медбат. Ехать недалеко, но один так ослабел, что и сидеть не мог. Развилась тяжелая одышка, пришлось остановиться, откинуть носилки и положить солдата. Доехали. Подошли медбатовские санитары, под руки вывели бойцов из машины. У самого тяжёлого лицо синюшное - явно парню не хватает кислорода. У бойца засуетился терапевт, слушает, стучит. Клинически - тяжеленная пневмония. Что вчера делал? Бочки нюхал. С чем? Со смазкой. А чем пахло? Солидолом, правда иногда с чесноком. Эх, не придал тогда терапевт значение этому, казалось бы малозначимому фактору! Чесночный запах... Вообще-то не типично для солидола. Назначил терапевт всем троим большие дозы антибиотиков и успокоился.

А вот начмедам, что в полку, что в дивизии, покоя нет. Шутка ли, целая рота не пойми чего подхватила. Полтора десятка госпитализировано, уже шестеро тяжёлых, из них двое погибают - один от непонятного отравления в госпитале, другой от пневмонии в медбате. Село медицинское начальство в свой "Бобик" и покатило в роту. И вовремя. Почти у всех бойцов на месте покраснения высыпали мелкие пузырьки. Что за гадость? Ожоги, чтоль? Не похоже... Самый главный военврач - начмед дивизии - стал склоняться к версии, что солидол здесь абсолютно непричём. Это же инфекция, да ещё вирусная! Оспа, новая форма ветрянки, какая-нибудь геморрагическая лихорадка, да мало ли..! Теперь понятны и рези в глазах, и симптомы якобы отравления, и пневмонии и температура. Немедленно объявлять в части карантин, роту изолировать, срочно доложить в округ. С такими инфекциями не шутят, они крайне заразные.

Всю роту из казармы тут же перевели в спортзал, куда натаскали кроватей и устроили изолятор. Тяжёлых оставили в медпункте, откуда бесцеремонно выпихнули остальных больных. По ротам передали приказ, чтоб немедленно посылали к врачу всех, у кого хоть что-нибудь покраснеет. Закрыли выход в город, отменили отпуска и увольнения. К вечеру из округа приехала специальная бригада инфекционистов и эпидемиологов. Однако картина оспы подготовила для них свой сюрприз. Мелкие пузырьки начали сливаться. Как будто солдаты мыли руки в кипятке, только самой картины ожога нет. Ещё через день пузырьки на коже достигли просто гиганских размеров, вздулись, словно резиновые, заполненные внутри янтарной жидкостью. Потом жидкость побелела и стала мутной, а ещё через день пузырьки начали лопаться, обнажая глубокие язвы. Теперь острая слабость и температура были у каждого бойца.

Однако хуже всех обстояло дело с пятёркой, что госпитализировали в первый же день якобы с отравлением. Самый тяжёлый на четвёртый день умер. Потом в конце второй недели умерло ещё двое, а двое оставшихся пошли на поправку, правда медленно. Причина смерти - обширнейшие изъязвления желудочно-кишечного тракта, общий упадок сил, сильное истощение.

Из той троицы, что в бочки заглядывало, умер только один. И то не сразу, неделю ещё лежал в медбате. Пневмония у него была ужасная - от непонятной причины лёгкие словно выгнили целыми кусками. Так как официальный, якобы инфекционный карантин не отменили, то в госпиталь их не отвезти. Долго продолжалось и непонятное заболевание глаз, конъюнктивит прошёл только к концу второй недели. Потом исчезли хрипы, правда слабость оставалась ещё долго. И вообще организм стал како-то вялый - вроде потерял способность бороться с инфекциями. Из-за инфекционных осложнений даже самые маленькие язвочки заживали неделями, крупные же язвы заживали по полгода.

Понятно, что комиссия полгода не ждала. Уже на следующий день специальная команда прибыла на злополучные склады. Подняли документацию. По документам там действительно одни бочки со смазкой. Подожди, а это что? Некий "СИУСЗ%/солидол", "АИУСЗ%/солидол". . Что за солидол такой? Никогда о таком не слышали. Странно, ни завода изготовителя, ни

записей предыдущего хранения. Из всех документов только акт передачи. Почему-то за подписью офицера химзащиты. Стоп, что-то тут не чисто! Ещё интересно, откуда же этот солидол передали. Из Буньково. Печать какого-то 282-го Межвидового Учебного Центра. Ага, это где-то в Московской области. Позвонили в отдел связи штаба, узнали телефон. Потом позвонили в Буньково, спросили зампотыла части. Вот и он на проводе. Вопрос один, что такое "сиус или аиус-три-процента-дробь-солидол"? Что-оо? Что!!! Сернистый/азотистый ИПРИТ УЧЕБНЫЙ трёхпроцентный на солидоле?! Не шутите, разве может быть иприт учебным? Это ж как учебная ядерная бомба!

Оказывается, может. И проводились такие учения при верховодстве маршала Жукове не-нибудь в центре пустыни Каракумы, а в Подмосковье. Это вам не знаменитая хлорпикриновая палатка, где кашляющих солдат учат правильно пользоваться противогазом, тут ошибка запросто жизнь оборвёт. Убедились в правильности содержимого просто - тут же на складе взяли знаменитый ВПХР* и проверили бочки на зарАженность ипритом. Точно зарАжено, да в каких сумашедших концентрациях! Хоть и "учебный три процента", а и на поле боя столько дряни не найти. По горячим следам узнали сколько же бочек такого "солидола" покатило в обычных незащищённых вагонах по Союзу. И куда? Оказалось много - в город Горный под Саратовом, в Запороже, Павлодар, Вольск... Всего 1856 бочек. Вот это учения можно было провести! НАТО бы обзавидовалось.

* *Прибор химической разведки, что были везде, даже в школах*

Честь врачей спасло то, что причину узнали раньше, чем пузырьки в здоровые волдыри слились и дали классическую картину поражения боевыми отравляющими веществами кожно-нарывного действия.

САМОЕ ГЛУПОЕ САМОУБИЙСТВО

На мой крестьянский взгляд умных самоубийств вообще не бывает. Ну разве когда бойца моджахеды окружили, а патронов нет. Дёргает боец колечко на последней гранате и уходит в мир иной, заодно посадив по пути парочку алахакбаровцев до их любимого аллаха. По сути это не самоубийство, а перевод собственной смерти из разряда мучительных в геройские. В остальных случаях самовольный уход из кино, под названием жизнь, есть ба-аальшая глупость. Хотя одни глупости глупее других. А этот случай о самой глупой из них.

В начале 1970-х нынешний ПИЯФ был ЛИЯФ - Ленинградский Институт Ядерной Физики. Работало там много разного народу, в основном люди солидные. Но были и несолидные. Рыжик был из несолидных, хотя сам себя он считал вторым по значимости в науке, сразу после Эйнштейна. Было ему полных 24 года, и значился он лаборантом. Как его в действительности звали, я забыл. Кличку свою он получил за редкую веснушчатость и лисий цвет волос. Наш гений любил покритиковать Общую Теорию Относительности (правда без особой логики и какой-либо алгебры на бумаге), зато утверждал, что располагает доказательствами существования эфира, как некой абсолютной системы отчета, но все, кому он показывал свои работы, над ним смеялись. Однако дома он находил своим изысканиям безоговорочную поддержку в лице мамы и некоторых друзей детства. Такие авторитеты укрепляли его в мысли, что его просто не могут понять вследствие "их скудоумия" и зазнайства. Так или иначе, но через год наш самородок не считал никого достойными, чтобы показывать им свои гениальные работы. А ещё он был известен тем, что каждый год поступал то в Физтех, то в ЛГУ, где неизменно получал на вступительных экзаменах двойку или по физике, или по математике, в зависимости от того, какой экзамен был первым. Не помогала даже профильная характеристика с места работы. Похоже, что у Рыжика были весьма большие проблемы с зашкаливающей самооценкой, в пух и прах разбивавшей принцип здоровой социальной адаптации и оценки реальности. Знаете, бывает - мама внушает бездарю, что он нечто особенное в этом мире. Бездарь верит. Хочет стать Ломоносовым, а становится невротиком. Хотел бы стать автослесарем, может жил бы счастливо.

После армии вернулся Рыжик в свой институт. Отслужил парень, а ума не набрался, хоть вроде должен был распрощаться с юношеской сопливостью. Тяжёлый случай. А тут ещё угораздило Рыжика влюбиться. В МЭНЭэСку, в молодую младшую научную сотрудницу. Ох тётка была! Красоты неопишущей и при этом умная - редкое сочетание. На мой взгляд, после Кюри-Складовской молодым женщинам в экспериментальной ядерной физике не место. Говорю так не из-за махрового сексизма-мачизма, а с точки зрения элементарной биологии. Мамками им быть. У мужика в этом плане получше устроено - половые клетки каждые три месяца меняются, а вот у представительниц прекрасного пола - как с момента созревания надделались, так и сидят до самого климакса, излучение ловят. Но наша красавица на такую сторону личной гигиены плевала и работала с жутко радиоактивными солями радия.

Давай Рыжик за этой красавицей ухаживать. А у девки диссертация в голове, да и взгляд на жизнь был посolidнее ювенильного максимализма. Надоел ей Рыжик своими приставаниями. И вот в очередной раз Рыжик улучил момент и давай этой даме в любви до гроба клясться, да руку и сердце предлагать. А дама решила его дурь в конструктивное русло перевести. Ну и говорит ему, что мол выйду за тебя замуж, как только ты физиком станешь. Поступай в универ, отучись, а там подходи, если желание сохраниться. Тому бы за книжки сесть, да к экзаменам подготовиться. А зачем? Невротика труд тяготит. Попёрся Рыжик в университет, как всегда уверенный, что и без книжек умный. Сочинение сдал, а на математике схватил банан. Вот и вернулся на работу после второго экзамена. Давай опять к своей "невесте" клеиться. Тётке это уже порядком надоело, и она ему в глаза прямо высказала всё, что о нём думает. Типа - ты тупой лодырь с воспаленным самомнением, плюс маменькин сынок, а не мужик. Таким и давай противно, не то что замуж идти.

Резанули Рыжика эти слова. Первый раз за всю жизнь он осознал, что его внутренний мирок с реальным миром не совпадает. Что о его "значимости" люди диаметрально противоположное мнение имеют. И навалилась на Рыжика фрустрация, или в обиходе полное крушение надежд. Опять же, Рыжик был сынок маменькин, а поэтому никаких реальных методов борьбы с фрустрацией он не знал. Всю жизнь за него мама боролась со словами, подобными "не верь, мой сыночек, все они врут от зависти к тебе, такому умному и значительному". В данной ситуации эти слова не сработали. Ну какая зависть у пославшей его дамы сердца? Другие мужички самостоятельный выход из подобных проблем быстро находят. Вариантов много, от "куплю бутылку и забуду", через "уйду к другой", до "учиться-учиться-учиться", или "работать-искать, найти и не сдаваться". Короче обидный эпизод, но не конец жизни. У Рыжика же наступил конец жизни, потому как сама жизнь смысл потеряла. Смысл его жизни был насквозь невротический, выдуманный. Вот он рухнул, и оказалась калечная Рыжикова душонка, как улитка без раковины под палящим солнцем. Невыносимое состояние. Мамочка это видела. Ей бы сынулю-переростка к психиатру сводить, так нет. Она с "маменькиной мудростью" посыпала ему соль на рану - если ты, мое сыновье великолепие, об этой дуре не забудешь, и я тебя любить перестану! Я тебя тоже буду презирать!

Самый сильный спусковой крючок на глупости. Психологически у любого взрослого мужика любовь к женщине - это прокрутка второй раз своей детской любви к матери. А тут из-за дешёвой материнской ревности такой болезненный удар одним и тем же макаром в одно и тоже место. Решил Рыжик всех наказать. Возлюбленную свою и мамочку в первую очередь, ну и себя тоже. Да и вообще весь мир, за то что он такое говно и Рыжика не оценил. Решил Рыжик показушно сдохнуть, и чтоб все вокруг него бегали да жалели. Абсолютно детское желание "несправедливо" наказанного мальчика - желание сделать истерику и скандал вокруг обиды. Помните, как дети орут в магазине, когда их мамка на выход за руку тянет? Рёв их, это последнее средство мамочку наказать - пусть все окружающие видят, какая мамка у меня плохая. Рыжиково инфантильное подсознание включило тот же самый механизм.

Так как нашему "ребёночку" шел двадцатипятый годик, то орать благим матом было не солидно. Окружающие бы не поняли. Поэтому Рыжик взял из маминой домашней аптечки

шприц и тихонько пробрался в лабораторию к своей отринутой любви. В специальном сейфе его любовь хранила радиоактивные материалы. Материалы были строго учётными, и всякое их использование регистрировалось в специальном журнале. Расход-наличие и записи сверялись ежедневно. Только учёные народ в чём-то простецкий и комбинацию от сейфа записали на корочке той самой тетрадки. Так вот Рыжик стащил ампулу с солями радия и сделал соответствующую учётную запись. Странички в журнальчике пронумерованы, прошиты, а прошива опечатана - не вырвешь. Будут начальство и следователи читать. Запись была довольно пространной, страницы на две. Там Рыжик подробно описал, какое всё дерьмо, а любовь его в первую очередь. А кончался сей опус фразой о том, что жить с подобным к нему отношением, ну совершенно невозможно, и поэтому Рыжик добровольно умирает, пустив себе радий по вене. Ну а кого винить в этой смерти - смотри вышенаписанное. Накатав сию обидку, Рыжик и вправду открыл ампулу и сделал себе внутривенный укол её содержимым. Для пущего подтверждения серьёзности ситуации, наш страдалец положил пустую ампулу и шприц в контейнер с радиоактивными отходами, что стоял в том же сейфе, покрыл этот натюрморт раскрытым журналом и поехал домой. Одного этот дурак не знал - сколько Кюри он хапнул, и что его ждёт. Кюри - это не та женщина, с которой ядерная физика начиналась, а тех Кюри, точнее милликюри, в которых радиоактивность в честь той женщины меряют. А хапнул он немного. Совсем недостаточно, чтоб быстро и мученически, сдохнуть. Но всё же достаточно, чтобы в конце-концов сдохнуть. Хоть бы в этом вопросе книжки почитал.

На утро пришла зазноба на работу. Открыла сейф, взяла журнальчик и обомлела. Побежала к начальству. Начальство разозлилось, но подумало, что это всего лишь "пугалка", так сказать безобидная месть Кота Леопольда. Но на всякий случай сообщило куда надо о факте пропажи радиоактивных материалов послало на дом к Рыжику своего дозиметриста, в помощь спецгруппе КГБ. Приехали ГБ-шники обыск делать. Да обыскивать нечего - фонит от самого Рыжика и от унитаза, куда тот писал. Ну и чуть от кровати, где тот бессонной ночью потел, ожидая смерти. Правду, значит, написал. Дезактивировали унитаз, засунули в спецконтейнер постель, а самого Ромео загрузили в ментовский "бобик", заперли в заднем отделении в одиночестве и наказали сидеть на противоположной от водителя стороне. Чтoб не облучал хороших людей почём зря. Сами в другую машину сели и поехали всей гурьбой в ВМА на ВПТ (в Клинику Военно-Полевой Терапии). Там Рыжика сдали в надежные руки офицеров медицинской службы.

Военно-полевые терапевты такому подарку очень обрадовались. Это же какая удача - получить столь чистый эксперимент по инкорпорированной (внедренной в тело) радиации без сопутствующего внешнего облучения. Что там крысы-собаки, редкая возможность представилась на самом человеческом организме эффект посмотреть! Позвонили в институт, уточнили "дозняк". Очень удачно всё складывается - и химически, и по активности, и по времени всё известно. Удачно для врача-экспериментатора, не для Рыжика. Для Рыжика как раз плохо. Хроническая лучевая болезнь. Сразу не сдохнешь, а будешь долго-долго мучаться.

На первый день всё было в норме. Сразу после беседы с пришедшим из соседней Клиники Психиатрии дежурным специалистом, Рыжик под предлогом "я всё понял, больше не повторюсь" стал проситься домой. К тому же маму на отделение не пустили. Рыжика обнадежили, что всё ещё впереди. Не обманули. Мучения начались со второго дня. Дело в том, что радиация убивает самые быстроделющиеся клетки. К примеру костный мозг и выстилку кишечника. Последняя у нас полностью обновляется за 24 часа. Старый эпителий мы съедаем-перевариваем, а новый за один день наращиваем. Так вот этот процесс у Рыжика притормозился, и пошли язвы, где только можно. Рыжику сразу сделали полный кровообмен, да и не раз притом! Сменили всю его собственную грязную кровь на чистую донорскую. Потом стали колоть лекарства, тяжелые соли связывающие, давай делать разные ферезы да диализы - специальными аппаратами кровь от поступающего из тканей радия чистить. Только поздно уже. Много радиации вывели, но всё же много осталось. В основном в костях. А в костях у нас как раз эта самая кровь делается.

Не заставила костная радиация себя долго ждать - стало Рыжиково кроветворение угасать. Потихоньку. При острой лучевой болезни дело совсем подругому обстоит: бахнул ядерный взрыв, облучил человека за секунды. Костного мозга много передохло. Передохло - кроветворение стало. Но не надолго - после паузы кроветворение медленно восстанавливается. Если успеет восстановиться - выживет человек, здоровым станет. Поэтому и зовут такую болезнь острой. Один раз стукнуло, а остальное отходняк. При радиоактивном заражении тела ситуация прямо-противоположная. Сначала почти никакой реакции нет. А вот дальше - чем больше времени проходит, тем тяжелее ситуация. Идёт не восстановление, а постепенное угнетение. В конце-концов или костный мозг совсем перестаёт кровь делать, и тогда каюк. Или же начинает делать вместо нормальных кровяных клеток гемобластные. Тогда каюк чуть позже, уже от рака крови*. То что Рыжику каюк, полевые терапевты не сомневались. Интересен был вопрос, каким образом?

** Прим. Автора: Специалистов прошу не возмущаться, что в дальнейшем все неоплазии раками называю. Мы все с третьего курса помним, что рак, это опухоль эпителиального геноза, а за "рак крови" - так вообще безоговорочный банан на экзамене... Не для медиков писалось, вот и хотелось попроще - скучные термины по возможности стараюсь заменять бытовыми понятиями.*

И действительно пришел каюк самым необычным образом и не сразу. Полтора года шло прогрессирующее угнетение кроветворения. Ну переливали кровь, делали трансплантации - пересаживали донорский костный мозг. Чем больше времени проходило, тем хуже работал трансплантант. Наконец в крови появились бластные клетки - белокровие. Кроветворению капут и счёт пошёл на месяцы. Ситуация получается дважды дурацкая - рак крови надо давить препаратами, угнетающими деление костномозговых клеток. А деление костномозговых клеток уже угнетено до крайности лучевой болезнью. Кольнёшь лекарства - обостриться "лучёвка". Отменишь лекарство - обостриться лейкемия. Замкнутый круг. Для контроля за рыжиковым кроветворением приходилось делать частые пункции грудины - высасывать капельку костного мозга. Эту капельку размазывали по стеклу, сушили-красили и смотрели под микроскопом. Ни у кого сомнений не было, откуда придёт смерть.

А она пришла не оттуда. От рака, точнее раков и не крови. В обычной жизни так не бывает. Бывает рак, но единственный и последний. У Рыжика в дополнение к белокровию по непонятной причине молниеносно развилось ещё четыре разных рака. Точнее, два рака и два предраковых состояния. Они бы тоже 100%-но в настоящие раки перешли, да Рыжик, гад, не дал - помер. После ВПТ "пятираковый" труп долго был героем сезона уже на Кафедре Патанатомии.

Первый рак имел чудное название интраэпидермальная карцинома. Развился он на левом локтевом сгибе, как раз в том месте, куда Рыжик радиий вколол. Метастазы обнаружили в лёгких, лимфоузлах и печени. Второй рак назывался остеосаркома. Злючий был рачок - больше всех метастазов накидал. Развился он на груди, как раз в том месте, где Рыжику постоянно костномозговые пункции делали. За какие-то пару месяцев на груди выросло нечто, напоминающее по форме хомут или громадную подкову от коня-тяжеловоза. Потом от этой опухоли-подковки росточки пошли по всем костям и органам, где "успешно" боролись за место с метастазами вышеупомянутой карциномы. Похоже, о подобном повороте событий никто из патологоанатомов не догадывался. Борьба раков за существование - Дарвин отдыхает. Плюс малигнизированная тератома - развился у хлюпика самый мужской рак, рак яиц. Ну и злокачественная нефрома - рак почек. Это тоже понятно - на почки много работы свалилось по фильтрации радия. В дополнение пятым раком шло белокровие, или в народе - рак крови. Хотя вроде это уже не считается, ибо от сюда и ожидали смерть.

По-моему самоубийство длинной в два года - самая глупая глупость!

МЕДИЦИНСКАЯ ХИМЕРА или петропавловский синдром

Уж коли заговорили о хронической лучевой болезни, то надо бы для полноты картины и острую "лучёвку" помянуть. Самое инересное в лечении самых тяжёлых форм этой болезни - химеры. Что такое "химера" в обиходе? Смесь несмешиваемого. Что это такое исторически, тоже понятно - какой-нибудь орёл с головой льва или лев с крыльями. А вот в военной медицине слово "химера" имеет однозначное толкование, так как является научным термином. И означает этот термин больного с чужим костным мозгом. Для неспециалистов придётся сделать пространное отступление, так как химер в мировой практике весьма мало, и одно толкование термина мало чего объясняет.

О трансплантации органов слышали все - пересадками почек и сердец сейчас никого не удивишь. О пересадках костного мозга слышали многие - тоже дело весьма обычное при анемиях (малокровии) или лейкозах (белокровии). Красный костный мозг - это фабрика крови. Там миллиардами штампуются красные эритроциты для переноски кислорода и белые лейкоциты для борьбы со всем, что организму чуждо. Ну с микробами понятно, с раковыми клетками не совсем понятно, но смысл тот же. А вот как быть со здоровыми пересаженными тканями? Костный мозг такие ткани считает своими лишь частично - находит он тонкие химические различия и в конце концов их тоже отторгает. Поэтому и колют больным после пересадок всякие лекарства, этот процесс замедляющие. Исключения только для естественных клонов - тканей близнецов, да и то не всех. Такие случаи редки, когда донором выступает однойцевый близнец (это из тех, что одного полу и похожи как две капли воды), и подобное считается необыкновенной удачей как для больного, так и для врача-трансплантолога.

Пересадка костного мозга самая лёгкая из всех пересадок. Ничего резать и шить не надо. Донору в таз или в грудину вкручивают шуруп с дыркой, как в игле от шприца. Через этот шуруп из кости отсасывают костный мозг в банку. Затем разводят его "водичкой" - специальным раствором, и переливают больному, как обычную кровь. Ну а собственный костный мозг больного, получив эту "присадочку" какое-то время её терпит и дает инородному костному мозгу наделать крови, а затем всё отторгает как чужое. Убивает пересаженные донорские клетки. Костный мозг - это министерство иммунной обороны, а всякие там лимфоузлы, фолликулы и сама циркулирующая кровь - это лишь войска под его командой. Что министр прикажет, то солдат и сделает. Такая биологическая война называется "хозяин против трансплантата". Но бывает случай наоборот - "трансплантат против хозяина", хотя на заре 1970-х о таких казусах ещё мало что знали.

Полковник Павел Васильевич Загуляев формально служил в войсках химзащиты. Формально, потому что никакой химзащитой он в жизни не занимался. С самого начала карьеры мысли его витали исключительно в области нападения и нападения ядерного. Из какой части этот военный, и что конкретно он делал, я не знаю. Это "выше моей крыши" было - я не проходил к такому знанию из-за низкого допуска секретности. От сослуживцев и с записей в истории болезни знаю, что коллеги звали его за глаза "Загулом", был он доктором наук и в своем "ящике" слыл крутым авторитетом по ядерным фугасам. Научным авторитетом, разумеется, а не блатным. Поэтому, когда случилась беда с полковником, то приказ пришел с самого верху - слово "невозможно" исключить, сделать так, чтоб Загуляев жил.

Об инженере Петре Сергеевиче Краснодарымском известно куда больше. Никаких особых званий, за исключением "Начальник Цеха Холодной Стерилизации" завода "Медполимер", у него не было. Вверенное ему хозяйство мне довелось увидеть собственными глазами. Правда по другому поводу - позже экскурсию на завод нам организовали на цикле Радиационной Гигиены сугубо с учебными целями. Инженер Пётр и полковник Павел были людьми примерно одного возраста и схожей комплекции. Оба попали почти одновременно на ВПТ (в

ту самую клинику Военно-Полевой Терапии, что в ВМА) и по одинаковой причине - жёсткое радиационное облучение. Соответственно и диагнозы у них были одинаковые - острая лучевая болезнь тяжёлой формы.

Вообще любила эта клиника подобных пострадавших. Со всего Союза стаскивала всякие случаи, напоминающие боевое поражение. Заснул пьяный рентгенолог на столе под включенным аппаратом (бывало и такое) - сюда его. Лечить будем и науку делать - представим, что лечим облученного от прохождения радиационной зоны после ядерного взрыва. Добавили алкаши дихлофоса в водку - сюда их. Будем лечить, как-будто враг фосфоротравляющее химоружие применил. Да и многие другие подобные казусы в эту клинику попадали. Но всё же лучевая болезнь на особом почётном месте была, так как крайне редка она в мирное время. До Чернобыля оставалось более десяти лет, и два случая в одну неделю были экстраординарной удачей. Комбинация Петра и Павла, как этот плодотворный период остался в фольклёрной памяти военных медиков Академии. А после всей этой истории, приведшей к определённому научному открытию, само открытие в шутку стали называть "петропавловским синдромом". Не знаю, жив ли сей термин в военной радиологии, но помню случай, когда какой-то профессор-радиолог из России был на американском семинаре. Так вот он на полном серьёзе упоминал "петропавловский синдром" в русле того самого феномена, правда саму историю названия туманно связывал почему-то с городом Петропавловском.

Раз об истинной причине лучевой болезни Павла Всичича остается только догадываться, то рассмотрим причину болезни Петра Сергеича. Для чистоты "эксперимента" и полного учёта поглощенной дозы создали специальную экспертную комиссию, которая и отправилась на завод "Медполимер". Большой это был завод. Делал он одноразовые шприцы, презервативы, медицинские перчатки, пластиковые контейнеры для заготовки крови, дакроновые ловушки воздуха с виниловыми трубками (в народе - капельницы), и много прочей подобной продукции. Продукции медицинской, и соответственно, стерильной.

Походили спецы по цехам, удивились. Врачей, привыкших к стерильности операционных, цеха реального производства их родных чистых вещей разочаровывающе поразили своей нечистотой. Никакой стерильности среди крупных механизмов и конвейерных линий не было и в помине. Были, как на всяком производстве, неизбежные лужи масла, механики в засаленных робах, а белые грязно-пятнистые халаты операторов на линиях казались неуместной бутафорией. И все же продукция выходила безукоризненно стерильной. В СССР за такими вещами контроль был серьёзнейший. Обеспечивал стерильность Цех Холодной Стерилизации. Холодной, потому что пластик, это не медицинская сталь - его не проварить, не прожарить.

Холодная стерилизация достигалась жёстким облучением. Таким жёстким, что за секунды не только все микробы, но и сухие микробные споры погибали. Заходит конвейерная линия с грязной продукцией в АХС (агрегат холодной стерилизации), а выходит с продукцией стерильной. Всякая производственная головная боль по поддержанию стерильности отпадает сама собой - запаивай капельницы нестерильными, в последнем цеху всё простерилизуют. В АХС над конвейером стояла радиационная пушка. Штука эта на пушку совсем не похожа. Напоминала она скорее тяжеленное, многотонное яйцо таинственной птицы Рух из сказки о Синдбаде. Но вместо хищного птенчика сидело в этом яичке за двухметровой многослойной скорлупой куда более опасное содержимое - изотопная смесь с убийственным спектром радиоактивного излучения. Стеночки бункера вокруг АХС тоже были основательными - свинцовые плиты перемежались с бариевой штукатуркой и слоями парафина. Лента входила в бокс и сбрасывала продукцию на внутренний конвейер, тот тащил её под луч, а затем сбрасывал на третий, выносящий конвейер. Какого-либо участия человека не требовалось, и стараниями инженерной мысли, малейшая утечка радиации исключалась. Везде висели специальные дозиметры, подключённые к аварийной сигнализации, а внутри помещения дополнительно было понатыкано куча прозрачных трубочек, заполненных

радиолюминофором. Радиация цвета не имеет, как не имеет ни вкуса, ни запаха. Яркое зелёное радиоактивное свечение, столь известное из кино и устной народной молвы, это всего лишь свечение химических детекторов, самих ничего не излучающих.

Работа на АХС считалась блатной. Зарплата по тем временам - обзавидуешься, рабочий день - четыре часа, дармовое молоко и санатории, два отпуска в год, льготная очередь на машины, а бесплатные квартиры вообще без очереди. Чудо! Попасть в этот цех можно было исключительно по блату. Начальник цеха был зверем только в вопросах радиационной безопасности. Во всех остальных вопросах он был человеком мягким, уважающим своих подчиненных. А ещё в те времена было такое понятие, как обязательное перевыполнение плана. Чтоб коммунизм быстрее наступил, от всех требовали наделать разных вещей больше, чем возможно. Этакая официально-идеологическая глупость. И крутились инженеры, всякие ухищрения придумывали для перекрытия проектной мощности. Все цеха "Медплимера" план перевыполнили, за исключением цеха стерилизации. Директор завода в гневе. Вызывает на ковер начальника цеха: "Что же ты, гад такое нам устроил? Этап твой заключительный, и если продукция нестерильна, то значит она и не произведена. Все склады ломаются, а затор у тебя!. Доводы о соблюдении опасной технологии по боку.

Собрал Пётр Сергиевич инженеров да технологов думу думать. Чего-то там они придумали. Остановили цех, дистанционно закрыли макушку на "адском яичке", дождались разрешающих показаний дозиметра и полезли внутрь АХС - посмотреть на месте, как лучше их "рацуху" туда всунуть. Главный механик, технолог и начальник цеха. Трое человек именно в такой очерёдности. И вдруг внутреннее убранство стерилизационного блока озаряется зелёным светом химдетекторов. Гидравлика забарахлила и настезь открыла источник. Мужики с криками в люк. Выскочили, люк задраили. Круглыми глазами друг на друга смотрят. Ещё когда лезли, чтоб лишнюю поглощенную дозу остаточной радиации не писать, дозиметры предусмотрительно сняли и оставили перед входом. Они начальство, им можно. А зря оставили. Хапнули вот рентгенов, а сколько не ясно. Давай смотреть на показания, сколько же через открытый люк "насветило". Технолог пытается пересчитать "поглощёнку" исходя из коэффициента экранирования и расстояния. Хреново получается. Хреново, в смысле очень много.

Тут механик заметил, что не может выход из комнаты найти, забыл что и где - наступила так называемая радиационная дезориентация, симптом очень большой дозы. Затем появляется непонятная рябь в глазах, затем рвота. У всех. К чёрту прикладную математику, хватай красный телефон и звони врачу при заводе.

Все трое были доставлены в Академию. Механик умер часа через три. Радиационное поражение центральной нервной системы. Всё остальное у него тоже было поражено, но это вроде как не считается, потому что поражение мозга штука самая серьёзная. Технолог был жив два дня. У него смерть наступила вследствие полного радиационного поражения эпителиальных оболочек. Это то, что нашу трубку изнутри выстилает. Все кишки превратились в одну зияющую рану. Комбинация внутреннего кровотечения и "добро пожаловать, микробы". Инженеру повезло больше. Дистанция от источника максимальная, а время облучения минимальное. Да и луч по нему сквозанул уже ослабленным, пройдя через тела сотрудников.

Только вынесли труп технолога, поступает новый больной - Пал Василич. Закон парных случаев совмещающий две редкости. Или две беды. Так в стерильных боксах клиники Военно-полевой терапии и произошла историческая встреча Петра и Павла. Точнее встреча была заочной - происходила она только в ординаторской специалистов, на пятиминутках, консилиумах и научных совещаниях. О существовании друг друга эти больные не догадывались и содержались в гордом одиночестве, в абсолютно стерильных условиях специальных боксов при строжайшей изоляции от кого-либо. Только очень ограниченный круг лиц имел доступ к ним. Перед каждым входом медперсонал мылся и одевался, как на

операцию. Кормили их в основном внутривенно, а то что давалось через рот, как и все остальное вокруг них было стерильно. Попал инженер по стерилизации в стерильные условия. Каламбур получается с набившим оскомину словом "стерильно"...

Расчетная доза у обоих мужиков смертельная. Приказы приказами, от кого бы они не исходили и какими бы грозными не были, а природные законы они отменить не могут. Больные тестируются, к ним подбираются лучшие доноры. Впереди бесчисленные переливания крови и её компонентов. Своя кровь у таких больных не образуется - костный мозг поражен. Приходится лить тромбомассу - донорские тромбоциты, чтобы не начались спонтанные кровотечения из любого органа. А чтобы до селе безвредные бактерии заживо не сгноили тело, необходимо переливание лейкомассы - донорских лейкоцитов. А вот, с казалось бы очевидной, следующей процедурой - переливанием костного мозга имелись проблемы.

Невозможно было восстановить нормальное кроветворение у таких больных. По сложным биологическим механизмам, после короткого улучшения такие реципиенты (те кто получал чужой костный мозг) необратимо гибли. Остатки собственного костного мозга бесились. Вместо того, чтобы усиленно восстанавливать утраченное кроветворение, все силы собственного костного мозга бросались на борьбу с донорским трансплантатом. Трансплантат тоже не оставался в долгу и начинал ответные иммунные действия против костного мозга хозяина. Борьба эта очень напоминала Бородинскую битву с неизменной Пирровой победой. Оба костных мозга быстро погибали, а за ними погибал и остальной организм, невзирая на окружающую стерильность, медикаментозную поддержку и непрерывные переливания крови. Попытки вытянуть таких больных из кризиса на собственных резервах, без костного мозга донора, тоже были 100%-но неудачными. Слишком долгим был процесс восстановления. Облученный организм загибался, когда угнетенное кроветворение было ещё в самой зачаточной стадии. Получалась дурацкая безвыходная ситуация - больной умирал или от лечения или от его отсутствия. Но умирал всегда.

С больными Петром и Павлом офицеры-медики решили эту ситуацию переломить. Тем более, что были эти больные обречены на смерть, и любое рискованное экспериментирование, пусть даже с чисто теоретической возможностью исцеления, становилось логически и этически приемлемым.

Переквалифицировали инженера с полковником в подопытные кролики. А всё потому, что одному майору садистская мысль в голову пришла. Садистская, но толковая. За эту мысль тот майор Госпремию схлопотал с зачётом своей разработки за докторский диссер по спецтеме. А суть садизма состояла в следующем - надо ходячих мертвецов доубить. Дооблучить. Собственный костный мозг после этого должен окончательно сдохнуть, а вот потом можно и донорский пересаживать. По идее ничего размножению чужого мозга препятствовать больше не будет. Получится химера. Чужая иммунная система в собственном организме. А вот что дальше с таким организмом будет, никто тогда не знал.

Поехал тот майор в Институт Военной Экспериментальной Медицины на Ржевке. Садизм в том заведении был поставлен на широкую ногу. Там работала целая куча его коллег, занимавшихся облучением живых организмов 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Они, правда, славы доктора Менгеле не сыскали и под международные трибуналы не попадали, потому, что губили свиней, собак, да обезьян. Ну а какой трибунал за убийство хрюшки? Кушая отбивные, мы всякое массовое уничтожение по крайней мере этих тварей вполне одобряем. И тут приходит такая славная возможность абсолютно легально поэкспериментировать на двух homo sapiens. Понятно, вся Ржевка в восторг - тащите их сюда!

На Ржевке имелись камеры. Перед техническим совершенством этих камер, камеры Освенцима казались бездарной грубой кустарщиной. У фашистов как было - пустили "Циклона-Б" в замкнутое пространство, вот и всех делов. Не-ее, наших людей на Ржевке

такой примитив не интересовал. В лабораторных камерах экспериментальной военной медицины регулировалось всё - от скорости потока воздуха, его влажности и температуры, до уровня шума, освещенности и малейших колебаний концентраций тех полезных (для обороны, а не для организма) химических соединений. Но в нашем случае концентрация дряней в воздухе не важна.

Дело в том, что этажом выше над камерами имелся специальный зал, весьма напоминающий Цех Холодной Стерилизации завода "Медполимер". Но адских ячеек от птицы Рух в том зале было несколько, и гораздо меньших размеров, а поэтому их можно было по этому залу двигать. В толстенном полу зала, набитым слоями радиопоглотителей, имелись специальные окошки. Эти "фонарики" располагались прямо над потолками камер. По желанию экспериментатора, для подопытного всегда можно было подобрать нужный "загарчик" - от сравнительно "пустякового" бета- и альфа-излучений, до серьезного гамма-луча или совсем серьезного нейтронного потока. При подобных солнечных ваннах допускались и любые комбинации всех лучей. Ну а на крайняк, можно было к окошечку подсоединить специальный рукав и посыпать радионуклидами прямо на голову подопытной твари. Там даже был сооружен специальный крематорий, где сжигались радиоактивные тельца почивших в бозе питомцев, а также зараженные фекалии пока ещё живых страдальцев от военной науки. Хоронить их категорически нельзя по соображениям гигиены - от них больше фонит, чем воняет. Поэтому и жгли до полного неорганического остатка, пропуская дым через специальные фильтры-поглотители. А сухой остаток - горстку пепла, запаивали в свинцовый контейнер и спецдоставкой отправляли в могильник для захоронения вместе с радиоактивными отходами нашей доблестной атомной промышленности.

Как вы поняли, милейшее место выбрал майор для лечения великомучеников Петра и Павла. Военно-врачебная команда из лучших садюг-энтузиастов быстро приступила к делу. Для начала определились с методикой облучения. Тела людей надлежало плотно заэкранировать, обнажив лишь профили костей с красным мозгом. Иначе точно каюк. Отказались и от нейтронного "супер-загара". Этому лучу всякие экраны побоку, он всепроникающ. Выбрали гамма-излучение. По размерам Петра и Павла изготовили дырявые саваны из освинцованной резины, а по верх них специальные гробы-покрышки с дырками. Затем переоборудовали машину-санитарку - затянули салон стерильной плёнкой, создав мини-бокс на колесах для транспортировки больных на эти физиопроцедуры. Из пары больничных каталок сделали нечто напоминающее фермерские фургоны из фильмов-вестернов, опять же герметичных и изнутри стерильных. Это для того, чтоб пациентов по клинике и институту возить.

Потом подобрали доноров. Вначале показалось, что Павлу повезло больше - брат у него нашелся. Да только преждевременной радость была - у брата оказалась другая группа крови. Для донорства непригоден. Пришлось искать добровольцев на стороне, среди известных на станциях переливания крови доноров-рецидивистов. У того, кто часто сдает кровь, костный мозг активней. Обычно за нормальное костно-мозговое донорство 130 рэ платили. Но в данном случае уж очень много мозга предстояло высосать. Нашли пару подходящих смельчаков. Ну бешенное, по тем временам, денежное вознаграждение в размере трёхсот-девятидесяти рублей. Две месячных зарплаты рабочего высшей квалификации, плюс спецпаек из сухой колбасы и красного вина "Кагор", пятнадцать дней в клинике, после месяца больничного на дому и санаторий. Разумеется с полным сохранением зарплаты. Вообще-то на жаргоне трансплантологов таких доноров называют "проститутками". Ведь за деньги дают, а торговля своим телом и есть проституция.

К назначенному дню прошли доноры все необходимые исследования и явились в клинику. А перед этим Петра с Павлом свозили "позагорать" на Ржевку. Много военно-медицинских генеральских чинов посетило своим почтением те места - все желали приобщиться к таинству Петра и Павла, ну и урвать мимоходом чего-нибудь для своей научной карьеры. А Петр с Павлом молодцом - держатся! Живыми. Понятное дело, опять поблевали под лучом,

конечно поотключались для вида, и кожа на открытых местах чуть попортилась, да все волосы повыпадали - мелочи. Доставили их с экспериментального заведения в родные палаты и сразу им густых красных соков по вене. С самими донорами совсем в другом месте работали - в малом реанимационном зале, точнее малой операционной, как ее местные полевые терапевты называли. Не смейтесь - операционная в терапевтической клинике, дело обычное для военной медицины.

Так вот бухнули по вене Петру и Павлу купленного мозга и стали ждать. Ну пока костный мозг не заработал, подливали цельной крови и её компонентов, да кололи антибиотиками от любой заразы. Время подходит - по расчетам пора подышать. Не мрут. Весь персонал рад. Потом собственная кровь появилась. Потом иммунитет стал восстанавливаться. Стерильность сняли. Потом даже лечебную физкультуру назначили для физической реабилитации. Потом мужиков выписали, написали кучу научных трудов, за что получили внеочередные звания, всесоюзные признания, премии и диссертации. А потом Петра и Павла опять вписали...

Но не сразу. Радовались Пётр и Павел жизни своей спасённой, довольные в кругу семейном с восторгом разглашали государственные секреты военной медицины и всем семейным хором пели оды военврачам. На работу ходили. Полковник вернулся в тот же "ящик", где служил. К своим любимым и сердцу милым ядерным фугасам. А вот инженера Петю назад в цех не пустили. Сказали, ну нет, мужик, раз с того света вытянули - хватит с тебя радиации. Стал он непыльно работать в заводууправлении исключительно с бумажками.

А дальше со здоровьем появились странности. Такие жалобы только крайние симулянты и невротики выдумать могут - общая боль во всем теле. Тяжко стало на работу ходить, да службу тащить. Потом стало зрение садиться. Потом слух и обоняние. Стала исчезать кожная чувствительность. Да как исчезать - сразу по всем направлениям! Помаленьку отрубало и болевое, и тактильное, и температурное восприятие - в медицине случай крайне редкий. Потом желтуха напала, и печень стала походить на циррозный шмат, словно у хронических алкоголиков. Потом почки стали отказывать. Затем пошла мышечная расслабуха, как у паралитиков, но с припадками, как у эпилептиков. А про всякие поносы и дрожь в руках, я просто молчу. Когда труба по всем направлениям, то это мелочи на общем фоне.

Доставили их назад в клинику и давай заново изучать. Оказалось - прижился в химерах "проститутский" костный мозг. Освоился. И обнаружил, что окружающее его тело - чужое. Этаким один большой микроб. Ну а костному мозгу положено с микробами бороться. Вот он и уничтожил окружающее его тело - домой Петр и Павел вернулись уже в ящиках. В обычных, деревянных, не секретных.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ХИМЕРА

Уж коли заговорили о химерах, то не грех вспомнить ещё большую редкость - естественный биологический химеризм. Если за последние полвека о медицинских химерах узнали порядочно и худо-бедно научились подавлять реакцию "трансплантант против хозяина", не доводя таких больных до летального исхода, то первопричина формирования биологической химеры до сих пор тайна за семью печатями. Да и трудно изучать этот феномен - во всём мире к настоящему времени описано всего около сорока таких случаев. Может естественных химер и больше, но диагностика биохимеризма крайне затруднительна, дорога и требует очень хорошего лабораторного обеспечения, что делает такие случаи редкими в квадрате. Поэтому почти все биохимеры - случайные находки. Причём не поверите - большинство биологических химер распознано судмедэкспертами! Вроде бы совсем не та специальность, чтобы людям в полном здравии ставить мудрённые диагнозы из области медицинской казуистики.

Судмедэксперты, судя по самому составу этого слова, - это медицинские эксперты для суда.

Чаще всего им приходится разбирать дела криминальные, но иногда выпадает и гражданским тяжбам пособить. Особенно, когда гражданские иски друг к другу предъявляют люди состоятельные, обложенные с обеих сторон кофдой дорогущих адвокатов. В этих случаях работа в основном идёт на адвокатскую экспертизу. Подвернулась такая шабашка - считай повезло! Никаких тебе вскрытий, ни эсгумаций, ни следственного эксперимента - труд в основном лабораторно-кабинетный, не тяжёлый, а главное - хорошо оплачиваемый. Чем толще кошелёк вовлечённых сторон, тем больше адвокаты выделяют на экспертизу, причём порою, повторную, заключительную, альтернативную... Абы клиентские деньги тратить, им же с этого тоже оплачиваемые часы набегает!

В этом случае гражданский иск был совсем не интересный - по поводу банального развода. Отремела Перестройка, развалился Союз нерушимый, и зацвела пышным цветом жизнь "новых русских". А у новых русских кроме картин на стенах и коньяка в баре, что должны быть очень старыми, всё остальное должно быть исключительно новое. Жена тоже. Новая, молодая, модельно-показная. Однако старые жены новых русских зачастую не были такими уж дурами и весьма лихо отпиливали от с неба свалившегося состояния довольно приличные куски. Причём при таких бракоразводных процессах адвокаты не просто старались поделить собственность, но и по максимуму выбить на содержание детей, не ограничиваясь одними махровыми алиментами. Помятовалось всё "совместно нажитое" - движимость и недвижимость, паи и акции, целевые и депозитные счета в банках, контрактные сметы на образование, на отдых и ещё много-много чего. И как только все эти "мелочи" начинали составлять цифру, зашкаливающую за шесть нулей в твёрдой валюте, папочка частенько требовал подтверждения отцовства. А вот это уже по судмедэкспертной линии.

Раньше с этим делом было плохо - доказывали по группам крови и резус фактору. Помните школьную биологию - законы Менделя, белый, красный, да розовый горошек? Здесь абсолютно тоже самое - выходили чахленькие вероятности, хорошо ещё если 1 к 20, а то ведь и один к трём бывало. Если говорить вульгарно-статистически - измени бывшая жена максимум двадцати мужикам, и вполне вероятно рождение такого же ребёночка. То есть ребёночка чужого, но с такой же комбинацией главных эритроцитарных антигенов. Тогда и анализы проводили не для подтверждения, а для исключения отцовства. С такой вероятностью ничего подтвердить нельзя. К концу 70-х это безобразие поправили - понаоткрывали тонких различий в антигенах, установили аллельные закономерности их наследования, и вероятности отцовства стали выражаться в трёхзначных цифрах. Уже кое-что. В 80-х пришла мода на лейкоциты, на так называемую систему HLA (human leukocyte antigen), и вероятность отцовства подскочила ещё на порядок. А потом пришла эра ДНК-анализа. Здесь уже отпираться стало совсем бесполезно - стопроцентное подтверждение. Вероятность - один к куче квадриллионов, нули писать устанешь - да за всю историю на планете всех людей в тысячи раз меньше жило, даже если австралопитеков пересчитать.

Риткины адвокаты, точнее уже не Ритки, а Маргариты Петровны - старой жены нового русского, понятное дело, работали под приличный процент с конечной суммы, которую удастся отсудить. Вроде как в долг пока, в таких случаях их контора - сама сострадательность, это же вам не нищего подростка от тюрьмы отмазывать. Там да, там деньги на бочку за каждое слово на суде, за каждую минутку независимого расследования, за каждую букву в документе. Здесь же риска никакого - папочка сейчас при нефти и газе, а значит при любом исходе этого бракоразводного процесса, ни экс-жена, ни куча её защитников голодными не останутся, даже если и по самому минимуму отхватить удастся. А вот на противоборствующей стороне наоборот - там "новорусский" папочка платит авансом за одностороннее спасение "совместно нажитого". И этот ни от результатов суда, ни от чумовой переплаты адвокатам, тоже не обеднеет.

И вот приходит папиной стороне заключение генетической экспертизы на его родное чадо. Очень-очень странное заключение. Нет, его отцовство оно подтверждает безоговорочно. ОНО ИСКЛЮЧАЕТ МАТЕРИНСТВО!!! Вот если бы и материнство, и

отцовство исключалось одновременно - проблем бы никаких не было: ребёночка подменила в роддоме пьяная акушерка, хороший сюжет для мексиканского сериала или индийского фильма. Вообще-то на судах таких детей однозначно приравнивают к законнорожденным по факту полноценного пребывания в семье со всеми вытекающими отсюда правами. Но ведь здесь же получается абсолютно абсурдная картина - получается, что папочка гульнул на стороне, любовница залетела, притом в один день с женой, каким-то образом проникла в роддом и там с какой-то радости подменила ребёнка. Нет, есть конечно, более разумное объяснение - ребёнок "сделан в пробирке" из папочкиной спермы и донорской яйцеклетки.

Да только не делали такое в СССР! Во всяком случае не делали женам мелких и бедных комсомольских работников, коим в ту пору был тот мультимиллионер. К тому же, как списать девять месяцев беременности, настоящей, с животом, а потом схватки, милое личико в окошке роддома... Куда тагда настоящего ребёнка дели? Да и не сдавал мужёнок никуда свою сперму! Не было никакого искусственного осеменения и быть не могло. И с любовницами тогда он не спал - тогда он вообще был честный и правильный, такой аморалки допустить не мог!

Ко всему ещё один интересный факт вырисовывается: то что мать - мать, это ясно, но участки материнской ДНК при этом не совсем чужие. Настоящая биологическая мать должна состоять с в определённом родстве с разводимой женой. Возможные варианты - наиболее вероятно сестра (не близнец), менее вероятная двоюродная сестра или родная тётка (где-то посередине). Ещё родная бабушка такой матерью может быть. Но ведь по жизни отпадает всё! Бабушка умерла задолго до свадьбы, ни родных сестёр, ни тёток в роду нет, а двоюродные сёстры в ту пору ещё в детский сад ходили - из таких годную для оплодотворения яйцеклетку не взять.

Получив такой результат адвокаты отцовской стороны посоветовали не торопиться. Это же самый прекрасный, самый желанный вывод - мамаша не мамаша, а при этом требует себе чужего ребёнка от законного папочки! Ух какая негодная! На каких основаниях, спрашивается? Вот, пожалуйста, настоящий отец, ему чадо и принадлежит. А вы, гражданочка - вымогательница и катитесь отсюда, как совершенно посторонний здесь человек. Генетическая экспертиза подтвердила! Тут ошибок не бывает.

Узнав о таком повороте дела Маргарита Петровна едва не двинулась рассудком. Как так я не мать?! Да за какую дуру вы меня держите? Адвокаты советуют доказать факт искусственной внутриматочной имплантации оплодотворённой яйцеклетки... Что за муть! Какая имплантация? Да дело было на обычной раскладушке у родителей на даче. И роддом потом был. И ребёнка не меняли - вон его родинку увидела, как только вытащили, так с первых секунд и запомнила. Чуть это всё. Мой ребёнок и точка! Скорее всего большую взятку сунули судмедэксперту, что он такую ахинею написал. Срочно на встречную экспертизу отцовства-материнства. И разумеется в другую лабораторию, в самую солидную! Вон военным пошлите, их судмедэкспертная школа весьма катируется, они на одних только ДНК-опознанках собаку съели.

Приходит ответ. Такой же самый. Ну как же так? Как же квадриллионные вероятности? Ведь ДНК-тестирование не врёт! Это же непосредственный анализ генетического материала - того, что пришло от папы и мамы и больше ни откуда. Наверное плохо сделали анализ! На повторное тестирование! И повторное сделали. Результат не изменился. Наверное муженькова мафия и там всё скупила - везде подлоги, отовсюду сфабрикованные результаты шлют.

Нашли дурочку! Платите, платите свои взятки, а мы тестирование за границей проведём. Да не где-нибудь в захолустье, а допустим в Кембридже! Старейший английский университет - всему миру авторитет, там взятки не берут. Пока чадо не отобрали, Маргарита Петровна срочно берёт билеты на самолёт и вдвоём с сынулей прямым рейсом в Лондон. Некогда,

сын, достопримечательностями любоваться, когда ближайший поезд на Кембридж? Так, адвокаты уже созвонились - забор материала будет засвидетельствован русскоговорящим нотариусом и заснят на видео. Плюс формальный протокол лаборатории. Всё в полном соответствии с международным правом - комар носа не подточит. Ну вот и всё, теперь спокойно посмотрим Тауэр, послушаем Биг Бэн, пройдемся по Даунинг-Стрит, потарачимся на красных солдат в здоровых мохнатых шапках, и домой.

Вскоре приходит из Кембриджа здоровый пакет. Куча компьютерных графиков с непонятными пиками, куча скенограмм с тенями, сделанных непосредственно с фрезных плёнок и заключение. "Женщина, сдавшая свой биологический материал как мать, матерью не является, однако состоит в близком родстве с настоящей матерью - скорее всего родная сестра. Таким образом данная женщина является тётёй тестированного ребёнка".

Опять двадцать пять... Маргарита Петровна в слезах. Значит муж на полных основаниях сможет отобрать у матери сына! Да пусть он подавится своими миллионами - ничего мне не надо. Пусть только дитя оставит. Зачем ему сын? У него сейчас другие забавы, другой стиль жизни, всё равно времени на ребёнка не будет. Да ведь и лучше же ребёнку оставаться с матерью. С родной матерью!

Именно этой драммы дожидались муженьковы адвокаты. Не верили они, что такое случится, и что им так повезёт с ДНК-анализом, а тут нате. Вот пруха! Ведь любящая мамаша за ребёнка откажется и от своей законной доли собственности! Ничего такой мамочке можно не отдавать. А вот Риткины адвокаты, источая ругательства, как-то сразу испарились. Ну раз мамане ничего, то и им, соответственно, ничего. Зря работали, лоханулись по полной. И осталась бывшая без пяти минут миллионерша одна. Уже без миллионов, да считай вообще без денег. Правда в обмен на её бессеребничество, без пяти минут бывший муж устно пообещал у неё сына не забирать, а как подрастёт, то и на учёбу чего-нибудь подкинуть... Его б слова, да Богу в уши. Особых надежд нет - уж слишком сильно разругались. Тут даже не в жадности дело.

Рите захотелось... Даже не справедливости - похоже правды уже не сыскать. Захотелось просто разобраться. Ну ведь мать же я! Почему тест врёт? Чёрт с ним с последним судом - судья заседание перенёс аж на два месяца, якобы давая время истцам со стороны матери на сбор дополнительных доказательств. Издевается - ему что, детективную историю написать, как похитила ребёнка от несуществующей тётки, а ту саму убила, да так что та даже по документам испарилась? Бред. И главное, чего не придумай - на исход дела не повлияет. Нет даже твёрдой уверенности, что муж ребёнка не заберёт. Теперь только рыпнись - до совершеннолетия сына будет меня этим шантажировать. А променять ребёнка на деньги... Это продать получается. Настоящая мать детьми не торгует.

Взгляд случайно упал на толстенную, пузатую папку, оставленную на столе последним ретировавшимся адвокатом. Для продолжения дела теперь они требуют оплаты всех предыдущих расходов. А где ж Ритке в её положении столько денег набрать - мужёнок давным давно все совместные счета обнулil, а кредитки заблокировал. Что оставалось в заначке, съели последние метания. Денег совсем нет. Даже машину не продать - она ведь оформлена на чужое имя, впрочем у мужа всё так. В денежных делах он стрховаться мастер. Маргарита бесцельно взяла в руки тяжеленный фолиант. Документов было так много, что вычурные застёжки на кожаных хлястиках уже не держали. Добрая треть листов выскользнула и разлетелась по полу громадным веером. Рита вздохнула, размазала слёзы и опустилась на колени собирать бумаги. В папку она их складывала как попало, не читая. И вот остался последний листок. Он улетел дальше остальных, под стол. Маргарита откинула скатерть и кряхтя полезла за ним. Толи от того, что документ оказался последним, толи от того, что его дольше остальных пришлось ей держать в руках - но она его прочитала. Совершенно пустая, ничего не значащая бумажка - реквизиты центральной военной лаборатории судмедэкспертизы, где проводилось сравнительное исследование ДНК по

просьбе её адвокатов.

Рассказ будет дописан в ближайший месяц...

ЛЁТЧИК В ПОЛЛИТРОВОЙ БАНКЕ

Как ни печально, но нам, судебным медикам, разбирая семейные драмы высшего накала, с живым телом работать редко приходится. Когда страсти доходят до безумия, то и порой и развода не получается. Получается труп и почти всегда женский. Хотя "почти" это не всегда! А когда ещё и труп такой странный, и экспертиза на уровне высшего пилотажа, хоть и без биологической уникальности... Впрочем, давайте по порядку:

В конце 70-х в войска стали поступать новые МИГи-29. Тогда машина считалась секретной, и многие её узлы активно усовершенствовались. Одно такое, казалось бы, незначительное, экспериментальное новшество было установлено на одном из самолетов, дислоцированных под Лугой. Штурвала на этой машине нет - вместо него между ногами летчика торчит РУС - ручка управления самолетом, больше всего напоминающая джойстик для компьютерных игр. Суть новшества была довольно простой - под указательный палец правой руки на РУСе было установлено специальное титановое кольцо, помогающее летчику держать руку. Прижилась ли эта маленькая новация или нет - я не знаю. Но знаю одну печальную историю, связанную с этим колечком.

Как-то на Кафедру Судебной Медицины ВМА срочной фельдъегерской почтой (а попросту военным гонцом на УАЗике) доставили пол-литровую банку, обложенную брикетами сухого льда. В этой банке было собрано все, что осталось от лётчика, вернее, всё то, что военный судмедэксперт смог собрать на месте авиакатастрофы. Сама по себе катастрофа новейшего секретного истребителя - это уже ЧП всеармейского масштаба, а эта ещё сопровождалась весьма неприятными обстоятельствами. Были громадные сомнения, что дело было не в технической исправности самолета...

Погибший пилот-подполковник был очень опытным летчиком, из тех, кого называют асами. Отлично летал в Афганистане, был заслуженно награжден многими боевыми орденами и медалями. При судебно-психиатрическом анализе, а последний можно было сделать только косвенно на основании личного дела, записей в лётной книжке и бесед с сослуживцами, был он личностью хладнокровной, способной к принятию правильных и молниеносных решений. В авантюрах никогда не замечен, хоть и крутил такие фигуры высшего пилотажа, что многим другим асам было завидно. Часов у него столько было налетано, что на теперешний авиационный полк хватило бы...

Но все же оставалась одна неприятная неясность - его семейная жизнь. Совсем недавно была у этого подполковника вполне благополучная семья - жена-красавица и двое деток. Тогда советское государство о военных заботилось: лётная зарплата плюс зарплата жены позволяли жить без проблем. Обитали они в ДОСе (доме офицерского состава) при части в хорошей благоустроенной трехкомнатной квартире. Луга недалеко - городок тихий, да и до Ленинграда рукой подать. Не служба, а мёд, мечта многих офицеров. По описаниям сослуживцев, семья была счастливая, ни ссор, ни скандалов у них никто не помнил.

И вот на фоне общего благополучия несколько месяцев назад его старший сын отдыхал в пионерском лагере на Волге, где смылся с тихого часа купаться и утонул. Сильно переживал подполковник эту трагедию, даже был отлучен от полётов на какое-то время. Однако мужественная душа военного переборола драмму, и вскоре подполковник снова окунулся в лётную работу. Тащил службу за пятерых, пытаясь заглушить боль души и тоску по сыну. Командование причину его рвения понимало и от этого еще больше ценило. Да и само время, лучший доктор, свое дело сделало - забываться боль утраты стала, ушла из повседневной жизни этого военного. Вот вроде и супруга от потрясения оправилась, опять зажили они

счастливо.

Приходит подполковник накануне катастрофы к себе в квартиру и видит - некоторых вещей его любимой жены нет. Нет и маленькой дочки, и самой жены. Через несколько минут телефонный звонок. Подполковник берёт трубку. Супруга звонит. Просит не перебивать. Извиняется за содеянное и сообщает подполковнику пару "приятных" новостей. Новость первая: второй ребенок - не его. За взятку врач-гинеколог написала преждевременные роды. Нормально ребенок родился, даже несколько переходила. Написали так, чтоб сроки "залёта" под "афганский" отпуск подполковника совпали. Дочка оказывается от жениного однокурсника, с которым страстная любовь еще со студенческой скамьи. Старый друг её так любит, что сам до сих пор не женат. Однокурсник этот в большие люди выбился, во Внешторге работает, не чета какому-то там подполковнику ВВС. Новость вторая: тайным встречам конец, жена, теперь уже можно считать, бывшая. Сделано предложение, которому "да", ну, а подполковнику - соответственно "нет". Всё, что у них было, оказывается трагическая ошибка поспешного выбора. Дальше просит не беспокоиться и начать устраивать свою новую холостую жизнь. Типа, "мужик ты видный, в своей Луге девку быстро найдешь". А за алименты совсем не волнуйся - никаких алиментов не будет. И никакой твоей жилплощади не надо. Новый муж имеет свою шикарную квартиру в Москве и безоговорочно принимает отцовство. Родители у него тоже очень большие люди, с разводом помогут, всё будет быстро и чики-чики, на твоей карьере никак не отразится. Не змея же твоя бывшая жена...

Подполковник весь этот монолог молча выслушал, ведь обещал же не перебивать. Действительно мужик железный был. Лишь в самом конце сказал пару слов: "Всё? Ну раз все, то тогда, прощай!" - и повесил трубку. Ни в какой винно-водочный он не побежал, дабы топить свое горе, ни к каким друзьям звонить не стал, дабы излить свою душу. Зачем людей после тяжелого дня беспокоить? У всех своих проблем по горло, а завтра очередной полетный день - всем следует хорошо выспаться, чтобы быть в надлежащей форме. Залез подполковник в свой холодильник, поел осиротевших жениных котлет и лёг спать. Никто бы и не узнал об этом разговоре, кабы после ЧП военные следователи жену не разыскали.

Ни свет, ни заря подполковник в части. Предстоит сложный полет в паре с одним майором. Что касается летного дела, то майор тот, тоже ас, на подполковника как на отца-наставника смотрел, хоть по возрасту был близок, да и вне службы все их друзьями считали. Летали они в элитной эскадрилии, где были собраны лучшие лётчики и техники полка. Вместе проходят предполётный медосмотр. Перед осмотром друзья непринужденно болтают, обсуждают детали предстоящего задания, шутят на отвлеченные темы. Друг-майор ничего особенного в настроении подполковника не замечает. Авиационный военврач тоже ничего не находит. Руки не дрожат, нервные рефлексy в порядке, глаза не красные, кровяное давление и сердцебиение в норме. Явно выспался мужик, к полету готов, физическое состояние отличное. Заключение простое: "До полёта допускаю".

Развод. Уточнение учебно-боевой задачи. Ни командир, ни другие офицеры ничего странного в поведении подполковника не замечают. Как всегда собран, все высказывания строго по делу. Подходят к самолетам. Разговор с офицером-техником всегда душевный. Верят летуны своим ангелам-хранителям, да и техники за годы работы свих летунов насквозь видят. Ничего странного техник в подполковнике в то утро не заметил. Доложил как положено: "Товарищ подполковник! Ваш МИГ-29 к вылету готов. Неполадок нет". А неполадок, похоже, действительно не было. Уже после ЧП госкомиссия по данным телеметрии и остаткам "чёрного ящика" определила. Вообще-то этот ящик совсем не черный и совсем не ящик. Бортовой самописец больше всего напоминает большой приплюснутый ярко-оранжевый мяч, в бронированном нутре которого медленно ползёт суперпрочная магнитная проволока, фиксируя кучу параметров. В этой катастрофе этот "неразбиваемый" блок весьма сильно разбился, но кое-какие участки проволоки уцелели. К счастью, те, что последние моменты "жизни" машины фиксировали. За исключением самого режима

пилотирования, работа всех систем была в норме.

Вот и взлетная полоса. Голос диспетчера в наушниках дает паре взлет. Два "мигаря" на полосе стартуют как бегуны на эстафете - один чуть сзади и сбоку от другого. Короткая пробежка, и громадные хищных птицы синхронно поднимаются в воздух. Короткий и крутой набор высоты. Выход в заданный район. Форсаж. "Горшки" под хвостами выбрасывают яркие оранжево-голубые языки пламени. На земле слышен грохот взломанного звукового барьера. Начинается работа на перехват и страшные перегрузки. Пара работает технично и слаженно, тянет на явную пятерку. "Земля" довольна. Командир полка то тычет пальцем в экран радара, то задирает большой палец вверх. И вдруг на заданной потолочной точке самолет подполковника начинает карабкаться дальше вверх. Командир полка с досадой всплескивает руками. Эх, какая пятерка сорвалась! С земли сразу идет команда: "Нарушение полётных условий, вернитесь на заданную высоту!". В ответ привычное: "Вас понял. Есть вернуться на заданную высоту. Выполняю". Но вместо нормального снижения самолет подполковника выполняет вертикальное пике строго вниз. Пике вниз на полной форсажной тяге. Восемнадцать километров высоты кончаются за секунды. Самолет на максимальной скорости, усиленной силой земного притяжения, врежется в землю, как метеорит. Местность безлюдная, сопутствующих разрушений нет, исключая огромного кратера в болоте.

Наверное, каждый читатель уже выдвинул свою версию происшедшего. Версию простую, и я уверен, что правильную. Уж больно очевидны факты последнего вечера жизни этого подполковника. Но предположить, ещё не значит доказать. А доказать было необходимо.

Разложили светила военной судмедэкспертизы обугленные косточки из баночки на белую простынку и стали думу думать. Ну, как в такой ситуации доказать, что в момент падения самолета пилот был в сознании? Причем доказать стопроцентно. Сама постановка задачи выглядит довольно глупой шуткой.

Отправили кусочки тканей, что не совсем сгорели, на анализы. Результат полностью отрицательный - ни наркотиков, ни ядов. И тут одного молодого капитана-адьюнкта* мысль посетила: ведь среди найденных костных фрагментов есть два куса проксимальной фаланги указательного пальца правой руки! Как раз той косточки, что в кольце на РУСе должна быть. Сложил сей начинающий судмедэксперт две половинки, два костных фрагмента, и точно - очень уж характерный перелом получается - колечко в момент удара косточки как ножом рассекло. Сразу на завод-изготовитель ушёл срочный запрос. Необходимо было замерить некоторые размеры кабины, прислать технический рисунок ручки и это титановое кольцо.

**Адьюнкт - военный аспирант*

Ответ пришел в секретном пакете с нарочным через пару дней. Взял этот адьюнктик техрисунок и пошел в протезную мастерскую Академии. Столяр с предложенной работы только усмехнулся. За десять минут он отрезал по заданному размеру деревянный брусок и сколотил грубое подобие РУСа - штурвала МИГа-29. Грубое, но по размерам точное. Затем на точиле, а дальше обычным рашпилем подогнал рукоятку под форму рисунка и на два шурупа прикрутил титановое кольцо, а внизу прикрепил поперечную планку на обычном дверном навесе. До миллиметра вымерял размеры. Копия получилась смешная, но для следственного эксперимента вполне пригодная. Далее эту "швабру" прибили к обычному листу фанеры.

На следующий день наш адьюнкт пришел на построение факультета подготовки лётных врачей. Из кармана его кителя выглядывал токарный штангель-циркуль. Коротко переговорил с начальником. Тот дает команду: "Всем курсантам, вес которых 85 килограммов, шаг вперед!". Бух по полу, такие курсанты вышли. Следующая команда: "Из вышедших всем курсантам, у которых рост метр семьдесят девять - шаг вперед!" И эти вышли. Уже совсем небольшая группа. Третья команда: "Последние вышедшие поступают в распоряжение

капитана, остальным - р-рразойтись!" Завел кэп эту группу в класс для самоподготовки и давай им руки измерять.

Отобрал офицер двух "подопытных кроликов" и повел их на Кафедру Авиационной и Космической Медицины. А на той кафедре кресло, аналог кресла МИГа-29, имелось, установленное на специальном тренажере. На тот тренажер и поместили фанерный лист со "шваброй", изображающей штурвал-джойстик. Но так, чтобы все размеры реального МИГа были точно соблюдены. Посадил адъютант первого курсанта в этот "самолёт", пристегнул его к креслу ремнями, а колечко на ручке предварительно краской обмазал. "Держи, курсант, штурвал!" Курсант держит. Тренажер наклоняет кресло на угол того пике, когда произошла катастрофа. "А теперь расслабь руки!" Руки падают с импровизированного штурвала, палец выскальзывает из кольца. "Снова держи! А теперь мы тебя чуть тряхнем!" Палец касается металлического ободка кольца, и нанесенная краска рисует на пальце линию под характерным углом, точь-в-точь по разлому кости. Курсант слезит с тренажера, линия на пальце фотографируется. "А теперь, коллега, выходите из пике - ручку вниз и на себя!" Меняют угол наклона и снова трясут. Линия на пальце уже не совпадает с линией перелома. Потом трясут без изменения угла - вдруг в самолёте ручку заклинило и элероны не слушаются. Линии на пальце получаются разные, опять на перелом совсем не похожие. Закончив с первым курсантом, занялись тем же со вторым. Бесчисленное количество фотографий - следственный эксперимент номер такой-то и рука на сантиметровой сетке. Наконец со стендовым моделированием покончено. Плёнки быстро сдаются в фотолабораторию, и к утру получены фотографии.

Картина предельно ясна - удержать палец на ручке-штурвале можно только в полном сознании и при полном сохранении мышечного тонуса. А учитывая реальные перегрузки под форсажем, для этого ещё необходимо обладать недюжей физической силой и быть тренированным - слабак так руку не удержит! Характер перелома дистальной фаланги указательного пальца правой руки стопроцентно подтверждает, что никаких попыток вывода из пике в момент удара о землю летчиком не проводилось. Любой мало-мальски здравомыслящий человек сделает такой вывод.

В последний миг своей жизни наш подполковник был в полном сознании и прилагал значительные физические усилия, чтобы вести на максимальной скорости абсолютно исправную машину вертикально вниз.

ЛЁТЧИК КИПЯЧЁННЫЙ

На уроках физики в советских школах был популярен один опыт: учитель ставил стакан с холодной водой под герметичный стеклянный колпак, подсоединенный к вакуумному насосу. Затем воздух отсасывался из-под колпака, и холодная вода вмиг закипала перед изумленными учениками. Так в разделе "термодинамика" демонстрировалась связь между давлением и точкой кипения. Вспомнили такую зависимость? Она и будет преамбулой к этому рассказу. В общем-то для проницательного читателя уже всё ясно, и если вам не по нутру цинизм военно-медицинской судебной экспертизы, то дальше лучше не читать.

Более или менее достоверно рассказать о технической части этого события я не могу - не владею точной информацией. Тогда же всё секретилось на право и на лево, а уж новейшие разработки сверхскоростных пилотируемых средств тем более. Завеса секретности была такая, что даже военным специалистам, за исключением непосредственно технарей и пилотов, вместо реального события подавалась невинная байка. Военные медики, пусть даже судебные, особо высоких допусков не имели, вот и довольствовались "версиями прикрытия", а по глупости секретчиков и особистов, то порою даже не одной, а несколькими и весьма противоречивыми. Подход такой успешу общего дела отнюдь не способствовал, военную судмедэкспертизу тоже не развивал, ведь зачастую крупницы уникального знания просто погребались в секретных архивах.

По самой красивой версии преамбула такая: авария на старичке "Мигаре", супермодифицированном для научных изысканий в космической области. Тогда только-только развернулись работы по созданию космического корабля многоцелевого использования "Буран", что намного позднее действительно был создан, да только не использовался - перестройка помешала. Но в те годы о такой перспективе военно-технологических новаций ещё никто не ведал, и куча "ящиков" билась над одной весьма сложной задачей - создать автоматическую систему планирования и посадки. При посадке все космические челноки больше всего похожи на летящие с громадной скоростью утюги с маленькими крылышками, нежели на самолеты - топлива в них уже нет и двигатели не работают.

В СССР был один очень скоростной истребитель-перехватчик МИГ-31Д, "Изделие 07", прямой потомок и производное от ещё более древнего пращура МИГа-25. По osobistской версии вот из него и создали некую чудо-машину в единственном экземпляре, проведя глубокую модернизацию самого планера и набив её космической электроникой. Многие дюралевые детали внешней обшивки сменили на титан, а там где был титан, стал благородный ниобий, за что в шутку стали называть эту модель "жарптицей", которой ещё дали литер ЛЛ (летающая лаборатория). Пилот "жарптицы" лишь корректировал, а по тому времени и программировал, её электронику по принципу "аналог моих действий", ну и сажал самолёт, если автоматика барахлила. Для придания дополнительного силового момента и достижения необходимой скорости придумали нехитрый, но весьма эффективный метод "разгона на лапах" - вместо ракет и подвесных топливных баков под крыльями подвесили твёрдотопливные ускорители. Истребитель ими "стрелял", как ракетами, но не отпускал их со своих "лап" до полной выработки топлива. По слухам, этот самолётно-ракетный гибрид перекрывал американский SR-71 и по скорости, и по потолку, забираясь не то на 4-х, не то аж на 6-ти Махах* далеко за 30 км, где и сам-то аэродинамический полёт крайне проблематичен - воздуха мало. Правда активное полётное время было очень коротким - меньше двадцати минут, но для поставленной задачи большего и не требовалось. Само собой разумеется, что для экономии времени и средств, модернизировали только то, что не менять было нельзя. Самолёт не предназначался для долгой эксплуатации, и многие узлы безжалостно выкидывались для облегчения взлётной массы, что неизбежно сказалось на общей надёжности машины.

* *скоростях звука*

Версия очень красивая, но для тех судмедэкспертов, кто успел полазить по местам падения различных боевых машин, уж слишком большой концентрацией бреда пахнет. Поэтому чтобы хоть как-то привязаться к реальным условиям, попробуем копнуть его "соперника" - того же SR-71 (Balck Bird). У этой "Чёрной Птички" на трёх с небольшим Махах (это когда полёт из Америки в Европу час с гаком занимает) средняя температура корпуса, выполненная из специального жаропрочного легированного титана, зашкаливает за 800 фаренгейтовских градусов, что будет около 450 градусов по нашему Цельсию. Поэтому и покрыт тот самолёт специальным бархатно-чёрным слоем, не столько для радаров, сколько для лучшей тепловой диссипации*. И с конструкцией получается казус - в полёте из-за теплового расширения длина планера увеличивается на несколько дюймов! Понятно, почему "Чёрная Птичка" на земле выглядит, как машинка китайской сборки - одни щели, через которые чуть-ли не топливо сочится. Такое специально с расчётом на скорость сделано - герметичен только горячий самолёт. Теперь данные по трению об воздух вроде понятны, хотя между четырьмя Махами и шестью всё же ой какая разница.

* *От англ. heat dessionation - процесс тепловой отдачи, распространения тепла и равномерного прогревания*

По второй версии это был не 31-й старичок, а его совсем молоденький собрат, не то прототипный, не то тоже жуть как модернизированный. И стартовал он не с земли, а с

тяжёлого транспортника, с высоты аж в 13 километров. Остальное - смотри выше. По третьему варианту МИГами там совсем не пахло - это была модель гиперзвукового самолёта-перехватчика ракетного типа, не то на гептиле-биметиле*, не то на прямотоке**, а первые версии озвучили исключительно, чтобы враги не усомнились в "добрых" намерениях СССР. Ну что ж, и такое может быть, ведь не секрет, что и Советский Союз, и США ещё с середины 60-х наперегонки гиперзвуком баловались, с претензией на будущее - чтобы из стратосферы, а то и из самой высокой ионосферы в космос стрелять по вражьиим ракетам и спутникам.

* *Несимметричный диметилгидразин - ракетное топливо, для горения требующее окислителя*

** *Прямоточный двигатель, где для окисления топлива используется набегающий поток воздуха, на гиперскорости и без турбины создающей громадное давление.*

Как бы там ни было, но вот однажды на пике высоты и скорости, по неведомым причинам, но скорее всего от разницы теплового расширения между металлом и стеклом, у этого чудолетательного аппарата случилось ЧП - не то разрушилась сама лобовая часть кабины, не то сбросило колпак, как при катапультировании лётчика. При этом кресло с лётчиком сразу не отстрелилось. Да и не могло оно на такой скорости отстрелиться - это верная смерть, хоть летуны таких машин всегда находятся в специальных стратосферных костюмах, способных компенсировать разгерметизацию, да только не в позиции мотоциклиста на скоростях в разы превышающих скорость звука. Давайте опять вспомним школьную физику - сопротивление среды возрастает пропорционально квадрату возрастания скорости. То есть, если обычный лётчик-истребитель с громадным риском для жизни катапультируется на двух скоростях звука (а это уже быстрее скорости снайперской пули), поток воздуха ломает кости и рвёт в клочья суперпрочный материал костюма и обшивку кресла. В данном случае сопротивление среды было минимум в четыре раза выше. А может и в восемь. Такого запаса прочности не только для лёгких скафандров, но и для тяжёлой техники не предусмотрено.

Уникальность ситуации в том, что лётчик был жив в первые мгновения после аварии, видимо разрушение кабины происходило в течение какого-то времени, и его гермошлём потёк чуть позже. Наверное видя безвыходность ситуации, он каким-то чудом или абсолютно нечеловеческим усилием сумел переключить самолёт на автопилот. А через секунду наступила его смерть, объясняющая, почему не сработал пиропатрон под креслом, когда, наконец, была сброшена высота и скорость - дернуть красную ручку труп, понятно, не мог. Техническим чудом того времени было и то, что автоматика удержала самолёт, а "земля" всего через несколько минут благополучно посадила машину при помощи дистанционных команд.

К самолёту немедленно прибыла специальная группа. Те кусочки документальной съёмки, что позже соизволили показать нам, впечатляли. Сам самолёт врачам видеть не полагалось. На экране появились крупным планом только бока пилотского кресла, попавшие под воздушный поток. Казалось, они были срезаны нождаком. Прочные гофрированные шланги с металлическими кольцами для подачи воздушно-кислородной смеси в гермошлём тоже были стёсаны, как будто какой-то вандал довольно долго их обрабатывал грубым напильником. Все пластиковые части пилотской кабины, что фрагментарно попадали в объектив, жутко оплавлены, иногда похоже, что там прошлись пескоструйным аппаратом. Также были проплавлены боковые поверхности гермошлёма, а пластиковый щиток-забрало выглядел так, словно его хорошенько пожгли паяльной лампой. Алюминиевые части скафандра казались попали под автогеновый газовый резак, металл был не то помят, не то оплавлен, а кое где сторел, оставив только тонкий оксидный слой. Чудо, что сам самолёт не загорелся и окончательно не разрушился. Всё же надо признать - чтоб то нибыло, но это была какая-то гениальная конструкция не только для того, но и для нашего времени!

Но самое интересное мы увидели при обследовании трупа лётчика, который прямо в скафандре положили на прозекторский стол. Плечей и рук у него не было. Плечи срезало

воздушным потоком, а руки, судя по характерным повреждениям оставшихся окружающих тканей, вырвало ещё раньше. Вдавления на теле свидетельствовали, что какие-то секунды оторванные руки болтались флагами в рукавах высотного костюма, и отлетели только после того, как перегорел пластик и изорвалась тонкая проволока, вплетённая в определённые места на плечах.

Парадокс, но голова лётчика была на месте. Шлем плотно вклинило в оставшийся каркас модернизированного "Казбека", высокого пилотского кресла, хотя то, что было ниже довольно сильно пострадало - шея была ободрана до позвоночного столба, на котором остались засохшие кусочки когда-то мягких тканей, ставших весьма твёрдыми. Под шейным кольцом гермошлема болталась размочаленная бахрома авизента, а через забрало смотрело страшное лицо пилота. Лицо было плотно прижато к пластику, и причина этого была выявлена сразу, как сняли шлем. Вследствие резкой разгерметизации внутричерепное давление просто взорвало мозговой череп, который моментально раскололся по основным швам, а вот с лицевым черепом, такого не произошло - там в костях много воздушных полостей, скомпенсировавших абарический удар*. Дальше набегающий под кольцо шлема воздушный поток плотно впечатал лицо в забрало, заодно основательно подсушив биологические жидкости, попавшие туда. Глаза пилота были широко открыты, а вместо чёрных зрачков на нас смотрели мутно-белые. Хоть роговица глаз и разорвалась от кипения стекловидного тела глаза, горячий пластик "сварил" прижатые к нему глаза, как яйца всмятку - белый цвет свидетельствовал о тепловой денатурации белка.

**Подобный взрыву феномен от моментального падения давления*

На вскрытии тоже были удивительные вещи - крови не было. Камеры сердца были пусты, при рассечении вместо привычной тёмной гемолитической крови или хотя бы плотных чёрных тромбозных сгустков выступили ярко-красные пузыри. Кипение просто вытолкнуло кровь из сердца, да и в аорте и лопнувших крупных сосудах вместо крови была пена - следствие бурного выделения кислорода из гемоглобина и, опять же, кипения плазмы. Печень напоминала поролон, настолько вся она была забита мелкими пузырьками. При прикосновении к коже трупа, последняя издавала странный звук, похожий на скрип снега под сапогами в мороз. Это явление (подкожная газовая крепитация) было вызвано тем, что жир в подкожно-жировой клетчатке тоже закипел.

Причину смерти описали просто - разрыв мозга и гипобарическое закипание всех биологических жидкостей тела. Единственным положительным моментом для бедняги лётчика было то, что мучался он не долго - только какую-то секунду до разгерметизации скафандра, после чего смерть наступила мгновенно.

РАДАРНАЯ ТРАВМА

Если вы думаете, что это такая травма, когда крутящийся радар своей излучающей решёткой по башке задел, то сильно ошибаетесь. Радарная травма - это травма радарным излучением. Если излучение слабенькое, то травмы нет, а есть хроническая радарная болезнь. Ну там сна и аппетита нет, весь на нервах, голова болит и вес теряется. Тоже, конечно, не подарок, но жить можно. А вот после хорошей радарной травмы оказалось жить нельзя. Радарное излучение считается крайне мягким - это не проникающая радиация в общепринятом смысле, а "малоэнергетическое" СВЧ - электромагнитное поле сверхвысокой частоты. Как в обычной микроволновой печи. Чего такого бояться? Вот и не боялись...

Наиболее мощное поле СВЧ дают радары противоракетной обороны. Их излучающая антенна так устроена, что генерирует излучение подобное невидимому лучу гигантского прожектора. Оно и понятно - мощности на бесполезное "освещение" пустого пространства меньше теряется. Вначале дежурный радар, тот что весь сектор наблюдения контролирует, засекает нечто чужое, а затем уже это нечто "подсвечивается" узконаправленным пучком

СВЧ. По отражению этого пучка и идёт ракета-перехватчик. В Советском Союзе такое дело было отработано до уровня балета Большого Театра - каждый знал свою партию до мельчайших движений. В 1972 году Никсон с Брежневым договор о противоракетной обороне подписали, тот что Буш через 30 лет отменил. Так вот, советская противоракетная оборона Москвы существовала с 1973 года, правда с ядерными ракетами-перехватчиками, а Америка до 2000-го ничего толком создать так и не смогла. Для офицера ПВО Ленинградского и Московского округов служба медом не казалась, хоть до обеих столиц, северной и официальной, было рукой подать. Радары всегда стояли на боевом дежурстве, и офицер чувствовал себя, как на войне, никакой расслабухи. Это уже при Мишке Горбачеве бардак пошёл. В начале того бардака и случилась эта история.

Между тогдашними Калининским и Ленинградом стояла секретная часть ПВО (противовоздушной обороны). Как и везде на рубежах обороны Москвы, в той части начались снятия, служебные несоответствия и выговоры. А лишь потому, что месяц назад на Красную Площадь приземлился на своем маленьком самолётике немецкий пилот-любитель по фамилии Руст. Такое издевательство над горбачевской "новой политикой и мЫшлением" привело войска ПВО в страшную опалу. Новый министр обороны Язов - тогда расшифровывали его фамилию как "я заставлю обуться всех" - любивший начищенные сапоги и парады, отменил вывод радаров на ТО (техобслуживание) без видимых поломок. Вот и пришлось офицерам-технарям пускаться во все тяжкие, чтоб радар без снятия с дежурства в исправности поддерживать. Конечно с установками постоянного излучения такое не получалось, а вот с "пучками" запросто. Достаточно было позвонить сослуживцам-смежникам: "Ну как там у вас, чисто? Ну хорошо, тогда мы полезли". Полезли в зону излучения временно неизлучающего радара. Однако если вдруг... Короче, если радар не отключен, а лишь "спит", то пробудить его может любой подозрительный сигнал, поступивший с других станций слежения. Ситуация для техника в излучателе напоминала русскую рулетку - это когда один патрон в барабане револьвера и ствол к виску. Крутнем и бух - ура, пусто. Живите на здоровье до следующего раза.

Прапорщик Иванюк, капитан Лыков, рядовые Альмухамедов и Синягин проводили "текущее малое ТО без снятия установки с боевого дежурства". Капитан копался с электрикой, рядовые просто что-то мыли-чистили, а прапорщик контролировал, чтоб всё мылось-чистилось хорошо, ну и помогал капитану. Операторская находилась далеко от излучателя, да ещё под землей, поэтому для экономии времени и снижения риска технари добирались до "пучка" на машине. Соответственно пятым участником мероприятия был сержант Ляховецкий. В целях безопасности сержант подвозил группу прям под излучающую антенну, а затем отъезжал на сотню метров в безопасном направлении. Его задачей было неотрывно смотреть на дверь радарной и держать постоянно включенным двигатель своего 66-го "Газона" со спецкунгом.

Это был не совсем простой "Газон". Его кабина и кунг* были отделаны экранирующими материалами, а на стёкла выставлялись щиты с мелкими дырочками. Электрическая часть двигателя тоже имела специальную защиту от перегорания под мощным полем. Перед носом у водителя на шнурке вместо обычных безделушек болталось нечто, напоминающее большую авторучку с лампочкой - индикатор СВЧ. Как только лампочка на индикаторе загоралась, водитель обязан был опустить щиты и мгновенно мчаться к дверям радарной, при этом непрерывно сигналил. Персонал прыгал в кунг, и машина неслась подальше от радара в направлении, противоположном позиции излучателя. Обычно малое ТО не занимало больше 15 минут и всегда заканчивалось мирно - техперсонал спокойно выходил из дверей установки, приветливо махая водиле рукой. Никаких щитов опускать не требовалось, а требовалось спокойно подъехать и забрать людей. Если же персонал махал красным флажком, то требовалось сделать тоже самое, но быстро, а вот уезжать надо было заэкранированным - значит на радар "звякнули", и он сейчас заработает. За месяц этого дурацкого нововведения, что случилось после посадки Руста, подобных ЧП не было ни разу. Всё ПВО страны ждало отмены осадного положения, надеясь, что гнев министра вот-вот

кончится, и служба войдет в нормальное русло. А пока технари лазили в "спящий" радар, проклиная немца-авантюриста, глупый приказ и начало Перестройки, которая явно понеслась куда-то не туда.

**Будка на месте кузова*

Между радарщиками была негласная договоренность - как наблюдающий радар начинает выдавать что-либо подозрительное, то первым делом надо не боевую тревогу объявлять, а на "пучок" звонить, если там люди в зоне. Вот после тревоги радар уже неконтролируемый - он начинает слежение в автоматическом режиме. А так 20-30 секунд достаточно, чтоб из зоны выйти. Успеют и радар навести и людей сбересть. Конечно подобная мера боеспособности никак не содействовала, но давала какой-то выход из сложившейся дурацкой ситуации. В тот день "на секторе" сидел майор, от которого подляны ожидать никак не могли. Офицер был грамотный и порядочный, жизнь сослуживцев и подчиненных ставил куда выше мнения проверяющих.

А гады проверяющие свалились на голову абсолютно внезапно. И если бы это были простая пара полковников из дивизии, то можно было бы им всё объяснить или даже послать на худой конец, пусть и с риском для карьеры. Но полковников была куча, да с генералами, и называлась эта шайка комплексной проверкой Министерства Обороны. Это когда паркетные полководцы устраивают запуск холостой ракеты где-нибудь из-под льда Северного Ледовитого Океана и смотрят, как эту ракету сбивать будут. В реале, разве что только без подрыва ядерного припаса в ионосфере. И по своему желанию этот "реал" проверяющие могут несколько усложнить - приблизить к боевым условиям. Вот и усложнили - объявили майору, что он давно убит, потому как в его радар секторального наблюдения десять минут назад попала крылатая ракета противника. Дёргай рубильник, вырубай установку, связь уже отключена. Посмотрим на боевое взаимодействие "подсветки" с радарными другими частями, мол нас не одна дивизия, а боевая готовность всего ПВО интересует. Майор хватить телефон - а там и гудка нет. Рад бы ребятам позвонить, а как? Собственный излучатель не работает, хотя контрольный экран "на прием" включенным остается, да ничего на том экране уже не видно.

И вдруг на экране появляется пятнышко цели. Это значит, что его "пораженный" сектор перекрыли соседи, вычислили цель, навели и врубили "подсветку". Только от её мощного пучка сигнал смог на его экранах появиться. А ещё это значит, что "подсветка" уже ведёт ракету-перехватчика, понятно, учебную, не ядерную. О том, какая это ракета, радарной автоматике и дела нет; если цель поймана, то станция работает сама по себе с единственным желанием примитивного робота на уничтожение. А там пускай хоть пожар, хоть потоп, хоть люди в зоне или убиение младенцев в операторской - железные мозги этим не интересуются, на кону тридцать вражеских мегатонн, летящих на Москву. Их надо сбить, а остальное мелочи.

Капитана Лыкова убило в момент - просто шарахнуло током в 27 киловольт. Никакой радарной травмы, смерть как на электрическом стуле. Как потом сказал дежурный оператор: "одни тапочки остались". Правда это он несколько загнул. Тапочки действительно остались, но на ногах скрюченного, обугленного и ужасно маленького тела. Прапор и солдаты за контакты не держались, поэтому им напряжение ничего плохого не сделало. Почувствовали они внезапный жар да страшную головную боль и выскочили из дверей радарной. Надо сказать, что никто из них непосредственно под прямым пучком не был, иначе результат был бы совсем иной. Они всего-навсего были рядом и СВЧ их задело сравнительно легко.

Через несколько мгновений все трое ослепли. Жар спал, хоть тело всё ещё сильно горело. Иванюк однако не растерялся и закричал: "Солдаты, ко мне! Держаться друг за друга!" Почти теряя сознание, солдаты на крик добрались до прапора и вцепились куда придётся. А ещё через момент все услышали спасительное бибибанье и звук мотора. Трое шатающихся технарей производили жалкое зрелище, и водила Ляховецкий понял, что за экраном ему не отсидеться. Наплевав на огонёк индикатора, он отктыл дверь и спрыгнул на землю. Кожу

сразу защипало, голова заболела и стала наливаясь свинцовой тяжестью, а ещё через миг возникло неприятное жжение. Изнутри. Особенно сильно "горели" кости - как будто кто-то из другого измерения о кости сигаретные окурки тушит.

"Кэп где?" - орёт сержант. "Конец ему. На моих глазах током убило. Нас грузи, а то что-то совсем хреново и ослепли. Давай, друг, быстро! Мотать надо отсюда - сгорим, на хер, заживо!" - отвечает прапор. На невидящих глазах слезы: "Что же они, суки, не позвонили!"

Сержант с трудом впахивает совсем ослабевших людей в кунг. Уже и самому ой-ей-ей как хреново. Слабый и шатает как пьяного. Наконец в кабине. Через экранирующую решётку дорогу видно плохо. Зато видно, как решётка нагрелась. Надо же какое чудо - кое где на ней краска чернеет и дымится, а мы, люди, ходим! Ну поехали. Ох руль не удержать - машину швыряет по дороге, но нет, в кювет нельзя. Фу-уу, отпускает. Сколько проехал? Да всего-ничего, метров двести. А уже и не жжет! Ерунда осталась, только тошнит, да тело слабое, как ватой набито. Вот и забор, триста метров от радара - это уже безопасная зона, можно поднять решётки со стёкол. Только не останавливаться! Надо дотянуть до КПП* - там телефон. Километра три однако будет. Как там ребята в кунге? Ладно, дам ещё километр и остановлюсь - мочевик жжёт страшно, такое чувство, что и вправду кипятком ссать буду. И блевать охота. Всё, больше не могу. Стоп - вначале блевать, потом ссать, потом посмотрю, что с ребятами.

**Контрольно-пропускной пункт*

Сержант прыгает на землю. Ноги не держат, и он беспомощно падает на бок. Вокруг лес, как в заповеднике, тишина, только птички поют. Невольно вспомнился ландшафт перед радаром: леса нет совсем - бетонный плац, а дальше расходящаяся широкая просека с чахлой травой. Хотя чем дальше от радара, тем выше трава. Потом кусты, потом подлесок, ну а потом лес... Может там расчищают, а может само выгорает. Наверное само выгорает. Мысли прервала рвота, впрочем не сильная. Так, чуть блеванулось и полегчало. Кое-как встал, сделал несколько шагов до ближайшего дерева. А вот пописать оказалось проблемой. Струя мочи действительно была горячей - ну, может и не горячей, но теплее обычного - "дымит" как на морозе. Мочиться больно! Сразу вспомнилась давным-давно перенесенная гонорея, которую подцепил перед выпуском из ПТУ. Почему-то стало очень весело: "от радара трипак подхватил!" А потом сразу грустно - настроение менялось, как диапазоны в приемнике. Корчась от рези сержант Ляховецкий наконец выссался. Штаны были порядочно намочены, так как его всё ещё сильно качало, и выполнять всю процедуру пришлось при помощи одной руки, опираясь второй о дерево. Впрочем его виду, как с буйной попойки, это весьма соответствовало. Ляховецкий ругнулся за такую оплошность и поковылял открывать кунг.

В кунге было тихо. Двое беспорядочно лежали на полу. Голова прапорщика находилась под лавкой, рядом с сапогом Альмухамедова. Сам Сатар лежал лицом вниз в рвотной луже. Один Синягин низко сидел, вклинившись в угол, тоже облеваный, с полуоткрытыми глазами, никак не среагировавшими на свет. "Товарищ прапорщик, Михал Саньч! Альтик, Синя! Вы, чё, мужики!!!" Ответом был только сдавленный вздох со стоном Синягина. Ляховецкий с трудом залез в кунг и стал тормозить лежащих. Все были живы, но без сознания. Вытащив откуда-то пару засаленных ватников и старое солдатское одеяло сержант попытался устроить какое-то подобие изголовья и уложить на него в ряд всех троих. Наконец это удалось. Сам он чувствовал себя заметно лучше, чем пять минут назад, головная боль утихла, хотя головокружение оставалось на прежнем уровне.. Ясно, что никакой другой помощи, кроме скорейшей доставки к врачу, водитель предложить не мог. Снова прыгнуть с машины Ляховецкий побоялся - его всё ещё порядком шатало. Он лёг на пол около двери и сполз на землю. Затем держась за борт вернулся в кабину и рванул на КПП.

На КПП обычно дежурили четверо - двое выходили "на периметр" бродить вдоль колючей проволоки и отлавливать заблудших грибников, а двое сидели "на телефоне". Обычно "на

телефоне" остаются старослужащие, а молодые бегают "по колючке" - это далеко, до следующего КПП, там надо расписываться в контрольном журнале. Время "на бревне", как называли шлагбаум, текло медленно и размеренно, никаких ЧП не случилось и дежурство на посту было безусловной халявой. Поэтому появление машины оттуда, впрочем как и машины туда, считалось событием. Едва заслышав шум мотора один солдат выходил из будки к шлагбауму с автоматом наперевес, а другой открывал журнал для соответствующей записи "о пересечении периметра". На этот раз наряд сразу понял, что случилось нечто экстраординарное - приближающийся "Газон" швыряло по сторонам, а в кабине не было офицера, один водитель-срочник. Скрипнули тормоза и Лях, как называли Ляховецкого в полку, грузно вывалился из кабины. В глазах наряда застыл немой вопрос.

"Мужики, телефон срочно! Капитана Лыкова убило, остальные в отключке, да и мне хреново, едва держусь!" - выпалил Ляховецкий. "Что случилось?" "А кто его знает - радар всех пожёг!" После этих слов солдаты подхватили Ляха и потащили его в будку. "Куда звонить то? Дежурному?" "Давай дежурному, а потом куда повыше. В штаб полка звони!"

Дежурный было пустился в пространные расспросы, что да как, но короткий доклад Ляха положил конец его сомнениям: "Товарищ Дежурный, капитану кранты пришли, да и нам тут всем хана. Если врача не будет, то щас ещё трое сдохнут. Самому мне их не доставить - не могу я машину вести, голова сильно кружится. Меня тоже радаром немного ёбнуло". Быстро меняющееся настроение оклочило в голове Ляха понятие о какой-либо субординации, и он без тени стеснения сыпал матюками офицеру, словно ровне. Дежурный сразу позвонил в полковую медпункт, затем в штаб. Поставив всех на ноги он прыгнул в свой УАЗик и покатил к месту происшествия. Минут через десять он уже был у КПП, вместе с экстренно вызванной техгруппой, а ещё через минуту туда прибыли доктор и фельдшер на своей "санитарке". Доктор кольнул что-то стандартное, вроде корглокона, и занялся установкой внутривенных систем. Самых тяжёлых, Иванюка и Альмухамедова, положили на носилки и потащили в микроавтобус с крестом. Ляховецкого и Синявина оставили на полу в кунге. На КПП зазвонил телефон, это сам командир полка требовал доклада. Выслушав что и как, приказал времени не терять и везти пострадавших напрямиком на аэродром. А ещё минут через сорок вся четвёрка уже находилась в воздухе в пустом брюхе военно-транспортного самолета ИЛ-76. Тогда же из клиники Военно-Полевой Терапии вышла санитарная машина на аэродром "Ржевка", что под Ленинградом. Пересечь половину Ленинграда по времени заняло столько же, как и полёт из соседней области. Самолёт и "Скорая" прибыли на аэродром практически одновременно.

Как только пораженные были доставлены в ВМА, встал вопрос, от чего же их лечить? С Ляховецким всё было более-менее ясно - у парня активно съезжала крыша, были дополнительные неврологические симптомы и острый цистит не совсем понятного генеза - воспаление мочевого пузыря. Впрочем, чего же тут не понятного? Что мозги, что мочевик - наиболее "мокрые" органы. Вот их СВЧ и зацепило в первую очередь. Были вызваны психиатр, невропатолог и уролог. После того, как необычный консилиум назначил терапию, дела у нашего шофёра быстро пошли на поправку. Цистит прошёл за пару дней без особого лечения. Какое-то время сержант ещё демонстрировал странные симптомы, напоминающие смесь сотрясения мозга, менингита (воспаления твердых мозговых оболочек), слипчевого арахноидита (воспаления мягких мозговых оболочек) и алкогольного опьянения с крайней психоэмоциональной лабильностью, но через месяц и это прошло. Паренька недолго потаскали по клиникам Академии науки ради, а потом выписали в часть, как раз под его дембель. Легко отделался.

С остальными было куда труднее. Состояние прапорщика Иванюка было очень тяжёлым. Несмотря на проводимые реанимационные мероприятия никакой положительной динамики (улучшения) не было. Через двое суток у него стало сердце. Попытки запустить его электростимуляцией и непрямым массажем оказались абсолютно безуспешными, и прапорщик умер, так и не придя в себя. Однако его смерть спасла жизнь оставшимся. На

вскрытии открылась поразительная картина - вся радарная травма состояла из элементарных ожогов внутренних органов. При этом, где воды больше, там сильнее ожог. Ожоги не захватывали органы стопроцентно, а лежали на их поверхности - на фиброзных капсулах печени и почек, на мозговых оболочках, на эпителии мочевого пузыря, на эндотелии крупных сосудов. И на перикарде - сердечной сорочке. У пораженного развился острый фибринозно-экссудативный перикардит, состояние, когда вокруг сердца накапливается много жидкости с фибрином, веществом образующем тромбы в крови. Перикард то дренировали, а вот восстановить нормальную свёртываемость крови так и не удалось. В обожжённых изнутри крупных сосудах образовались пристеночные тромбы, которые и привели к инфарктам и эмболии - непосредственной причине смерти. Предотвратить такое было трудно, но зато ясно стало, как лечить. Лечить следовало не от мифической радарной травмы, а от ожоговой болезни! Ожогами же объяснялась и внезапно наступившая слепота - сетчатка глаза просто сгорела.

Теперь на консультацию пришли комбустиологи, специалисты по ожогам. Подключили аппараты для очистки крови, стали корректировать её агрегатное состояние - чтоб в сосудах не сворачивалась, но и чтоб через сосудистую стенку не сочилась. Дополнительно лили много жидкости в вену и специальными лекарствами форсировали диурез, или отделение мочи. Такое тоже организм от ожоговых токсинов чистит. Вскоре кризис миновал, вернулось сознание и дело пошло на поправку.

По началу состояние Альмухамедова было тяжелее, чем у Синягина. Перикардит развился быстро, но после того, как всю жидкость, сдавливающую сердце, выпустили и сердечную сумку промыли специальным раствором, спаек не образовалось. Вот у Синягина жидкости вокруг сердца было мало, а фибрина в виде спаек - много. Стало его сердцу трудно биться, пришлось переводить в Госпитальную хирургию, где ему сделали операцию - рассекли эти спайки. Долго ребята на койках пролежали. В конце концов функции внутренних органов полностью восстановились. Только радости солдатам с того мало было. Остались они инвалидами на всю жизнь - мёртвую сетчатку глаза не починишь. Как радар её сжёг, так видеть им нечем стало, зрение потеряно бесповоротно.

Много лет спустя в тридевятом царстве, в закордонном государстве тоже производился ракетный перехват - где-то в тысяче километров над океаном неслась похожая боеголовка-макет, а на неё летело killer vehicle, убийственное транспортное средство. Тридевятое царство решило ракеты-перехватчики вообще без взрывчатки делать, "упростив" задачу до уровня "собьём пулю пулей". . Радар построили на высоком холме, выступающим большим мысом в океан. Поразительна была и территория вокруг радара. Там стояли в большом ассортименте огородные пугалы, какие-то вертушки, трещалки, рядом висели динамики, которые пищали, звонили, клекотали по-ястребиному, заполняя всё вокруг невыносимой какофонией самых разнообразных звуков. Оказалось от птиц. Но птиц, похоже, это несколько не волновало. Мимо чинно пролетали здоровые коричневые пеликаны, а чайки просто кишели в небе. И вот радар заработал. Пых-пых-пых - птички попавшие под лучик забавно взрывались, оставляя после себя маленькие облачка перьев и сажи. Вот это настоящая радарная травма!

ОЖОГИ

Говоря об ожоговой патологии, мне хотелось бы немножко отойти от судмедэкспертизы и вспомнить клинику - ещё в период учёбы пришлось мне субординарить на "Ожогах". Так курсанты называли Клинику Ожоговых Болезней. Не удивляйтесь, что "болезней" - сам ожог, как травма, лишь малая часть беды, а вот когда сгоревшие ткани начинают выбрасывать в кровь свои горелые токсины, развивается болезнь. Такая болезнь почки, например, может в два счёта убить. Но ни врачом-комбустиологом, ни хирургом-термистом я не стал. Так и отсидел всю практику на бумажках - истории болезни писал на того, кто поступает. Но несколько интересных случаев запомнил:

Футбол

Зинаида поступила с большим кипяточным ожогом ноги. Так и написали: "влажный ожог левой ноги (глубокое обварение кипятком), контактный сухой ожог ягодиц, промежности и наружных половых органов". Тётенька была рослая, грузная и во хмелю. Скорая привезла её из какой-то рабочей столовки, где та бригадирала старшей поварихой. Значит надо писулю "для прокурора" составлять - производственная травма, как никак. Спрашиваю, что случилось, что вы себя так сильно облили? Отвечает, что не обливалась ничем. Так кто же вас ошпарил? Сама, говорит. Непонятно. Ну как так?

Да в борщ наступила! Опять непонятно. На полу? Нет, на плите. Сюрреализм какой-то. Кастрюля метровая, да на горячей плите - как туда наступить можно? Дали ей морфина с кофеином по вене (чтоб балдела и не спала), а потом релашки-транквилизашки вдогонку (чтоб ни о чём не беспокоилась). У тётки боли стихли, глазки заблестели, на лице улыбка появилась. А на фоне невыветрившихся паров алкоголя - самая располагающая к беседе обстановочка. Ну теперь рассказывай, родная, что да как?

"А просто всё. Прокопыч с холодного цеха и Паша с мясообвалки принесли три бутылки водки. Говорят, бабы присоединяйтесь. Ну мы что дуры - наливай. А нас на варке пятеро. И ещё Лиза на салатах. Итого восемь человек. Понюхали эту водку, и нет её. Свою достали - три флакончика. Только огурчики порезали, и этой в минуту нет. Решили до ровного счёта докупить пару бутылок - чтоб по одной на каждого в финале вышло. Пашу послали. Он водку купил и где-то по пути мяч нашёл. Выпили последнее, скучно стало. Мы тогда разделились на команды - три бабы и мужик, да давай в футбол играть прямо в варочном цеху. Тут мячик на плиту залетел. Я туда залезла его выбивать. Стукнула высоко, да с дуру ногу в борщ хлюпнула. Стало больно, упала на задницу. Вот до кучи жопу и пи...ду пожгла, пока с плиты слезила".

Сорок-пять лет нашей озорнице-футболистке было. Весёлая обстановочка царила в дружных трудовых коллективах того беззаботного времени.

Вентиль

Степаныча привезли из Ленинградского НПЗ - нефтеперерабатывающего завода. А через час к нему в клинику сами главный инженер и директор пожаловали. А на следующий день корреспондент из Ленправды. Корреспондента, правда, сразу послали, но тот через недельку вернулся. Потому, что Степаныч хоть и был обычный работяга, но герой.

У Степаныча лицо и шея были сильно опалены открытым пламенем, плюс контактный ожог обеих рук четвёртой степени. Это такая степень, когда вместо тканей уголь до костей. Кисти ему не спасли, а с лицом получше вышло. Конечно пришлось Степановичу новый паспорт делать, но там фотография не урода была, хоть и не красавца, конечно.

На НПЗ заклинило что-то в нефтеперегонной колонне. Колонна - это такая вертикальная труба, или бочка, диаметром метров пять, а высотой все сорок пять. Заполнена она раскалёнными парами нефти. Стало давление в ней расти - должна эта супер-бомба через минуту взорваться. А где вентиль, что подачу нефти перекрывает, громадный факел выбивается. На главной трубе что-то треснуло, и из-за этого факела к вентилю не подойти. Да и сам "руль" горяченький такой стал, местами красный. Сирена воем, работяги на всё плюнули - спасайся, кто может. Бегут от колонны со всего духу. А Степаныч наоборот. Три ватника надел, двое рукавиц, и к вентилю. Успеет закрутить - спасёт завод от громадного взрыва. Закрыв он глаза и шагнул в факел. Пламячко как из паяльной лампы его осмаливать начало. Положил Степаныч руки на железо - рукавички вмиг загорелись. Степаныч не дышит, чтоб лёгкие не спалить, и крутит что есть силы. Пару оборотов сделал, рукавицы до голых ладоней прогорели. Запахло жареным. А крутить ещё надо. Степаныч голыми руками

крутить начал. Уже не жареным, а горелым мясом несёт. Глаза закрыты, только слышно, как липнет кожа к раскаленной стали, да куски с ладоней отрываются, когда руки колесо перехватывают. Вот почти докрутил, да руки уже не слушаются - голые кости пальцев по железу скребут, а схватиться ими уже нельзя, все связки перегорели. Пришлось тыльной стороной руки за планки-спицы упором докручивать. Закрутил. Колонна напоследок чихнула своим факелом и застыла. Опасность взрыва ликвидирована. Спасибо тебе, Степаныч!

Дембельский наряд

Однако самым тяжёлым в реанимации был ефрейтор Куценко. Боролись за него долго всеми самыми передовыми методами того времени. Одной донорской кожи насадили, считай на всё тело. Упорно бились и с самой ожоговой болезнью - гемодиализ, гемасорбция и плазмаферез чуть ли не каждый день. Это когда больного подключают к специальным аппаратам, которые его кровь чистят. Ведь печень и почки - тью-тью, горелыми шлаками забиты. Класть его на обычную кровать нельзя - прилипнет, пойдут пролежни и инфекция. А это смерть. Положили его на взвешенный поток. Кровать такая под стерильным колпаком. Никаких простыней. А вместо матраца специальный тент, под которым нежные струйки фильтрованного стерильного воздуха поднимают много тонюсеньких фонтанчиков из специального песочка. Вот на такой подушечке ефрейтор Куценко и пролежал почти месяц. Потом умер. Да с тем, что у него было, иного и не ждали. А был у него ожог девяноста процентов тела.

Ефрейтор Куценко служил в автороте. Шофера всегда были элитой среди солдат. А тут маршал Устинов подписал приказ ДМБ - уволил из армии его призыв. Солдат после приказа дембель! А дембелям положено отличаться, тем более, что салаги в часть уже прибыли. Крутым отличием считалось белое х/б - хлопчатобумажное обмундирование. Вообще-то х/б жёлто-зелёное, а чтобы оно стало белым, дембеля стирают его в бензине. Куценко от правил не отступил. Куртка, штаны-галифе и пилотка улетели в таз с бензином, как только рота грохнула строевым шагом на завтрак. Дембель Куценко на завтраки уже не ходил - салаги доставляли ему хлеб, масло и чай прямо в постель, как в пятизвездочном отеле. Но на общее построение в девять утра всё же придется становиться. За крайнюю борзость есть риск разозлить ротного, и тогда уедешь домой последним из дембелей. А хочется первым. Ефрейтор Куценко был умный. Он знал, что бензин быстрее воды испаряется. Он всё рассчитал. Успеет и хэбэшку выбелить, и в белой хэбэшке на построении постоять. Пусть молодые полнубоятся на него, на крутого, и уже не просто деда, а дембеля. Полтора часа форма мокла в бензине. За двадцать минут до построения Куценко её вытащил и отжал. Ещё десять минут обмундирование сохло на спинке кровати. А вот оставшиеся десять минут перед построением самые святые - надо идти в курилку и с наслаждением покурить перед нудным мероприятием. Ничего, что форма бензинчиком ещё пахнет, на ощупь она лишь чуток влажная. На теле быстрее высохнет. Одевается дембель в белое х/б и идёт курить. Чиркнул ефрейтор Куценко спичкой и вспыхнул большим факелом. До сапог, где и осталось десять процентов его кожи.

СИМУЛЯНТЫ, АГГРАВАНТЫ и прочие членовредители

Это сейчас что студент-медик, что военный слушатель избалованы - по окончании основного академического курса у них начинается клиническая интернатура, позволяющая получить хоть какую первичную специализацию. В советское время сразу врачами-интернами становились считанные единицы, в основном или из особо одарённых, либо из особо блатных. Остальным за клиническими навыками приходилось серьёзно погоняться. Настоящим Клондайком, где можно было сравнительно легко "намыть" собственный первый опыт реальной медицины, становилась госпитальная практика. Проходить практику в клиниках Академии считалось дурным тоном и выброшенным временем - в родных пенатах всё равно особой самостоятельности не давали. Другое дело обычные военные госпиталия.

Там закон был прост - пришёл, значит работай, помогут разве что советом. До сих пор помню свои первые (и к сожалению единственные) впечатления от клинической военной медицины. Ведь уже тогда в основе моих интересов лежала судмедэкспертиза. Наверное поэтому в клинике, без разницы в хирургии ли, или в терапии, меня больше привлекала проблема солдатской симуляции и аггравации. Аггравантов-симулянтов и членовредителей я насмотрелся в двух заведениях - в 442-м госпитале Ленинградского округа и в ОМедБ* Псковской десантной дивизии.

**Отдельный медицинский батальон или медсанбат по-старому, в мирное время нечто вроде небольшой дивизионной больницы.*

Пожалуй тут следует чуть-чуть пояснить терминологию. Членовредители - это кто умышленно причиняют вред своему здоровью, чтобы потом не служить. Например, даже во времена Цезаря некоторые несознательные римляне, изнеженные дармовым хлебом и зрелищами, рубили себе большой палец на ноге. Всё - к военному маршу не годен, в легионеры такого не рекрутируешь, пусть Империю от варваров другие защищают. Правда император Август за такие дела кидал своих граждан в клетку с тиграми, а более гуманный Константин просто клеймил лбы калёным железом.

С симулянтами тоже всё более-менее понятно - это когда абсолютно здоровый человек строит из себя больного или пострадавшего. К примеру, привозят ко мне бойца "побой снять". Не в смысле, чтоб доктор поколдовал и "как рукой сняло", а в смысле задокументировать для суда. Батюшки! Кто ж тебя так? Начинаю осматривать, и чудо - "фингалы" потихоньку переходят на мои пальцы. Какие-то синяки неправильные, заразные, чтоль... Боец вскакивает со словами, "товарищ доктор, ничего не надо, мы сами разберёмся", и сремглав убегает в коридор. За ним с матюками бежит прапорщик-сопровождающий, а я иду к крану отмывать руки от краски. Вот уж действительно, как рукой сняло.

Аггравация же в целом похожа на симуляцию, но с небольшим различием - у человека реально имеется какая-нибудь проблема, но тот сознательно преувеличивает её серьёзность. Например, растянул солдат на физо подколенные связки, но вместо лёгкой хромоты прыгает на одной ноге, да визжит так, словно у него разрыв антекрuciaльной лигаменты с лопнувшими менисками впридачу*. То есть когда нога в коленке должна так же свободно в стороны гнуться, как и взад-вперёд. С растяжением - максимум неделю в медпункте, ну и освобождение от физо. А с разрывом внутрикленных связок - хирургическая операция и комиссовка на гражданку с заключением "негоден к строевой службе". Мотивация для излишнего "закоса" болевого синдрома налицо. Травматический отёк же можно и обычной ложкой настучать, только вот нога, собака, в сторону никак не гнётся... Получается несоответствие клинической картины и субъективно подаваемой тяжести состояния. Аггравация, одним словом, что с латыни переводится буквально как "завышение".

** Связки внутри коленного сустава, удерживающие кости вместе*

Язва двенадцатиперстной кишки и большая таблетка

В Псковской дивизии как раз был очень "стрёмный" период - среди новообученных солдат-специалистов отбирали группу для отправки "в дыру". "Дыра", это ДРА или Демократическая Республика Афганистан. Радист Бондарчук в эту группу попал железно - специальность освоил, рослый, уравновешенный, одним словом настоящий десантник. И вот однажды утром по подъёму старшина обнаружил Бондарчука скрюченного на кровати. Даже встать сил у него не было. Прибежавший врач батальона* внимательно осмотрел солдата, пропальпировал** его живот и нашёл нечто, очень напоминающее обострение язвы двенадцатиперстной кишки.

**В отличие от остальной армии, в десантных войсках были батальонные врачи.*

*** Процунал*

Притащили солдата в медбат. Вообще-то если это язва, то сразу в госпиталь надо. Но решили чуть повременить, сделать рентген и кое-какие анализы. На рентгене точно язва, глотнул солдат кишку - там кровь. Сомнений нет, отвезли солдата в Псков, в гарнизонный госпиталь. А в его медбатовской палате санитары наводят порядок, постельку меняют, полы протирают. По всей палате хлоркой несёт. Хорошо, дезинфекция. Впрочем даже как-то чрезмерно несёт. И всё больше воняет от кровати только что переведённого Бондарчука. Заглянули под койку - а там стоит тарелка с белым порошком. Понюхали - точно перхлорат. Доложили капитану, медбатовскому терапевту. У того уши на макушке - нормальный солдат в жизнь хлорку под кроватью терпеть не будет. Вот уж что весь личный состав поголовно ненавидит!

Сел капитан в санитарку и поехал вслед за солдатом в госпиталь. Там он с Бондарчуком постарался не встречаться, а тихо переговорил с клиническим ординатором отделения, куда того положили. Заходит клинорд в палату, пользуете представиться, я ваш лечащий доктор. Вид профессорский, на лице сострадательная серьёзность. Полистал медкату, посмотрел анализы, чиркнул пару слов в историю болезни и как замороженный устоялся на рентгенограмму. Губами шевелит, пыхтит, пальцами тычит. Прямо загадку невероятной сложности решает. Наконец вроде решил. Тон у врача сразу переменяется: "Так, рядовой, картина ясная - членовредительство. Такое возможно только в одном случае - если хлорка кишки разъест. Ну что, признаваться будешь, или нам самим прокурору написать?"

Признался солдат. Жрал он хлорку. Прокурору никто писать не стал. А солдата элементарно взяли на пушку - такие вещи по рентгенограмме никто определить не может, язва ли, эрозия, поди узнай от чего. Полежал он более двух месяцев в госпитале, кое-как подлечил последствия своей "диеты", потом выписался и укатил в родную часть на свинарник. Но поставленной цели достиг - в Афган бы он не попал даже с рапортом "по собственному желанию". Откопился парень - рубцевание его язвы произошло с весьма сильной деформацией стенки желудка и значительным сужением просвета двенадцатиперстной кишки. Рентгенконтрастная бариевая каша в его животе вырисовывала причудливую картинку, похожую на какого-то китайского дракона, а врачи только сочувственно кивали головами - все проблемы и операции у этого мальчишка ещё впереди.

Говоря о хлорке, сразу вспоминаю случай попроще, но с диаметрально противоположным клиническим исходом. Дело было в том же Пскове - в 37-м парашютно-десантном полку, где я отбывал войсковую стажировку. Решил один десантник поболеть. Навешал мне, молодому, неопытному, да сердобольному, лапши на уши. Испугался я, прописал ему постельный режим на недельку - думаю, вроде симулянт, но кто его знает... Впрочем пусть отоспится, отдохнёт - такое иной раз нужнее лекарства. А у кого особой болезни не просматривалось, то понятно, что таких больных мы не сильно загружали - то стену покрасить, то боевой листок написать, то плакат "мойте руки" нарисовать.

Уже почти неделю отлежал тот солдат у меня в полковом лазарете, мало показалось. Убирался он в аптеке и спёр таблетку ДП-2-Т. Шайба такая, в диаметре около четырёх сантиметров и высотой где-то сантиметра полтора - обеззараживает впечатляющее количество воды, тонны три минимум. И проглотил её не разжёвывая. Но я этого не знал - как таблетка исчезла, так стал я верещать истерическим голосом, что если кто эту дрянь выпил, то надо немедленно в реанимацию ехать, потому как помрёшь в муках. Я, кстати, сам так искренне думал. У страха глаза велики - признался солдатик. Я его спрашиваю, мол когда ты эту гадость съел? Утром, говорит. А дело уже под вечер было - по моим расчётам уже в самый раз в агонии биться. Короче, не повёз я его никуда - хоть бы что ему, гастрит разыгрался и только. Другое интересно, как он, бедолага, такую дуру... не запивая... Анальгин с трудом проглатывают, а тут!

Клей и перец

Однако ничто так не обостряет болезнь у солдата, как известие о готовящейся выписке! Поэтому военврач, чтобы у его пациентов не случилось внезапного "сопутствующего" заболевания, старается выписывать скоростижно. Если правило о "скоростижной выписке" не соблюдать, то порой чудные истории случаются. Лежал у меня в полковом медицинском пункте юноша бледный со взором горящим и с "тяжёлым" заболеванием - ОРЗ. Уж наверное, этот диагноз все знают - сопли и кашель, в первые пару дней температура. Одним словом, острое респираторное заболевание, как лёгкая форма вирусной инфекции. Таких мы совсем недолго в лазарете держали. На третий день пора выписывать. Правда бывают более затяжные формы, или похожий на ОРЗ грипп. В таких случаях медики шутят: "леченный насморк семь дней, а не леченный - целая неделя!" Смешно сказать, но ведь лекарства, чтоб непосредственно убивало вирусы, до сих пор нет. Остаётся так называемое симптоматическое лечение - чтоб болелось полегче, там капли в нос, да аспирин. Ещё общие средства - чай с малиной, горчичники, витамины... Сами не хуже меня в таких делах разбираетесь.

И вот перед объявленной выпиской у моего воина началось страшное обострение - состояние намного хуже, чем при поступлении. А я повадился у своих солдат перед выпиской кровь брать. Не столько ради какой-то там необходимой диагностики, сколько ради того простого факта, что уж очень мне "микроскопная работа" навалилась. Впрочем я уже в этом грехе сознавался - люблю я патанатомию да судмедэкспертизу... Колол я бойцам пальчики по делу и без дела, потом в малюсенькой полковой лаборатории красил мазки по методике Романовского-Гимзы и с наслаждением разглядывал их под микроскопом. И вдруг нахожу в крови того рядового, что с обострением, повышенное число эозинофилов. Это такие белые кровяные тельца. "Любят" они краситель специальный, эозин, оттого так и прозываются - в мазках их сразу заметишь, яркие. Среди других клеточек выделяются, как дорожный рабочий в оранжевой безрукавке. И одной из главных причин их чрезмерного появления служат сильные аллергические реакции. Такого при обыном ОРЗ быть не должно. А при аллергиях температуры быть не должно! Всё остальное, и насморк, и кашель - пожалуйста, но без признаков инфекции.

Позвал я солдата в кабинет и заставил его раздеться до пояса и при мне температуру померить. Есть температура - 37 и 5... Но тут меня смутил цвет его левой подмышечной впадины - уж слишком он был красный. Тогда я термометр стряхнул и заставил его опять температуру перемерить, но уже под правой рукой. Вот чудо - справа нормальная, 36 и 6. По напряжённому выражению лица стало ясно - симулянт. Давай я вспоминать, чем же он у меня давеча занимался. Так, по моему заданию клеил он фотографии на какой-то стенд, больше вроде ничего не делал. Пошарил по карманам его куртки-хэбэшки. Там скомканный носовой платок и больше ничего. Достаяю, разворачиваю. В платочке завёрнуто несколько полупрозрачных маленьких кусочков. Взял я их в руки - что это догадаться сразу не могу, но что-то ужасно знакомое. Потом дошло - засохший силикатный клей! Похоже метод симуляции становится ясным.

Выпроводил я солдата со грозными словами: "На выписку!!! О симуляции доложить командиру, вечером ему перезвоню!" Только тот закрыл дверь, дай ка, думаю, на себе эту клеюку испытаю. Отковырял малюсенький кусочек и занюхал в нос, как табак, а пальцем с силикатной пылью глаз потер. Ох что тут началось! Сопли рекой, чихи такие, что кажется мозги вылетят, глаза красные, слезятся, горло першит. Если подделать температуру, то чем не ОРЗ?

А температуру нагнать не сложно. Самый простой метод - лестничный. Перед заходом в медпункт молодой человек носится раз пять вверх-вниз по лестнице. Потом, сдерживая дыхание, заходит к врачу. Если градусник окажется подмышкой в ближайшие пять минут после "упражнения", то лёгкий субфебрилитет (37 с хвостиком) гарантированы. Есть метод

пышки - перед медпунктом солдат заходит в чипок*, где покупает горячий пирожок или какую другую пышку, кладёт её в кулёчек, а потом засовывает его себе в рукав, напротив подмышечной впадины. Тут, правда, и все 43 нагнать можно... В 37-м десантном полку, кстати, приходилось ловить таких удальцов с солидными ожогами этой весьма чувствительной части тела. Вот ведь какие стойкие! И чего косить с такой силой воли? На весь медпункт раздаются их жалобы на слабость, сухой кашель. Глянешь на градусник, там аж 39,9 а хрипов нет. Начинают стонать, ой-ой-ой болит в нижних отделах лёгких. Неужели двусторонняя нижнедолевая пневмония? Вообще-то не часто встречается у молодых... Заходишь через пять минут - сидит "умирающий" десантник себе спокойно на стуле и спит. При такой температуре от пневмонии?! Никогда не видел. Опять беседуешь - ничего нового, вроде помирать собирается. Параллельно перемеряем температуру. Она в норме. Быстро же самоизлечился!

* *Солдатский буфет*

Есть ещё метод лампочки, горячего чая или батареи - приложи термометр к чему угодно, лишь бы горячему, и всех делов. В конце концов ртутный столбик можно просто набить. Но тут требуется, чтобы врача или фельдшера рядом не было. А если он, собака, рядом торчит, то можно следующим шулерством заняться - заранее подготовить градусник с нужной температурой и засунуть его подмышку, а тот градусник, что врач протянул, просто тихонько положить во внутренний карман. Ловкость рук и никакого мошенничества. Но полковой врач тоже не лыком шит - на его градуснике запросто может оказаться кусок пластыря с какой-нибудь меткой. Наиболее продвинутые симулянты кололи себе пирогенал или даже болочий сульфазин. От этих препаратов температура тела поднимается по-настоящему. Были дельцы, что сгрызали в роте последний карандаш - поднимали температуру, нажравшись графита. Вот глупые! Правда стержни кое-каких цветных карандашей всё же действуют. Потом таких сачков обнаруживали по забавному цвету кала или мочи. Интересно, что там в почках после подобной "графитотерапии"? Но наш герой ничего такого не делал. Ограничился он обычным красным перцем - натёр им свою подмышку, отсюда и покраснение кожи. Здоровая сочная перчина была найдена в тюбике от зубной пасты. Пасту солдат выдавил, тюбик раскрыл, заложил туда перец, а потом снова закатал. Кстати, командиру я не звонил. Видать сам солдат доложил, так как на ближайшем полковом построении было объявлено, что тот рядовой получил пять суток санаторно-курортного лечения на гауптвахте.

Расстройства стула

А через пару дней ко мне ещё один "конспиратор" пришёл с идеей поболеть без болезни. Этот, правда, не простое ОРЗ косил. Жалобу хитрую придумал, наверное по простоте полагая, что доктору такое уж точно не проверить. Как преданная собака, честными и несчастными глазами в лицо заглядывает и убеждённо, морщась как бы от нестерпимой боли, но вроде по страшному секрету вымученно заявляет: "Доктор, я уже больше недели не какал!". А кушал? Кушать кушал... Ну тогда ложись на кушетку, будем тебе живот мять. Ни в сигмовидной кишке, ни в других отделах толстого кишечника каловых масс нет. А с заворотом в тонком кишечнике неделю ни за что не проходишь, тем более кушая три раза в день, а в промежутках болтаясь на стапелях и вертясь на лоппингах* - рвота калом будет. Ситуация крайне редкая, о таком только в книжках читал. И сопровождается это крайне тяжёлым общим состоянием и сильной интоксикацией от всосавшихся ядов из загнившей пищи и застоявшихся каловых масс.

* *десантные тренажёры*

На моего брехуна такое совсем не похоже. Наоборот, похоже, что никаких проблем с оправлением по большому у него нет. Поэтому можно смело передать его на лечение нашему фельдшеру-здоровяку, прапорцу Зылкову. Любимая его фраза: "Ну бойцы, где косы забыли?" Прапорщик Зылков в таких случаях своё дело отлично знает. Дал фельдшер бойцу за раз

четыре таблетки бисакодила, да ещё пару таблеток обычного пургена сверху. Проконтролировал, чтоб воин лекарство при нём же выпил, и отпустил его в расположение несмотря на стоны и страдальческое выражение лица. Запор как рукой сняло. На следующий день у юноши другая проблема, соответственно. Гонор тот же - не могу, доктор, дизентерия одолела. Неужели взаимосвязи таблеток и поноса не улавливает? Опять фельдшер-прапорщик за лечение берётся. А на тебе веролоперамида от души, не жалко. Через день боец опять прибегает. Теперь с запором, и похоже, с настоящим. Ну давай тогда лечить по-серьёзному. Где тут кружка Эстмарха и английская соль? Как всадили ему клизму по-полной, но лишь только с унитаза слез, обратно в роту отправили. На этот раз парень от претензий избавился, и видно со стулом у него всё стало в порядке.

Вообще-то со слабительными наиболее обычны истории несколько иного рода - чаще их солдаты сами глотают, чтобы симулировать кишечную инфекцию. Ну какой врач рискнёт отправить запоносившего солдата обратно в расположение? Ведь если там реальная дизентерия - то вспышка гарантирована. А за это не только служебное несоответствие можно получить, но под суд пойти. Однако не все карты им в руки. Взять тот же пурген. На этой мякине военврача не проведёшь - достаточно лишь чуть-чуть капнуть щёлока, и испражнения становятся фиолетово-розовыми. Пурген, это ведь обычный фенолфталеин - простейший индикатор на щелочную среду, известный ещё со школьной скамьи. После такого нехитрого теста солдатский трюк сразу ясен.

Но иногда ситуация обратная - приходится врачу использовать фенолфталеин именно как индикатор - тоже самое средство, но теперь "наружно", непосредственно в горшок. Щелочную среду ведь и обычное мыло имеет, и оно же порою даёт весьма сильный понос. "Наелся, как дурной мыла" оказывается не просто народной идиомой. Как солдат умудряется изжевать полбруска дурно пахнущего, резко щелочного хозяйственного мыла, а то и проглотить пару столовых ложек ещё более агрессивного посудомоя остаётся загадкой. В желудке нейтрализуется порядочная доля такого "диссерта", но уже в тонком кишечнике всякие сапонины, стеараты да пальметаты восстанавливают свою щелочную природу и соответственно, мылкость. Стул выглядит ужасно, драйне водянистый, белесыми хлопьями и аж пенится - острейший энтерит. Полкового врача вот-вот хватит удар. Караул, это же холера! В военное время за такое расстреляют у заднего колеса собственного "Узика". Но вот капнули индикатора, и "холера" сранно зарозовела.

Никогда не забуду одного солдатика, который в жаде "закоса" выпил почти полный флакон концентрированного шампуня. Конечно со страху его госпитализировали (шутка ли), и он полдня пускал в лазарете пузыри со всех отверстий. А когда понял, что трюк его ясен и завтра выписка, с последующей за ней приватным разговором с ротным, то решил устроит показательной суицид - прямо тут же в медпункте взял и выпил пузырёк зелёнки. Ротик был очень красивый, а выписку такое никак не задержало. Вот хохма то в роте была!

Хуже, когда используются слабительные другой группы. Совершенно обычная, можно сказать классическая история: Лежит военнослужащий в лазарете несколько дней. Пришло время выписываться. И тут как снег на голову - сильнейший понос. Так вот фельдшер Зылков приходит в палату, где ещё пяток таких же лежат, и если время и желание позволяют, начинает беседу. Характер беседы носит воспитательный и развлекательный характер. В присутствии остальных расспрашивает, что за понос, как часто, в какое время, какого цвета стул, чем пахнет, как булькает, как брызгает, громкий ли звук? Если звук громкий, просит озвучить в меру артистических возможностей. Главное, расспрашивает подробно и с серьезным видом. В конце беседы, все солдаты, за исключением допрашиваемого, начинают истерично смеяться. И в заключение прапорщик даёт указание: будет понос в следующий раз - нагадить в банку и доложить по телефону дежурному врачу в медбате, чтоб тот срочно приехал и проверил на симуляцию. А утром приду я, прапорщик Зылков, великий борец с симулянтами, сам посмотрю на стул. Обычно после этого до утра кишечное расстройство как-то само собой вылечивалось, дежурному врачу с просьбой проверить на симуляцию

никто не звонил, банка оставалась чистой, и солдат выписывался абсолютно здоровым.

Иголки

Рядышком, в уже упомянутом дивизионном медбате через пару дней ещё один казус произошёл. Явился туда другой "специалист". Глаза квадратные, бледный, от переживаний руки трясутся. И сразу к хирургу: "Товарищ капитан, сделайте мне срочно операцию. Я случайно две иголки проглотил". "Ничего себе, это каким же образом две и притом случайно?" - вопрошает капитан. История получалась запутанной. Вроде подшивался, да две иголки в рот засунул... Зачем две? Гвозди, что-ли. Ладно, пошли на рентген. Точно - две иголки. Похоже одна ещё в желудке, а другая уже в кишечник вышла. И причина понятна - этому бойцу тоже захотелось через операцию от Афгана отмазаться.

Одного только не знал наш "шпагоглотатель", это как кишки работают. А работают они очень умно - в кишечнике есть своя нервная система, вегетативной называется. Когда кончик иголки стенку кишки колет, та немножко сжимается и меняет свою перистальтику, волнообразные движения, что обуславливают движение переваривающейся пищи. И совершается такое без вмешательства мозга - импульсы центральной нервной системы туда порою даже не доходят. Так вот "под местным руководством" иголка зачастую стенку не прокалывает, а просто медленно движется в хитром лабиринте кишечника по направлению к заднему проходу, хотя конечно всякое бывает.

В данном случае обошлось. Надовали солдату лёгких подзатыльников, уложили его в кровать, дали немного выпить вазелинового масла для смазки и приставили двух старослужащих санитаров, чтоб те неотступно сидели при нём, следя за соблюдением строжайшего постельного режима. Полный покой и неподвижность здорово повышают шансы на успех. А успехом является обычная дефекация. Сходил по-большому наш горечленовредитель в заблаговременно подставленный ему горшок, потом под пристальным вниманием дедушек и капитана-хирурга тщательно разгрёб пальчиком собственные какашки и извлёк оттуда две иголочки, целёхонькие и невредимые. Впрочем иголкам то что будет? Кстати, дважды повезло солдату. Ведь случись у него перфорация желудочно-кишечного тракта, или пролежень на месте неподвижно ставшей иголки, то была бы операция. А вот тогда подобное уже попадает под членовредительство с полной юридической ответственностью и соответствующей уголовной статьёй. А так - и кишки целы, и на свободе! Хотя конечно, кое-какой курс реабилитации ему и без врачебных назначений в казарме прописали.

Плевок

Порой солдат решает заболеть по-взрослому, с длительной госпитализацией и возможным переводом для дальнейшего лечения в гарнизонный госпиталь. А уж оттуда даже если и выпишут - так когда еще командир машину выделит за одним-то бойцом съездить... Опыт таких длительных заболеваний в 37-ом полку был - периодически то один, то другой боец набирал в шприц слюны, вводил себе под кожу в области икроножной мышцы - мощнейшая флегмона с резким подъёмом температуры и интоксикацией гарантированы. Иногда меняли "источник" на прямо-противоположный - вводили испражнения. Кстати, микрофлора из рта куда опасней каловой, да и разновидностей микробов там намного больше. Но конечный результат всё равно один - кожа багрово-синяя, ногу разносит, голень увеличивается в размерах в полтора-два раза, дотронуться до неё невозможно - боль жуткая. Такого назад не отправишь, вонища при вскрытии таких флегмон страшная - аж глаза от запаха дерьма режет. Иногда, правда можно не рассчитывать и ввести слюну слишком глубоко - в мышцу. Тогда мышцы после вскрытия гнойника выглядят серыми, вареными, выгнивают целыми секвестрами - искромсанная нога вся в уродливых шрамах и длительная, если не пожизненная хромота обеспечены.

Существует и более лёгкая модификация, этого метода - когда в какую-нибудь царапину, опять же в основном на ноге, симулянт втирает налёт с зубов. Буквально через несколько часов безобидная ранка выглядит как ужасная трофическая язва. В самом начале процесса первопричину можно выявить микроскопически. В том же Пскове, в том же 37-ом парашютно-десантном полку я увидел, как начмед брал мазок из такой язвочки и красил его... Нет не поверите! Не какими-то там специальными красителями и общепринятыми методами, хотя бы по Грамму, или простым гематооксилином. Нет! Красил он размазанный по стёклышку гной обычными чернилами из своей авторучки! Потом смывал лишнее под тонюсенькой стружкой воды из-под крана. Иной раз он использовал зелёнку из ближайшего пузырька, реже метиленовый синий - обыкновенную синьку, чем бельё подсинивают, точнее её спиртовой раствор. После покраски полоскал стёклышко в стаканчике с разведённым под водку спиртом, а то и в самой водке. Потом ждал минутку, пока подсохнет, и смотрел такой вот "самопальный" препарат под микроскопом. Никакими официальными методиками этот мойор не пользовался принципиально. При этом то, что надо, он видел прекрасно: на стекле, словно микроскопические инопланетяне из фантастического фильма ужасов, гротескно раскинув щупальца-жгутики, застыли страшные "зверюги" - зубные трихомонады.

В отличие от её ближайшей родственницы, что живет в мочеполовой системе, эти трихомонады сравнительно безопасны. Во рту у нас они живут как сапрофиты, питаются остатками пищи. Зато их нахождение в ранке на ноге прекрасно указывает на источник заражения. Но главная беда в таких язвах происходит не от трихомонад. Кроме этих простейших там целый зоопарк злостных микробов имеется, и они часто оказываются нечувствительны к антибиотикам. Тогда дело простой кожной язвой не ограничивается. Гнойный процесс заходит ещё дальше - развивается обширный целлюлит, разлитое воспаление подкожной клетчатки. Лечение порой бывает самым радикальным, вплоть до ампутаций, а иногда развивается сепсис* и смерть.

** Заражение крови*

В медбат пришёл боец по фамилии Львов. Принимал его хирург, но диагноз... Ерунда в общем. Температура почти нормальная, при прослушивании грудной клетки, вроде бы некоторое ослабление дыхания справа. Можно бы бойца и назад отправить, но береженного Бог бережет - надо бы исключить начинающуюся пневмонию. В таком случае больной естественно достаётся терапевту. Ведь по глубокому убеждению всех хирургов то, что нельзя отрезать, лечат терапевты. Терапевт внимательно осмотрел рядового Львова. Да пока ничего странного, кроме одной мелочи - справа в межрёберном промежутке вроде уколочная точка. Спрашивает, мол что это? Львов отвечает, да ерунда мол, час назад о колючую проволоку укололся. Тогда иди в часть. Ты из какого полка? Ах из 37-го! Будет плохо - вот придёшь к своему полковому доктору. Понятно? Понятно! Боец уходит.

Ещё через полчаса появляется рядовой Львов на пороге уже нашего полкового медпункта. Вместо того чтобы радостно подбежать к фельдшеру Зылкову и бодро пожаловаться на кашель и общую слабость (а потом в опять в медбат, а может ещё дальше в госпиталь - пневмонию лечить) Львов вдруг побледнел и потерял сознание. Доставили его в медбат где-то минут через двадцать. В себя так и не приходил, температура под сорок, менингизм*. Там понять ничего не могут, меньше часа назад ведь он тут же был и практически здоровый. Ну в реанимацию его, катетеров напихали, растворы в вену льют, а что лечат - не понятно. Больной загружается подозрительно быстро. Сделали люмбальную пункцию**. О-па, лейкоцитов сколько!!! Опять обратили внимание на след от укола на груди. Трясут и меня, стажера, и фельдшера - мы божимся, что выше задницы ничего не кололи, Зылков даже пробует обидеться, мол, не первый месяц в медицине, а тут такие подозрения...

**Судороги, как при менингите - воспалении оболочек мозга*

***Со спины колят в позвоночный столб и берут спинномозговую жидкость на анализ*

Тут и комбат львовский, хоть и brave офицер-десантник со значком на полтыщу прыжков на груди, но всё же здорово перепуганный, примчался выяснять, что к чему. Ему вообще какую-то ерунду доложили, боец мол без сознания, наверно по голове кто-то дал. А лишняя травма, да ещё из-за внеуставных отношений... На батальон такое ни к чему, нельзя ли с докторами договориться? Мы командиру объясняем ситуацию, что мол совершенно не понимаем, что с бойцом, но шансы "щелкнуть ластами" у него очень реальные. И конечно же, тоже немножко запугиваем, немножко убеждаем что смерть хуже травмы, хотя бы потому, что за неё не только командиру, но ещё и нам достанется. Комбат как узнал, что на травму не похоже, вздохнул облегчённо, приободрился, но словами нашими проникся, обещает помочь медицине всем, лишь бы его боец жить остался. Мы намекаем, не плохо бы в части расследование провести - уж больно подозрительный укол у Львова в межреберье. Тут командира как ветром сдуло - вскочил и побежал к себе в расположение бойцов пытать - кто Львова в последние минуты видел.

Вобщем пока туда-сюда, прошли сутки, сами явно не справляемся - отправили больного в Псков, в гарнизонный госпиталь. А командир батальона, уж не знаю какие методы дознания он применял, к тому времени полностью выяснил картину произошедшего: Рядовой Львов "косить" любил и за не полный год службы "косил" уже не раз. Частым гостем он был и в нашем полковом лазарете, и в медбате, но всё по мелочам - больше недели у него никак не выгорало. Решил тогда он, что настала пора заболеть чем-нибудь серьёзным. Для этих целей в своё последнее посещение полкового медпункта, он стянул у нас шприц. Почему рядовой Львов не воспользовался этой испытанной методикой осталось не выясненным. Может успел насмотреться на подобных бедолаг в свои предыдущие госпитализации, может хотел соригинальничать, но он решил пойти "другим путём".

Позвал Львов своего дружка к себе в подельники. Под операционную выбрали комнату для чистки сапог. Там на лавку, куда при чистке ноги ставят, Львов и улёгся. Предварительный этап был традиционным - наплевали в шприц побольше, но место для инъекции решили изменить. Приставив иглу к межреберному промежутку, Львов дал знак ассистенту и тот с размаху треснул по поршню шприца, вводя тем самым до десяти кубиков слюны в грудную полость дружка-товарища. А дальше как-то все пошло не так, как задумывали - Львов ойкнул и сразу отключился. Помощник с перепугу отпрыгул, в панике выбежал в коридор, а там ещё пару "надёжных" человек в помощь товарищу позвал. Картина такая - лежит солдатик, из груди торчит-покачивается шприц, ну прям как из усыпленного орангутанга. Попытки привести его в себя традиционным "хорош прикалываться" и испуганным похлопыванием по лицу ни к чему не привели. А тут еще какие-то судороги непонятные начались... "Бригада" перепугалась порядочно. И тут вдруг, о чудо! Львов глубоко вздохнул и пришел в себя. Сам вытащил шприц и зашвырнул от греха подальше. Спрашивают, мол как самочувствие? Да вроде ничего... Ну тогда шуруй в медбат и сачкуй себе на здоровье. Ну а дальше история уже известная. В медбате ничего страшного не нашли и отправили назад, а меньше чем через час Львов снова потерял сознание, на этот раз уже надолго.

Вернулся Львов в десантный медбат через пару месяцев - ожидать, пока придут из округа документы на досрочный дембель. После тяжелейшего менинго-энцефалита* и абсцесса лёгкого** солдатика решили в армии не задерживать. Надо сказать, что в одном болезнь ему на пользу пошла - характер изменился неузнаваемо. Такое ощущение, что любые просьбы выполнять для Львова стало огромным наслаждением. Помыть посуду, вынести ведро, убрать мусор - то есть дела, уже по сроку службы ему явно не положенные, выполнял он с радостью и тщательностью, очень любил когда его хвалили. Медсестры постарше ему пряники таскали, жалели. Надо сказать, что до следующего призыва в той воздушно-десантной дивизии бойцы по поводу "слюнявого членовредительства" больше не поступали. Видать их тоже впечатлила собачья преданность во взгляде Львова и его постоянная блаженная улыбка.

*Воспаление мозговых оболочек и самого мозга - опаснейшее заболевание, выжившие часто остаются с пожизненными осложнениями неврологического и психиатрического

характера.

***Гнойник, часто солидная полость в лёгком, заполненная гноем*

Шёлковый туберкулёз

Начальник терапевтического отделения, подполковник Казанцев, крыл фтизиаторов* последними словами. Ну как так можно два месяца солдата продержать в профильном отделении с картиной явного туберкулёза, а потом внаглую спихнуть его в обычную терапию!? Ведь на рентгеновском снимке грудной клетки абсолютно "школьная" картина - миллиарный диссеминированный туберкулёз**, да такой классический, что впору на лекциях показывать. Правда фтизиатрия оправдывалась по-своему - ни иммунного ответа, ни самой туберкулёзной микобактерии выявить не удалось. Поэтому и перевели, написав для галочки какой-то совершенно экзотический диагноз и дополнив его списком не менее редких подозрений. Собственно говоря, именно эту экзотику и просили исключить умников-терапевтов. А истина оказалась ещё казуистичнее самых смелых медицинских теорий.

** Врач-фтизиатр лечит туберкулёз; фтизиатрия - наука о лечении туберкулёза*

*** Разлитый по всем лёгким в виде маленьких очажков*

Рядовой Саламбеков служил в стройбате. Уж о причине, почему его не взлюбил даже азербайджанское землячество, коего в советских строительных батальонах всегда было немеряно, можно легко догадаться - характер у Саламбекова был нытливый, сам он был склонный к тому, что на армейском жаргоне называется "в наглую косить". Вообще-то земляки-мусульмане дружные, и мелкие подлости своим прощают, но когда обнаружилось, что Саламбеков ещё и на руку не чист, то тут за его воспитание взялись все - и магометане, и христиане, и атеисты. Всей ротой выбивали "крысячество" из без того чахленькой душёнки Саламбекова. Но синяки не самое страшное в этом случае. Сильнее психологическая сторона - солдатика упорно "чморили", превращая его "в особь омега", последнее существо в неформальном табеле о рангах. Такому положено быть шестёркой на посылках.

Стройбатовский дед особенный. Замечено, чем меньше боевого в части, тем краше дембельский наряд. Дед-десантник, по Афгану с автоматом напозавшийся, оторвёт кусок простыни, завернёт туда проволоку, чтоб край по воротнику круглым был, да и подошьётся. Вот те и весь наряд. Стройбатовский дед автомат один раз в жизни держал - на присяге, да и то без патронов. Зато подшивается он красным шёлком! Получается прямо генеральский лампас вокруг грязной шеи. Шёлк, конечно, воровали из Ленинской Комнаты, где тот красный уголок с неизменным бюстом драпировал, а гимнастёрку подшивать заставляли разных чмошников, например того же Саламбекова. И неизвестно, сколько бы тот ещё подшил дембельских подворотничков, да вот досада - заболел, закашлял надрывно, харкая кровью, и попал в госпиталь.

В госпитале Саламбеков вёл себя тихо и мирно, как и положено больным с серьёзным заболеванием. Одна беда - как не запрещали ему курить, всё равно курил. Отговаривался, мол "а моя болезнь такой палахой, падохану всё равно". Табакокурение, конечно, излечению от бронхолёгочной патологии никак не способствует, но и заметной клинической картины не даёт, особенно в молодом-то возрасте. И тут заметили, что любит Саламбеков курить по ночам, когда все спят, и в туалете никого. Но так, чтобы уж совсем никого в военном госпитале не бывает. Хоть и старался наш герой покуривать исключительно в форточку, но другие солдатика заметили, что после него остаётся в туалете неприятный запах чего-то горелого. В терапии в основном всё же нормальные больные лежат с пневмониями, астмой, да бронхитами. Им собственные лёгкие жалко, вот и пожаловались на нездоровую туалетную атмосферу.

Дошла жалоба до Казанцева. Тот дождался, когда Саламбекова позовут на процедуры, да залез к нему в тумбочку порыться в немногочисленных личных вещах. И обнаружил он там

нечто, для солдата-салаги совершенно неподходящее - кучу дембельских шёлковых подворотничков! Ну ладно б дед был, да и то странно - подворотнички грязные и заношенные, зачем такие хранить? И куда их подшивать, на госпитальную пижаму, что ли? Мелькнула в подполковничей голове одна догадка. Отодрал он небольшой красный лоскуток, а подворотнички сложил, как и было. Прошёл к себе в кабинет, где и сжёг ткань в пепельнице. А потом вызывает того больного, что на вонь жаловался, и спрашивает, чем пахнет? Тот не знает, но говорит, что запах такой же, как по ночам в туалете. Тогда начальник отделения своей властью и под страхом выписки в часть строго-настрого запретил об этом распространяться.

Саламбекову назначили сдать утреннюю мокроту на анализ. Только вместо лаборанта-микробиолога за пробиркой почему-то заехали из окружной лаборатории судмедэкспертизы. Да о таких тонкостях Саламбеков и не знал - мало ли у него этой мокроты на анализы брали? В остальном же день прошёл обычно. Наступила ночь, и вот часа в три поплёлся солдатик курить. И вдруг среди тишины и покоя дверь туалета резко распахивается, туда врывается подполковник Казанцев собственной персоной, да ещё со свитой свидетелей - дежурного врача, фельдшеров и санитаров. "Унитаз! Унитаз держи!" - вопит Казанцев. И действительно, Саламбеков успел кинуть в унитаз весьма странный окурок, но сдёрнуть ему не дали. Из толстой самокрутки, свёрнутой из обычной газеты, выглядывали опалённые размочаленные нити красного материала. Бычок аккуратно достали пинцетом и положили в стерильную баночку. Саламбекова заставили тут же поплевать в пробирку, потом довольно безцеремонно потащили в кабинет начальника писать объяснительную, а сам начальник уселся напротив и по горячим следам принялся за рапорт.

На утро из гарнизонной комендатуры пришёл капитан военной юстиции, открывший уголовное дело об умышленном членовредительстве, где кроме окурка и свидетельских показаний фигурировало ещё одна важнейшая улика - лабораторный анализ слюны и мокроты. Там обнаружилось то, что по современной терминологии называется кокс-карбонизированные микросферулиты - типичные частички закоксовывавшегося органического аэрозоля от сгоревшего шёлка, притом не чистого, а с солидной примесью капрона, что и вызывали столь серьёзное поражение лёгких.

Плоский туберкулёз

Но лучше всех в армии умели косить "дизеля" - солдаты дисциплинарных батальонов. В советское время это была почти что зона, но с определёнными оговорками. Срок пребывания в дисбате за отсидку не засчитывался, правда и в срок службы не входил. Поэтому отбыв наказание, солдат возвращался на свободу не только с чистой совестью, но и с чистой биографией. Где был? В армии! Вопросов нет. Я даже одного профессора знаю, что по молодости, не поверите - шесть лет срочной отбабахал. На первом году службы на флоте кому-то набил морду и загремел в дисбат аж на три года. А матросы тогда ещё на такой же нормальный срок призывались, поэтому после дисбата ему пришлось долго дослуживать "старейшим пра-прадедом". И ничего! Видать хорошо служил, характеристику нормальную дали, в Ставропольский Мед поступил и сейчас там же профессорствует. Конечно, с "отсидкой" ему бы ничего не светило. Но это исключение из правил.

"Дизель" Белов был настоящим зеком - озлобленным, лживым, готовым без каких-либо тормозов кататься на ближнем своём, ведь вместо совести и морали - "понятия". Школу ему заменила детская колония, а во взрослую колонию он просто не успел - в армию забрали. Однако "понятия" быстренько до дисбата довели. А в дисбате Белову ох как не понравилось! Он каждому встречному говорил, что сменял бы два года "дизеля" на пять лет зоны. А ещё рядовой Белов был очень-очень хитрым. Таблицы умножения он не знал, где находится Россия на карте найти не мог и уверял, что в 1917 году, ну в Великую Отечественную, Англия воевала с Великобританией, потому как вторая была за немцев. Но при этом хитростью своей докторов наук в такие тупики ставил! Замечу - всё рецепты его оказались из

детской колонии. Одарённые там ученики!

Поступил он в терапевтическое отделение 442-го госпиталя с тяжелой двусторонней пневмонией. Вначале думали, что его организм ужасно ослаблен, так как пневмония оказалась весьма нетипичной - температуры почти не было. То есть разок градусник показывал 40, но когда потрогали лоб и подмышечную впадину - никакого жара нет. Давай перемерять - нормальная. Видать этот прокол на Белова сильно подействовал - больше он по мелочам не дурил. Через два дня сделали контрольный снимок - чудеса! Лёгкие очистились. Никаких признаков пневмонии. Оба снимка рассматривали все местные светила - ошибки быть не может. Даже исключена версия, что снимки перепутали - грудная клетка одна и та же. Держали его недели две, все анализы в норме. Всё солдат, гуляй в дисбат! Выписка.

Однако долго там Белов не загулялся - через месяц опять с тем же самым поступает. Сильнейшая двусторонняя пневмония. Температуры опять нет. Но рентген то не врёт. И вот тут пожалуй, произошла одна ошибочка. Подполковник Казанцев собрал консилиум из рентгенологов, терапевтов и фтизиатров. Притащили они "дизеля" в ординаторскую, где на матовой подсветке развесили все его рентгенограммы. Уложили на кушетку, щупали-слушали, а потом полчаса обсуждали в его же присутствии. Версии разные были - от какого-нибудь саркоидоза-лимфогрануламатоза или ходжкинской лимфомы, до профзаболеваний. Однако никакое предположение даже близко не объясняло скорость, с которой менялась картина на рентгене. Тогда Казанцев высказался прямо - если фтизиатры у него исключают туберкулёз, то наиболее вероятен *simulatio via inspiratio* - "закос" путём вдыхания дряни. Да только слово *симуляцио* зря сказал. Латынь латынью, а созвучно. Белов это понял. А потом на беду подошёл к рентгенограммам фтизиатр, и доходчиво так, словно на лекции для младшего медперсонала, начал тыкать в плёнки пальцами, объясняя, как выглядел бы туберкулёз в данном случае. Впрочем за два дня такая динамика при туберкулёзе тем более не возможна. Вынесли коллективный вердикт - через неделю контрольный снимок, и на выписку.

Через неделю на снимке абсолютно нездоровые лёгкие с другой картиной. Ещё не туберкулёз, но уже не пневмония. Пятнышки какие-то. Если туберкулёз, то мелкоочаговый. Если пневмония - то долевая, только не одна доля лёгкого вовлечена, да и к тому же картина двусторонняя. А Белову похоже действительно плохо - кашляет, аж задыхается. И вот что интересно, такое чувство, что у него дыхание Джексона прослушивается. Такой хитрый симптомчик - если подставить ухо к самому рту пациента, то тихий свист слышен. Возможно только при наличии инородного тела в трахее или бронхах. Но там ведь ничего нет! Загадка. Опять трясут фтизиатра. Тот объясняет ещё подробней, как и во что бы трансформировались первоначальные изменения, и где сидели и как бы выглядели очаги на прямой рентгенограмме и в двух проекциях.* Так разошёлся, что даже на листочке стал схемы рисовать. А Белов сидит, слушает и смотрит. Внимательно так. Видать тоже проникся загадкой.

* *В фас и профиль, если так можно сказать о грудной клетке*

К вечеру сумашедший кашель у Белова сошёл на нет, а на утро совсем прекратился. Подполковнику Казанцеву такая симптоматика порядком надоела, и он велел перевести Белова в палату у самого поста. В той палате исключительно с подозрением на симуляцию лежали, поэтому дверь там была снята с петель и свет горел круглосуточно. А ещё всегда находился какой-нибудь боец из числа выздоравливающих, точнее выздоровевших, а возможно и вообще не болевших, который предлагал услуги осведомителя. Мол я вам стучать буду на всех и про всё, а вы меня пару неделек подержите. Честно так. Вызвал Казанцев очередного стукача и говорит - раскрой секрет "болезни" Белова, на месяц в госпитале оставлю. Новый Год тут встретишь, а там и деды уволятся. Вернёшься в комфортные условия. У бойца аж глаза от такой перспективы загорелись, грозится не спать, не дремать, за Беловым наблюдать. Ну вот и молодец - иди работай!

Днём позвали рентген, хоть Белов просил-умолял не делать, мол слишком часто. У него от рентгена голова болит, спина ноет, и вообще радиация вредная - он боится в импотентное чудовище мутировать. Точнее таких слов этот солдат не знал - стать уродом, у кого не стоит, это ближе. Напрасно уговаривал его рентгенолог, напрасно разъяснял безопасность поглощённых доз - упёрся боец, и ни в какую под трубку ложиться не хочет. Пришлось опять вмешаться Казанцеву. Тот был немногословен - если через час у меня твоих снимков не будет - на выписку. И вообще, боец, мой тебе ультиматум - любое нарушение режима или отказ от процедур, и ты в части. Подполковник не сомневался, что Белов косит, просто не знал, каким образом. Порой узнать способ симуляции даже интересней, чем разобраться в настоящем сложном диагнозе. И почти всегда это сделать намного сложнее.

На рентгенограме красота - опять чистые лёгкие. Ни малейшего признака патологии. Впрочем это ожидалось. Но не тут то было - буквально через пару часов Белов опять стал задыхаться от тяжелейшего кашля. В тот же день к вечеру сделали ещё один рентген. Особой патологии нет, но вроде какое-то полнокривие, что-ли. Или опять непонятная пневмония?

На следующее утро Казанцев положил перед собой три снимка и стал гадать - что может дать три абсолютно разных картины? Неужели у этого Белова действительно какая-то не известная науке болезнь? Тогда тем более надо найти причину, написать статью в научный журнал. Синдром Казанцева! Нет, лучше атипичная пневмония Казанцева. Или идиопатический* пульмонит, но опять же Казанцева. Тут главное, чтоб генералов в соавторы не набилось - иначе будет просто болезнь Комарова. Он же генерал-полковник, начмед всей военной медицины. Какая разница, что больной и врач в Питере, а начальник в Москве - раз руководил, значь соавтор. Точнее автор...

** Неизвестной природы*

Пока подполковник предавался мечтам, в его кабинет тихо поскреблись. Дверь чуть приоткрылась и в проём заглянул солдатик-шестёрка:

- Товарищ подполковник... Я это... Ну короче, Белов курит ночью в форточку прямо в палате! В углу стоит. То место с поста не видно, хоть и двери нет!

Подполковник встрепенулся:

- Что курит?

- Как что... Сигареты. Или папиросы, но точно анашой не пахнет - я бы по дыму учуял - солдату явно невдомёк, что курить можно что-то ещё.

- Свои курит?

- Да что вы! Своих у него отродясь не было. Чужие, у кого что найдёт - хулиган, даже сосательные конфеты у всех позабирал. А до этого всю пудру ссыпал. А сейчас у меня забрал платмассовую расчёску и сказал найти ему баночку. А где я её возьму? Вот...

Казанцев наморщил лоб:

- Какую пудру?

- Ну такую белую, сладкую, со всех булочек и с подноса, где те лежали... К молоку...

- Сахарную, что-ли, пудру?

- Да! Да! - боец с подбострастием закивал головой и добавил - сладкое, наверно, очень любит!!!

- А банка ему зачем? В туалете чифирь варить?

- Нет, товарищ полковник, Белов давно чифирь не пьёт - вас боится. Говорит, выписать его грозитесь. Да и баночку он маленькую просил - на 250 миллилитров. А на что ему такая банка я не знаю... - солдатик смущённо пожал плечами.

- Боец, иди в палату. А через минуту зайдёшь в процедурку, там на столике будет стоять баночка, - с этими словами подполковник Казанцев открыл шкаф в ординаторской, достал собственное варенье, чем его периодически снабжала тёща, и выложил в вазочку для общего чаепития. Банку помыл под краном и положил в карман халата. Чтоб не так проступали формы, свернул трубочкой и запихал туда же первую попавшуюся историю болезни, встал и с деловым видом направился в процедурную.

Так баночка перекачевала в тумбочку к Белову, но и этот, и следующий дни прошли без происшествий. Пришли очередные анализы из баклаборатории - никаких возбудителей не выявлено. Последний анализ мокроты собственно самой мокроты не обнаружил - одна слюна. Завтра контрольный снимок, и если там чисто, то на выписку. Может и подержал бы Казнцев Белова ещё пару неделек науки ради, кабы не его хамское отношение к другим больным и вообще блатной настрой ко всему на свете. На выписку, однозначно! Надо позвонить в его дисбат, пусть пришлют сопровождающих.

В этот момент в ординаторскую зашла медсестра: "Доктора, там Белов чешется, как ненормальный. На чесотку похоже! Посмотрели бы... А то будет радости все постели и пижамы вне очереди менять". Казанцев в сопровождении клинорда, лечащего Белова, поспешили в палату без дверей. "Чёрт! Что же этот дьявол на этот раз придумал? Чесотка ерунда, конечно, но с ней не выпишешь. Прийдётся ещё на несколько дней его здесь оставлять, да не просто так, а в отдельной палате!" - в невинность Белова и истинность его болезней Казанцев уже окончательно не верил, но и нагоняя от начальника госпиталя за несоблюдение необходимого карантина тоже не хотел.

Рядовой Белов производил впечатление припадочного, так мелькали его руки. На теле, особенно на груди, в промежности, подмышками - везде расчёсы и типичные красные точки, причём не хаотичные, а словно широкой пунктирной линией показывающие подкожные ходы чесоточного зудня. Прямо классика из учебника по дерматологии. Ну чтож, будем вызывать дерматолога. Не потому, что не знаем, как с чесоткой справиться, а чтоб кожный соскрёб взял - поищем паразита или что там ещё.

Пришёл дерматолог, опытный майор. Внимательно осмотрел расчёсы, взял соскобы на местах ходов. А потом многозначительно посмотрел Белову в лицо и произнёс: "Очень похоже, очень! Но только похоже". Белов без всякого смущения тупо смотрел куда-то в сторону. Вроде и не понял намёка. Майор вышел в ординаторскую. Там наткнулся на Казанцева и высказал ему свою версию: "Не могут все чесоточные зудни мира за одну ночь на одного больного напасть! У него старых расчёсов нет, только свежие. Не бывает так. С такой мощнейшей инфестацией* он бы уже месяц чесался. А так похоже... Подождём микроскопию - если не найдут ни паразитов, ни их яиц, ни их фекалий - однозначно дерматит левый! Поэтому не торопитесь карантин объявлять, да и смена белья пусть идёт по графику. А вот насчёт отдельной палаты... эх, надо бы!"

**Заражение членистоногими паразитами типа клещей или вшей*

Положенное противочесоточное лечение тоже решили провести. Для надёжности, даже если там никакого зудня нет - Белову то оно не повредит. Но если косит - то и не поможет, что тоже своего рода диагностический приём. А пока объявим следующее - чесотку мы вылечиваем за раз, мазью натёрли, и прошло, но чесаться он будет ещё месяц. Остаточные явления, так сказать. Поэтому, не переживай солдат - выписка по плану! Вообще-то с точки зрения медицины это глупость несусветная, но пусть Белов думает - раз такое на врачей не действует, то чего ему тогда на дурняка чесаться? Одно плохо - инструкция при чесотке требует перевода в карантинную палату. А раз больше чесоточных нет, то будет Белов в палате лежать один, как генерал. Агентурная разведка в этом случае отпадает. Значит следует ждать новых сюрпризов.

Пришли результаты исследований - никаких инвазивных признаков* нет. А тут, как по заказу, и чесотка сгинула. Разбежались, видать, зудни под выписку. Неужели эпопея подошла к концу? Аж не верится. Срочно рентген, и если всё нормально - немедленно отправляем бойца в часть. Но история в какой раз повторилась - на контрольной рентгенограмме снова "запылала" тяжелейшая двусторонняя пневмония. Такая же точно, как и при поступлении. Увидев знакомую картину подполковник Казанцев аж заскрежетал зубами от ярости. Вот же

мудрец какой, этот Белов! Ведь это он "чесотку" себе устроил с одной единственной целью - заполнить отдельную палату, чтобы избавиться от лишних глаз. В определённо затянувшейся игре "менты-жулики" пока всё время выигрывают жулики. Но будет сейчас и на нашей улице праздник - срочно мокроту на анализ. Срочно! Если находим там хоть какую-нибудь гарь и сажу - смело пиши "симуляция".

**Инвазия - внедрение паразита в тело хозяина*

Чтобы взять этот простой анализ в маленькую процедурную прибыли старшая медсестра и срочно вызванный из лаборатории лаборант, "в понятых" стояли два клинорда и лечащий врач, а наблюдал за всем процессом начальник отделения подполковник Казанцев собственной персоной. При чём всех заставил в истории болезни расписаться - намерения у него были самые серьёзные, и готовил он эту историю болезни, ни много ни мало, а как главный документ в следственное дело. Только "дизеля" это никак не смутило. Как только тот услышал крик "Белов в процедурную", то появился сразу, а ведь обычно на крик он не реагировал - предпочитал, чтобы ему персонального "гонца" посылали. Отговорка одна, стандартная - "тяжко болен, спал". А сейчас вроде действительно болен, а вон какой пряткий. И примерный. Единственная странность, что обычно не по делу разговорчивый, особенно насчёт своих бесконечных жалоб, он на этот раз молчал. Не поздоровался и даже рот не открывал, когда натужно кашлял. Неужели проникся к трудам лаборатории и мокроту копил? Давай-давай - плюй в эту банку!

Результаты анализов стали известны на следующий день. Шокирующие результаты - в мокроте найдены казеозные частицы. Долго объяснять, что это такое. На вид напоминающие крупинки творога, они появляются только в одном случае - при очень тяжёлой форме туберкулёза, когда в лёгких образуются полости, заполненные творожистой массой из полностью распавшейся ткани вперемешку с туберкулёзной микобактерией. Крайне опасная и чрезвычайно заразная форма.

Как же так? Казанцев действительно был в недоумении - Белов же при нём лично, да ещё при куче свидетелей, плевал в банку. И вообще такого быть не может - столь запущенный туберкулёз на рентгене очень характерную картину даёт. Через несколько дней пришли результаты бактериологических посевов - да точно, ТБК-плюс. Высеяли палочку. Значит надо Белова срочно переводить на отделение фтизиатрии. В терапии такого держать нельзя - опасен для окружающих. Одно только обстоятельство позволяет ещё чуть-чуть задержать его - Белов и так лежит в отдельной палате. Значит так - полный негласный карантин до положения "одинокое узника", результаты анализов в историю не подшивать, пусть пока "затеряются" в ящике стола. Не на всегда - на пару деньков. Сейчас берём стерильную банку и бегом к Белову, надо бы ещё раз у него мокроту взять. А потом с ним пойдём в рентгенкабинет. Посмотрим на динамику его "туберкулёзной пневмонии".

На рентгене никакой пневмонии у Белова не оказалось. Опять двадцать пять! Уже даже не смешно - в какой раз чистые лёгкие. Это-то при чахотке в самой доходной форме?! Не бы-вает!!! Прямо так в лицо Белову и заявил Казанцев. Остаёшься у меня на отделении, пока результаты сегодняшнего посева не придут. А докажу симуляцию - вместо "дизеля" пойдёшь сидеть! Понял?

Наконец пришёла бумжка от микробиологов. Результаты посева отрицательные, и при микроскопии самой мокроты ничего особенного не обнаружено. Снова здоров, мерзавец! Но дольше и первый анализ скрывать нельзя - вызываем фтизиатра, а там уж пусть его сомнения гложут.

На этот раз врач-фтизиатр оказался меланхоличным седовласым майором. Он долго разглядывал рентгенограммы, потом читал историю болезни. Наконец прошёл в палату к Белову и после въедливого опроса ещё битые полчаса всё чего-то выслушивал, да

выстукивал. Так ничего и не найдя, порядком раздосадованный майор вернулся в ординаторскую. Там его уже поджидал весь врачебный персонал отделения. Ну как? Какое мнение уважаемого коллеги? "Да никак, нету мнения... Значит поступим просто - пусть прямо сейчас этого дисбатовца отведут на рентген. Ничего, что в сотый раз, потерпит. А плёнку сразу сюда. Если нахожу хоть что-нибудь, хоть какую минимальную зацепку - сейчас же забираю ваш "уникальный случай" себе. Если опять ничего нет - положительный анализ на ТБК списываем на ошибку лаборатории. Наверное они там материал перепутали. Тогда оставляйте ваше "чудо" себе, и исследуйте пока второй раз бактериовыделение не подтвердите. Клинически нет у него туберкулёза. Нет и никогда не было - вон и Манту, и туберкулиновая проба* отрицательные. Если это не научное открытие в области фтизиатрии и иммунологии одновременно, то его организм туберкулёзную бактерию не помнит - словно не встречался с ней никогда!"

** Кожные реакции, показывающие иммунологический ответ организма на туберкулёзный антиген*

В ординаторской поставили чаёк, позвонили рентгенологу, договорились за срочный снимок и отправили туда Белова. Долго ждать не пришлось, и чаю толком попить не успели - вот и сам Белов стоит в дверях и аккуратненько за уголок держит свою ещё мокрую плёнку. Не стали даже включать матовый экран, просто глянули напротив окна. И ахнули! На снимке в левом лёгком сидел здоровый туберкулёзный очаг! Да ещё какой плотный - точно небось казеозными массами забит. Подполковник Казанцев подошёл к Белову, по-отечески потрепал его по плечу и тихо сказал: "Извини, браток. Не держи зла на меня - уж больно у тебя случай сложный оказался. Я чёрти что про тебя думал... Серьёзно ты болен, парень. Иди, собирай вещи - пойдешь с этим майором. Мы тебя переводим в отделение фтизиатрии. Туберкулёз у тебя, лечиться придётся долго".

Допили чай, снова пришёл Белов. Уже с кулёчком, где лежал нехитрый солдатский скарб и минимум туалетных принадлежностей. Майор не стал дожидаться, когда лечащий врач сочинит переводной эпикриз. Как напишете - пришлёте историю на отделение, а мы пошли. Когда их шаги стихли в коридоре, Казанцев опять взял в руки злополучную рентгенограмму. А почему снимок только один? Хотя понятно - этому Белову столько ретгена наделали, на отделение хватит. Не хотели лишний раз облучать, вот и сделали только развёрнутую катину лёгких... Стоп! А может... Да нет, не может. А вдруг? Да ну его... А всё же если проверить?

Казанцев как угорелый выбежал в коридор и помчался на отделение фтизиатрии. Вот она, мирно бредущая впереди парочка. Запыхавшийся подполковник догнал их и затараторил с придыханием: "Тащ майор! Стойте! Не могу я бойца без истории отдать. Забираю его назад. На часок. Допишем эпикриз и вот тогда переведём. Всё согласно инструкции". Майор смотрел на Казанцева совершенно ошалелыми глазами: "Слава, ты чё? Пошлешь сестру со всеми бумажками... Или лечащий пусть сам принесёт. Какая проблема... Чего это ты в бюрократию ударился?" Казанцев перевёл дух и виновато сказал: "Не могу, брат. Порядок есть порядок. Рядовой Белов, за мной!"

Но на отделение Казанцев "дизеля" не повёл. Пошли они обратно в рентгенкабинет. Рентгентехник тоже был несказанно удивлён - ведь полчаса назад этот боец тут уже был. Почему не сделал снимок в двух проекциях? Потому что боец твой аж визжит по поводу каждого рентгена. Просил один - сделал один. А если уж так нужен "вид сбоку" - прошу снова под аппарат.

Через десять минут Казанцев стоял в ординаторской, а вокруг него собрались удивлённые врачи. За дверью в коридоре, как медведь в зоопарке, маялся Белов. Врачи наперебой обсуждали новую рентгенограмму. На ней были уже набившие оскому знакомая грудная клетка "дизеля" в боковой проекции. А над рёбрами, сразу под кожей застыло в форме тоненького серпа нечто ужасно рентгенплотное. Плотнее чем кости! Тут задребезжал

телефон. Звонили из туберкулёзного отделения - когда больного ждать? Как никогда?! А что у него? Что-что? Злокачественный кожный эндометриоз с маститом*? Дурацкие у вас шутки! Трубку повесили.

* *Бессмысленный набор слов, намекающий на заболевание матки и груди кормящих женщин*

В ординаторскую вызвали Белова. Значь так, солдат. Не туберкулёз у тебя. Подозрение на одну нехорошую опухоль - завтра пройдем к хирургу, там он тебе сделает небольшой разрезик на коже и возьмёт маленький кусочек подкожной клетчатки на биопсию. Понял? Как не понял - биопсия, это когда берут ткани, чтобы под микроскопом смотреть. Всё, это приказ! И тут Белов первый раз сник. Его нагловатая ухмылка исчезла, выражение лица приобрело какую-то обречённость. Неужели испугался? А может вот она - разгадка!

На следующее утро дрожащего Белова привели в хирургию. В том месте, где указали терапевты, хирург кольнул новокаина, помазал поле йодом и сделал совсем неглубокий разрез пару сантиметров. Потом отсёк маленький, как отстриженный ноготок, кусочек на вид абсолютно здоровой клетчатки, чикнул его пополам ножницами и положил в банку с фиксатором. Одну половину этого образца предполагалось посмотреть патологу, а вторую надлежало отправить на кафедру Судебной Медицины в ВМА на предмет наличия рентгенконтрастных материалов в тканях.

Первым пришло заключение патолога - в образце подкожной клетчатки обнаружены мелкодисперстные частицы белого цвета. Признаков воспаления или иной патологии нет. А вот и заключение судебных медиков. Микроскопия дала те же результаты, но они провели ещё один, для медицины весьма необычный, анализ. Называется он мудрёно GDMS-тест*. И показал этот тест наличие в тканях бария! Барий в металлической или ионной форме весьма токсичен для организма, но есть и абсолютно нерастворимые соединения этого вещества. Они настолько инертны, что используются в медицине для контрастирования полых органов при рентгеноскопиях - знаменитая бариевая каша. Её дают пить литрами и она прорисовывает желудок и кишки изнутри. Теперь синдром появления "туберкулёзного очага" стал ясен - Белов, наслушавшись фтизиатров и мотаясь в рентгенкабинет через день, просто решил подделать соответствующую картину. У рентгенолога он спёр немного бария, а потом ввёл его себе под кожу как раз в проекции левого лёгкого. Одного только не учёл - на боковом снимке такой "очаг" будет выглядеть как белая линия над рёбрами.

* *Glow Discharge Mass Spectrography (англ) - метод выявления следовых количеств элементов.*

Подполковник Казанцев медленно и с расстановками читал рядовому Казанцеву уголовный кодекс России. Он не собирался давать точные юридические разъяснения о том где кончается "иной обман" и начинается членовредительство. В мозгах рядового Белова ситуация складывалась весьма просто - если начальник даст делу ход, то придётся сидеть. И делишки, за что "дизель" получил теперь уж на суде припомнят... А это значит, здравствуй зона! Лет так на пять. Его трепетное желание поменять два года дисбата на пять лет заключения как-то в момент улетучилось. Но тут подполковник Казанцев надавил на пользу чистосердечного признания. Мол так и так, солдат, напишешь всё, как было с первого дня - военному следователю твою историю болезни передовать не буду - просто выпишу тебя в часть с коротким заключением в твоей медицинской книжке "С такого-то по такое-то симулировал заболевания бронхо-лёгочной системы и кожи, реальной патологии не обнаружено, здоров". А соврёшь - завтра же в камере комендатуры на Садовой окажешься. Выбирай, солдат!

Писал Белов плохо, но тут уж постарался и родил автобиографический фолиант: "Я, рядовой Белов, чтобы избежать тягот и невзгод воинской жизни в дисбате решил закосить. Взял фольгу, пластмассу, банку и тетрадный листок. Из фольги и пластмассы

наделал "дымовушек", поджёг их и кинул в банку. Из листка скрутил трубочку и вдыхал из банки дым. Потом привезли в госпиталь, но там лёгкие быстро почистились. Тогда чтобы кашлять толлок конфеты и вдыхал. И сахарную пудру тоже вдыхал, но пудра кончилась. Потом колот себя иголкой и втирал соль - врачи думали чесотка. Потом опять дышал дымом от пластамссы. А чтобы не нашли сажу в слюнях, ходил к туберкулёзникам, где один чмошник наплевал мне в баночку. Когда меня позвали в процедурку, я взял его харкоту себе в рот, и врачи вместо сажи нашли туберкулёзного микроба. Потом стырил в процедурке шприц, а у рентгенолога взял чуть-чуть его белой гадости. Эту дрянь развёл водой в блюдечке и вколол себе под кожу над рёбрами, но п/п-к Казанцев меня провёл на рентген сбоку, где всё оказалось не так. Обещаю исправиться. Рядовой Белов".

Прочитав признание, подполковник Казанцев задумался. Интересная информация к размышлению. Похоже с "клиническими картинками" понятно. Первая и последняя "пневмонии" от пластмассы, а два приступа между ними - ингаляции сахарной пудрой и раскрошенным леденцом. То-то разница на рентгене заметна - размер вдыхаемых частиц не тот! Пудра легла в бронхиолах и альвеолах*, конфетный порошок преимущественно в бронхах. Это объясняет и слабое дыхание Джексона - в трахее "гудят" налипшие сахарные крупинки. И сумашедший кашель, понятно от чего. А задышка - этож настоящий ларингоспазм**! Во урод, и не боится же, ведь при таком "задыхе" запросто можно оказаться в реанимации, и это же какая пытка - сахар в дыхательное горло. И понятно почему укол барием проворонили - укольная точка находилась как раз на месте "солёно-чесоточного" расчёса. Но самое омерзительное - это трюк с мокротой настоящего туберкулёзника. Каким надо быть животным, чтобы такое взять в рот? И как "понятия" такое допускают? А ещё более удивительно, что эти ребята "с понятиями" абсолютно не боятся заболеть...

** Тончайшие лёгочные структуры, куда идёт воздух*

*** Сильнейший спазм гортани на уровне голосовых связок, приводящий к удушью*

Подполковник Казанцев опять разложил снимки, вздохнул и принялся писать доклад на семинар городского Научного Общества Терапевтов. На чистом листке он аккуратно вывел название "Рентгенологическая картина и симптоматика некоторых видов игалляторной симуляции".

Снег в моче

Вообще Казанцев среди военврачей по всему Ленинградскому Округу, да среди гражданской докторской элиты всего Питера слыл мастером "по отлову косарей". Однако, надо отдать ему должное, он на этой проблеме не заикливался. Более того, стоило в его отделении появиться молодому клинорду и тем паче "слушаку"-бездипломнику, то Казанцев, как ритуал рассказыва анекдот:

На утренней пятиминутке начальник госпиталя спрашивает о происшествиях за ночь. Докладывает дежурный врач:

- Всё нормально, только тот симулянт...
- Что он опять натворил?
- Умер.

Это к тому, чтобы начинающий доктор не судил о симуляции только с одной точки зрения. Самое опасное - это посчитать настоящую болезнь за "закос". Такое двойной грех - низкий профессионализм и попрание основ врачебной этики. Особенно тяжело положение военнослужащего. Гражданское лицо может просто плюнуть на такого доктора и уйти, а солдатику куда деться? Врач для него непосредственный начальник, закреплённый присягой и законом. А уж о его душевных чувствах молчим, в глазах честного бойца такой доктор будет выглядеть садистствующим негодяем. И ведь больной в данном случае прав... Но куда более опасна другая крайность - "анекдот в анекдоте", когда действительно от симуляции

можно умереть. Вспомнить хотя бы другой случай - с гипертонией неясного генеза*. Там, правда, до смерти не дошло, но учитывая вовлечённые вещества, то вполне могло. И ведь "материалы и методы" тоже госпиталь услужливо предоставил.

** Повышение артериального давления от непонятной причины*

Лежало у Казанцева на отделении два солдатика. Здоровые на вид парни, только кровяное давление у них периодически зашкаливало, да приступы учащённых сердцебиений мучали. И какую только патологию у них не искали - всё бесполезно. Если бы там какие невротические расстройства были, как тогда любили писать в "фантомных" диагнозах "нейро-циркуляторная или вегето-сосудистая дистония", то давление бы не скакало так серьёзно, да и сердце бы так сильно не молотилось. А то как приступ - так дежурного врача в дрожь. Сиди и гадай, чем кончится - инфарктом или инсультом. Слава Богу пока приступы проходили без последствий, но явно тут нечто серьёзное в первопричине. Один факт только смущал - оба солдата с одной роты прибыли. Если клиническая картина редкая, странная, но одинаковая, да ещё у двух друзей - что-то здесь не чисто.

Перерыли тумбочки - ничего нет. Перерыли кровати - ни под матрасами, ни в подушках ничего не спрятано. Карманы пижам просмотрели - тоже пусто. 442-й Госпиталь хоть и здоровый, но просто так на его территорию не попадёшь - гладкой стеной обнесён, надёжной, старой, ещё царской кладки. Посетители к этим двум больным не ходят, значит ничего передавать им не могут. Остаётся в таких случаях одно - отменить таким больным (или не больным, но подозреваемым) все назначения, подождать денька два-три пока их организм окончательно от следов ранее назначенных медикаментов очистится, а потом начинать искать, чем же они себя травят. Искать в крови, в слюне, в моче...

И вот опять приступ, да притом у двоих сразу. Давление зашкаливает, сердце молотится, как угорелое. Однако заметны небольшие странности - кожа сухая, а зрачки глаз широкие. Ну чтож, перед тем как напичкать организм гипотензивными препаратами*, взяли кровь на анализ. Только не в обычную лабораторию, а в токсикологическую для тестирования на алкалоиды. Масспектрометрией называется. Метод сложный, а сам анализ простой - всего то нужно отделить от крови миллилитр плазмы и в аппарат капнуть. Прибор буквально "взвешивает" молекулу каждого вещества. И по этим данным легко установить, чего же чужеродного в крови присутствует. В данном случае обнаружился атропин. Он то и давал побочную сухость кожи и широкие зрачки.

** понижающими кровяное давление*

Но на этом дело не кончилось. На следующий день собрали ночную мочу, и тоже на анализ. При этом мочиться заставили в присутствии фельдшера, чтобы исключить плевки в банку с анализом мочи (показывает увеличение уровня белка - намёк на серьёзную патологию), а то и добавление глюкозы или ацетона туда же (чем не диабет?). Простой сахар добавлять глупо - сахароза легко определима и в нашем организме не встречается, после еды мы её "перевариваем" в более простые сахара. Сложнее с выдавливанием капельки крови - как же, кровь в моче, тоже грозный симптом! Помнится случай, когда один призывник даже собственный палец уколоть побоялся - в мочу добавил кровь лягушки, что притащил с собой в кармане и разордал беднягу прямо тут же, в военкоматовском туалете. Потом вся лаборатория чесала в затылке, когда в моче у этого юноши обнаружилось нечто, медицинской науке не известное - гигантские эритроциты с ядрами! Поясню, наши с вами эритроциты такие безъядерные полские мешочки, набитые гемоглобином. Ядра там не нужны, и красная кровь млекопитающих их в процессе эволюции потеряла. А вот у амфибий этот атавизм ещё присутствует. Под давлением военкоматовской комиссии горе-призывник во всём признался и пошёл служить.

Хотя в данном случае главная цель отнюдь не общий клинический анализ мочи. В

лаборатории баночки с сей янтарной жидкостью хорошо взболтали и разлили по специальным коническим пробиркам. Пробирки открутили на центрифуге. На их остреньком донышке собрался осадок маленький осадок - всего ничего, едва заметное пятнышко. Его под микроскоп. Вот чудо - выглядит, будто снежинки! Тут и без мудрёных анализов знающим людям понятно - кристаллы обыкновенного эфедрина, тоже алкалоида, но несколько другой группы и действия.

Развели друзей-косарей по разным кабинетам и допросили. Условие простое - сознаётесь в содеяном, собственноручно пишете объяснительные, и тогда выписываетесь в часть на милость собственного командира. А не сознаётесь - открываем уголовное дело. Ну и классический приём применили, конечно - мол пока ты здесь бессмысленно упорствуешь, твой подельник уже давно раскололся и сейчас всё на тебя валит. Подействовало. Оказалось вот какое дело: узнал один из дружков о фармакологическом действии лекарств весьма просто - ещё в части, когда ходил к полковому доктору зелёной растёртый мозоль мазать. Пока доктора не было, то скучающий солдатик листал там справочник по лекарственным отравлениям. Запомнил он парочку нужных названий, от которых по его мнению "можно на терапию закосить". Поговорил с подельником, идея понравилась. Первую упаковку эфедрина тоже достали в части - выменяли на банку сгущенки у санитара из медбата. Благодаря этим таблеткам и попали в госпиталь. Но та упаковка быстро закончилась. Тогда они из расплющенного гвоздя изготовили отмычку и умудрялись по ночам воровать лекарства прямо тут же, из закрытого шкафа на сестринском посту. Сумели даже взломать шкаф с группой А*, где им под руку ещё и атропин попался. А уж наблюдая фармдействие такого "коктейля", действительно что угодно подумаешь! И самое главное - не знали ребятки с чем шутят! С атропином. Перебрали бы хоть немного - получили бы острый психоз, а то и смерть. За зря "группу А" лекарствам не присваивают.

** Сильнодействующие средства, ядовитые вещества и наркотики*

Ременной мозоль

Ох нехорошее это дело - недооценка умственных способностей солдата! Снобизм во врачебном деле очень большой враг. Ведь как зачастую бывает - закончит врач академию или мединститут и считает, что перед умом "его высокопреосвященства" какой-то там солдатский умишко вне конкуренции. Ну чего может выдумать восемнадцатилетний пацан, где диплом сельхозучилища, да и то с тройками - максимальное достижение в жизни? Однако почём зря кичиться не стоит - иной раз деревенская мудрость профессорским лекциям фору даст.

Среди сослуживцев рядовой Лебеда слыл классической "дярёвней" - призывался он не военкоматом, а поселковым сельсоветом из какой-то деревушки Тамбовской области. И хоть был бы он каким-нибудь там механизатором, да на худой конец мастером машинного доения, так нет же - такое чувство, что прибыл этот организм в Воздушно-десантные войска с крепостной России позапрошлого века - до армии крестьянин Лебеда пас коров. Пяшком и с хлыстом.

Кстати, из сельских ребят русской глубинки отличные солдаты получаются. Что касается самой службы, то на рядового Лебеду никаких нареканий не было. Был у него лишь один изъян - десантник Лебеда патологически боялся прыгать с парашютом. В десанте это чёрная метка. Таких не то, что не любят - таких презирают. И гнобят. Вообще-то, попади этот солдатик вместо 37-го парашютно-десантного полка куда-нибудь в пехоту или в танковые войска, то служил бы себе, не тужил. Может был бы отличным матросом на корабле или на подлодке, образцовым морским пехотинцем, сапёром, ракетчиком... Эх, трудно сейчас докопаться, откуда у таких развивается парализующий страх высоты - детская психотравма ли, патологическая ли фиксация на каких-то комплексах - тогда о таком даже годать не приходилось. "Вульгарные примитивисты" Фрейд и Фромм, "псевдонаучные идеалисты" Юнг и Адлер, "приспешник голословного детерминизма" Берн, "империалистический

приспешник" Маслоу и прочие "оголтелые антикоммунисты" под запретом. Западная прикладная психология шла в разрез с учением марксизма-ленинизма, и всякие фобии мы частенько списывали на "недостаток политико-воспитательной работы". Что касается предпрыжковых страхов, то политико-воспитательная работа была простой - затащить организм в самолёт, а потом пинком его оттуда выкинуть. Эх, существовал бы в военкоматах настоящий психотбор с профилями на оптимальную профпригодность... Ведь такой подход куда эффективней любой психотерапии! "Мечты, мечты, где ваша сладость" - воз и ныне там.

Когда бойца Лебеду выпихнули из "Кукурузника" на его первом учебном прыжке, то тот в воздухе обделался из всех физиологических отверстий. На земле, разумеется, получил по первое число от дедов, сержантов, прапорщиков и офицеров, точно в перечисленном порядке. А потом даже от сослуживцев своего призыва - кому охота с площадки приземления выезжать в набитой машине бок о бок с засатым и облёванным засранцем? После такой инициации рядовой Лебеда решил больше никогда в жизни не прыгать.

Денька через три после того злополучного прыжка солдатик смиренно сидел среди заболевших в приёмной полкового медпункта. Подходит его очередь. Ну, боец, на что жалуешься? "Да вот... болит..." Молодой челоек немногословен в своих жалобах, пожалуй и вправду болит. Солдат снимает ремень и куртку-хэбэ, задирает тельняшку. Господи! Да как же ты с таким ходишь!!! Немедленная госпитализация. Полежишь пару дней в лазарете - не пройдет, поедем в госпиталь.

По всей окружности тела, как раз в том месте, где солдатский ремень обжимает талию, шло опоясывающее ярко-красное воспаление. Кожа набухла и пошла мелкими сочащимися язвочками, кое-где даже с небольшими кровоточинами. Больше всего это напоминало... Да чёрт знает что это напоминало! Пожалуй наиболее близкая картина термического или на худой конец химического ожога. Но как такое может быть? Ремень в кислоте замочил или раскаленным железом препоясался? Тут главне не спешить при распросе и ни в коем случае не давать солдату свою версию. Ибо когда больной подтверждает предположения врача, тот подсознательно начнет во всём больному верить. Соври солдат что-нибудь поэкзотичней или возникни у него это воспаление в другом месте - то пожалуй до первопричины и не докопались бы. Ведь со слов самого Лебеды причина была проста - ремень натёр. Вот уж враки - в жизни так ремень не натрёт. Но и предъявить против этой сказки нечего. Ладно, снимай ремень, получай пижаму и ложись в лазарет. Если это действительно "потёртость", то без травмирующего фактора буквально на следующий день заживать начнёт.

На следующий день ничего заживать не начало. Более того, стало хуже. Где была краснота появились многочисленные пузыри с серозным содержимым, как будто о солдатское тело всю ночь окурки тушили. Позднее эти пузыри полопались. Кожа окончательно лишилась эпидермиса и стала нагнаиваться. Такое язвенное кольцо вокруг тела держалось весьма долго. Пару раз Лебеду возили на консультации в госпиталь и разок к гражданскому городскому дерматологу, но всё безрезультатно - ни диагноза, ни даже вятного подозрения на конкретную патологию получить не удалось. Однако время шло и эта странная кольцевая язва наконец зажила. Лебеду выписали в родную роту.

В роте ему служилось нормально ровно до следующего прыжка. Вечером накануне прыжкового дня Лебеда снова появился в медпункте. Его опоясывающая рана, что казалось, окончательно прошла с месяц назад, внезапно дала рецидив. Пока только покраснение. Сегодня в медпункте дежурил один из батальонных врачей. Густо смазав преднизолоном пораженную кожу, он для верности ещё вколол Лебеде димедрол* и целый букет противовоспалительных средств. Но ничего не помогло - всего через четыре-пять часов опять пошли пузыри. Вся эпопея повторилась вновь с единственной разницей, что в этот раз его всё же отвезли в госпиталь дней на десять.

**Старое противоаллергическое средство*

Но и этот странный рецидив прошёл без последствий. Снова рядовой Лебеда пошёл тянуть армейскую лямку. И снова перед следующим прыжком оказался в лазарете. На этот раз приём вёл сам начмед, тот самый, что мазки чернилами из авторучки красил. Начмед оказался верным своей методике - намзал на стекла отделяемого с мокнущих изъязвлений, покрасил их чернилами да зелёной и давай рассматривать под микроскопом. И ведь нашёл-то первопричину! Среди мацерированных клеток эпидермиса, гноя и крови были отчётливо видны какие-то растительные остатки. Точно - маленькие фрагменты не то листьев, не то травы. Начмед берёт ещё один мазок, но теперь его не красит. Удача - в язвенном экссудате находит малюсенький фрагмент цветочного лепестка. Добавим немного иммерсионного масла для чёткости, и увеличение на максимум... Та-аак, в лепестке видны небольшие пигментные включения жёлтого цвета. Что же это может быть? Да лютик едкий! В Псковской области самое обычное растение, с давней поры известное тем, что вызывают поражение кожи. Такое прямо так и называется - лютиковый дерматит.

Ну, солдат, приехали - колись, а то под трибунал подведу. Раскололся. Рассказал Лебеда про лютики. И где собирал, и сколько втирал, и как примочки делал. А кто же тебя, голубчик этому научил? Да никто - на коров намотелся, как у них язвочки на вымени возникали, когда на заболоечном лугу с лютиками валялись. Вот вам и крестьянская смекалка.

Национальный аромат

Каким образом еврей Давид Шниц оказался не сильным студентом в институте с военной кафедрой, а слабым солдатом в воздушно-десантной дивизии, история умалчивает. Известно только одно - воин-десантник из него действительно оказался некудышний. При этом национальность здесь никакой роли не играет - солдаты-евреи, и десантники в том числе, весьма успешно служили в Советской армии, а уж про армию Израиля вообще молчу. Однако рядовому Шницу ратной славы его библейского пращура - щуплого тёзки Давида, что ещё будучи древнееврейским призывником, великана Голиафа побил - совсем не хотелось. Отлынивал он от исполнения воинских обязанностей, как мог. Но в десантной роте не слишком то и посачкуешь - на то старшина и сержантский состав имеются. Раз, два, что не так - удар по почкам, упал-отжался, на худой конец строевая подготовка. И кросс до упаду. Вот наверное из-за такой специфической нагрузки и открылась у Шница на ноге, как раз по срезу голенища, здоровая язва.

На вид она больше всего напоминала трофическую язву у диабетиков - у тех часто ноги подобным страдают. Однако концентрация сахара в крови у Шница была абсолютно нормальной и такая версия полностью отпадала. И нельзя сказать, чтобы язва уж очень гноилась - инфекция словно щадила её, выделений практически нет. Нет и общих проявлений инфекционного процесса, региональные лимфоузлы, что стоят по ходу оттока лимфы из этой болячки, увеличены весьма умеренно, ни лейкоцитоза*, ни интоксикации... При такой здоровой гуле, хоть по вечерам-то лёгкая температура должна быть - но градусник упорно показывает норму. Но если дело не в микробах, то в чём же?

**Повышение количества лейкоцитов в крови при инфекциях*

При этом сам Шниц особых льгот не требовал. Полежал несколько деньков в лазарете, был проконсультирован хирургом и терапевтом в медбате, а потом получив тубик фторокорта, отправился "лечиться амбулаторно". То есть был выписан в роту с освобождением от бега и строевой подготовки. И похоже такой исход солдата вполне устраивал. Он вначале ежедневно, а потом раз в три дня, приходил в медпункт на перевязки, не роптал, не жаловался, выполнял все прописанные назначения. Вот только на язву они не действовали никак. Какая была, такая и осталась. Не помогли ни мазь с антибиотиками, ни бактерицидные компрессы, ни даже аутогемотерапия*, ни кварцевания**, ни припарки, примочки, присыпки, ванны, лекарства внутрь и всё остальное, на что армейская медицина богата.

**внутримышечный укол собственной кровью для стимуляции иммунитета*

***облучение ультрафиолетовым светом*

И вот однажды пошёл начмед в солдатскую столовую присмотреть за тамошней гигиеной ну и пробу снять, конечно. Ходит-бродит себе по цехам, страху на наряд нагоняет. Дошёл до "корней", там где овощи чистятся. Вообще-то с позиций гигиены самый безопасный участок, задерживаться в корнечистке особого смысла нет. Начмед глазами зыркнул и прошёл в другую комнату. Только он дверь прикрыл, как вдруг вбегает туда запыхавшейся солдат и орёт знакомым голосом: "Эй наряд! Дайте мне полкило чеснока, у меня весь кончился!" Наряд и знать не знает ни про какой чеснок, с чего это всем раздавать казённое добро на право и налево. А солдат настырный попался, своё требует: "Да мне сам начмед лично приказал здесь чеснок брать. Мне не на еду, на компрессы! Язву лечить".

Стоит начмед за дверью и вспоминает, это кому же он такое народное средство прописывал? Не Шницу ли? Голос похоже его... Постоял ещё немного, а как Шниц ушёл, быстренько снял пробу (поел досыта лучшего, что в котле выловить можно) и пошёл напрямик в роту, где тот еврей служил. Как раз на общее построение успел. Ротный и взводные перед строем ходят, перед обедом какие-то наставления всему личному составу читают. Появляется начмед. Поздоровался с солдатами и давай о чём-то с ротным и взводными шёпотом говорить. Потом командует: "Рядовой Шниц, а ну выйти из строя и снять сапоги!"

Шниц выходит прихрамывая, медленно снимает сапоги. "И портянки снимай, штанину закатить!" - не унимается начмед. С голени падает какой-то компресс, по казарме разносится крепкий чесночный дух. Начмед вздыхает и спрашивает командиров, не замечали ли такого раньше? Те отвечают во всю свою лужённую глотку: "Да как же не заметить... Давно заметили - постоянно от него чесноком воняет. Вначале он говорил, что ему, как настоящему еврею, так вонять положено, мол порода такая. Или национальная черта. Потом увидели в чём дело - он чеснок трёт и из него компрессы на свою болячку делает. Говорит, что вы, товарищ майор, лично прописали такое лечение, мол больше ничего не помогает! Все же знают, что чеснок овощ бактерицидный - всяких там микробов убивает, и витаминов много - для здоровья полезно... Логично всё, мы ничего не подозревали, тем более, если по вашему рецепту..."

"Я??? Я ТАКОЕ прописал?! Да вы что! Это же называется членовредительство - чеснок кожу разъедает. Он же этим компрессом свою язву не лечит, а создаёт! А вообще в десанте больных быть не должно. У нас есть только две категории - живые и мёртвые! Шниц, если увижу тебя в ста метрах от медпункта, то переведу во вторую категорию! В виде шницеля".

Табак

К сожалению, в реальной армейской жизни между живыми и мёртвыми ещё целый спектр разных раненых да больных имеется. И пожалуй самая лёгкая, но и самая частая болезнь - грибок. Оно и понятно, портянки грязные, сапоги мокрые, ноги прелые. Вот и заводится всякая гадость между пальцами. Лёгкие опрелости обычно забота самого солдата - потянки стирай, сапоги суши, присыпкой пользуйся. Со средней степенью можно и в медпункт зайти - помажут йодом, а то и микозола пропишут. А вот при сильном грибке сапоги уже одевать никак нельзя - во первых больно, ведь стопа кровит - на коже мириады трещин. А во вторых можно через эти трещинки в дополнение к грибку получить такой набор инфекций, что... В общем редко, конечно, но бывали даже случаи ампутаций из-за такой вот "ерунды".

В полковом медпункте грибок всё же считается ерундой. Врач такой проблемой принципиально не занимается. Сидит злой фельдшер Зылков, держит тёмную бутылку с йодом и целый букет "помазков". Это так на военно-медицинском жаргоне называется

палочка с намотанной на кончик ваткой. Каждому "грибнику" даётся свой помазок, а йод общий - прапорщик отливает чуть-чуть на всех в баночку из-под майонеза. Полное самообслуживание - покрасил ноги и вон от сюда.

Когда рядовой Поповцев показал свои стопы, то даже непреклонный Зылков охнул - так сильно грибок кожу изъел. Точно ходить ему в тапочках на недельном казарменном "аресте", а в сапогах только до столовой. Беговая, строевая, боевая и предпрыжковая подготовки, а также маршброски и рукопашный бой для этого бойца, разумеется, отменяются. Конец всякой подготовки, за исключением политической - на политзанятиях можно и в тапочках сидеть. Хотя стоп! Что-то совсем незначительное бросилось опытному прапорцу в глаза. "А чего это у тебя, друг милый, кожа вокруг язвочек желтоватая? Ты что, азотную кислоту между пальцами капал?" Шутка, конечно. От азотной кислоты, кожа хотя бы и побурела-пожелтела, но последствия бы были другие. Самые настоящие ожоги, а не похожие на грибок трещинки да язвочки. Однако как солдат встрепенулся-то! Ты смотри с каким жаром клясться начал, что ничего не делал. Если бы пропустил мимо ушей или пошутил... А тут дело не чисто - слишком рьяно над своей невинностью причитает.

"Поповцев! Сапог сюда давай!" Солдат нехотя протягивает сапог. Будь на месте Зылкова гражданский фельдшер, то точно бы в момент потерял сознание. Но прапорщик Зылков вояка бывалый. Он подносит солдатский сапог к самому носу и звучно нюхает его нутро. Потом закатывает глаза, словно дегустатор, пытающийся оценить букет редкого вина. Всё же ароматы из солдатского сапога, похоже не слишком приятные - выражение лица прапора из нейтрально-злобного становится агерссивно-маниакальным.

"Табак, гнида, насыпал! Так и знал, оттого и пальцы рыжие! Ты кому, гад, косить вздумал?! Ты мне, самому прапорщику Зылкову косить, вздумал!!! Фельдшера Зылкова не проведёшь!" С этими словами Зылков расстелил газету и основательно протряс над ней сапоги, а затем протрусил портянки. На газетку упало несколько табачинок, если судить по размерам и форме, то скорее всего от дешёвых сигарет без фильтра. Причина раздражения ясна - артефициальный* токсический дерматит из-за длительного контакта табака с кожей между пальцами ног.

**Искусственный*

Тисовые ягоды

Уж если вспоминать "косарей-ботаников", то мимо этого случая никак не пройти. А произошёл он в всего в ста шагах от главной сцены действия - клиники Военно-полевой терапии, в стенах родной академии, в автороте. Служил там солдат Гогабелидзе. Уже по фамилии ясно, откуда он - из Грузии. Видать плохо было субтропическому юноше в северном городе, вот он он и заболел.

Заболел обычно - пожаловался старшине на слабость, кашель, жар, боль везде и понос. Вид же у бойца тоже обычный - абсолютно нормальный. Но стршина был гуманный человек - дал солдатику наставление, что если не положат, то по возвращению от доктора получит Гогабелидзе три наряда "за закос", и с такой дополнительной мотивацией и установкой на болезнь, послал бойца в медпункт. В поликлинике академии для солдат был свой врач, который мало чего лечил, а распахивал бойцов сразу по профильным клиникам - вот халява и для врача, и для солдат! От роты до Академической поликлиники ходу минуты две. Солдат козырнул и пошёл туда бодрым шагом. Только не дошёл - тормознул его академический патруль.

Нет с формой одежды у рядового Гогабелидзе был полный порядок, всё по уставу. И честь он отдал как положено, а вот строевым у него не получилось - зашатался. А ведь строевая подготовка у него в полном порядке - как и положено молодому уж плаца натоптал

порядочно, а тут чего-то оплошал. Патруля такое очень смутило, уж не пьян ли солдат? "Стоять! Рядовой, ко мне!" Точно пьяный. Бухой в стельку - едва на ногах стоит! Пока патруль пытался выяснить, с какого солдат подразделения, то рядового Гогабелидзе развезло похуже, чем на самых длинных грузинских пьянках, когда по три дня из-за стола не вставл... Грузин зычно икнул, бухнулся на четвереньки перед лицом изумлённого патруля, а потом бубня чего-то несурзное, пополз раком офицеру под ноги. Офицер отскочил и истеричным фальцетом приказал патрульным солдатам подобрать это безобразие с асфальта. Бойца подняли. Офицер потрепал по щекам вяло свесившуюся голову - в ответ лишь несурзное мычание.

Расстегнули хэбэшку, достали документы. Наш, боец, академический. Такого в гарнизонную комендатуру сдавать нельзя - пятно на Академию, потом получишь втык от начальства... Поташили солдатика назад в роту, благо рядом, где и сдали отключившееся тело тому же гуманному старшине с диагнозом "острая алкогольная интоксикация". Почему с диагнозом? Во первых боец же в поликлинику шёл. А во-вторых потому, что начальник патруля был офицером медицинской службы, да не каким-нибудь, а настоящим терапевтом! Готовился по выпуску из своего Первого офицерского факультета принять под свою полную ответственность терапевтическое отделение какого-нибудь госпиталя. Когда же этому светилю от терапии ротный стршина с незаконченным средне-техническим образованием заявил, что "мой боец вовсе не пьян, плохо ему!", то офицер-терапевт не растерялся - чуть-чуть подправил диагноз с "упился" на "таблеток наглотался". Ведь алкоголем-то от Гогабелидзе действительно не пахло! Правда, если таблеток нажрался (для кайфа, разумеется), то всё равно дело серьёзней простой пьянки. Хочешь, не хочешь, а таких по инструкции положено в токсикологический стационар помещать, хоть даже и на пару дней. А тут сотня метров до самого, что ни есть профильного заведения - клиники ВПТ*, где как раз всякие отравления лечат! Ну-ка ребята, подхватили тело и прямо на одеяле бегом его до торца вон того розового здания!

**Военно-Полевая терапия, наука о лечении токсических и радиационных поражений (в боевых условиях от химического или ядерного оружия)*

При самом беглом осмотре стала понятна причина такой крайней слабости у бойца - крайне низкое кровяное давление! Нет, это предполагаемого диагноза "острая неизвестная интоксикация" не снимало, но давало чёткий ориентир, с чего начинать лечение. Чисто медикаментозной поддержки здесь недостаточно - надо резко увеличить объём циркулирующей крови - закачать в расширившиеся сосуды дополнительно литра два воды. А мож и много больше... Ну не совсем воды, а специальной изотонической среды, но быстро - давление-то продолжает катастрофически падать. Ещё чуть-чуть и мозгу конец. Тут одной венкой на руке не обойдёшься - надо подключичку ставить. Иголочка дня пункции подключичной вены длинющая и толстная... Спешит реаниматолог. Ой, вот досада - ширнул не туда! В шприц вместо чёрной венозной крови бодро бьёт ярко-красный бурунчик. И на старуху бывает поруха - в спешке засадили в подключичную же, но артерию. Теперь там гематома, катетер в такое ставить не рекомендуется - пролезут по нему микробы в эту питательную среду, будет долечиваться боец в отделении гнойной хирургии. Так, колем под другую ключицу. Теперь нормалёк, игла сидит там где надо, а в ней тоненькая пластмассовая трубочка - подключичный катетер. Иглу вытащим, катетер оставим - через него него жидкость прямо в непосредственную близость к сердцу подаваться будет.

Пошла влага по венам, давление вроде растёт. Ещё чуть-чуть гемодеза, полиглюкина. Здоровые липкие молекулы всяких там пирролидонов да декстранов на себя яд берут из пазмы - не панацея, но делу помогает. Так, давление уже достаточно, чтоб почки опять мочу фильтровать начали - теперь салуретиков туда! Это так заумно кое-какие мочегонные называются, почки тоже начнут чистить организм от яда. Такое мочеотделение на форсажной тяге реаниматологи так и называют - "форсированный диурез". Впрочем при тенденции к падению давления это дело тонкое - выведешь из крови излишек жидкости, давление упадёт

и почки опять перестанут работать. Нальёшь черезчур много воды - та пойдет сочиться в лёгкие, утопишь пациента... Вот и балансирует реаниматолог между крайностями, оттого, наверное, у этих врачей самая низкая продолжительность жизни. Ниже, чем у любых хирургов и уж куда ниже, чем у судмедэкспертов. Да ведь ещё и дрянью с наркотных аппаратов самим дышать приходится... Но главное - нервы!

Больших нервов стоило, чтоб наконец Гогабелидзе пришёл в сознание. Пока в сумеречное, но хоть какой-то контакт возможен. Словами на вопросы ещё не отвечает, но на "да" глаза прикрывает. Правда радоваться этому не приходится - пульс у паренька фуги Баха играть начал. То 25 ударов в минуту, то резко 200! Ой опять ниже тридцати, а вот уже 210, 230! На кардиомониторе зуцы электрокардиограммы сбились в угрожающий частокोल. Не может быть - 245, 250! Фибрилляция!!! Всё, сердце можно сказать не бьётся - оно полностью "сорвалось" с ритма, и теперь его участки разрозненно дёргаются, вместо синхронизированной работы получается бесполезное трепетание. Кровь никуда не качается, через пять минут биологическая смерть мозга.

Такое чувство, что это не у больного, а у реаниматолога фибрилляция. Причём где-то в душе. Его лицо бледнеет и покрывается капельками пота. "Мать вашу, дефибрилятор сюда!" Даже забыл майор, что вокруг полковники. Привычная картинка, что так любят смаковать в кино - руки трут два бруска с ручками, чем-то похожих на штукатурные мастерки, только с проводами. Отключается записывающая аппаратура, контактный гель на кожу, для лучшей проводимости электричества. "Всем руки от кровати!!!!" И бабах! Импульс в 300 джоулей через грудную клетку - та в дугу. И сразу ляп датчик на кожу. А пульса то нет! Ещё раз шарахнем, и снова датчик, да ещё для верности фонендоскоп на область сердца. Что, не слышно - а ты в попытках трубочки в уши засунуть не забывай. Ничего, бывает. Ну чего там? Бум-м-м, бум, бум-бум... Не регулярно, но бьётся. Ура, товарищи!

Так, вернулись к тому, с чего начали - сердце опять изголяет нечто для фортепиано с оркестром. Ух какие паузы, ах какие гаммы... Дело минут, когда оно снова сорвётся в фибрилляцию. А с каждым новым разом использования электрошока, шансов запустить мотор всё меньше и меньше. Патанатомы не дадут соврать - порой на сердце такие сильные ожоги видны, что и не всякий мелкий инфарктишко с такой электротравмой сравнится.

Хватит время терять - начинаем лечить по-серьёзному. Ларингоскоп в глотку, трубку в трахею, воздух в лёгкие погонит аппарат. Всё же легче, если придётся непрямой массаж сердца делать. А пока мы ему ногу полосанём - надо выйти на правую бедренную вену. Такие вот они, военно-полевые терапевты - хирургией не брезгают. Теперь рентгенустановку сюда. Подкатили специальный рентген на колёсиках, где излучающая трубка висит на высокой поворачивающейся штанге. Из-за неё аппарат похож на длинношеего ящера юрского периода. Так, теперь через вену прямо во внутрь сердца заведём специальный зонд. Подадим рентгенконтраст, убедимся, что набалдашник зонда стоит внутри сердечной камеры в нужном месте. Это временный пейсмейкер - искусственный водитель ритма. Теперь ритм сердечных сокращений будет задавать электроника. Все надежды на неё...

Похоже, надежды на чудеса техники оправдались лишь частично. Несмотря на мощный "управляющий" сигнал прямо изнутри сердца, миокард всё равно то и дело сбивался с ритма, а пару раз снова влетал в фибрилляцию. Шарахать током, имея железяку внутри сердца, не хотелось, оба раза сердце запустилось само от сигналов пейсмейкера, когда силу его импульсов врубили на полную мощность. Однако пока сердечко фибриллировало, за больного дышал аппарат искусственной вентиляции, а вот качать кровь приходилось реаниматологу. Руки "бабочкой" складываются на груди и раз-два-три-толчёк, раз-два-три-толчёк... С железкой внутри тонкостенной камеры сердца. Ребро вот треснуло... Слишком сильная тяга к жизни у реаниматолога. Лишь бы ожил, ребро простим...

Ожил. Наверное в последний раз. После трёх фибрилляций, одной электрошоковой

дефибрилляции, двух не прямых массажей, а также трёх (ТРЁХ!!!) часов кардиопульмональной реанимации с искусственным водителем ритма, когда в организм влило и вкололо всё возможное, что стоит на снабжении в нашей армии, а возможно и в других армиях вероятных и не очень противников... После всего этого за жизнь рядового Гогабелидзе никакой опытный реаниматолог и гроша ломанного не даст. Это конец. Ещё один срыв и пожалуй из клинической смерти уже не вывести. Послали санитарку за ключём от "холодной палаты", что без окон и батарей, куда вперёд ногами отвозят отреанимировавшихся. Потом придёт машина, заберёт тело под простышкой на кафедру Патанатомии...

Но видать в последний момент Бог чего-то передумал и послал ангела к рядовому Гогабелидзе. Сердцебиения с водителя ритма стали срываться всё реже и реже, а вот и не срываются больше... Через некоторое время можно попробовать и сам пейсмейкер выключить. Нет-нет, о том чтобы его вытащить и разговора нет, просто на время отключить. Но не сразу. Потихоньку уменьшим мощность сигнала... Та-аак! А сердце-то, как у здорового - смотри какая красота, 78 ударов в минуту. Вроде и не было многочасовых реанимационных мероприятий. Теперь и вправду можно убрать поддержку. Отлично! Бьётся без изменений ритма. Посмотрим, если ещё пару часов пройдёт без сбоев - вытащим зонд, ни проволока, ни наконечник внутри сердца его хорошей работе ведь никак не способствуют. Не электрической работе - механической, они же через клапана туда запущены, клапана плотно не закрываются, кровь назад бьёт. А ведь на зонде ещё может тромб образоваться. Тоже дело неприятное - оторвётся, забьёт какой-нибудь лёгочный сосуд, инфаркт лёгкого гарантирован. Но ничего не случилось, и пейсмеркер благополучно вытянули.

На следующее утро нашего грузина было не узнать - сидит на кровати, улыбается. Обход профессора, тут солдафонщина не к месту:

- Доброе утро! И так, молодой человек, на что жалуемся? На что-о? На лёгкую боль в горле и намятую грудную клетку? И всё-о?

- Да, всё.

- Хотели ли вы совершить самоубийство?

-Ныкак нэт!

- А какой яд и с какой целью приняли?

-Ныкакой!

- А может наркотики? Ну честно - кокаин, метамфетамины?

- Ныкак нэт!

- Ну так что с вами случилось, что вас едва с того света вытащили?

- Забалэл. Пашёл ка варачу. Гад патрул саказал, что я бухой. Далее нэ помню. А как тот дзэвушка зовут, что мнэ укол дэлал?

- Извините..?

- Тот дзэвушка как зовут? Пазанакомиться хачу!

- Коллеги! Как вы видите, больной абсолютно неясный, но стрмительно идущий на поправку! Пройдёмте в ординаторскую, обсудим диагноз...

В ординаторской хоть и гадали всей кафедрой, но не выгадали даже путного предположения. Больной после интенсивнейшей реанимации и без диагноза. Конечно в историю болезни какую-то муть записали. Для прокурора, не для себя. Положено ведь хотябы предварительный диагноз иметь. Кровь, мочу, мокроту, пот и кал на анализ. Причем насчёт кала и мочи - собрать всё, что выделится. Когда собирали анализы, больной уже всю просился выйти в туалет покурить. Рано ещё. Вот сходишь по-большому в стульчак, тогда дадим тебе сигаретку...

Покакал Гогабелидзе. Стул нормальный, оформленный, как в таких случаях пишут в историях болезней. На вид ничего не обычного, хотя накануне он похоже какие-то зёрнышки ел. Для вишни малы, для крыжовника или малины велики. И не кукуруза, и не семечки... Сложили какашки в банку, закрыли поплотнее и поставили в холодильник, пока другие

анализы не придут. Пришли анализы. В моче - только следы того, чем его всю ночь кололи. В общем, коктейль с медикаментозной прописью. В крови тоже микстура, но кое-что интересное вырисовывается - присутствие дитерпиноидных алкалоидов.

Яды это такие. Редкие яды, даже очень. Алкалоиды эти синтетически не производятся, все они сугубо растительного происхождения. И не одно из растений, чтоб содержало хоть что-то подобное, не растёт в Ленинградской области. Тут-то и вспомнили о какашках. Накывыряли из них косточек, отмыли, сложили в чистую колбу и отправили полковнику Тумке на кафедру Медицинской Биологии. Поглядел доцент Тумка на ягодки и понял что это - это семена тиса. Их на весь мир всего два близких вида и оба встречаются на территории России - *Taxus cuspidata*, или японский тис, растёт в дальневосточной тайге - на Сихотэ-Алине и в южном Приморье, а вот *Taxus baccata*, или тис ягодный, растёт на Кавказе. У японского тиса ягода тоже есть, более того между собой виды настолько похожи, что с лёту простому полковнику-биологу различить их по семенам невозможно. Даже для экспертов-ботаников такая работа весьма затруднительна. Делать нечего, пришлось полковнику в гражданское заведение на поклон идти - в Университет, посмотреть биологические коллекции, в частности семян хвойных деревьев.

Все думали, что тис безусловно окажется с Кавказа. Версия простая - привёз за каким-то Гогабелидзе этой дряни с собой и за каким-то её нажрался. Да не тут то было - тис оказался японской разновидности. В Уссурийской тайге грузин отродясь не бывал, посылки от туда не получал, и никто из его сослуживцев с тех мест не призывался. Вообще-то грузину определённо повезло - хоть и похожи эти деревья как близнецы-братья, но токсичность японского тиса раза в два ниже его кавказского сородича. Если бы тот проглотил столько же семян тиса ягодного, то медицина бы оказалась бессильна.

Стали допрашивать его сослуживцев. Ну кого в первую очередь - земляков, конечно. Военный следок дело знает - берёт каждого на пушку, мол мы среди вас вычисляем подозреваемого в умышленном отравлении боевого товарища, а поэтому в ваших же интересах колотья обо всём, что знаете и слышали. И вот один из его сородичей всё и рассказал:

"Пошли мы с батано-Гогабелидзе в увольнение. С собой взяли немного чаи, что тайком в банке под видом компота ему из Кутаиси прислали. А где выпить? В Ботанический Сад военнослужащим срочной службы вход свободный. Туда и пошли. Сели на лавочку в кущах, выпиваем, чучхелой и сушёной хурмой закусываем. А возле той лавочки росли явно не местные низенькие чахленькие кустики с тёмно-зелёными иголками и розовыми ягодами. Я и говорю, мол генацвале, эти ягоды есть нельзя - моя бабка рассказывала, что от них такой сильный понос может быть, что троюродный дядя второй золовки нашей бабушки по отцовской линии чуть не умер, когда спьяну их вместо китайской вишни поел. А Гогабелидзе меня послушал и сразу оборвал там все ягоды - решил, как придёт в роту, то "закосит" дизентерию, мол понос от гузинских ягод русским академикам ни за что не понять. Говорит - в санаторий пора, буду в в клинике лежать, телевизор смотреть. Спасибо, друг, что научил. А оно вай-вай-вай, какой ядовитый оказался! Я нэ знал, я нэ хотел, я честное слово нэ виноват! Простите, товарищ следователь!"

Гогабелидзе выписали через две недели. Не из-за сердечных проблем его в клинике подержали, а из-за поломанного при реанимации ребра. Дальнейшую судьбу этого солдата я не знаю. Скорее всего уголовное дело на него закрыли - самоотравление хоть и преднамеренное, но с другой целью. Мотив преступления не предполагал полного освобождения от воинской службы. Эффект для Гогабелидзе получился абсолютно неожиданным, ведь между поносом и реанимацией ого-го какая разница!

Кстати, я сам родом с Кавказа, правда с Северного. Местную природу худо-бедно помню. Ещё мальцами мы лазили на Шоанинскую скалу, что нависает над Карачаевском - маленьким

городком в истоках Кубани. Скала та больше всего напоминает грудную мишень на стрельбищах, правда в полкилометра высотой. На её плечах сплошные заросли тёрна и кизила, а вот на макушке имелся (а скорее всего и сейчас имеется) громадный реликт третичного периода - тисовая роща. Известен тис своей прочной и уникально гибкой древесиной. Недаром и Атилла, и король Артур, и Ричард Львиное Сердце, и легендарный Робин Гуд имели тисовые луки. Нам, пацанам, такие тоже хотелось. Осенью курчавые причудливые деревца, чей возраст запросто зашкаливает за три тысячи лет, обсыпаны мелкими розовыми ягодами. Хитрыми ягодами. Они словно маленькие ватрушки - вокруг мякоть, а в центре голая косточка. То-то хвойные ещё голосеянными называются. Тисовая хвоя же больше всего напоминает обычную пихту, только поострее.

Необычно ягодки на ёлках смотрятся. И что ещё более необычно, что мы их ели пригоршнями. Мягкие и слизистые, они по вкусу более всего напоминают сладкий густой кисель из алычи. Одно только мы знали чётко - ни хвою, ни косточки есть нельзя, хотя они такие скользкие, нет-нет и проглотишь ненароком. При этом от пары случайно проглоченных косточек никому из пацанов плохо не становилось. Вообще никакого эффекта. И бабка моя, Анна Артёмовна, в свои неполных девяносто, мне о свойствах тиса тоже рассказывала. А слыла она у всех соседей великим знатоком народной медицины, в частности по лечебным травам. Настоящим знатоком. О проблемах с сердцем от тисовых косточек или тисовой хвои она тоже знала, правда ссылалась не на каких-то дальних родственников, а на наших голодных коз. Если глупые молодые козлята тисовой хвоей поедят, то обычно мрут. Старые козы поумнее - с голоду помирать будут, но до этой ёлочке не дотронутся. Хотя в малых дозах - одна косточка ребёнку, две-три взрослому, но не штучкой больше - тис является сильным противоглистным средством. И действительно, дитерпиноидные алкалоиды способны парализовывать нервную систему как круглых, так и плоских червей. К косточкам даётся солевое слабительное типа слабенького раствора Эпсомовской соли в значительных количествах, и всех червяков-паралитиков просто вымывает наружу бурлящим потоком. Однако сейчас разработаны куда более безопасные дигельментирующие препараты. Поэтому тисовую косточку... категорически не рекомендую! А вкусную ягоду... Смотрите сами, если не боитесь, то попробуйте, но на меня прошу не ссылаться.

СОВНАРКОМ

Сейчас медики с наркомовским контингентом частенько встречаются. Встречи в основном неприятные, особенно если у наркоманов ломка. А вот в те дремучие советские времена, случаи наркомании бывали гораздо реже. Наверное поэтому и запоминались.

Неясная болезнь

Звали её Света, и было ей неполных шестнадцать лет. Была у Светы непонятная болезнь с периодическими приступами - Свету скручивало от боли и выгибалось в дугу, дыхание становилось частым, а лицо приобретало землистый цвет. Любой врач, видевший Свету во время приступа, сильно терялся с постановкой диагноза. Болезнь не подходила ни под какие рамки. Давление и сердечная деятельность были в норме, хотя остальное свидетельствовало о нестерпимых болях. Вообще-то Света с подобными приступами частенько попадала в разные больницы Ленинграда, откуда выходила сравнительно быстро и старалась в одну и ту же больницу часто не попадаться. Наверное из-за того, что никто не мог понять, что же со Светой такое творилось. Боли то не ясные, а снимались только уколом наркотиков.

Попала она с подозрением толи на аппендицит, толи на мезоденит в клинику Общей Хирургии ВМА. Никаких симптомов, указывающих на необходимость операции у неё не было, поэтому и решили пока просто наблюдать за больной. В ночь у девочки снова приступ. Бегают дежурные хирурги вокруг неё, понять ничего не могут - в животе явно порядок. Вызвали невропатолога, тот тоже ничего не нашёл, ради отмазки предложил какую-то дежурную глупость вроде защемления корешка какого-то нерва. Но смотреть на эту больную

было страшно - в миг побледнела, потом позеленела, потом посерела, губы как у мертвеца, того гляди и вправду в мир иной отправится. Да ещё орёт и извивается от боли. Делать нечего - раз ничего больше не помогает, надо наркоту колоть.

Укололи. Света успокоилась. Затем пошла в туалет. А через пять минут вышла из туалета с нормальным лицом, почти здоровая. Это дежурному хирургу странным показалось. На следующую ночь у девочки снова приступ. На этот раз уже не суетились - взяли больную якобы на рентген, а сами её кровать и тумбочку проверили. И нашли! Две баночки самодельного крема - одна для "бледности", другая для "позеленения". Была на отделении одна старая медсестра, Алевтина Петровна, так та в минуту такой же макияж себе сделала и пошла завозить "больную". Как Света свой секрет на чужом лице увидела, так сразу сникла, боли кончились. Кстати, ломок у неё не было, это она так себе дозу исключительно "для кайфа" искала.

Сноровка

Этот "нарк" был со стажем - вен на его теле не было нигде, даже по лбу бежали две "дорожки" - шрамы от постоянных уколов. А попал этот наркоман в клинику Инфекционных Болезней из-за сильнейшего энтерита, заразного заболевания, напоминающего дизентерию. Настоящего заболевания, не симуляции. Постоянные поносы вызвали обезвоживание организма, плюс выраженная интоксикация, отравление бактериальными ядами. Требовалось срочное внутривенное вливание жидкости. Конечно, можно было вызвать реаниматолога, тот бы поставил капельницу без проблем - через подключичный катетер. Но нам захотелось у этого нарка самим вены поискать. А наркомана уже трусит и от болезни, и от начинающийся абстиненции.

Посмотрел наркоша на толстую иглу от капельницы, только усмехнулся. Говорит, что вены, которые у него остались, потоньше будут. Обезвоживание и у нормального человека вены в ниточки сожмёт. А тут ещё всё его гадостью сожжено. Куда мы его только не кололи, результат один и тот же - полное отсутствие венозного просвета. Всё склерозировано от его "химии", да ран от частых уколов. Наконец наркоман вызвал дежурного врача и предложил тому торг - за один кубик омнопона или промедола* он сам себе поставит внутривенную систему за пятнадцать секунд. Попросил только один пустой шприц. Врача такое дело заинтриговало, и он велел принести шприц. На всякий случай сказал, что вколет наркоту только в резинку нормально поставленной капельницы.

* *Опиатные наркотики, считающиеся легче морфина*

Наркомана как подменили. Грязными, трясущимися руками он потянулся к системе и схватился за иголку. Медсестра истерично завизжала, что нельзя брать за стерильную иглу. Наркоман криво ухмыльнулся: "Давай буксир!" С этими словами он отцепил от капельницы иголку, плюнул на руку у стал что-то гладить под коленкой. Толи он таким образом "сметал" грязь, "стерилизуя" место укола, толи массировал что-то. Ни жгута, ни ватки со спиртом ему не потребовалось - он так быстро всунул иглу в подколенную ямку, так что мы даже ничего не смогли предпринять. Игла торчала очень глубоко, почти на всю свою длину. Насадочное отверстие у иглы наркоман прижимал пальцем: "Баян давай!" Теперь наркоман схватил шприц и сильно подсосал иглу. Через секунду в иглу хлынула чёрная венозная кровь - наркоман вслепую умудрился войти в глубокую подколенную вену, что проблематично сделать даже под рентгеном с рентгенконтрастной инъекцией сосуда, когда всё видно на "живой" картинке. Дальше он быстро отсоединил шприц и подключил капельницу. По хронометрии врача, вся манипуляция заняла четырнадцать секунд.

Семья

На пятом курсе дежурил я на "Скорой Помощи". Как-то раз даёт мне диспетчер вызов, а

сам смеется: "Ну, молодой, езжай с семейкой познакомиться, там похоже, прокормыш загибается". Мне эти слова в то время ничего не говорили. А оказалось все просто: советские наркоманы жили семьями. Не в плане муж-жена, ячейка общества. Семьи у них состояли из любого количества разновозрастных наркоманов обоих полов. Главой семьи всегда были Достоевские - те, кто "соломенную шляпу" носили. Вообще-то Достоевский мог носить на голове что угодно, от ничего, до меховой шапки по сезону, а "соломенную шляпу" он носил в семью. "Шляпа" на древненаркоманском означала маковую соломку.

Тогда социализм был, и наркотрафик ещё не пришёл на российские просторы. Вот и выбирали семейные наркомы из своей среды наиболее физически сильных, финансово ответственных и "морально стойких" лиц, определяя их в заготовители-доставатели сырья или "Достоевские". Они были первыми челноками, прообразом наркотрафика того времени - ездили на юга, где не столько чего-то там покупали, сколько просто пакостили на дачках, вырывая маки под корень. Правда бабушек под чистую тогда не обижали - вырывали ровно две третьих от посаженного, чтоб бабушка на следующий год снова посадила. Тогда коммунизм ждали, официально считалось, что в СССР наркомании быть не может в силу социалистических условий, вот менты и смотрели на таких "дачников" сквозь пальцы - лишь бы в домики не вламывались. Ну а ночь напряженной работы давала от одного до десяти чемоданов сырья в зависимости от района. Достоевские жили по-ленински - в шалашах. Там же сушили мак, перебивали его, упаковывали в целлофановые мешочки, которые трамбовали в чемоданы. Как наберут нужное количество чемоданамов "шляпы", так и домой. К началу девяностых те наркомы уже физически вымерли. Но кто из наркоманов слышал рассказы долгожителей, то до сих пор поминают советское время, как райское. Сейчас ведь кругом сервис - таджики да цыгане готовы на дом все принести, "герыча-афганыча" полно, а вот "дикой заготовки" и самопальной "ханки" почти не стало. Современная наркомания удовольствие дорогое, ну а как вы хотели, всё по Марксу-Ленину, развитие товарно-денежных отношений по капиталистическому образцу.

Время шло. Достоевский или на лево начинал солому сбывать и тогда из семьи с презрением изгонялся, или же наркоманский стаж давал о себе знать - уходила через уколы былая удаля. Такой становился семьянином - мало на что годным законченным наркомой. Семьянин мог долго жить в семье без забот - Достоевские годовой завоз на всех обеспечивали. Но были у семьянина и обязанности: надо было формально ходить на работу и быть прописанным на жилплощади, где бережно хранить семейную "соломенную шляпу". "Шляпу" на главной блатхате не хранили никогда. Позже, на курсе наркологии, когда я писал учебную историю болезни, мне один нарк рассказывал, что работал сторожем на складе. За год был на работе два раза, оба раза, чтоб "притаренный мешок заготовки" забрать; но его не выгоняли, так как начальник получал за него зарплату. Ну а работа "по-лимиту" позволяла ему быть прописанным в общежитии, где он так же хранил немного "шляпы" на текущие нужды. Так он и вёл свободно ленинградско-наркоманский образ жизни образцового "семьянина" конца 70-х. Но уже в начале 80-х ему пришлось подрабатывать, торгуя солодкой по сезону. стакан молотого на кофемолке мака стоил 10-25 рублей - смех, уже к началу Перестройки в середине 80-х в "межсезонье" цены взлетели до ста рублей, считай больше месячной ставки санитарки! Это и стало началом конца "наркоманской семейности". Опять прав Ленин - "капитализм подвергает сомнению устойчивость семейных отношений, когда туда приходит капитал". В одном великий Ильич ошибся - не о тех семьях писал.

Однако наркоманская судьбушка скоротечна, и примерный семьянин довольно быстро превращался в никчемное дерьмо. Ничего не мог - ширяться только, да гепатитом с сифилисом болеть (СПИДа тогда не было). Но семья молоденького "старичка" не бросала и определяла его в "прокормыши". У зеков слово "прокормыш" совершенно иное значение имеет - это тот, кого "волки", рецидивисты со стажем, на побег с собой берут, чтоб по дороге сожрать. Словно свинью или барана, как ходячий продуктовый запас. Так вот зековского и наркоманского прокормыша путать не надо. У наркоманов "прокормыш" тоже животное, но он больше не свинью-барана, а кролика или морскую свинку напоминал - когда они своё

варево варили, то испытывали его всегда на этом организме. Если прокормыша цепляло без иных видимых последствий, то все дружно кололись - биопроба на лабораторном зверьке прошла успешно, ширево безопасное. Ну а если прокормыш загибался, то последнего надлежало порезать в ванной на куски, затем куски пропустить через мясорубку, а полученный фарш можно было удобно спустить в унитаз - такое тихое исчезновение асоциального элемента гарантированно проходило без последствий. А битые кости следовало незаметно в сумочках вынести и за городом тихонько в костерке спалить. Могил у прокормышей не было. Шашлычный запах над полями был их последним пристанищем. Но если прокормыш не загибался как положено, а застревал где-то между смертью и жизнью (если такое бытие можно было назвать жизнью), то иногда в наиболее милосердных семьях вызывали "Скорую Помощь".

На момент моего "семейного" вызова с наркоманией всё было в порядке - у власти сидел Андропов, и по его словам надо было бороться больше с нарушениями трудовой дисциплины. Как и все его предшественники, он считал, что наркоманов в СССР официально нет. Точнее, как он считал, я не знаю - это так мы с его слов считали. Поэтому то, что я увидел на "семейной блахате", повергло меня в лёгкий шок.

Заходим в подъезд. Судя по номерам, квартира на третьем этаже. До этого этажа подъезд немного облеван, хотя выше похоже чисто. Звоним. У дверей непонятная суета. Звоним второй раз, третий... Наконец открывают. В прихожей кто-то лежит. Спрашиваем, не это ли больной, ему плохо? Нет, оказывается это здоровый, которому вполне хорошо. Переступаем через "хорошего" и на входе в зал сразу видим ещё парочку подобных "здоровых" в отключке. Наш гид - девчужка лет семнадцати, похожая на сорокалетних заключенных из концлагеря Бухенвальд, проводит нас в спальню. В луже, состоящей из смеси жидкого кала, мочи и рвоты лежит нечто. Переворачиваем это нечто - оказывается вполне молодой парень лет 27-ми. По всему видно, что отходит - сознания нет и агонирующее дыхание Чейн-Стокса. Вообще типичный передоз проходит по типу угнетения дыхательного центра, поэтому Чейн-Стокс у них редкость. Заподозрили отравление или аэроэмболию мозга. Нарки нашу версию аэроэмболии (закупорки сосудов мозга или сердца случайно попавшим воздухом) сразу отвергли - говорят, мы не ваши медсестры-неумехи, мы внутривенные инъекции делать умеем! А что шприцы в грязных подворотнях под струёй своей мочи промываем - так это тоже не беда. Вам ли, врачам, не знать, что моча первично стерильна!? И то правда...

Остаётся одно - острая интоксикация некачественным ширевом. И вправду, была весна, и заготовленная "шляпа" у них кончилась. Вот и решили они сварить нечто из дички, что кто-то по случаю собрал на Кольском полуострове. Одного только не учли - на вечной мерзлоте опиумный мак не растёт, там растёт пушистый полярный мак. Опиатов в том маке нет, или даже если есть, то в следовых количествах. Зато много изохинолинов - той же дряни, что содержится в белладонне и белене. Получается, что объелся нарком белены, да в жуткой дозе и по вене. По их рецепту сильная вытяжка ядов получается, да мимо печени - прямо в мозг. Делать нечего, диагноз ясен, надо к нам в Военно-Полевую Терапию или в городской токсикологический центр эвакуировать.

Пока я нарка ворочал, то все руки в его рвоте и дерьме измазал. Перед тем как за носилками спускаться, да звонить, решил я руки помыть. Спросил, где ванна. Провели. Санузел совмещенный, толчок рядом с ванной. Двери нет - выбита. Спрашиваю, давно ли выбита? Да уж года два. Кран в ванной сломан, и из него полным напором хлещет горячая вода. Похоже, что тоже давненько хлещет - ванна покрылась ржавой патиной. Весёлая жизнь в семье, если какать надо при общем обозрении мальчиков и девочек да в парной атмосфере.

Нарку повезло - попал таки он в нашу ВПТ. Там с отравлениями очень хорошо боролись. Потом перевели его в клинику Психиатрии. Где-то через месяц решил я его навестить. Ломки у парня кончились, весу поднабрал, выглядит вполне нормальным. Спрашиваю его, а может хватит, завязывай и жизнь новую начнешь... Как он на меня глянул! Как на законченного

клинического идиота. Говорит, ты что, доктор, совсем неграмотный?! Мы, опиятные нарки, только мечтаем, чтоб курить анашу и пить сухое вино, но это кайф бычий. Настоящий кайф в игле с маком. Поэтому для нас лечение позволяет только "завязать дозняк". Я такой терминологии не понял. Оказалось, что "завязать дозняк" означает не завязать совсем, а лишь сократить минимально достаточную дозу. За год жизни в семье "дозняк распускается", и лучшее дело его завязывать побывав в "калечной". А для него, нарка со стажем "расфуфлить дозняк" вообще дело месяца. Отделения наркологии сами нарки считали за семинары по обмену опытом и называли их или "санаториями", или "съездами", по аналогии с процветавшими тогда партийными мероприятиями. Эффективность лечения на "съездах" всегда была близка к нулю. Такая вот крепкая советская традиция нерушимых семейных уз...

СОЛДАТ СПИТ - СЛУЖБА ИДЁТ

Кафедра Пропедевтики была самой гуманной кафедрой в Военно-медицинской Академии. Пропедевтика - это первый раздел реальной медицины. Собственно с неё медицина и начинается. Пропедевтика учит как больных надо опрашивать, как к ним врач должен относиться, как осматривать, как щупать-пальпировать не лапая, как стучать-перкутировать не больно, что и где фонендоскопом слушать. Военные курсанты-медики от гражданских студентов в этом плане ничем не отличаются. Нет такой "военной пропедевтики", хоть на кафедре одни полковники на майорах сидели. Мирная наука. Но и на самой мирной кафедре порой случались весьма занимательные военные эксперименты.

Давно это было. Гагарин отлетал, "Союз"- "Аполлон" отстыковался и началась эра развития советской долгосрочной орбитальной космонавтики. Если кому приходилось видеть кадры документальной кинохроники о возвращении первых советских долговременных космических экспедиций, тот поймет о чём речь. Первопроходцы наших длительных орбит, отсидев в невесомости на "Союзах" и "Салютах" несчастные пару месяцев, вываливались из приземлившихся капсул, как мешки с дерьмом. Невесомость коварной оказалась - никакой нагрузки на мышцы. Да ладно бы только на мышцы, при развивающейся сильной мышечной атрофии из костей кальций уходил! Кости хирели. Надо было проблему как-то решать. Это сейчас космонавт, крутящий педали тренажёра, картинка естественная, а в те дремучие времена любой космический начальник над идеей закинуть в космос велосипед только бы рассмеялся - слишком уж дорогими выходили килограмм полезного груза да кубометр космической станции. Однако ежемесячно менять экипажи выходило ещё дороже.

Как в науке водится, перед тем, как проблему решить, надо её хорошенько изучить. А изучив, надо сделать модельный эксперимент. И если на модели появляется искомый результат - вот тогда вам и доказательства, и метод решения на блюдечке. Переход теории в практику, так сказать. Кафедра Авиационной и Космической Медицины за дело взялась споро - за пару месяцев был спроектирован хороший тренажёрный комплекс и отрегулирована диета - полагалось космонавтам много часов в день крутить педали, да тянуть пружины, а вместо сахара жрать глюконат кальция. Вызвали тогда начальника кафедры в Звёздный и спросили, знает ли он, сколько его задумка народному хозяйству СССР стоить будет? Тот, разумеется, не знал, в чём искренне признался. Тогда и вышел приказ - малой кровью на земле длительную невесомость смоделировать, чтобы теоретические изыскания на практике по дешёвке подтвердить.

С велотренажером просто оказалось, хоть тоже не без курьеза. Есть в спортивной медицине такой термин ПВЦ-170. Это когда человеческий организм на тренажёр сажают и заставляют педали крутить, чтоб сердце аж 170 ударов в минуту выколачивало, а сами время засекают - сколько до "больше не могу" испытуемый выдержит. Министерство Медицинской Промышленности хороший титановый "велосипед" сделало - полную копию того, что на ВДНХ в "Салюте-6" вверх тормашками висел. Позвали педальки покрутить на этом велосипеде какого-то чемпиона СССР по велогонкам. Тот пришёл утречком, на велик сел, покрутил, быстренько вышел на 170 ударов в минуту, а потом с таким сердечным ритмом так

и сидел до конца рабочего дня. Затем слез, утер пот и сказал, что договор с ним на пятьдесят рублей за пять часов. Вот он пять часов открутил, давайте мне полтинник, а крутить задаром он не хочет. Ну наша военно-медицинская братия от такого результата слегка опухла - из обычных курсантов никто больше пятнадцати минут ПВЦ-170 не выдерживал. Вот были спортсмены в советское время! И ведь без допингов. Когда настоящих летчиков-космонавтов на тренажер привозили, то результаты не сильно курсантские превышали - такую пытку мало кто до получаса выносил. Пришлось требования к сердечной нагрузке значительно понизить, чтоб на три-пять часов ежедневной космической тренировки выйти...

А вот с моделированием костно-мышечной гипотрофии оказалось сложнее. Не было на кафедре Авиационной и Космической Медицины своих коек, а значит и не было возможности положить людей, как подопытных кроликов под многомесячный эксперимент. Зато такие койки были на Пропедевтике. Так и ввязалась мирная кафедра на военный эксперимент: необходимо было отобрать несколько молодых людей в абсолютном физическом здравии и положить их полными инвалидами-паралитиками в течение многих месяцев на коечку. Руки и ноги фиксировались к кроватям ремнями, а чтобы никаких тонических упражнений не делали (то есть чтобы статически мышцы не напрягали) в каждую палату полагались круглосуточные сиделки-надзиратели. Кровати располагались так, чтоб всем был виден телевизор, плюс перед сном несколько часов отводилось на чтение художественной литературы. Читала сиделка, а все слушали. И письма тоже сиделка писала под диктовку. Что касается естественных надобностей, в смысле пописать-покакать, то и тут дело было за медсёстрами. Оправлялись в утку. Душ и ванну заменяли обтирания мокрыми полотенцами. Кровати были специальные, с открывающейся под задницей дыркой, чтоб даже во время необходимых физиологических актов никакой нагрузки на мышцы спины не выходило. Да и сам уровень кроватей был необычный - не строго горизонтальные, а 22 градуса наклона вниз в сторону головы, чтобы давление крови было точно как в невесомости. От сползания на кровати человека удерживали опять те же фиксирующие ремни. Лежи себе лениво и радуйся жизни на уровне одноклеточного организма, всех неприятных дел только что периодически кровь на анализ брать будут. Больше никаких усилий и переживаний, даже взвешивание на кроватях проводилось.

К назначенному сроку подготовили в клинике под эксперимент одно отделение - затемнили окна от любопытных, на входе сделали пост и посадили туда часового, взяли с персонала необходимые подписки о неразглашении. Дело осталось за малым - добровольцев-волонтеров найти. Это сейчас на Совок гонят, мол советская система была беспредельно антигуманной. Может когда-то и была, а вот при Лёнке Брежневке касательно экспериментов на людях было строго - или добровольно, или никак. Хотите верьте, хотите нет. Ну, конечно из любого правила существовали исключения, но точно не в этом случае. С волонтерами поступили просто - поехали добрые полковники-пропедевты в войска Ленинградского гарнизона и предложили молодым солдатам год за два. Вы мол только призвались, дедовщина тут всякая, а тут нате вам возможность - вполовину срок скостить, да при этом ещё и денег прилично подзаработать. Если солдат от первого до последнего дня выдерживал, то предполагалось не много не мало, а заплатить пять тысяч рублей - цена новых "Жигулей" по тому времени. При этом "контракт" был вовсе не железным - в любой момент солдат мог заявить о том, что он отказывается от дальнейшего участия в эксперименте. После этого надлежало подписать официальную бумагу и идти дослуживать в войска по полному сроку; денег же никаких не причиталось в случае подобного малодушия. Понятно, что такое условие солдат-добровольцев на полный срок амёбного образа жизни весьма стимулировало.

Сорок коечек было в отделении. В назначенный срок туда легло сорок солдат. Первый солдат подписал отказ на следующий день - ушёл стирать "дедовские" портянки несмотря на все увещания и взывания докторов наук к здравому смыслу. Через неделю ушло ещё трое. Через месяц осталась половина. Через три - семь человек. Через полгода - всего двое...

Лежат себе рядовые Виктор Малышев и Эльдар Сумамбаев, служат великому делу

советской военной науки. Персонал на них не нарадуется - капризов никаких, с неподвижной жизнью полностью смирились. Виктор оптимист-говорун, все думали, что сбежит в числе первых, а он смотри как, до конца долежал! А как анекдоты рассказывал - заслушаешься. Утренняя смена новую шутку принесёт, так тот её так переделает, так расскажет, что вечерняя смена со смеху аж ногами совала. Эльдар же был полной противоположностью - не болтлив, скорее весьма замкнут, книг себе читать не просил, только иногда требовал поставить кассету в магнитофон с его любимыми азербайджанскими песнями. Иногда и сам пел - тягуче, громко, но красиво. Сиделкам нравилось, и пение не запрещали, хоть и не понимали ни слова. На девятом месяце эксперименту конец - все биохимические изменения и электрофизиологические отклонения выяснены. Однако солдатам конкретную дату окончания опыта до последнего не сообщали, ориентировали их на год. За день до окончания опыта к ним пришли генералы да полковники от медицинской службы, пожали руки героям и вручили сберкнижки с оговоренной суммой денег. Эльдар отнесся к этому делу философски - конец мучениям завтра в двенадцать дня, вот завтра и приходите после последнего забора крови. Типа я уж без малого год лежу, вставать мне страшно, надо бы мне помочь, а то совсем хилый стал. Ну над такой точкой зрения военно-медицинские светила поухмылялись, но не стали отказывать любимчику. Хочешь ещё недельку на кровати понежиться - нет проблем, устроим.

Виктор же спать не мог, как ждал завтрашнего полудня. Отказался от снотворных на ночь - у солдат давно уже сон нарушился, без снотворных они спать не могли, и это были единственные таблетки, которые им давать было разрешено. Всю ночь проболтал, мечтая вслух, как вернется он домой, как встретиться с мамой, а потом пойдет к своей любимой девушке. А потом как на вырученные деньги он закупит леса и кирпича, развернет стройку и построит хороший новый дом для будущей семейной жизни. А потом... Короче не было конца его мыслям вслух.

Ровно в полдень пришла к оптимисту вся свита. Без пяти минут двенадцать сестричка венку кольнула, взяла последнюю пробирку кровушки на анализ. Отстегнули ремни, и вот уж секундная стрелка подбегает к вертикально стоящей минутной. Свершился долгожданный миг! Рядовой Малышев с радостным криком под общие аплодисменты вскакивает на пол с осточертевшей кровати. Всккивает и тут же радостный крик переходит в ужасный вопль. Солдат падает и через момент теряет сознание. Лежит на полу бледный, ноги неестественно выгнуты. Подхватили его офицеры-медики, и тут же им стала ясна причина его падения. Нет, не предполагаемый ортостатический коллапс (это когда от долгого лежания при быстром вставании кровь от мозга отливает). Всё оказалось куда хуже - обоюдный двусторонний перелом шеек бедра! Самые крупные кости от не подвижности стали настолько хрупкими, что не выдержали массы человеческого тела. После неотложных реанимационных мероприятий перевели его в клинику Травматологии. "Нормальный" перелом бедренных костей может человека на полгода в кровать уложить, а вот перелом костей, где кальция всего-ничего осталось... Почти год на выздоровление рядовому Малышеву потребовалось - опять пришлось ему на коечке полежать, только ещё больший срок. Получилось, что переслужил солдат своё. К тому же вроде и срослось плохо, вышел парень с инвалидностью. Уж как он потом свой дом строил, я право не знаю...

Но с Эльдаром все получилось, как надо. Наученный горьким опытом его весь персонал от поспешных движений удерживал. Вначале переложили на обычную горизонтальную кровать. Потом позволили поджать ножки. Потом сесть. Сидеть он несколько дней не мог - терял сознание от того самого ортостатического коллапса. Наконец гладко-мышечная мускулатура кровеносных сосудов натренировалась, и парню разрешили вставать. Две санитарочки подхватывали его под бока и тащили вокруг кровати, где тот делал пять "облегченных" шагов. А потом его опять клали на кровать, но уже не лениво - давали ему жгут, который солдат брал в руки и пропускал под согнутую ногу, а затем эту ногу разгибал. Получалась одновременная тренировка мышц рук и ног. Затем к нему в палату притащили вышеупомянутый космический велосипед, а в диету добавили калорий. Назначили

лошадиные дозы витаминов и кальция в уколах. А через месяц видел я рядового Сумамбаева бегающего трусцой по парку 49-го Городка. Вот вам и гиподинамия.

МЫШЬЯК ДЛЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Не следует думать, что смерть в результате отравлений такая уж редкость. Например только за 2005-й год в США зарегистрировано 8653 смерти по этой причине. В России тоже много чего раскручивать приходилось, а вот с мышьяком за всю жизнь пришлось столкнуться всего дважды. Оба случая имели разные мотивы преступления, но в чём-то оказались похожи. По необъяснимому закону парных случаев оба трупа при жизни были учительницами, правда одна вела математику, а вторая историю. Это уже удивительно, так как подобная профессия никаким образом контакты с токсичными металлоидами не предполагает. Вообще отравления мышьяком в современной медкриминалистике и судмедэкспертизе встречаются не очень часто, так как экспертам найти причину отравления проще паренной репы. Вот на заре этих наук - тогда да, это был препарат выбора, чтоб кого-нибудь на тот свет тихонько отправить. Любимый яд королей и для королей! Сейчас чаще куда более действенная отравка из сложной органики в ходу, но все же не забывает народ дедовский метод.

Математичка

В старой школе, что на Петроградской Стороне, недалеко от метро, особым старорежимным рвением к проблеме успеваемости отличалась Светлана Николаевна Рябкина - для всех учеников злючая математичка, а для тридцати четырех её подопечных из десятого "А" ещё и классный руководитель. В десятом "А", считавшимся лучшим "элитным" классом (если слово "элитный" можно было применить к школе советского времени), имелась одна проблема - учились там дочь директора школы, умница Людочка, и сын заврайоно*, умный, но бесшабашный Валентин. Так вот проблема состояла в том, чтобы вручить золотую медаль.

** Заведующего районным отделом образования*

Претендентов двое, а медаль одна. Выбирать между умниками надо, и Светлана Николаевна похоже свой выбор сделала в пользу Людочки. Выбор простой и надежный. Во-первых директор близко, а районо подальше, хоть и повыше. Чего себе жизнь осложнять, у рядового учителя как у рядового солдата - сержант в казарме главней генерала в штабе. А во-вторых, Люда математику получше Валентина знала. Для того, чтобы "завалить" медалиста много не надо - всего одна четвёрочка в табеле за четверть. Для учительницы подловить отличника на "хорошо" проблем нет, особенно на таком предмете, как математика, тут любой неправильный ответ двойкой оценке не подлежит. Математика наука точная, как судебный протокол. Директриса свою верную подчиненую как следует проинструктировала, гарантировала перекрыть от возможных козней сверху, и приказала задуманное выполнить в самой первой четверти. Именно тогда районошный сынок должен заполучить четверку, чтоб весь оставшийся год никаких проблем с подобным накладками не возникало.

Сказано - сделано. Раз, два к доске, ляп на проверочной контрольной, невыполненные домашние задание. Вроде и знание предмета отличное, но реально стала высвечиваться четвёрка и прощание с золотой медалью. Сынок с папой такое дело обсудил, папа нагнал комиссий да проверок, но те только руками развели - какая подстава, всё честно. Обиды обидами, но ничего не поделаешь, и учеба Валентина продолжалась в обычном русле.

Прошла пара недель после суматохи. Приходит как-то раз Светлана Николаевна на очередной урок совсем в другой класс, давай мелом на доске что-то писать, да вдруг почувствовала себя неважно. Хотела на стульчик присесть, да не успела - как грохнется при всем классе в обморок. Детки испугались, девочки к математичке подлетели, давай тетрадками обмахивать, мокрый платочек ко лбу прикладывать, а самого шустрого мальчика послали в медпункт. Прибежала медсестра с нашатырем, да толку нет - не приходит в себя

Светлана Николаевна. Бегом в учительскую, где телефон, звоните в "Скорую". Прибежал физрук, притащил спортивный мат - тётка была грузная, тащить куда на диванчик хлопотно, поэтому и уложили на мат прямо на полу в том же классе. Наконец "Скорая" прибыла. Врач давление померял, пульс пощупал, на носилки её и бегом в больницу с дежурным диагнозом "а чёрт его знает".

Привезли в больницу. Давление низкое, кома, остановка сердца. Однако надо отдать врачам должное, притащили дефибриллятор, шарахнули тётку током, мотор завели. Лежит она неделю в реанимации, в сознание не приходит, хоть дышит уже самостоятельно. На восьмой день глаза открыла, и тут всем стало ясно, что Светлана Николаевна парализована. Да так парализована, что даже говорить не может, чудо, что дыхание есть. Вызвали невропатологов, да ангиохирургов, те руками развели - нет у неё ни инсульта, ни инфекции в мозгах. Поищите ка ребятки отравление. Наконец дошло взять кровь и мочу на тяжёлые металлы. Шибко тяжелых не нашли, а нашли мышьячок в страшном количестве. Пришёл ответ как раз во время - померла училка. Хоть ленинградские больницы и не чета периферийным, но в этом конкретном случае с диагностикой они маху дали. Такое исследование следовало бы сделать в первый день, ведь была очень яркая симптоматика классического острого отравления мышьяком. Хотя по моему мнению, даже при самой активной и вовремя проведенной детоксикации с ясным диагнозом, этой тетке помочь было невозможно, такова уж природа этой отравы.

Вообще о мышьяке следует отдельно пару слов сказать, не вдаваясь в тонкие медицинские потребности. Отравление мышьяком, это "большая обезьяна", как говорят токсикологи - имитирует все, что хочешь в зависимости от количества яда и характера отравления. Мышьяк из тела выводится медленно, в количествах, достаточных для диагностики, но недостаточных для выздоровления. Поэтому наиболее частые мышьячные отравления - хронические. Изредка по чуть-чуть и через годик в гроб после "продолжительной и тяжёлой болезни". Однако путь такой рискованный, потому как очень велика вероятность обнаружения истинной причины этой самой "болезни". А вот если сразу и много, то тоже эффект не сразу проявляется, а когда проявляется, то вывести мышьяк из организма уже сложно. Этому яду для своего действия время надо, чтоб всосаться и хорошенько разойтись по телу. А действие само по себе очень простое - "липнет" атом мышьяка к великому множеству белков в теле, и подобно лишней гайке в моторе, "выключает" ферментные системы, поддерживающих тонкую биохимию. Особенно сильно страдают нервные волокна. Не идут больше по ним импульсы, отсюда и паралич, и другая сходная симптоматика. Пусть звучит странно, но это действие мышьяка, направленное на поражение нервных волокон, на себе испытал едва ли не каждый. Вспомните свой визит к стоматологу, когда нерв в гнилом зубе удалять надо. На этот самый нерв дантист кладет мизерное количество специальной мышьячной соли, которая убивая волокно, даёт возможность прочистить зубной канал без криков пациента. Оказалось, что именно с таким вот препаратом и связана наша история.

Труп "отравной", криминальный - такие дела к нам, на Судебку. Быстро выяснили, что отравление острое, хотя по определенным признакам ясно, что яд давался не один раз. Эх, не было у нас тогда всей необходимой аппаратуры, точную дату первого приема яда установить трудно. Конечно, Ленинград не провинция, но и там все ещё "варили" желудочное содержимое в колбах по древнему, пусть и очень чувствительному и лишь слегка модифицированному методу Марша. Выявляли яд по "зеркалу смерти" - характерному тончайшему металлическому налёту от распада гидрида мышьяка в стеклянной трубочке, что выходила из колбы с исследуемым материалом. Но дефицит лабораторной базы всё же сказывался. Хотя если говорить о мышьяке, то чувствительность метода с вполне достаточная самого 1806 года, когда доктор Марш научился лабораторно доказывать отравления и отличать повышенную концентрацию от фоновой. Его простейший метод оказался настолько чувствительным, что порой определял в эксгумированных костях природный мышьяк, тот что наносился в старую могилу грунтовыми водами.

В советское время, конечно, медицинская криминалистика от царской порядочно отличалась, но всё равно годали мы тогда куда больше, чем сейчас. Много вычислялось лишь по косвенным признакам, но правильно, как потом следствие подтверждало. Насмотревшись современных технических чудес и сверхчувствительных методов, мне хочется снять шляпу перед старыми волками советской судебной медицины, перед их опытом, наблюдательностью и прозорливостью. Чем больше аппаратуры меня окружает, тем больше восхищаюсь моими учителями и горжусь ими - от незаметного районного судмедэксперта до профессора, вооруженных порой примитивной лабораторией, микроскопом, а зачастую лишь прозекторским ножом.

С современной техникой работать просто, но здесь один подводный камень есть - смотришь порой, как при всей технической мощи, эксперт искусственно низводит себя до затрапезного лаборанта. Тогда же, даже при экзотических отравлениях редкими металлами, работали творчески - на глазок крутили степень белковой денатурации, вручную вычисляли концентрации в костях и жирах, срезали ногти и волосы на анализы. По распределению в них ядов, и зная скорость их роста, вычисляли даты отравлений. Порою даже отсылали материал с микроследами в специальном контейнере на атомную станцию в Сосновый Бор для облучения в реакторе - на прообраз современного НАА, анализа нейтронной активации. Ну а пуще всего верили своему собственному глазу, умудрялись распознать тончайшие морфологические (видимые в микроскоп) признаки поражения нервной системы, печени, почек. В данном случае, изучив концентрации мышьяка в ногтях, пришли к выводу - травил всего на протяжении одной недели.

Отчёты и протокол составлены, дело за следователем. Прежде, чем криминал искать, надо исключить бытовое отравление, то бишь несчастный случай. Заявились менты домой, побеседовали. Легко тогда было, народ в основном участливый, санкций прокурора на требовал. Все здоровы, симптомов отравления нет, муж и детки горем убиты, хотите чего поискать - да на что нам санкция на обыск, идите смотрите так просто. Ну посмотрели, взяли кое-какие пробы, еда из холодильника, там продукты всякие. Ничего не нашли, нет дома мышьяка и подходов к нему нет. Не могла просто так Светлана Николаевна его неделю кряду глотать. Значит все же криминал.

Прошлись по соседям для порядку. Какой криминал?! Увольте - тётя Света была образец морали. Ни любовников, ни семейных скандалов. Грубости от неё не услышишь, к чужим проблемам участлива, но без назойливости, семья живёт на зарплату, не шикуют, врагов нет. Достойная женщина строгих правил. Опрос знакомых и родственников подтвердил то, что рассказали соседи. Мотивы убийства вне работы отсутствовали напрочь.

Конфликт интересов в школе раскопали быстро - разве такое утаишь в преимущественно женском коллективе? Там же и версию подкинули, кто недавнем времени в главных врагах числился. Изменилось поведение у ученика, педагог на фоне сплетен "битвы в верхах" местного значения такое моментально замечает. Следак подался в районо с папочкой побеседовать. Папочка бледный, трясется, но ничего криминального не признает, в показаниях не сбивается, лично с учительницей встречался только на родительских собраниях на общем основании. Похоже, что на главного подозреваемого он явно не тянет. Пришлось побеседовать с сынком. А вот тут началось самое интересное. Стал выюноша на мелочах путаться. Когда был в классе на переменках, когда не был, где видел свою классную, а где не видел.

Это только мифический Шерлок Холмс по царапине на ботинке определял полную картину преступления. Гы-гы, так не бывает. В жизни всё куда прозаичней - нормальный опер и следак подозреваемого "колят", то есть самого на себя заставляют показания давать. Раз сбредал на мелочи и попался. Подозреваемый зачастую не отдаёт себе отчёта, сколько ценной информации он сам даёт следователю своими малюсенькими неувязочками. Тут ведь сразу игра начинается по принципу "тепло-холодно", чего же голубчик боится, и за чем ему это

надо. При этом парадокс один есть - обычно чем умней подозреваемый, тем легче с ним в такую игру играть. Тупого зечару с интеллектом на грани дебильности расколоть зачастую труднее - "ты чё, начальник, лепишь, не при делах я", вот те и весь сказ с нулевой информативностью. А рафинированные умники начинают играть в содействие, перестраховываться, переигрывать, чем и выдают себя со всеми потрохами.

Заподозрив неладное, следак запер Валентина в кабинете завуча (ещё один прекрасный метод психологического давления - наехать, а затем на некоторое время бросить "клиента" в полной неопределенности). Пока десятиклассник ёрзал на стуле, следователь побывал в учительской, где быстро выяснил, кто у него в друзьях числился. Прошёл в нужный класс и вызвал друга номер один.

Вот и Вовка. Друг номер один оказался мальчиком трусоватым, но похоже бесценным кладезем информации. Здравствуй Вова! А Вова аж заикается. Ну расскажи о себе. Вова рассказывает. Подожди, где ты говоришь, твоя мама работает? В аптекоуправлении. И кем? Провизором? Нет, не провизором. Уборщицей на складе. А ты к матери на работу заходишь? Молодец, что заходишь, конечно это здорово помогать матери убраться. Только вот на тебя один товарищ письменные показания дал, похоже плохо твое дело... Как это он один травил? А он сказал, что это ты! Ах врёт он... Ну тогда давай по порядку, а то виноват он, а под суд тебе.

Валентин и Владимир дружили давно, несмотря на большую разницу между их семьями. Разницу не имущественную (тогда доход уборщицы не сильно отличался от мелкочиновичьего), а культурную. Если родители Валентина рассуждали о высоких материях, то Вовины папа с мамой лихо резались в дурака "за погоны". Субботние походы в театр стояли контрастом к традиционным выходам в винно-водочный магазин за бутылкой беленькой, а Эрмитаж к рыбалке. Однако это не мешало пролетарию Вовке читать книги в громадном количестве, а интеллигенту Валентину тянуть с другом дешёвый "портяшок" в подворотне. Помните, были такие номерные портвейны, сладкие и крепкие. Вот и объединились товарищи по общности вкусов и интересов.

Идея убрать свою классную у Валентина родилась сразу после контрольной. Ошибка была незначительная и он по старой памяти рассчитывал, что "Курочка Ряба", как за глаза называли ученики свою учительницу, ему за такую мелочь оценки не снизит. А постоянные вызовы к доске для ответов на самый трудный материал лишь подтвердили его уверенность, что его "срезают" в пользу директорской дочки. Хотелось убрать и дочку, просто технически это оказалось сложнее, пришлось ограничиться классным руководителем. Под страшным секретом Валентин полушутя спросил у своего приятеля, не видел ли он каких ядов, когда тот помогает своей мамке полы мыть. Да как же тут не видеть, когда там в одной комнате здоровая вывеска висит, о том что из одного бачка мусор нельзя убирать, потому как там яд! Мышьяк... Похоже, что по настоящему серьезность последствий попадания такого мусора в пищу друзья не оценили. В понятии Вовы это вообще было не преступление с покушением на жизнь, а почти что безобидная шалость.

Пришёл Вова к матери на работу. Мать рада, что сам пришёл, обычно заставлять да просить надо. Поднялась мать на второй этаж, а для сына на первом этаже все помещения открыла. Он полы моет, а сам к заветному бачку приближается, откуда мусор нельзя выкидывать. Бачёк этот стоял под специальным вытяжным шкафом, где развешивали мышлячные соединения перед отправкой их по зубоврачебным поликлиникам. В бачке оказалось полно мятых бумажных салфеток, кое-где слегка вымазанных какой-то розовой пастой. Вот парочку этих салфеток Вова и прихватил по просьбе своего друга Валентина.

Валёк с этим трофеем распорядился просто - соскрёб пасту с бумаги в маленький пузырёк и кинул его в свой школьный портфель. Поначалу никакого особого плана не было, но удобный случай предствился буквально на первом уроке. Была у Светланы Николаевны такая

привычка - на большой перемене прямо в классе бутерброды кушать. У Курочки Рябы всегда пара-тройка бутербродов в сумочке имелась. На обычных, коротких переменах математичка Рябкина без всякой задней мысли оставляла свою сумку подле учительского стола, а сама могла выйти из класса в учительскую, в соседние классы к коллегам-преподавательницам или по каким другим делам. Учеников же из класса она старалась тоже выгонять - до поздней осени открывала настеж окно, чтобы перед уроком проветрить. Этим моментом и воспользовался Валентин. Дело секунд - нырнуть в сумочку, отлепить от хлеба колбасу и посыпать на масло немного розоватых крупинок. Под колбасой такое точно не заметишь. Вот Светлана Николаевна и не заметила...

Историчка

Наталья Денисовна жила в коммуналке в центре Питера. Вообще-то она на жизнь не жаловалась - по советским понятиям у неё была громадная жилплощадь. Аж тридцать квадратных метров! Хотя официально это была всего лишь одна отдельная комната, считай зал. Светлая, с пятиметровыми потолками и четырёхметровыми окнами, выходящими на Набережную Робеспьера и с прекрасным видом на всю Неву. Поди найди такую! И пусть один санузел на две семьи и общая кухня, но её жильё уж куда лучше тесных отдельных квартирок в хрущёвках. Она видит неприкрытую зависть своих подруг, что не только в хрущёбах живут, но даже в новых панельных домах, так называемой "улучшенной палнировки", чего налепили по окраинам в невероятных количествах. Нет, свою комнату она ни за что не поменяет! Комнату эту получила её мать ещё при Сталине - так власти отметили возвращение известной заслуженной учительницы в полупустой послеблокадный город. Наталья Денисовна пошла по стопам матери - тоже стала учительницей, правда не заслуженной, а обычным преподавателем истории в ближайшей средней школе.

За её стеной, в меньшей комнате, за жизнь сменилось множество соседей, и последние не худшие. Туда вселились тихие люди - молодая чета инженеров. Семья серьёзная - ни пьянок, ни гулянок. Кухню делили мирно, с очередью в санузел тоже проблем не возникало - учитывая возраст соседки, они всегда её пропускали первой. Наталья Денисовна ведь уже пенсии дождалась. Так вот и прожила она всю свою жизнь - одна. Пока жива была мать, то приводить к себе кого-то считала зазорным, а как мать померла, так вроде уже и возврат не тот, чтобы любовной романтикой увлекаться. Отдавала она себя учительскому ремеслу, а в свободное время много читала, а как доставала новую историческую книгу, так вообще запоями, глотая страницы до раннего утра.

Некоторое беспокойство пришло с рождением соседского ребёнка. Ей, никогда не имевшей собственных детей, младенческих плач действовал на нервы, а запах замоченных в ванной пелёнок казался совсем непереносимым. Она по-страчески бурчала, открыто выражая своё неудовольствие, соседи смущались и извинялись, но скандалили редко. Впрочем, как только их девочка подросла и пошла в детский сад, в коммуналке восстановился относительный мир, и жизнь вошла в привычное спокойное русло. Из кухонных разговоров с соседями выходило, что отдельная квартира им в скором будущем не светит, а значит им втроём придётся ещё долго ютиться в комнате по-соседству. Вообще-то тесновато. Отселились бы, а вместо них к ней в подселение попала бы какая-нибудь пожилая одинокая женщина, как она сама. Своих мечтаний она от соседей не скрывала, часто повторяя их вслух.

И вот, похоже, настало время её мечтаниям сбыться - "инженериха", как она про себя называла свою молодую соседку, была явно беременна. Наталья Денисовна подзуживала её супруга, что пора бы перестать быть тряпкой и наконец потребовать себе отдельную квартиру. Перспектива иметь в соседской комнате семью из четырёх человек её никак не устраивала. В ответ тихий инженер лишь сверкнул злобно глазами, но ничего не ответил. Что-то нехорошее было в этом взгляде. Нежелая накалять обстановку, сосед сразу отвернулся. Наталья Денисовна буркнула что-то победно-нисходительное, гордо повернулась и прошествовала в свою большую комнату. Хлопнув дверью громче обычного, ещё минуты

две шептала себе под нос, словно окончательно утверждая моральное поражение соседа, но через полчаса её чувства улеглись, а к вечеру она уже и забыла об этом инциденте.

Рассказ будет дописан в ближайший месяц

ДЕКОРАЦИЯ

А вот ещё одна история, связанная с мышьяком. Правда история совершенно иного рода и очень старая - расскручивание такого уже на пределе возможностей судмедэкспертизы.

Рассказ будет дописан в ближайший месяц

ЦВЕТЫ ДЛЯ ПАТОЛОГОАНАТОМА

Какая самая "цветочная" специализация в медицине? Наверное акушерство-гинекология. Как приедет счастливый папа забирать пополнение семейства, так обязательно со здоровой охапкой цветов. Ну и хирургов, особенно не общих, а всяких редких, там кардиологов, или пластиков, тех тоже большой флорой осыпает. Да и другие узкие специалисты, особенно оперирующие, без подобных знаков внимания не остаются. Хотя почему "узкие"? Любим хорошим врачам цветы дарят! Ну возьмем самую прозу жизни - добросовестного участкового педиатра. Каждый день букет! Хотя насчет "любых хороших" я, пожалуй, погорячился. Хорошим патологоанатомам и блестящим судмедэкспертам цветов не дарят. Венки не в счет, то экс-больным. А ведь порой следовало бы и доктора презентовать. Не венком, конечно, упаси Бог от такой радости, а вот хорошего букета или бутылки коньяка мы заслуживаем не меньше. Потому как частенько тоже жизни спасаем. Не тех, кто на нашем столе, а тех, кто проходит в том же деле, что и наш клиент. И частенько незаслуженно проходит. Я имею в виду, у следователя подозреваемым незаслуженно проходит.

Вообще-то заголовок к этим зарисовкам не совсем правильный -судмедэксперт и патологоанатом разные специалисты. Схожи в том, что оба работают с трупами. Патанатом со свежими, судмедэксперт с какими придется. И цели работы схожи - установить причину и условия смерти. Хотя не только с трупами - судмедэкспертиза живых лиц составляет целое научное направление. И ещё, если интерес патанатома дальше биологии не распространяется, то судмедэксперт чуть любопытней - его социальное окружение тоже волнует. Поэтому выходят лучшие судмедэксперты из сильных патанатомов, но не бывает хорошего судмедэксперта из плохого патанатома. Вот и хочется рассказать о патанатомии в судмедэкспертизе. Патанатомии, жизнь людям спасающей.

Протокол вскрытия 1286

Труп по Делу 1286 принадлежал сравнительно молодому мужчине. Н вид лет сорок, по паспорту вообще 35. Когда-то это был весьма преуспевающий человек с высшим образованием, и казалось бы, лучезарным будущим. После института парень женился на провинциалочке, которая по словам его родителей испортила сыну жизнь. Да и вообще вышла эта особа не по любви, а исключительно из-за квартиры и будущего социального статуса сынка. Совратила, с пути сбילה, пустила под откос, а потом вообще убила! Физически. Стерва, гадина. Пользуясь беспомощным состоянием мужа била его по голове до смерти. Да таких вообще расстреливать мало! Это не мое мнение, это родительское мнение, которое они следователю высказали. Мое мнение диаметрально противоположное. Бедная женщина, а собаке - собачья смерть.

Жена. Пришлось нам эту женщину осматривать. И детей её. Ну с мужем понятно, его рассмотрим основательней всех - не только снаружи, но и изнутри. Так вот по экспертной оценке женщина эта подвергалась бесчисленным издевательствам. Взять хотя бы сигаретные ожоги на коже. Сама не курит. А синяков на ее теле не меряно. И все в разных стадиях. Помните советские деньги - жёлтые рубли, зелёные трешки, синие пятерки и красные червонцы? Синяк те же стадии проходит, только в обратном порядке от червонца до рубля, через всю цветовую гамму. Осмотрели тело той женщины - точно банкнотами обклеено. Тяжело же ей пришлось в семейной жизни. Получалось, чуть ли не ежедневное избиение. Ну и характер повреждения некоторых зубов, шрамы щек, старые и не очень переломы рёбер, что высветились на рентгене, говорили о серьезности воспитательной работы со стороны мужа. Бил он её сильно. И часто. Нужен вагинальный осмотр. Не удивляйтесь, мы еще чуть-чуть гинекологи, правда плохие - туда смотреть, смотрим, но ничего там не делаем, в смысле не лечим. Так вот, видим там надрывы и осаднения, и не только влагалища, но и ануса. Любящий муж регулярно насилует свою жену во все дырки, вот как это называется. Да, тётя, похоже жила ты в аду. Жила, а своего тирана не бросала. Садомазохистские пары, как не странно, устойчивы. Таких чаще всего тюрьма или смерть разлучают.

Очередь за детьми. Мальчику 7 лет, девочке 12. Первым смотрим мальчика. На запястьях рук небольшие потертости и красные линии - похоже ручки связывались. Вот старый перелом ребра и рубцы на ягодицах - пацану и розга знакома. А вот и свежий кровоподтёк... Смотрим попку. Тьфу, черт, верить не охота. Продольный надрыв переходной складки ануса, вокруг самого анального отверстия заметны кровоизлияния. Рядом осаднение. Со смерти папочки часов пять уже прошло. Зову самую молодую и красивую медсестру. Мальчик, а ты сегодня какал? Нет. Хорошо. Тёте надо тебе попу ваткой на палочке помазать. Ты не будешь плакать? Ну не плачь, ты же большой мальчик... О, господи! Там же слизистая повреждена - типичный углообразный разрывчик. Ну вот и всё. Иди к тётеньке-милиционеру, она тебя отвезет в комнату, где много игрушек. Сержант, берите мальчика и закройте дверь. Так что там у нас? Так и думал - сперма. Та-ак, а на папочкином члене смегмы нет - возьмите отпечатки с головки на стекло, а потом сделайте смыв, поищем среди засохших сперматозоидов кал или микроследы кишечного содержимого.

Девочка. Ну клочок волос выдран, пара синяков. Опять же рубцы на ягодицах, свидетели старой и свежей порки. Тоже доставалось, хоть и меньше, чем братику. И на осмотре держалась молодцом, пока на кресло не повели. Там истерика случилась. Ну не плач, дядя не больно туда полезет. Хочешь тётю позову - тётя тебе там трогать будет. Мне только посмотреть надо. Да нет, ты мне ничего не рассказывай. Ты того дядю-следователя помнишь? Ты это всё ему расскажи. Мне не надо. Мне посмотреть надо. А потом я напишу рекомендацию для детского психиатра. Ты с ним поговоришь, он тебе поможет. Ну вот и молодцом. Бери себе чистенькую подкладную и садись в это кресло. Да-а, как взрослая тётенька! Дай опущу эти железяки, ты всё же ещё маленькая... Так удобно. Теперь посмотрим, что там творится... Так, сестра, пишите: каринкули маленькие старые, дефлорирована более года назад, надрыв свода передней трети (старый), надрыв или надкус левой малой половой губы около недели назад, свежее осаднение на правой большой половой губе, осаднения преддверия, кровоподтек вокруг уретры, двух-трёхдневный. Клитор набух, на уздечке мелкие кровоизлияния. Похоже ущипнули... Давайте зеркало. Да куда такое! Маленькое давайте и подержите в тёплой воде - и так дитя от каждого прикосновения вздрагивает. Обязательно надо в протоколе отметить, что ребенок 12-ти лет по признакам полового и биологического развития соответствует 10-тилетнему. При изнасилованиях несовершеннолетних биологический возраст на суде важнее паспортного. Иная в 14 лет при таких делах умудряется удовольствие получить с приятными воспоминаниями, а иная и в 16 лет ещё дитя, и выливается такой половой акт в тяжёлую телесную и психическую травму. Ну вот и тёпленькое маленькое зеркальце. Такое не страшное, введем во влагалище совсем не больно. Ну что там? Не умеет еще девочка подмываться. Сперма старая. Дня полтора-два. Похоже папа своих деток пользовал по очереди. Так, мазок. Ну-ка свет поправьте. Надрыв свода влагалища над шейкой матки. Согласуется с осаднением преддверия влагалища - когда

суют не по размеру большое и толстое. Всё. Девочка, ты молодец. Только мы тебя сейчас в больницу направим. У тебя там ранка. Болит внизу. Как привыкла? И слушать не хочу. Надо тебе там малюсенький шовчик наложить. Это другой дядя делает. Ну ладно, хочешь, что бы тётя - попросим тётю. Сестричка - дайте ей пол-ампулы седуксена, успокойте девочку. Нет, нет, не колите. Как мне потом эту дырку в вене объяснять? С ложечки, пополам с валерьянкой. Не хочу адвокатам повод давать - они из-за мелочи судьям голову заморочить могут. И отвода заключения медэкспертизы не хочу. Хочу кучу смягчающих для её мамы. Точнее хочу оправдательного приговора, но это из области сказок. Там убийство, пусть даже вынужденное... Да и свекровь все видела, тогда хочешь, не хочешь, а получается превышение допустимой самообороны.

Хозяин. Номер 1286 собственной персоной. Прозектор, ты чего мылишься раньше времени? Прозектор, это помощник судмедэксперта. Типа как ассистент у хирурга. Но ассистирует он по-другому. Самую тяжёлую работу вместо доктора делает. Хороший прозектор редок. Сам кожу разрежет, подсечёт грудную клетку по рёберным хрящам. Длинным секционным стилетом сунет изнутри в горло вокруг языка, по пути чиркнув вокруг диафрагмы и заднего прохода. Доктор, добро пожаловать! Весь органокомплекс от языка до ануса распластан перед Вами на специальном столике рядом с "освеженным" трупом. Ковыряйтесь на здоровье, изучайте в комфортных условиях. А как только мы что надо почикаем, прозектор все внутренности обратно в тело засунет. Уже как попало - ну сердце на место мочевого пузыря - какая разница, все равно зашьём, не видно. Так вот, сейчас я внешний осмотр сделаю и позову Серёжу. Серёжа у нас лучший прозектор. Минутку рядом побуду, чтоб соотношение нетронутых органов в полостях посмотреть, а потом пойду чай пить. Через десять минут вернусь на всё готовое. Буду требуху терзать по кусочку, уже долго и внимательно.

Осмотр кожных покровов. Один синяк на левой скуле. И еще один на "кумполе" - на макушке головы. Со слов, якобы всё видевшей тещи, жена била мужа чугунной сковородкой. С чего он и умер. Под бой правой руки очень подходит. Значит череп как пить дать треснул. Ладно, это после чаепития. Что еще интересного? О, дырочки! На венках. Венки орубцованы и склерозированы. Так мы ещё и наркотой баловались. Дырок относительно мало, а сосуды пожжены сильно. Похоже не героиновый мальчик. Эфедрольно-"винтовые" венки. Похоже нам возбуждающие препараты нравились. Понятно откуда агрессия при абстиненции. Опиатный нарк обычно тихий. Чего ещё на коже? Да ничего. Вот самый свежий след последнего укола. Кровь на амфетамины надо взять. Сережа, потроши, я отойду на десять минут. Да, скальп на морду натяни, но череп не тронь. Там причина. Оставь пилу - сам вскрою. Серега несколько обиделся, вроде как не доверяю. Да доверяю, но били то по голове. Поэтому сам. Били бы ножом в сердце, вскрыл бы Серега голову. Так, ну вот и разрежали - здоровый мочевой пузырь переполнен и сильно выступает из таза, обычное для наркоманов дело. Всё остальное выглядит нормально. Серёжа, вытягай требуху, а я пошел наверх. Свиснешь, если что интересное.

Любовь Николаевна рулет с яблоками испекла, а наша санитарка, баба Рита, притащила здоровую банку своего клубничного варенья. Чаёк сегодня что надо. Обещался на десять минут, а сижу все двадцать. А писанины ещё сколько! Ладно, милые женщины, спасибо за угощение, но пора работать.

Так мозги оставим на последок. Сердце - вроде слегка великовато для этого тела. 450 грамулек. Полнокровное. Сосудики ничего... Вероятно стало в диастолу. Кровь жидкая, фибролиз прошёл нормально. Так, что мы кушали? Макароны с рыбой. Дурацкое сочетание. В кишках ничего интересного. Почки-селезёнка... Да всё в норме. Печень чуть увеличена от ширева, но в принципе не больная. Похоже, дело в черепушке. Значит придется его жене сидеть. Жалко тётку. Всю жизнь от мужа промучилась, а теперь детей потеряет, квартиру потеряет, да и жизнь свободную потеряет. Нормальному человеку на зоне разве жизнь?

Ладно, чего сопли распустил. Твое дело экспертизу проводить, а кто прав, кто виноват, это судья решает. Откуда у бедной женщины деньги на адвоката, если муж наркоман? Не будет значит ей хорошей защиты. А свёкор со свекровью уж за её квартиру посражаются. А вот хрен вам! Не будет по-вашему, а будет по-честному. Нет, не подлог в экспертизе. Я сказал, по-честному. Синяки то на голове четырёхдневные! Старые. Не могла его жена сегодня утром сковородкой бить. Значит, то что свекровь следователю рассказала - лажа. Сегодня утром мужчинка со своим родным сыном половое удовлетворение получал. Это я знаю точно. Похоже, что его родная мать за этим занятием застукала. Стресс для мужчинки сильнейший, вот он мог и помереть. Эх, красиво сказка сказывается... Доказать это надо - причину смерти найти. Тем более, что сердце его в порядке.

Так, с мягкими тканями головы покончено. Подрезаю скальп до лба и натягиваю его волосами вниз на рожу "клиента" - потом на место пришьем, в гробу видно не будет. Беру маленькую острую циркулярную электропилу. Вжик вокруг черепа, и через минуту ларчик открылся. Аккуратно осматриваю толстые и тонкие мозговые оболочки. Под "кумполом" всё нормально. И с самим "кумполом" всё в порядке - переломов или каких других повреждений нет. Хотя мозг излишне полнокровный. Вытаскиваем содержимое из ларчика, помоем под краном, взвесим. Стоп! Вот оно! Арахноидальная мембрана, или паутинная оболочка основания мозга вся напитана кровью. Тоже самое и в основании мозга. А вот и наша смертушка! Хорошая смерть. Моя душа поёт. А радостно мне, что мои нечеткие предположения подтвердились. Жена, точнее вдова, пойдет домой свободным человеком. Уголовное дело закроется сегодня-завтра. Свёкор со свекровью пусть заткнутся - им ловить вообще нечего. СМЕРТЬ ЕСТЕСТВЕННАЯ!!! В основании мозга имеется так называемая базальная артерия. Употребление возбуждающих наркотиков типа эфедрола, кокаина или амфетаминов может резко повышать давление. Кровь распирает стенку сосуда. Тогда возникает аневризма - расширение на артерии. Просвет большой, а стеночка тонюсенькая. А где тонко, там и рвется. Застукала мама сыночка на пикантном моменте - у того давление подскочило, аневризма разорвалась. Кровушка прорывается в мозг, в центры, где дыхание контролируется. Всё, стоп машина. Забыл, как дышать и помер. Синяки тут не причем. Госпожа подозреваемая, вы свободны, дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Протокол вскрытия 1447

По паспорту 1447 имел полных 49 лет, хотя выглядел на 39. Этаким крепыш-здоровяк. До получения звания 1447, у него было иное звание - полковник КГБ. А полковник в Гэбухе равнялся генералу в армии - там народ покруче армейского был. Жену этого полковника я видел только мельком, один раз на фото (в деле) и один раз возле прозектуры. Жена трупа номер 1447 была женой номер два, красавицей на 21 год моложе мужа, хотя и стервой, по определению первой жены. Вот этой красивой второй жене вменялось, не много ни мало, а доведение до самоубийства. По абсолютно секретным делам наш полковник КГБ провел 2 дня в самолётах -летал на Дальний Восток и обратно. Его жена, время не теряла, вроде как с кем-то трахалась. Вроде как наш полковник её за этим делом застукал. Ну и так опечалился, что самоубился. Полковник КГБ самоубился из-за измены второй молодой жены? Я не верю. Из-за краха карьеры, из-за продажи секретов за кордон - да. Из-за женщины - нет. Но обстоятельства были против моего "не верю". И полагалась по тем обстоятельствам вторую жену посадить.

Полковник прилетел утром. Взял такси, приехал домой. Дома пробыл минут 30-40. Затем собрал чемоданчик с вещами, забрал свой дневник и сел в свою "Волгу". А через 15 минут на скорости 95-100 км/час эта "Волга" врезалась в стенку, где и врезаться было невозможно. Машины только в кино взрываются. Как обычно, полковничья "Волга" не взорвалась. Приехали менты, отскребли полкана от стенки. Не пристегнулся мужик ремнём - вот и вылетел при ударе. Осмотрели салон. Нашли дневник. Вот не положено сотрудникам спецслужб дневники вести, а они, гады, всё равно ведут. А в дневнике том одни обиды на вторую жену. Концовка примерно следующая: жизнь ты мою сделала совсем несносной,

терпеть мне тебя сил нет, всё, прощай, уйду навсегда из твоей жизни. Ну очень уж текст самоубийцу напоминает. Правда уйду из "твоей", а не "своей" жизни. Ну может такая авторская задумка была. Короче довела тварь хорошего человека до ручки. Доказательства на лицо - пусть женщина в зоне почалится, подумает, хорошо ли полковников таким образом убивать.

Я думал, что с 1447 всё быстро будет. Делов то - описать разможнение черепа и моментальную смерть от травмы мозга, несовместимой с жизнью. Быстро не получилось. Получилось по-честному. Варикоз у полковника был. И атеросклероз. Пока полковник в самолётах двое суток пролетал, от долгого сидения в варикозно-расширенных венах ног образовались тромбы. Тут все просто - застой кровотока. А вот правая коронарная артерия, та что само сердце кровью питает, имела кучу атеросклеротических бляшек, заметно сузивших её просвет. Где-то в самолете тромбик из ноги оторвался и попал в лёгкие. Закупорил небольшой сосудик, и кусочек лёгкого омертвел. Тромбик был маленький и инфаркт лёгкого был маленький. Но достаточный, чтобы в выносящем сосуде другой тромб образовался. Так вот в момент, когда он на своей "Волге" из дома ехал, тот новый тромбик из лёгкого отлетел и закупорил коронар. Сердце без кислорода перестаёт сокращаться - начинает бесполезно трепетать, фибриллировать. Кровь в мозги не идёт. Через секунду отключается сознание. Вот поэтому полковник и влетел в стенку - сознание потерял. Да и стенка тут не причём - формально он уже был мертв. В любых условиях с такой патологией всё равно бы биологическая смерть мозга наступила бы неотвратимо через пять минут. СМЕРТЬ ОТ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРИЧИН дело не подсудное, так как ни убийством, ни самоубийством не является. Может вторая жена у полковника и была стерва, но стерва в смерти мужа невинная.

Протокол вскрытия 1593

Труп 1593 тоже был "крутой". Профессорский труп. Профессор был относительно молод и полон здоровья. В пятницу лекцию читал, всё нормально было, а в понедельник у нас на столе. Доброжелатели следователю наводку дали - жена отравила. Профессор тот очень много по загранкам мотался. Учил студентов в дружественных странах Африки. Ну и денег в валюте у него было по советским понятиям не меряно. Квартирка - как филиал Эрмитажа. А вот с женой жил плохо. Хотя сексуальные отношения сохранялись, последние годы были полны семейных скандалов. Но интеллигентных, без мордобоя. Муж не пил, не курил, по утрам бегал. Помирать не с чего. А жена его провизором в аптеке работала. Таскала домой то, что таскать не положено. Например кристаллический кодеин. Такая штука здорово дыхание угнетает. Если много подсыпать, то каюк. Следаки баночку с пальчиками нашли. В крови трупа тоже кодеина полно. Вообще то с трупными концентрациями ядов в крови есть определенная проблема - обратная тканевая реабсорбция, когда после смерти яд из тканей обратно в кровь идет. С такими заключениями надо быть крайне осторожным - иной раз можно запросто ошибиться в смертельной дозе. А супруга плачет и божится, что от кашля давала. Нет, с фармакологической точки зрения всё правильно - кодеин хорошо от кашля помогает. Только общая картинка получается плохая. Вроде как траванула мужа, а сама к маме на выходные. Типа это он сам столько много принял, а я не причём.

Ладно, убийцам у нас строгое наказание. Сейчас посмотрим, как это Вы, милая дамочка, здесь не причём. Серёга, вскрывай! Ой, не понял... Кровь свернулась. Кровушка жидкая должна быть. Непонятки. Такое при сильнейшей инфекции бывает. Сердце великовато. Лёгкие тоже. Отрезаем лёгкое и на весы. Должно быть грамм триста. А тут кило сто. Ничего себе. И второе такое же. Махровейшая двусторонняя пневмония. С такой не живут. И кодеин тут не причём. Так, ткани на микроскопию, микробы на посев, труп в холодильник. Подождём. Пришел результат с микробиологии - нет ничего. Оно и понятно - вся патогенная флора в трупах рано или поздно дохнет. На её место приходит флора гнилостная. Воспаление тяжелейшее, а возбудителя не обнаружено. Так бывает, но не так скоро. Посмотрим, что в тканях. А в тканях пневмоцист. Об этой зверюге в то время мы только читали, а вот видеть,

не видели. Пневмоцист не зараза. Это сапрофит. Живёт в каждом из нас, вреда не делает. Чтоб вот так человека убить, то надо этому человеку отключить всю иммунную систему. Тогда доселе безвредный пневмоцист лёгкие заживо сожрет.

Стукнула одна догадочка. По тем временам уж больно экзотическая. СПИД называется. Хотя от СПИДа положено долго чахнуть, а не сгорать за два дня... Посмотрели профессорский задний проход. Анус гладкий, вылащенный, воронкообразно втянутый, лучеобразные складки в его окружности сглажены, на слизистой оболочке белесоватые продольные рубцы. Похоже профессор того - гомосексуалист. Точнее бисексуал, раз и жену пользовал. А где он в Африке был? Да много где. И в Заире, и в Экваториальной Гвинее, и в Анголе. В начале 80-х. Тогда там эпидемия СПИДа разгоралась. У нас и в конце 80-х СПИД был экзотикой. Этот труп точно попал в десятку первых ленинградских спидовых смертей. Послали кровь на анализы в разные учреждения. Даже в Лондон послали. Везде ответ положительный - СПИД. Вероятнее всего профессор его из Африки привез и давно. Значит бывают при СПИДе пневмоцистные пневмонии моментального течения. А мы и не знали.

Так, а что с женой делать? Ну, то что состава преступления нет, уже ясно. В самом плохом случае дисциплинарное взыскание на работе, по поводу найденных препаратов на дому. То что мужик начал кашлять и сам кодеин пил, тоже сомнений не вызывает. Не от кодеина он сдох, а от острой лёгочной недостаточности. Но самый плохой вопрос для жены оставался - она же должна за семь лет супружеской жизни от своего мужа-спидоносца ВИЧ подхватить. ВИЧ - это вирус иммунодефицита человека. То что СПИД вызывает. Пять раз её кровь посылали на анализы, и пять раз получали один и тот же ответ - ВИЧ-негативна. Нету вируса. Сейчас, когда СПИД да СПИД кругом, такие случаи удивления не вызывают. А вот тогда мы это посчитали чудом!

Эпилог (цветы)

Цветов не было. Ни от одной благодарной женщины, чьи жизни (или судьбы) были спасены патанатомами-судмедэкспертами.

КРИМИНАЛЬНЫЕ АБОРТЫ

Знаете, в своей куцей практике военной судебной экспертизы я с криминальными абортами сталкивался мало - воинская служба в Советском Союзе больше вынуждала с мужскими трупами дело иметь. Поэтому какого-то полноценного обзора по теме я дать не смогу, но все же несколько забавных случаев припоминаю. Сразу оговорюсь, не все случаи уникальны. А что финалы печальны - так ведь на моей работе иных просто не бывает.

-- Первый обычный криминальный аборт

Труп этой молодой женщины поступил из маленького северного военного городка под Кандалакшами. Даже глаза не закрыли. Господи, лежит голое тело на столе, взор голубой в потолок. Весь персонал, включая виды видавших старых и многоопытных циников-прозекторов, проходя мимо, изрекает одно и то же слово - "Красивая!" От живой, кроме отсутствия дыхания, отличается лишь цветом белого мрамора. Этакая статуя творения Микеланджело. Ну хватит лирики, где мой секционный нож. Через пять минут причина смерти ясна, как солнечный день - острая кровопотеря, правда из весьма пикантного места.

На поверхности эндометрия, то есть внутренней выстилки матки, здоровое вышкребленное пятно - явно беременность под пять месяцев, да и сама матка размерами и толщиной стенки этому сроку соответствует. Точнее весь эндометрий отскребли, просто плацентарное место выделяется. В теле сосудики "схлопнувшиеся", крови осталось мало, видать за ночь вытекла в объёмах, несовместимых с жизнью. Эх, жалко, какую тетку загубили!

По образованию педагог, всего первый год, как после института. Муж молодой офицер, семейная жизнь толком еще не началась. Елизавета Петровна, Лиза, Лизонька, Лизка - кому как. Ему - Лизонька. Законному мужу, соавтору беременности. А вот соображения, по каким Лизонька от ребенка решила отказаться, для красавиц лейтенантских жен, увы, не редкость.

Лиза была коренной ленинградкой. Родилась и выросла в самом центре Северной Пальмиры, среди дворцов и коммунальных квартир, среди чистых площадей и грязных колодцев внутренних дворов, черных ажурных решеток и белых ночей, под холодными дождями и контрастом теплого метро.. Город был частью ее, а она частью города. Лизка бескорыстно обожала Питер, Питер же воздавал ей за это вниманием и почестями - длинными, прилипчивыми взглядами парней и завистливо-колючими глазами девушек. Она была красива. Слишком красива. Настолько красива, что не в школе, не в институте никто не рисковал с ней сблизиться. Может в Универе, Меде или Техноложке все было бы иначе - там парней много. Но не в Педде. В Педде мужичков мало, все они на виду и свою самооценку берегут. Кто захочет связываться с фотомodelью с риском потерпеть сокрушительное фиаско? Мужики красивых боятся. По жизни они любят средних, а с красивыми они спят в мечтах. Со средними они кавалеры и властелины, а с красивыми они сторожа. И что можно противопоставить ее внешности в свои двадцать с хвостиком? Она уже центр внимания, а ты еще никто. Не получается паритетного начала. А институтская любовь - это чувство равных. Поэтому частенько очень красивые девушки при всеобщем почитании оказываются довольно одиноки.

На выпускной вечер новоиспеченных офицеров ЗРКУ - зенитчиков-ракетчиков - она попала практически случайно. Сама три дня назад выпустилась. Будучи прописанной у папы с мамой, осталась в Ленинграде, правда конкретной школы, как места будущей работы по распределению, еще не имела - городской Наробраз с приложением ее учительского таланта еще не определился. И тут она встретила Максима. Могучее сложение, мужественное лицо. Новая офицерская форма так ладно подчеркивает мужскую фигуру, а всякие яркие блестяшки-эполеты даже как-то возбуждают. Дерзкий, но культурный и умный, без каких-либо намеков на собственную неуверенность, он так не походил на парней из ее педагогического окружения. Годы жизни в чисто мужских коллективах военных училищ и академий накладывают свой отпечаток - большинство курсантов не имеют повседневного опыта общения с противоположным полом, а когда с ним сталкиваются, то подсознательно включают свои привычные стереотипы, напрочь сбивающие дистанцию. Будь то гусар утонченной души или сапог-солдафон, всегда где-то внутри сидит Поручик Ржевский, в той или иной степени, конечно. А ведь именно Поручика так часто ждут всеми желаемые, но всеми избегаемые, красавицы. Именно Поручик и завоевал ленинградское сердце Лизоньки.

Она бросила все и практически мгновенно, за месяц, выскочила замуж. Выписалась от родителей и уехала в Кандалакшу. Нет, Максим не был плох. Поручик, раздающий патроны, умело чередовался с корнетом, плещущим вина на званых балах. Если бы его часть стояла под Петергофом, то ее жизнь, наверное, была бы счастливой. Однако специфика ракетчиков такая - глухие уголки, грязь по колено и скучно-сварливый коллектив офицерских жен, где все про всех все знают. Это даже не провинция, это ссылка, это каторга, а Лиза отнюдь не разделяла взглядов декабристок. Она вдруг поняла, что лучшие годы ее жизни должны пройти в ДОСах - домах офицерского состава, где супруги начштаба и командира являлись главенствующей инстанцией, снисходительно патронирующей, или наоборот, злобно презирающей любую другую женщину, ведающими распространением импортных сапог и слухов, безоговорочно любящими лесть и подчинение. А она привыкла блистать! Блистать не получалось. Получалось гавкаться. Как-то сразу эта красавица своими столичными манерами вызвала ненависть полковых матрон. Да и муж, казалось бы единственная и верная опора, ни с того, ни с сего в серьез ударился в службу, гонял солдат и болел за матчасть. Вдруг оказалось, что его мечта стать полковником или генералом требует для своего воплощения громадного напряжения сил и неразумной траты времени, забранного у нее и отданного бездушным радарам и ракетам. Она днями и вечерами оставалась в одиночестве, а вокруг

одни болота и нет людей. Комары и криволесье, россомахи и прапора, солдаты и сержанты, особисты, замполиты, зампотехи и зампотылу. Господи, что же я Тебе сделала, что Ты посадил меня в эту дыру?! Снова так захотелось быть в центре ее Города с его многомиллионными обожающими глазами. Пусть похотливыми, пусть на секунду, но всегда в центре!

Лиза осознала, что двадцать три это не конец, а начало. То, чем природа наградила ее, а именно редкой красотой, все еще при ней, хотя и не будет долго. Что ее красота в Городе означает реальные возможности, и что в институте она просто жевала сопли, вместо того, чтобы эти возможности использовать. А Максим должен понять простую истину, что она выше болот и сплетен жен комсостава. Она создана для Города, она любит Город, она не может без Города. Солдаты, радары и ракеты для нее не важны, как не важны и погоны, пусть даже полковничьи, но в такой дыре. Зарплата тоже ничего не значит - лучше с рублем по проспекту, чем с сотней по сопкам. Стоило ей закрыть глаза, как ярким видением представал силуэт набережной Невы, Ростральные колонны и Зимний. А мосты! А подземка! Она останавливалась около тяжелых многоосных "Ураганов", когда те выползали из-за бетонного забора части. Специфический запах какой-то смазки или еще чего-то напоминал воздух метрополитена. Вспоминались "Восстания", "Пушкинская", "Чернышевского", ее родные станции...

В местной школе Елизавета Петровна с боем получила шесть часов в неделю - четыре урока и два часа на "домашку", учеников было мало, а офицерских жен-учителей явный перебор. Работа не могла скрасить ее одиночества. Муж уходил в шесть, а возвращался порой за полночь. Она пилила его за это уже месяца три, но результатов не было. Точнее результаты были - Максим совсем заиклился на карьере и стал высказывать откровенное недовольство поведением жены. Ему страшно не нравилась ее дерзость и независимость в отношении супруг его начальников. Нашла коса на камень.

К сожалению Лиза подошла к пределам своего терпения на пятом месяце беременности. В тот вечер Максим вернулся совсем поздно - у его солдат были ночные стрельбы. Он грузно плюхнулся на обувную полку в прихожей и стал стягивать грязные сапоги. Лиза глядела на комки грязи, разлетавшиеся по чистому, только что вымытому линолеуму, глядела на свои осиротевшие туфли на высоком каблучке, которые здесь так ни разу и не одела, на мокрую плащ-палатку и вьющихся у лампы комаров. Злость и досада переполнили ее:

- Как мне здесь надоело! Я вернусь в Ленинград, упаду и буду целовать асфальт Невского Проспекта!

Она выдержала без малого год и с нее хватит! И она высказала ему все. Максим также в долгу не остался - началась перебранка на всю оставшуюся ночь. К утру оба сочли брак досадной ошибкой, а беременность глупым следствием обоюдного недоразумения. Максим в последнее время догадывался, что Лиза уйдет, и страшно переживал за предстоящие алименты. Конечно, развод для советского офицера был солидным ударом по карьере - политотдел подобной "аморалки" не прощал. Однако без детей дело обстояло куда легче - разовая крупная пропесочка. А вот когда в дальнейшей жизни за послужным листом военнослужащего тянулся исполнительный лист суда, "аморалка" длилась до совершеннолетия брошенных отпрысков. Генеральские погоны автоматически переходили в раздел несбывшихся мечтаний. Лиза же понимала, имея она ребенка на руках, хоть ее финансовое состояние несколько улучшится (по советским понятиям офицеры получали много), но шансы нового старта заметно сократятся. А ей был нужен старт совершенно новой жизни, без старых хвостов. Беременность стала лишней по обоюдному согласию сторон. Только уже поздно - после трех месяцев ни один абортарий за такое дело легально не взялся бы. Однако мир не без чудес и не без добрых людей - аборт пятимесячного плода был сделан прямо на следующий день после окончательного выяснения семейных отношений. А еще через день, на утро после аборта, красавица Лиза была уже мертва.

В принципе, что три, что пять - для врача технически разница небольшая, а вот для женщины риск возрастает многократно. Хотя если в больничных условиях, то обычно и с такими сроками после аборт не мрут. Только полежать надо пациентке под врачебным наблюдением, как после родов. А тут вот такая история получилась: аборт Лизоньке сделали вечером и отправили ножками топать четыре километра по грязной дороге - глубокой колее, набитой по болотам тяжелой военной техникой. Лиза едва дошла домой и сразу легла спать. Максим опять явился поздно, с ней больше разговаривать не стал, так как увидел в ванной полотенце в красных пятнах и понял, что все прошло как надо. Молча завалился на раскладушку в другой комнате.. А на утро его жена не проснулась. Матрас под ней тяжеленный стал, за ночь весь кровью пропитался...

Вот и закончили мы с Лизкой. В смысле вскрыли - ушили. Ушили ее швом-косичкой, как всех, только на ее белом обескровленном теле черная капроновая нитка резче выделялась. Пора бумаги писать. Только накачал я протокол, как является капитан, следак из военной прокуратуры. Он уже по месту пошустрил и кое-чего по делу накопал. В той части, где служил муж покойной, был очень интересный майор - начмед. Давным-давно закончил сей медик гражданский мединститут со специализацией по гинекологии. Потом попал по обязательке в армию, где в те времена была и зарплата повыше, и хлопот поменьше. Там и прикипел. Дорос до начальника медицинской службы полка, но свою первичную специализацию не забыл. Ну в нормальном советском полку на тысячу военных мужиков одна женщина-военнослужащая приходилась, обычно сидела такая "зеленая юбка" на должности какой-нибудь машинистки в штабе. Жены офицеров военнослужащими не являлись. А раз контингента нет, то и легальной гинекологией начмеду заниматься не приходилось, вот он и занялся нелегальной. В основном абортами среди жен. Следак к этому майору умудрился в гараж залезть, так там подвал весь был белым кафелем обложен, стояло гинекологическое кресло и стерилизаторы, полные специфического хирургического инструментария. Короче, все по науке. По науке, если бы своих пациенток домой сразу не гнал.

Ох не люблю я коллег в погонах сажать, да приходится. А в этом случае и без сожаления.

-- Второй обычный криминальный аборт

Ну этот труп был совсем не белый - скорее желтый, как лимон. Тридцать пять лет, трое деток осталось. И чего бы ей не родить четвертого? Срок беременности самый подходящий для аборта - около двух месяцев. С таким сроком иди себе легально в женскую консультацию и скребись там на здоровье. А еще лучше без "скр-" по умному: муж ведь на подлодке служил и по сроку беременности в папы отнюдь не попадал, так как в момент оный находился далеко-далеко в другом полушарии под водой. Поэтому и побоялась "верная" жена тащиться в какое-либо медицинское учреждение. Но ведь мир не без добрых людей - нашелся один знахарь-терапевт в Североморске, помог за двести рублей. Пришел этот лекарь на дом. В дипломате укороченный гинекологический набор - зеркало, пулевые щипцы, набор бужей, две кюретки и абортцанг.

Специально для мужиков объясняю: зеркало - это такая блестящая железяка, которой женское хозяйство раскрывают. Затем в ход идут пулевые щипцы - здоровый, подобный ножницам инструмент, кончики которого загнуты в хищные когти. Пулевыми щипцами никакие пули не вытаскивают, ими хватают за зев шейки матки, прокалывая ее насквозь, и тянут к выходу (а если снаружи смотреть, то ко входу) влагалища. Зев матки узенький, и его надо расширить, для этой цели и существуют бужи. Они чем то похожи на металлический мужской член, только с острым концом. Для нормального аборта необходим целый набор таких штук разного диаметра. Начинают вводить с тоненьких, а заканчивают толстенными. Потом в эту дыру суют абортцанг. Это такие длинные щипцы с остро отточенными колечками на концах. Когда колечки сомкнуты, то абортцанг относительно безопасен, и его

легко можно запихнуть в матку и там бодро пощелкать. Края колец быстро кромсают тело зародыша на кусочки. Ими же можно легко эти кусочки из матки вытянуть. Малюсенькие ручки, ножки, фрагменты смешного кукольного личика и еще хрящевого черепа и тельца... Как только ребеночка убили, надо позаботиться об маточной выстилке - её надо хорошенько отскрести до милого звука царапания ножом по картону. Для этих целей и предназначены кюретки - этикие лезвия, загнутые петелькой на длинной рукоятке. Помните такие забавные плетки, неизменный атрибут фашистского надзирателя в концлагере - длинная ручка с небольшим ремешком на конце? Кюретка их полная копия, разве, что слегка уменьшенная и выполненная из медицинской стали. Её тоже суют в матку и там хорошенько "стегают" маточные стенки изнутри. Кровушка с ошметками эндометрия весело течет между ног в подставленный эмалированный тазик. Ну вот и с этим покончено. Доброго вам здоровьяца, милая женщина.

Мужики, жалейте своих жен, не будьте дураками. Ей богу легче простить, чем потерять - ведь врач, какой бы он опытный не был, на аборте всегда работает вслепую. А это значит, что никто не застрахован от маленькой такой невезухи - кюреткой или абортцангом можно невзначай проткнуть стенку матки и выйти в брюшную полость. А там режущие колечки зажмут кишку и быстренько выпустят ее содержимое (говно) в брюхо. Если женщина быстро не умрет от внутреннего кровотечения, то может запросто долго умирать от разлитого перитонита. Перитонит, это воспаление брюшины, когда бактерии из излившегося кала и кишечных соков начинают жить не внутри кишок, а снаружи, но внутри живота. Тут уж больше половины в гроб, хотя если аборт в больничных условиях, то кое-что сделать можно - быстро распанхать живот, кишку ушить, или наоборот разрезать и вывести оба конца "двустволкой" через переднюю брюшную стенку. Перелить кровь, промыть брюшную полость и молиться Богу об успешном исходе. Ну что, еще охота делать аборты?

Так вот знахарь-терапевт абортцангом вытащил кишку из матки во влагалище. А как вытащил, так обомлел, ибо будучи врачом, он знал чем дело кончится. Нормальный человек (давайте теоретически допустим, что криминальными абортами может заниматься нормальный человек), так вот нормальный сразу бы бросил все как есть и позвонил бы в "Скорую". Женщину может спасти только немедленная полостная операция. Но ведь криминальные аборты обычно ненормальные делают. И ведь после такого звонка хочешь или не хочешь, а сидеть на зоне придется. Поэтому наш терапевт никуда звонить не стал, запихал тем же абортцангом кишку обратно в брюшную полость, дал женщине тетрациклина и ушел домой. Ну антибиотик в этом случае был как слону дробина. Перетонит разлился на следующий день, а еще через пять дней мать троих детей оказалась в морге. А терапевт в тюрюге, уже с отягчающими. И его не жалко.

-- Третий обычный криминальный аборт

Знаете, какое самое главное условие любой хирургической операции? Асептика! То бишь, чтоб на инструментарии и в операционной микробов не было. Аборт, это почти обычная хирургическая операция. Всей необычности там - что малюсенького человечка убивают, а во всем остальном рутинная хирургия. Так вот главное правило рутинной хирургии при криминальных абортах частенько не соблюдается. Трудно поддерживать стерильность в нестерильных условиях.

Труп этой семнадцатилетней девушки по цвету напоминал кофе с молоком. Вот чудо - едва привезли, как сразу разлагаться начала, воняет как от пятидневной. Похоже, что милочка бактериями наспигована. По вскрытию оказалось точно так - сепсис, или заражение крови по народному. Откуда это заражение началось долго искать не надо - вместо матки зловонный мешок с гноем. Да мы не из брезгливых, сейчас и это распотрошим. Ой, что видно - аборт недельной давности. Сроки беременности совсем небольшие, наверно всего около полутора месяцев. Как же тебя так угораздило, дорогая?

А угораздило просто - залетела от одноклассника. Люда была вообще-то девочка боевая, в десятом классе от взглядов мальчиков не терялась. Игорек с ней просидел за одной партой целых четыре года. Советские правила были строгие - за партой мальчик-девочка, без специального указания классного руководителя место сменить не могли. Да Игорьку и не очень хотелось его менять. Люда училась хорошо, списать всегда можно, но это не главное. Как-то года два назад шутки ради Игорь ей на бедро руку положил. Да не хотел он ее лапать - на спор перед пацанами рисовался. Из этой затеи ничего хорошего не вышло - Людка прилюдно лупила его по голове учебником географии, а потом месяц списывать не давала. Но это два года назад. Недавно Игорек опять ей руку положил туда же и уже без всякой рисовки - очень захотелось за Людкину ляжку подержаться. Была алгебра, скука и тишина. Вот он и рискнул. Парта у них последняя, угловая, никто не видит. Он чувствовал, что на этот раз Людка скандала не поднимет, но ожидал, что его руку тот час же со своего бедра сбросит. А она вздрогнула от первого слабого прикосновения, а потом сделала вид, что ничего не происходит. Не сбросила руку!

Игорь сам испугался такого поворота событий и руку убрал. Люда вела себя с ним, как ничего не произошло. А Игорь спать не мог, так ему этот момент вспоминался. На следующий день он уже Людкину ляжку хорошо погладил, но пока только сверху. А еще через день осмелел и запустил руку между ног. И опять никакой реакции! Лишь на последнем уроке Люда ему тихо сказала, что у нее дома сегодня никого, предки раньше восьми не вернуться. И было это всего два месяца назад...

То что залетела, Люда поняла быстро - задержка и головокружение с подташниванием, точно как было недавно у старшей сестры. Конечно папе и маме она ничего не сказала, но и в женскую консультацию идти побоялась. Сказала подруге. Подруга какой-то старушке со своего подъезда. Старушка и дала наводку сходить к стоматологу. Нет, без шуток к стоматологу. Тётянка стоматолог абортами подрабатывала. Вот этого я понять никак не могу - да ведь при их специфике на одном зубном протезировании можно было делать состояния. В дремучее советское время они поголовно сидели на золоте, потом на метал-керамике. Это же месячная зарплата гинеколога в один день! Зачем ей криминальные абортывы? Скорее всего какие-то скрытые психологические драйвы побуждали садистку-дантистку лазить женщинам туда, где зубы только в анекдотах. А делала она это просто - в том же кресле у бормашины. Ну со стерильностью в советской стоматологии не шибко было - посверлят, поковыряются, и бух инструмент в дезраствор. В стоматологии инструментик маленький, и такой метод асептики худо-бедно работал. Гинекологический инструмент большой. Его кипятить надо, потом на специальном стерильном столе в асептических условиях операционной держать. Нашему стоматологу такое слишком сложным казалось - инструмент она даже толком не мыла, так ополаскивала тем же дезраствором в обычном пластмассовом тазу.

"На дело" оставалась наша зубница после работы, были у нее ключи от поликлиники и кабинет без окон. Темной ноченькой приходили к ней девочки со стольниками в руках, за эти вот стольники и избавляла их докторша от нежелательных беременностей. А что, удобно! Дел то - одну ногу в плевательницу, другую на табуретку, лампу от бормашины в самый низ, чтоб между ног светила, и давай работай, вроде как над коренным зубом. Там тоже место узкое. Так, да не так. Занесла она в матку инфекцию. Аборт, он же слизистую, считай, напрочь удаляет, оставляя полость матки одной зияющей раной. Жди, пока новый эндометрий отрастет. Поэтому любой попавший туда микроб идет прямо в кровь. Справедливости ради должен вам заметить, что микроб в крови еще не конец света. Уж коли затронули стоматологию, то скажу, что бактериемия (наличие микробов в крови) стопроцентно выявляется после обычной экстракции зуба. Дернули зуб, и тут же взяли кровь - если микробиолог не бездельник, то обязательно чего-нибудь выделит. При аборте дело обстоит иначе - в матке формируется громадный фибриновый слой свернувшейся крови, хорошая питательная среда для любых бактерий. Поднеси к этому пучку соломы спичку, в виде зараженного инструмента, и сразу полыхнет так, что мало не покажется. Вот и полыхнуло - спалило бактериальным пламенем весь организм молодницы-десятиклассницы за

неделю. Думается, что слабым утешением для её родителей и незадачливого "спаринг-партнера" был тот факт, что стоматолога посадили по знаменитой 116-й статье.

-- Необычный криминальный аборт

Обычные криминальные аборты обычно выполняются обычными врачами. Если и не гинекологами, то все же лицами с высшим медицинским образованием. Дальше речь пойдет о людях, взявшихся за абортный бизнес без какой бы то ни было специальной подготовки.

Труп этой девушки привезли из села со звучным старым финским названием Араппакози. Это с полсотни километров от Ленинграда. Село небольшое, была там хорошая молочная ферма. На ферме работал один пожилой зоотехник с образованием семь классов. При обыске у этого зоотехника нашли атлас по оперативной гинекологии. Знаете, кабы не этот атлас, я бы сто лет гадал, какой садист, зачем и как это с девушкой сделал.

Девушке, а если абстрагироваться от отсутствия девственной плевы, то скорее девочке, было всего пятнадцать лет. Причина смерти ясна сразу - острая кровопотеря. Но все же такую первопричину кровопотери я ни в одном атласе не видел - у этой девочки кто-то самым садистским образом через задний проход полностью вырезал ампулу прямой кишки. Для лиц, от медицины далеких, поясню - это тот участок нашей задницы, что какашки внутри нас удерживает. Интересно было и то, что вокруг ануса имелись многочисленные следы инъекций, а пробы тканей показали громадное содержание новокаина. Все остальное было в норме, за исключением разве что двухмесячной беременности. Но ни спермы во влагалище, никаких иных признаков насилия. Вроде как пришла девочка куда-то и попросила себе изнутри задницу вырезать. Ну обезболили и просьбу удовлетворили. Потом девочка с вырезанной попой отправилась домой, да по дороге потеряла сознание, а вскоре и скончалась. Чушь, думаете? Во-во, и я так думал.

Зоотехник Вячеслав Полторац никогда женат не был и судя по всему в свои пятьдесят лет все еще оставался девственником. Атлас по оперативной гинекологии к нему попал случайно - кто-то забыл его в электричке, когда Вячеслав вез свой крыжовник на базар в Ленинград. Набор хирургических инструментов, несколько напоминающих абортные, достался в наследство от деревенского ветеринара, который выйдя из длительного запоя, что-то там делал в коровнике, как его настигла белая горячка. Вячеслав с доярками кое как скрутили ветеринара, снесли его в сельсовет, где и вызвали скорую. Так как это был не первый заезд на белом коне у коровьего доктора, то попал он на полгода в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий для алкоголиков). Ну а инструментарий долгое время оставался в коровнике, пока его Полторац к себе домой не унес. Там же в сумке была полулитровая градуированная банка с новокаином и шприцы. И кюветки тоже были. Правда коровьи кюветки много больше женских, но выглядят похоже.

Жил Полторац весьма тихим одиночкой-бобылем. Ни пьянок, ни гулянок. В тихую гнал самогон, в тихую им же приторговывал. Никаких других противоправных действий он не совершал. Марина, кумова дочка, частенько захаживала к Полтораку за самогоном. Посылали ее в основном родители, Сявины кумовья, как они сами себя в отношении Полторака определяли. Слали обычно под вечер, вручат трешку и банку, и топай через все село. Но Маринку эти походы совсем не тяготили, она сама любила бывать у этого странного деда, как считались кумовы пятьдесят в девичьи пятнадцать. Полторац Марину не обижал и всегда подносил ее чаркой первача, малосольным бочковым огурчиком или квашеной капусткой с клюквой на закуску. Марина залпом пила, кривилась, закусывала, а потом долго просила Деда Вячу ничего не говорить родителям. На такие просьбы Полторац отвечал порой весьма резко: "Со мной-то умрет, сама не сболтни". Иногда Марина заходила с Гришкой, молодым трактористом, ожидавшим со дня на день призыва в армию. И ему Вячеслав чарки не отказывал. Пусть пьет молодежь, если не наглеет. Наконец Гриша прошел лысым по центральной улице Араппакози в старенькой фуфайке под звук гармошки и магнитофона

одновременно. Половина провожающих орала "Как родная меня мать провожала...", а другая пыталась фонетически подражать западно-шлягерной АББе с ее "Мани-Мани..." За призывниками подошел военкоматовский автобус, и Гришка с подножки долго кричал: "Маринка, ты жди! Я отслужу, а ты школу закончишь!"

А на следующий день Маринка притащилась к Полтораку за своей стопочкой с огурчиком, но вся в соплях и слезах. Деда Вяча по своей крестьянской простоте стал Маринку ободрять, мол два года не срок, вон моя крестница, твоя старшая сестра, так из колонии мужа пять лет ждала и ничего... Марина попросила еще чарку, захмелела и рассказала свою беду - Гришку она не любит, потому что он дурак и лодырь, да и изо рта у него воняет, и что он не только с ней, но и с Зойкой, что возле питомника живет, спал. А еще с теми студентками, что недавно к нам приезжали убирать картошку. Только Зойке и им ничего, а она вот беременная! Два месяца, как месячки не идут, уже и соленого хочется, а с жареной картошки рвет, с дрожжевого запаха тошнит. Дома сказать - так и думать не могли, отец с матерью точно коромыслами позашибают. А если взять и родить, то кому же она с ребеночком нужна потом будет? Короче дело такое, хоть в петлю. А если не в петлю, то надо как-то подпольно аборт сделать.

Вообще Вячеслав Полторак в Араппакози за умного считался. Он смотрел по телевизору "Программу Время", "Новости" и "Международную Панораму", выписывал журнал "Огонек" и газету "Сельская Жизнь". На любой вопрос отвечал не привычное "дыть эти говнюки там...", а по существу, например "а вот агрессивный блок НАТО...". Поэтому получив такое Маринкино откровение, он налил себе и ей самого лучшего самогону и принялся думать над решением проблемы. Одна рюмка для Вячеслава мало что значила, а вот третья для Маринки значила много - стала она пьяная орать, что пойдет сейчас же повесится на ближайшем дереве, али утопится в ближайшем колодце. Мудрый Дед Полторак достал аталс по оперативной гинекологии. Маринка подседа к нему и стала смотреть картинки, несколько успокоившись. Оказалось, что операции делать очень просто - на самые сложные операции было всего каких-нибудь восемь-десять картинок. А на аборт вообще всего три. Поняв простоту поставленной задачи, Полторак открыл ветеринарную сумку и показал инструментарий, поблескивающий белым цветом нержавеющей медицинской стали знаменитой марки 3X13. Там же были и необходимые медикаменты и шприцы. Правда настойку черемицы, как рвотное для коров, Полторак поставил в сторону, похоже этот медикамент для аборта не подходил. А вот йодовый раствор и новокаин это уже то что надо.

После принятия решения дело пошло споро. Полторак выпил одну за одной три рюмки своей самопальной водки "для храбрости", И Маринке налил четвертую, да под край полную, "чтоб не волновалась и больно не было". Затем достали клеенку, на которой Полторак обычно разделявал хрячков, и покрыли ей кровать, а сверху положили свежую белую простынь. Полторак начинал понимать что-то в дезинфекции и поэтому прогладил простынь утюгом "для стерильности". Коровий инструмент поставили торчком в ведро с водой, но так как ждать, пока оно закипит на печке было очень долго, то Вячеслав быстро вынес его во двор и там быстро вскипятил воду при помощи двух паяльных ламп, которыми обычно осматривал тех же забитых свиней. После этого весь инструмент разложили на столе, покрытым махровым китайским полотенцем с аляпистыми птичками и цветами.

Наконец все готово. Полторак наливает по последней рюмашке себе и Маринке, велит ей закатать юбку, снять трусы, лечь и широко расставить ноги. В стельку пьяная Маринка с благодарностью повинуется. Полторак еще раз читает небольшой текст под картинками в атласе и закрывает книгу - больше нечего там смотреть, все и так ясно. В первый раз в жизни Вячеслав Полторак коснулся наружного женского полового органа. Коснулся без скабрёзного желания, его целью было не обычное мужское "войти туда", а "профессиональное" желание пройти этот орган транзитом. Его тянуло глубже, к половому органу внутреннему, где и предстояло совершить операцию аборта плода. Однако осматривая женскую промежность, у Вячеслава возникли определенные сомнения насчет женской топографической анатомии.

Понятно, вот эти складки есть большие половые губы, значит между ними где-то и сидит клитор. Так, наверное этот смешной маленький прыщик, полностью спрятанный в каких-то непонятных складках кожи... Значит от двух до четырех сантиметров под ним должна быть дырка из которой писяют, уретра называется. Никакой дурацкой дырки не видно, все как-то склеено непонятными кожными складками, и место, которое Вячеслав видел первый раз в своей жизни его удручающе разочаровало - какая-то неглубокая щелка с вваливающимися во внутрь скомканными темными и жесткими волосами. Впрочем сами волосы ничуть не удивили, они весьма походили на то, что росло вокруг его собственного полового достоинства. Только у мужиков волоса не забирались в непонятные складки кожи. А вот раскрыть эту складочку двумя пальцами и посмотреть на истинную анатомию женского полового органа у Вячеслава ума не хватило.

Он решил проверить, где же уретра, простым нажатием пальца на середину щели. Палец вошел на пару сантиметров и уперся в нечто мягкое, завлекая за собой по пути волосы больших половых губ. Полторак спросил Маринку, больно ли ей. Ей больно не было. "Маринка, ты отсюда ссышь?" - для верности уточнил Полторак. "Да тута, тута, там дырка писять есть" - ответила Маринка. Полторак пошевелил пальцем, и тот вдруг провалился вглубь Маринки уйдя ей между ног на всю длину. Ага, значит это и есть уретра, женский мочеиспускательный канал. Ниже должно быть влагалище. Полторак вытянул остро пахнущий палец и пошел его тщательно отмывать под навесным рукомойником холодной колодезной водой с мылом. Никаких сомнений не оставалось - вон та круглая маленькая дырочка с многочисленными радиальными складочками кожи, разбегающихся лучиками во все стороны от отверстия чуть ниже этой гадкой непонятной щели и есть влагалище. А о том что у людей еще бывает анус, дырка из которой какают, Полторак как-то и не подумал. Конечно о существовании заднего прохода у женщин, наш народный умелец точно знал, просто не дошло до него определиться с местоположением влагалища, поискав еще одну физиологическую дырку. Не эротика ради все эти описания - такой ход Вячеславовых мыслей из протокола допроса выходил.

После первичного обследования пациентки Вячеслав налил себе и ей по последней рюмке водки, и сказал, что наверное минуты за три он управиться. Только до операции с чуть надо будет подождать, пока уколы подействуют. Закусив огурцом и быстренько перекурив "Беломоринку" перед делом, Полторак стал наполнять шприц новокаином. Ветеринарный шприц для крупного рогатого скота напоминал стаканчик с двумя колечками-ручками и поршнем с широкой рюмочкой-толкателем. Цилиндр большой, лекарства входит много. Ну и тем лучше, не зря Алексеич, ну тот самый коровий доктор, что отбывал с запоя в ЛТП, и чьим инструментом пользовались, постоянно говорил, что сельский ветеринар завсегда умнее и сноровистей любого городского врача. Вячеслав стал тщательно обкалывать ткани, окружающие анус. Местная анестезия оказалась минутным делом, и пол-литровая бутылка уместилась в четыре укола. . Потом посидели, покурили. Через полчаса у Маринки занемела вся промежность: "Слышь, Деда Сява, я уж табуретки под задницей не чувствую! Вроде пора..." Тогда "доктор" густо обмазал заднепроходное отверстие йодом и смело ввел туда коровью кюретку. Куски слизистой и самой стенки кишки выскакивали из ануса споро и в большом количестве. Поработав кюреткой для верности еще минуты две и убедившись, что больше из дырки ничего, кроме крови не идет, Полторак довольный закончил операцию. Маринка лежала бледная и слегка стонала.

"Вставай, Маринка, одевай трусы и иди домой - аборт тебе сделан, вон сколько гадости из тебя вышкреб. Эти красные ошметки и есть твой недоделанный детеныш. Да ты не расстраивайся, все хорошо, а я никому не скажу!" Полторак был явно доволен честно выполненной работой. Маринка кое как встала и надела трусы, которые тут же напитались кровью, только почему-то больше сзади. Следя за собой частым дождиком красных капель, она шатаясь вышла во двор, кое как доковыляла до калитки и медленно побрела вдоль забора по темной улице в свою сторону. Но как вы знаете, до дома она не дошла, свалилась через пару сотен метров и там же умерла. А как вы хотели, если у нее ближний к анусу участок

прямой кишки через задний проход так варварски поотдирали, а сплетение геморроидальных вен превратили в рваные лохмотья. Такая травма в обычных условиях с жизнью несовместима.

Конечно полувековая мужская девственность сама по себе тяжелый случай, но от элементарного знания женской анатомии никак не освобождает - нормальные лица мужского полу этак на заключительных этапах детского сада уже свободно ориентируются, где у девочек письки, а где попки. И уж подобная профанация в столь базисных вопросах мироустройства никак не освобождает от уголовной ответственности.

-- Лаврушка

Ну это тело выглядело впечатляюще, такое на всю мирную жизнь запоминается. Похоже, что нам ее сгрузили не с привычной труповозки-микроавтобуса, а с неведомой машины времени. Привезли точно из середины Второй Мировой Войны - или из концлагеря, или из блокадного Ленинграда. Помните этих ужасных дистрофиков? Если мельком глянуть на них, то не сразу определяешь, где мужчина, а где женщина - некие бесполое скелеты. Полнейшее истощение. На месте грудей, да и самих грудных мышц, глубокие провалы межреберных щелей. Шея настолько тонкая, что само тело кажется неким искусственным Буратино, вышедшем из-под руки скульптора с очень дурным вкусом. Крайняя дистрофия обратила мышцы в ленточки, и под тонкой тряпичной кожей их совсем не видно - колени кажутся громадными узлами на прямых, тонких как запястья, ногах-палках. То же впечатление на локтях и пальцах. Из-за истонченной, кажется до полного отсутствия, лицевой мускулатуры, щеки впалы, а рот и глаза приоткрыты, что навеивает картину некоего предсмертного адского страдания, запечатленного путем такой вот объемной фотографии. Ну хватит играть в эстетствующего судмедэксперта - если глянуть на низ живота, то сразу возникает здоровый профессиональный интерес. В надлобковой области, из ямой провалившейся брюшной стенки, выпирает нечто. Такое чувство, что перед смертью она проглотила баскетбольный мяч - сюрреалистическое дополнение к картине страшного голода. Так, ничего пока не режем, давайте эту балерину сначала на весы. Ого! Аж тридцать девять килограммов на метр семьдесят восемь. А если выкинуть четыре-пять кило, на то что у нее в пузе, сколько же остается собственного весу? 35 килограммчиков на такой рост - невероятно! И это в доме, полным еды. А ведь недавно здоровая была баба. Вот книжка с ее поликлиники - два года назад 97 кило. Не просто рослая, а еще при весьма пышных телесах. Глядя на этот труп, такое представлялось с трудом.

Полтора года назад Нелька действительно была знойной молодой женщиной округлых форм. Оптимистка и хохотушка, она своего лишнего веса совершенно не стеснялась. Диеты и ограничения на сладкие блюда ей были чужды, равно как ограничения на сладкие утехы. В Ленинград она приехала давно, тогда в свои ранние 17 лет, устроившись работать по лимиту маляром-штукатуром. Уже тогда Нелька была отнюдь не тихоня, хоть и неисправимая провинциалка. Нравы второй столицы быстро придали ей некоторого поверхностного лоска, хотя и не тронули основного клубка дремучей сельской простоты, что сидела ядром в ее душе. Все бабоньки из ее бригады были Нельке друзья. Каких-либо сложных хитросплетений в людских отношениях она просто не замечала, и наверное поэтому в ее комнате всегда было весело и шумно. Соседка, долговязая Наташка, полная Нелькина противоположность, с таким образом жизни смирилась, пожалуй единственное, что ее искренне огорчало, так это несхожесть их размеров - это исключало периодический обмен гардеробами для пущего щегольства. Водка и мальчишки в их общаге были не в диковинку, равно как и периодические культпоходы в вендиспансер и женскую консультацию.

В неполные восемнадцать Нелька получила первый свой фингал, за якобы переданную гонорею. На самом деле никакой гонореи тогда у нее не нашли, а нашли свежий острый трихомоноз и шестинедельную беременность. Нелька быстро из обвиняемой перешла в обвинители и обидчику спуску не давала, взяв того на пушку по двум статьям - она пугала

его одновременной сдачей в вендиспансер и надвигающимися алиментами. Кавалер такой атаки не выдержал и буквально на десятый день прессинга смылся из Ленинграда куда-то, оставив после себя богатое наследство в виде радиолы, старого бобинного магнитофона, телевизора и холодильника. Исчез странно, практически не попрощавшись. В последний день принес Нельке четыреста рублей денег и еще один магнитофон - кассетную "Весну", которая постоянно жевала пленку. Что-то говорил о море, какой-то путине, длинном рубле и старых друзьях. Все ждали официальных объяснений с отвальной. Но он никому ничего не поставил, а просто выписался из общаги и исчез. От такой роскоши девки устроили пир на весь мир, а в ближайшую среду Нелька не вышла на работу по поводу первого "абортного" больничного. Среда для таких дел самый лучший день - есть возможность дополнительно поваляться в выходные.

Нелька быстро разобралась в мальчиках-лимитчиках, правда общажные залеты не прекратились. От тихого Славика она забеременела на свое двадцатилетие - пили-гуляли большой компанией, а как до дела дошло, то оказалось, что вроде все "заняты". Щуплый и маленький, он Нельке едва доставал до уха. Весь вечер она почти не обращала на Славика внимания, считая его случайным гостем со стороны и уж явно себе не парой. А получилось, что его же на ночь и оставила - все разошлись, а он как к стулу прилип. Правда больше никой любви с ним не было - на следующее утро чуть до драки не дошло с его подругой, которая облазила всю общагу в поисках загулявшего возлюбленного. Из-за этой глупой ссоры Нелька дотянула с абортom почти до конца третьего месяца, как будто желая показать своей сопернице, кто теперь хозяин положения. Однако Славик снял где-то хату, похоже вместе со своей невестой, и они в общаге больше не появлялись. Искать же их ради продолжения скандала Нелька сочла глупым и пошла "облегчаться" во второй раз. Аборт прошел с некоторым осложнением в виде температуры, и ей пришлось задержаться в стационаре на пять лишних дней. Там же выслушала гневную отповедь старой гинекологши о "какого черта дотянутом сроке" и небольшую лекцию о правильном подмывании, ведении календаря с крестиками и "вакууме" - сравнительно безопасном методе вакуумной экстракции зародыша на первых днях задержки менструации.

Менструация! Как много значит это не слишком поэтическое слово для женщины! Категория поистине архитипическая, апофеоз детородной функции, да и физиологически это драма - кровавые слезы матки о несостоявшейся беременности. Месячка, менструа, течка - понятие наполненное совершенно особым смыслом, отделенным от мужского и детского умов магической стеной сакрального, исключительно женского бытия. Ее всегда так трепетно ждут, а когда она приходит, то с такой же силой ненавидят. Ненавидят за усталость и раздражительность, за вонь и головную боль, за прыщи и спазмы внизу живота, за кровь, когда страшно смотреть в унитаз, где не дай бог " аж кусками", за то что между ног трет, за таблетки, за грязные ночнушки и простыни в пятнах, за невозможность быть с мужчиной и за трудности все это ему объяснять. А в советское время неизбежным атрибутом менструации были еще и прачечные заботы - ареал обитания Тампаксов и Котексов на территорию Советского Союза не заходил, а подкладки с крылышками строго ассоциировались с чем-то техническим, с ремонтом оборудования на производстве. Вата, марля и тряпки - вот символы социалистической менструации, а фраза "я потекла" - ее лозунг! Пожалуй закончим оду этому физиологическому процессу и вернемся в Нелькину общагу.

Был Новый Год. Разгул праздника захватил весь этаж. Веселиться начали рано, и так получилось, что не в Нелькиной комнате. Это чудное и редкое обстоятельство имело следствием два половых акта с двумя разными парнями за один Новогодний вечер. Потом прошло аж три недели, а долгожданного "периода" все нет и нет... Умудренная жизненным опытом Нелька галопом помчалась в консультацию, чтоб успеть на "вакуум". Процедура оказалась неприятной, но по сравнению с простым абортom, действительно пустяковой. Выйдя из больничных стен Нелька зло рассмеялась - до нее дошел факт, что она даже не знает, кто отец того высосанного комочка. Вообще абортom плохо действовали на Нельку - на пару месяцев, а то и дольше, она становилась злой на всех мужиков мира. Хамила им, делала

мелкие гадости и всегда окончательно и безповоротно рвала отношения с "виновником". Правда после третьего аборта Нелька поумнела и сама стала покупать презервативы. Залеты прекратились, правда не надолго.

Потом был Петр. Ей уже двадцать шесть, а ему тридцать семь. Почему он пошел лимитить "под старость", почему был без семьи, осталось невыясненным. Петр стал Нелькиным исключением. От него она залетела дважды за три года. Каждый раз Петр предлагал ей выходить за него замуж, и каждый раз Нелька без сожаления ему говорила твердое "нет" и бежала за очередным номерком к гинекологу. Потом пару месяцев к себе не подпускала, ну а дальше... Дальше гормоны пробуждали от послеабортной спячки желание, которое вкупе с бесконечной Петькиной сексуальной дипломатией делали свое дело - она его прощала, но не до той степени, чтоб идти под венец. Тут ведь совсем не возрасте было дело. Несолидный он был. На работе едва держался. Пил Петр. Пил вечерами, пил в выходные. Пил много, хоть и без длительных запоев. Так пил, что мог обоссаться в ночь. Какая семья с таким? А что ходил он к ней три года, которые сама Нелька считала выброшенными - так куда же деваться, уже не столь молода, и по серьезному с ней не знакомится никто... Трудно было от Петра отказаться. Хоть и алкаш, а культурный, не бил, не ругался. Песни пел под гитару. Водил не только в ресторан, но и в какие-то музеи, а то бывало, что и на концерт или в театр. В общем с ним было поинтересней, чем с остальными. А еще Нелька знала, что он только к ней ходит. Для любой женщины факт значительный.

На ее пышные груди и пухлые бока всегда было много ночных претендентов, но все они хотели "такую экзотику" или разово, или когда их собственных подруг вокруг нет. К тому же Нелька была куда доступней многих. Как Наташка-соседка шутила, тебе только покажи ключик, как двери нараспашку. Но ни случайные партнеры, ни многочисленные подруги блядью Нельку не считали. Никогда и ничего Неля не хотела взамен, оплатой ей было хорошо проведенное время и оргазмы случай от случая. Лимитные молодые ухажеры частенько были в семяизвержении невоздержанны, да и в остальном необучены, наваятся, только заведут, как сразу и отвалятся с полной потерей интереса. Нелька пробовала поиграть в "недавалку", рассчитывая на более долгие ласки, но получалось даже хуже - и не потрогают, и не лизнут, а только злятся и домогаются побыстрее вовнутрь, да и то в основном словами, а не руками.

С Петром было не так. С Петром было всегда "вкусно". Проси, что хочешь - сделает, да и сама готова сделать что угодно. Закусив угол одеяла или подушки Нельке хочется выть, да она и воет от такого неземного удовольствия, пусть и сквозь стиснутые зубы. В такие моменты даже Наташка не смущает, хоть вот она, совсем рядом сопит себе под новым кавалером за тонкой простынькой, висящей на бельевой веревке, протянутой между кроватями. Утром она выгонит своего очередного партнера-новичка, бесцеремонно отодвинет эту бутафорно-символическую преграду, и опять будет беззастенчиво разглядывать сплетенное Нелькино-Петькино якобы тайное соитие, правда уже под одеялом. Хотя соседка ночами так часто встает водички попить - на их самые откровенные фокусы голяком за три года всласть насмотрелась. Ее уже почти не стесняются, как и она их. Наталья, накинув одеяло на ноги, но оставив голыми свои тощие, распластанные груди, закуривает сигарету и, завидливо косясь на блаженную парочку, начинает привычно плакаться, что мол вам хорошо, а мне с моим мудаком хоть собственными пальцами до кайфа дотрайся.

Квартирный вопрос для всех троих застыл в самой глубокой вечной неопределенности - обещания об отдельной комнате в коммуналке и постоянной прописке уже не вызывали былого оптимизма; общажный быт и секс стали некой естественной и единственно возможной нормой жизни. Перемен не ждали. На двадцатьдевятом году жизни Нелька забеременела в шестой раз. Она стояла возле большого настенного календаря, раскрашенного зелеными Наташкиными крестиками и ее красными ноликами. В какой раз она считала клеточки, тыкая в них погрызленным стержнем с красной пастой - задержка получалась недельной. Дело дрянь, у нее уже выработалось чутье на залеты. Пятница, вечер, а

настроение на выходные окончательно испорчено. Сейчас прибежит Наталка со своей малярки, притащит два пузыря водяры. Полтора на сегодня, половинка на завтрашнюю опохмелку. На этой неделе ее очередь "в лавку" бежать. За дверями заскребли, это явно не Наташка, у той или ключ, или будет лупить сапогом, если сетки в руках. Петр, наверное. Нельку взяло зло и она крикнула:

- Подожди, козлина! Щас я...

Она приоткрыла дверь. В щелку из коридора боязливо заглядывала Верка, костеллянша по кличке "Колобок". Маленькая и круглая, никогда и никем не любимая бельевщица обожала крупную Нельку, но вроде только по дружески, по девичьи, хотя с определенным легким лесбийским оттенком. Нет, ничего такого откровенного, просто обнималась да целовалась, когда той было или очень хорошо, или очень плохо. Сегодня, похоже, ей тоже было плохо, и Колобок пришла плакаться - к груди она прижимала бутылку "Пшеничной" и банку сосисочного фарша, вполне благородная закуска, а если добавить буханку хлеба, то ужин можно не готовить. С радости Верка обычно не угощала.

- Нелюнька, ты чего? Я тут к тебе. Недостача у меня за полугодие рублей на сорок. Но если что, то я пойду...

- Вер, да заходи. Я думала, что это мой коззел ломится.

Нелька замолчала и опять тупо уставилась в календарь.. Верка постояла у дверей некоторое время, видимо ожидая похвалы за водку. Потом поняла, что Нелька действительно зла, а поэтому обычных обниманий с чемиками, охочками да ахачками не предвидится. Она по хозяйски прошла к столу и стала хлопотать как у себя в комнате, скрепя открывашкой по жести и звеня стаканами. Нелька последний раз ткнула стержнем в календарь, бросила его с досадой, и наконец стала помогать Колобку, хоть дел осталось вытрясти пепельницы, да нарезать хлеб.

- А где Петр?

- Пятница сегодня, он поди уж бухой. Давай, садись, щас Натаха тоже водки принесет. Надо сегодня нам, бабам, нажраться. С горя. Ой, моя бедная писенька - залетелааа! Опять надо идти скребтись. На куски бы его порвала, алкоту - два раза на неделю его гандоны из себя по утрам вынимаю. Придет кобель - я его пошлю, уже в натуре навсегда!

Наташа легка на помине - грохот страшный и дверь ходуном. Значит Ната с магазина, да не стучи ты так, сестричка, уже открываем. И действительно, на стол ложится сетка яблок, колбаса, сыр и, конечно, водка...

- Чего хмуримся, бабы?

- Ой, Наталья, день сегодня - труба! У Колобка опять недостача, у меня опять залет. Наливай, поехали!

Часа через два компания уже была весьма во хмелю, хотя и не "на веселе" - минорная атмосфера трех пьяных девиц шла в некий диссонанс с душно-загульной атмосферой комнаты, где запах свежевывпитой водки сплетался с ароматами гастронома и вонью табачного дыма. Свет лампы без абажура (разбили каким-то транспарантом еще 7-го Ноября, по пьни после демонстрации) резкими лучами резал сизую мглу. Дым стоял слоями, и было видно, как эти слои дрожат в такт трем тоскливо, но громко, поющих глоток. Ни у одной не было заметного слуха, хотя голоса были у всех, конечно если судить не по тембру, а децибелам. Классическая "Вот стоит калина..." чередовалась с "Миллионом алых роз" и "Ты такой холодный, как айсберг в океане...", а потом опять включалось нечто народное вперемешку с а-ля народным новым пошлым фольклором, типа "Не ходите девки замуж" ну и дальше там про сиськи набок... Когда в дверь опять постучали, исполнялась "А я люблю женатого...". Наташка, как самая трезвая, ибо опоздала на первые пару стопарей, заорала "Открыто!". На пороге покачиваясь стоял Петр, в его руках застыла бутылка, завернутая в коричневую оберточную бумагу. Песня оборвалась на полуслове.

- Девушки! Марочное! - сказал он вместо приветствия.

Нелька сверкнула глазами и стала медленно вставать из-за стола. Притихшие подруги вжались в стулья, разоидись она серьезно, то Нелькиной силы хватило бы и на Петра и на них. Совершенно молча Неля подошла к своему "ухажеру", взяла из его рук бутылку и

поставила ее на холодильник, а потом развернулась и одним движением своей руки пихнула Петра назад в коридор. Тот опешил и от неожиданности сказал одно лишь глупое "Как...эээ?". Нелька захлопнула дверь перед его носом, задвинула шпингалет и застыла, упершись рукой в косяк. Вроде как будто ждала, что сейчас будут ломиться. По подрагиванию ее по мужски выделяющихся мышц, привыкших к большому мастерку с раствором и долгим часам тяжелой физической работы, было видно, насколько сильна она и ее ярость. Как и ожидалось, через несколько секунд Петр затарабанил, стал как-то истерично спрашивать, что же произошло. Нелька крикнула одно короткое "проваливай", сильно ударив ладонью по косяку, и пошла к столу. Пару минут за дверью была абсолютная тишина. Нелька сидела в ступоре, уставив глаза в одну точку. Наталья решила взять инициативу на себя. Сдвинув стаканы, она стала торопливо разливать остатки второй бутылки. Чокнулись и быстро выпили без тоста. Наташка неуютно поежилась, а потом скинула тапки и в одних чулках на цыпочках подошла к двери. Посмотрела в замочную скважину, затем приложила ухо. Через минуту заключила:

- Тихо, вроде. Похоже ушел.

Атмосфера разрядилась. Посудачив минут пять, коллективно пришли к выводу, что сегодня Петр уже не вернется. Опять потянулись ложками за сосисочным фаршем, стали его густо мазать на хлеб. Решили, что открывать третью бутылку водки будет перебор, но выпить все еще хотелось. Пospорили "мешать или не мешать" и пришли к выводу, что бутылка марочного вина на троих это не много, и такое мешать безопасно. Вино оказалось грузинским, вполне приятным, но весьма обыденным и дешевым по советским понятиям. Дружно закурили "болгарские". Поигрались в игру, кто сможет с закрытыми глазами отличить "Опал" от "Веги" и "Стюардессы". Получалось не очень, и все пришли к выводу, что все болгарские сигареты, за редким исключением, насыпаются из одной кучи, просто в разные пачки. Вечер входил в привычную колею, и девичник опять созрел для пения. Решили начать с того, где прервались:

- Парней так много холостых! На улицах Саратова-аа...

Дверь сильно дернулась, и шпингалет со звоном отлетел на пол. На пороге опять стоял Петр. На этот раз в его руке был букет цветов. Дорогой. А по сезону, так и очень дорогой.

- Не злитесь, шпингалет я почию... Неля, что произошло? Ну чего ты молчишь? Натали, Верка? Ну объясните мне наконец. Если я где-то был неправ... Неля, как и когда я тебя обидел?!

Все опять заткнулись и хранили молчание. Колобок делала вид, что очень интересуется этикеткой только что выпитого вина, наигранно вертя в руках пустую бутылку. Наталка взяла тарелку и стала сметать туда крошки со стола. Одна Нелька сидела практически не шелохнувшись и не изменив своей позы, подперши кулаками вмиг погрузневшее лицо. Ее глаза внезапно повлажнели, и она пропустив почти всю песню, неожиданно громко и невольно снова запела:

- А я люблю женатого-оо! С любовью справлюсь я сама, а вместе нам не справиться-аа!

Потом увидела, что ее никто не поддержал, и быстро смолкла. Петр подошел к ней и положил перед ней цветы. Нелька заревела, а Колобок покатила закрывать дверь от отворов случайных прохожих, многочисленных соседей в длинном общажном коридоре. Захлопнув дверь, она обернулась, чтобы убедиться, что ни ее, ни Петра Нелька выгонять не собирается, видимо разговор по душам будет при свидетелях. В предвкушении интересного приключения, она заперла изнутри замок, оставив ключ в замочной скважине. Нелька посмотрела на нее, потом на Петра и бросила:

- Да сядьте вы, не мельтешите, без вас тошно.

- Неля, так что же случилось? Скажи мне правду? Мы ведь уже года три, как договаривались не врать? Ты любишь женатого? Кого?

- Дурак! Дурак ты безмозглый. Никого я не люблю. А тебя, так вообще ненавижу! Все мужики кобели, гады и сволочи. Ваше дело не рожать - сунуть, вынуть и бежать! Залетела я. Из-за тебя, козла, снова пойду на аборт. На шестой аборт! Да за мои страдания тебе надо яйца

оторвать. Блядь, успеть бы на вакуум, а то опять скрести будут. Ох не хочу. Больно!

Девки сидели тихо-тихо, медленно курили уже до рвоты надоевшие сигареты. За вечер обе пепельницы переполнились и походили на ежиков, язык неприятно щипало от дыма, но сейчас они курили одну за одной - сигареты делали их как бы занятыми, невидимыми, неприсутствующими при разговоре. Петр встал, подошел к телевизору и вытащил из-за него бутылку водки, спрятанную девками от случайных посетителей для завтрашней опохмелки - все их трюки давным-давно стали и его трюками. Спросил, кто будет? Колобок и Наталья отказались, Нелька сунула ему стакан. Стакан доехал до самого края стола и чудом не свалился. Петр налил себе и ей. Выпил, закурил сигарету и сказал:

- Девочки, выйдите на минутку, нам тут поговорить надо.

Верка и Натаха недовольно переглянулись - их игра в "невидимость" явно не сработала. Наталья вопросительно уставилась на соседку, только намекни, я сейчас ему такой скандал устрою, как полноправная хозяйка комнаты, сам быстро вылетит, вместо того, чтобы нас гнать! Однако Нелька едва заметно качнула головой в сторону двери. Подруги нехотя встали, Колобок высыпала пепельницы на газету, а Наталья подхватила пустые бутылки, чтоб не выходить совсем уж без дела.

- Неля, ты третий раз беременеешь от меня и я третий раз тебе предлагаю выйти за меня замуж. Мы оставим ребенка, мы подадим на малосемейку. Нам дадут, ну не позже, чем через год после родов. А семейные с ребенком, мы уже станем в нормальную очередь, не в коммуналку, тут ведь не меньше двухкомнатной...

- Заткнись.

- Неля, ну я ведь тебе же правду...

- Заткнись, я и так знаю, что ты правду говоришь. Только так не будет. Еблись мы вот по пьяне, а с тобой, пропойцей, иначе и не бывает. Ты каждый вечер под газом. Ты же бухарь, алкаш конченный. Ты же как дорвешься до халявы, меры не знаешь. Ты же тогда меня ночами обыскаешь! У таких дети уродами рождаются. Не-еет, в понедельник за номерком и на вакуум. Замуж за него! Размечтался. Алкоголика мне на остаток жизни не хватало. Тебя вот выгоню, так может кого нормального найду! Вон Вика с шестнадцатой комнаты за ленинградца замуж через месяц выходит. А она на два года меня старше.

- Постой Неля! Я ведь пью, что холост, что семьи нет. Да если бы семья, да я бы сразу бросил... Я бы подшил, я бы "торпеду" вколот! Я бы...

- Заткнись! Ты как мой отец, который...

Она пыталась рассказать про отца, которого абсолютно не помнила. В ее памяти почему-то остались ножки их старого стола, много раз крашенные, облупленные, с оголившимися разноцветными пятнами из разных слоев. Рядом нечто эфемерное, синее, яркое. Вроде это вещь какая-то, а может одежда. Этот неясный "звон" из самых ранних моментов памяти и был понятием ее настоящий отец. Что-то сильное и страшное связано с этим мгновением, но что конкретно она вспомнить не могла, да и не хотела. За невинным кадром ранних воспоминаний стояла вся драма ее семьи, матери, бабушки, старшей сестры и Федора. Хотя Федор появился поздно, когда Нелька заканчивала пятый класс. За три года она научилась говорить ему дежурное "папа", а после восьмого ушла в училище и переехала в райцентр. И "папа" опять стал Федором. Зачем мать его взяла, она тогда не понимала. Сейчас ей кажется, что из-за денег. Федор был парализованным инвалидом первой группы, но резво катался по их маленькому домику на коляске, делал самодельные блесна, крестики и цепочки, которыми мать вполне успешно приторговывала на базаре. Плюс пенсия по инвалидности... Она знала, что Федор не пил, то есть пил, но мало, а ее настоящий отец пил много, и что из-за ее отца Федор инвалид. Точнее не из-за отца, а из за водки, которую они пили, Федор очутился в кресле, а отец в тюрьме, где и сгинул много лет назад. Бабушка и мама постоянно внушали девочкам, что с алкоголиками жить нельзя, хотя сами особыми трезвенницами не были.

Не отличаясь слишком философским взглядом ума, Нелька вполне владела умом

интуитивным, простым, бытийным. Сама жизнь подтверждала их семейное проклятие - алкаши, это не мужики. Проблема была в том, что в их лимитной общаге и на их лимитной работе, неалкашей было мало. А те что были, на плотную, рослую и, в общем, некрасивую Нельку не глядели. А для нормальных городских мужиков, пусть даже разведенных, с алиментами и в возрасте, но коренных ленинградцев, она была из касты неприкасаемых, девочка на лимитной прописке. Остались, пошлые сопляки, случайные любители экзотики в виде секса со "здоровой коровой с воо-от такой жопой и дойками", или алкаши. Лимитные алкаши были более "своими", нежели городские. Ну а Петр был из них, лучший из худших. Это она ему и объяснила.

Петр дослушал до конца. Глаза его стали очень серьезными. В свои сорок он выглядел куда старше, а в этот момент казалось, что на него внезапно свалилось еще лет десять. Он медленно встал и сказал:

- Я прошу тебя, не делай аборт. Дай мне шанс. Аборт можно делать до трех месяцев, сама мне говорила. Я бросаю пить сейчас. Я больше не пью совсем. Я готов подать с тобой заявление в ЗАГС. И если ты хоть раз увидишь меня пьяным, тогда ты права и между нами все кончено. Тогда я алкаш, и портить тебе жизнь не буду. И не буду я травиться антабусом и "торпедой". Я так брошу. Я завтра приду. Я каждый день буду приходить. Трезвый...

Петр отставил стакан с водкой и вышел. Нелька его передразнила смешной гримасой, подождала пока тот спустится по лестнице, и пошла ж умывальник за водой для цветов. Там на подоконнике сидели ее девчонки. Все вместе вернулись в комнату, где выслушали короткое Нелькино объяснение в три слова, но вмещающее весь разговор: "Обещал не пить!". Потрепались, сошлись на том, что это брехня. Наконец пьяное возбуждение сменилось апатией и потянуло на сон. Все поняли, что вечер окончен. Хозяйки разделись и улеглись по кроватям, а Колобок на прощанье по бабьи обняла Нельку, прижимаясь к ее грудям и говоря глубокомысленное "вот видишь, как оно, хотя конечно, если нет, то тогда..." и тоже пошла спать. Вставать и закрывать за ней дверь было уже лень.

Около десяти утра в их незапертую комнату вошел Петр. Явно с похмелья, но непохоже, чтобы он чего добавил вчера. Из кармана достал отвертку и шурупы, стараясь не шуметь поставил на место шпингалет. После излиятий и нервоотрепки девки спали, или делали вид, что спали. Петр убрал со стола, подмел, помыл посуду, а затем залез в холодильник, чего-то там набрал и ушел на кухню готовить завтрак. Минут через сорок он внес благоухающую сковородку жаренной картошки со шкварками, кастрюльку отварных сосисок и кофе. Точнее чайник с кипятком, кофе был растворимый. Нести в одной руке сковородку и чайник, а в другой парящую кастрюлю, было крайне неудобно, и "спящая" Нелька пулей подскочила и помогла ему все поставить на стол. Потом пнула Натшку и они, как были в ночнушках побежали через весь коридор в умывальник. Петр зная их вкусы, сделал каждой кофе, нарезал огурцов и хлеба, намазал несколько ломтей маслом. Такой примитивный стол считался вполне приличным для лимитчиков и бывал далеко не каждый день. Не из-за бедности, получали ребята достаточно, а из-за лени и пренебрежения к собственным нуждам.

Вернулись бабы. Нелька хитро осмотрела стол и достала оставшуюся со вчерашнего початую бутылку водки.

- Голова болит, шас похмелимся разом на три стакана!

И она быстро разлила остатки на троих. По лицу Петра пробежала весьма заметная тень внутренней борьбы - его желваки заиграли, глаза забегали, горло дернулось, как будто он несколько раз подряд путался что-то сглотнуть.

- Ну?

- Не буду я. Обещал. Ты мне нужней, чем водка. Ты и наш ребенок!

Нелька хмыкнула и чокнулась с Наташкой. С утра, как обычно пили за "лося". Чтоб спалось, еблося и любилось. Петр молча наблюдал. Нелька сунула стакан ему в руку. Петр понюхал водку и отделался стандартной шуткой, про то как такую гадость коммунисты пьют, а затем разлил свой стакан девчонкам. Нелька, похоже, удивилась по настоящему и больше

экспериментов на стойкость не проводила. Выпили за погоду, хотя окно уже чертилось длинными косыми каплями ледяного ленинградского дождя. Особых планов на день не было, но девок развезло "на старые дрожжи", и они страсть как хотели куда-то выйти. Порешили сходить в кино, а когда вернулись, то устали в телевизор до самого вечера.

Воскресенье выдалось солнечным, Наталка засобиралась на чей-то День Рождения, где якобы много потенциальных кавалеров, а Нелька с Петром, как семнадцатилетние, просто вышли на улицу, и поплелись по Ленинграду, как они говорили, "в далекий поход" - от моста Гренадеров по набережной через Стрелку и дальше до Исакия и Кировского, а потом назад длинным кругом через Невский, Литейный... Просто гулять. Приятно и бесцельно, до вечера, до страшной усталости в ногах.

Петр приходил каждый вечер. Чтобы не искушать его, пьянки в Нелькиной комнате полностью прекратились - временами, конечно, девки бегали на стопарь к Колобку или кому к соседям, но в комнате ничего не держали. Через несколько дней Нелька сновапустила Петра к себе, резина ей была уже не нужна, и они оба блаженно наслаждались "настоящими голыми писями". В конце концов Петр стал ездить к себе в общагу реже и реже, в основном по необходимости дежурств по этажу, комендантского собрания, субботников или иной досады. Наташка удачно нашла какого-то мужика на стороне, и тоже стала исчезать на долго со своей временно-приписанной жилплощади, так что у Петра и Нели началась практически семейная идиллия - по обоюдному признанию, самый счастливый период за всю их сознательную жизнь. Бабки на вахте к вежливому Петьке давно уже привыкли, а уж как он стал трезвенником, то вообще души в нем не чаяли и относились к нему куда лучше, чем к законным жильцам.

К концу третьего месяца перед Нелькой встала дилемма - пойти и незаметно сделать аборт, ничего не говоря Петру, или соврав о выкидыше, якобы случившемся на работе. Ее влекло на этот шаг по двум простым причинам - она видела сколько труда стоит для Петра пройти мимо каждого винно-водочного магазина или пивной точки, она не верила, что такое может продолжаться долго. Вот если устроить "испытание" и на год! А тогда, чем черт не шутит, может он и вправду завязал? Ну а вторая причина была еще проще - после трех месяцев аборт в СССР было сделать нельзя. Легально нельзя. А вот перспектива родить и остаться без мужа, если тот снова запьет, ее пугала больше всего. Однако она недооценила его. Петр почувствовал ее сомнения, и уверил, что через несколько месяцев пять она будет женой по паспорту, а потом ей туда впишут ребенка.

И Нелька никуда не пошла. Петр гнал ее к врачу, чтобы провериться и встать на учет, но что-то в Нелькином подсознании запретило ей это делать. Может быть негативные ассоциации, связанные с этим заведением, а может боязнь легально "засветить" свою беременность - после этого уже и криминального аборта не сделаешь, так как Советское Государство рабочих и крестьян начинало учитывать своих подданных еще до их рождения. Нелька соврала Петру, что она была в консультации, что доктор ее посмотрел, все мол нормально, и сказал приходить если будет токсикоз, а если нет, то тогда аж напрямиком на роды. Петр не разбирался в тонкостях диспансерного наблюдения, и его ответ вполне устроил. Токсикоза у Нельки практически не было. Ну воротила нос от духов, три-четыре раза блеванула, а так, если и подташнивало, то слегка и без особой головной боли. Прекрасная легко протекающая беременность. На фрукты и хорошее питание денег не жалели. К концу пятого месяца Нелька бросила курить и стала пить витамины "Гендевит", лучшее, что имелось для будущих мам в советских аптеках.

А на двадцать второй неделе у Нели впервые забился ребенок. Вначале изредка, а потом чаще и чаще. Она говорила об этом Петру, и наконец положила его руку к себе на живот. Неопишуемая картина! Петр ощутив биение малюсенького человечка с испугом дернулся, а потом застыл и долго долго ждал очередного шевеления. Он испытывал гордость и какую-то детскую радость, когда его чадо не просто напоминало о себе из кругленького Нелькиного

животика легким трепетанием, а по-настоящему заявляло хулиганским стуком в его ладонь через мягкие стены своей уютной квартирки. Петр прижимал свое ухо к Нелькиному животу, ощущал биение щекой, попутно покрывая ее пузо бесчисленными поцелуями, начиная с пупка, ставшего таким смешным, большущим и выпуклым. Единственной сложностью для Нельки стала работа. Она также исправно давала свою норму, но это ей давалось уже куда тяжелее, запах красок она переносить не могла, а поэтому вламывала, как кобыла, исключительно на штукатурке. Без справки с консультации рассчитывать на облегченную работу не приходилось, ибо официально она беременной не являлась.

И тут случилось несчастье. Окончательно убедившись, что Нельке деваться некуда, поняв, что теперь она по любому выйдет за него, Петр сорвался. Нет, он ни в коем случае не был каким-то злодеем, обманувшим ее. Просто сдерживающие мотивационные механизмы в виде "выпьешь - пошлю на три буквы" перестали его пугать. Остальное, как желание создать семью, любовь к Нельке и будущему ребенку, все это осталось. Он искренне хотел больше не пить. Он просто сорвался. Самое страшное, что рациональная сторона его подсознания оказалась абсолютно права - Нелька даже и не подумала его бросать. Всякие условия и ультиматумы оказались давно забытыми и несерьезными. Нелька страшно хотела семью! Она стойчески стала выискивать его по друзьям, тянуть пьяного к себе в комнату по крутым лестницам. От таких упражнений ее беременный живот иногда побаливал, но не так чтоб сильно. Но Нелина любовь сослужила злую службу с Петром - его тормоза совсем отказали. Она ведь даже не ругала его. Тихо стояла и плакала, отмывая его рвоту и стирая его трусы. Когда он был более-менее вменяем, то просила, умоляла, стояла на коленях, валялась в ногах, шептала ему на ухо, вслух мечтая о будущем... Тщетно. У Петра начался запой, чего раньше никогда не было. Вдруг деньги исчезли полностью. Какие там фрукты и овощи - Нелька две недели ходила просто голодной. Конечно, можно зайти к соседям, к Колобку - эти последнее для беременной подружки отдадут! Нелька так и поступала, но только в моменты, когда совсем невмоготу. Да, она простая примитивная лимитчица, но и у нее есть гордость. Ей стыдно за Петра.

И вот Нелька не выдержала. Петр пришел пьяный и с ободраным лицом, тут она ему и закатала первый и последний скандал. А ведь это был день аванса! И он не дал ей ничего. Она сказала, что отныне она будет жить исключительно на свои деньги - ей нужно хотя бы элементарно хорошо кушать. Но видимо запой уже сделал свое дело - Петр совершил поступок, которого Нелька от него никогда не ожидала. Он вырвал из ее рук ее же кошелек и быстро убежал. Она гналась за ним, почти до вахты, и наверное, догнала бы, если бы так не заколотилось сердце и не налился противной тугой болью низ живота. Испуганная баба Аня выскочила из своего закутка, и усадила Нелю к себе на вахтерский стул. Минут через десять боль прошла, и Нелька размазывая сопли и закрывая рукой слезы пошла к себе в комнату.

Петр вернулся часа через два. Гораздо пьянее, чем был, да еще принес с собой две бутылки водки. Он кинул Нельке её пустой кошелек и предложил ей с ним выпить. Неля молча взяла водку и выставила за дверь. Вообще-то было желание всё разбить, но она просто вспомнила тот вечер, в день, когда только узнала о своем залете, и ей очень захотелось повторить нечто подобное. Ее простенький расчет сработал - Петр вышел в коридор за водкой, а Нелька проворно закрыла дверь за его спиной. Не веря больше в надежность шпингалета, она заперла изнутри замок на два оборота.

- Ты, пусти коза! Сука, чё делаешь?!

- Нет, теперь не пущу. Иди пей где хочешь, а не у меня в комнате. Жри свою водяру! Мне плевать. На тебя плевать!

- Ну и сука! Пойду и выжру! Всю выжру тебе на зло!

Нелька бросилась на кровать и зарыдала, уткнувшись носом в подушку. Плакала долго и безутешно, но наконец слезы кончились, и на смену им пришли глубокие порывистые вдохи, как бы с легкой дрожью. Такое бывало с ней очень давно, маленькой девочкой, когда после сильного и длительного рева от несправедливой обиды, вдруг внезапно приходило

облегчение в виде таких вот шумных вздохов. Ей самой показалось на момент, что она опять в своем детстве, завершение почти детского плача сработало, как дежавю. Вроде она не прошедшая Крым и Рим, тридцатилетняя стокилограммовая бабища, а снова маленькое, запуганное существо, спрятавшееся между теплой печкой и здоровым мешком с тыквами от страшного, огромного мира с коварно обижающими взрослыми. Эти внезапно наворачнувшиеся детские переживания стали приятны для нее, она еще пару раз вздохнула, и закрыла глаза. Скоро перед глазами поплыли мутные большие картины, переходящие в неясные пятна, фиолетовые, синие, желто-зеленые на бесконечном бархатном фоне черной пустоты. А потом унеслись и они, и Нелю окутал тихий сон, каким спят вдоволь наревевшиеся дети.

Она проснулась под утро от страшного стука в дверь. Наверное Петр приперся, кому же еще. Однако за дверью явно было несколько человек. Все похоже трезвые, голоса вроде знакомые - мужики со второго этажа. Накинув халат, она поспешила открыть. Точно, перед дверями стояли два парня из 28-й, по домашнему одетые в "спортивку".. Видно, что испуганы.

- Неля, Петр умер. В нашем сортире. Мы в ментовку пока не звонили, к тебе вот пришли...

Втроем прошли в сортир. До Нельки еще не дошла серьезность происходящего, хотя она чувствовала, что парни ее не разыгрывают. А может Петр просто мертвецки пьян? С интересом пересекла некую запретную линию мужского туалета и тут поняла, что что парни не ошиблись. Петр лежал поперек унитаза, как на дыбе. Лицо его упиралось в зассанный пол, и будучи ниже тела налилось синей трупной кровью. Рядом валялись две пустые бутылки. Нелька тихо присела, макнув полы своего халата в туалетную грязь. Она не плакала и ей не было страшно. Коснулась холодной шеи, поднялась и сказала:

- Ну вот и пиздец. Сгорел мой Петенька от водки. Надо бы ментам позвонить...

Потом она долго сидела на подоконнике в коридоре мужского этажа, подходили парни, своя родная лимита, что-то говорили. Она моментально забыла, что бросила курить, стреляла горькую и плоскую мужскую "Приму" и смолила одну за одной. Текли слезы и сопли, она утирала их ладошкой, пальцы становились мокрыми и мочили сигарету. Приехали менты, походили по сортиру, попросили парней помочь вынести тело. Какой-то лейтенант задал несколько вопросов. Вопросы были простыми - когда видела последний раз, был ли пьян, и сколько у него оставалось водки? А вот жила ли она с ним, беременна ли от него, это никого не интересовало. Нелька поняла, что вокруг смерти Петра копошатся лишь мелкие дежурные формальности с полным официальным безразличием. Ей быстро сунули подписать протокол свидетельских показаний, а потом о ее существовании забыли.

Новость моментально облетела общагу. В Нелькину комнату потянулись подруги с соболезнованиями, вскоре приехала Наташка. На работу Нелька в этот день не пошла. А на следующий вышла как обычно. Ее душа переполнилась жалостью. Вначале было жалко Петра. Потом стало жалко саму себя - жизнь показалась окончательно сломанной. Машинально она прокрутила события на полгода назад, и ее взяла досада - почему она послушала ту глупую клятву больше не пить и почему не пошла на аборт? Жалость и досада сменились гневом к тому, кто сидел в ее пузе - она больше не хотела этого ребенка. Работалось плохо, однако Нелька с остервенением начала кидать штукатурку на стены, а когда та вышла, то схватила ведро и сама побежала вниз за свежим замесом, подъемника ждать не стала. Пусть будет выкидыш! Ломило руку от тяжести, дужка врезалась в пальцы, однако ничего не происходило. И тут вечером к ней пришла Верка-Колобок и рассказала один народный рецепт, как ребенка весьма просто убить внутри, а потом вызвать преждевременные роды.

Рецепт был прост - пачка лаврушки на стакан кипятка. Отвар выпить, а сам лист завернуть в марлю и засунуть на ночь во влагилице. Тогда пачка лаврового листа стоила четыре копейки. Вечером Колобок зашла в магазин и взяла сразу десять пачек, к немалому

удивлению продавца. Принесла их Нельке. Та, следуя ее инструкциям, запарила, настояла, выпила, завернула, засунула. Колобок просидела с Нелькой до часу ночи, однако ничего не произошло. Утром разболелся живот, но не сама матка, а с боку, где придатки, хотя боль была терпимой. Нелька пошла на работу, а вечером позвала Колобка, и они повторили процедуру. Результат был тот же, но живот болел уже меньше. После отвара немного мучила изжога, но в общем состояние было нормальное. День в день они израсходовали семь пачек, и Нелька уже была готова отчаяться в Колобковой медицине, как вдруг ощутила, что метод работает - шевеления плода полностью прекратились. Она продолжала ходить на работу, таскать там тяжелые ведра с цементом, однако роды не наступали.

Прошло еще пару недель и живот заметно спал. Неля не понимала, как такое возможно, и что с ней происходит, не может же ребенок рассосаться! Работать стало очень тяжело, она быстро уставала, стала совсем слабой и начала терять вес. Навалилась апатия и безразличие. Каждый день к ней приходила Колобок, помогала с ужином, мерила температуру. Температура если и была, то небольшая, а вот аппетит пропал совсем. От вида и запаха еды Нельку рвало. Колобок чувствовала, что что-то не так, что-то идет не по плану, чувствовала свою вину и боялась страшных последствий. Она умоляла Нельку ни в коем случае не ходить к врачу, ободряя ее, что все идет как надо и роды с мертворождением наступят со дня на день. Обхаживала Нельку как могла, даже когда та перестала ходить на работу. С отдела кадров позвонили комендантше, и та пришла выяснить в чем дело. Нелька страшно похудела и едва держалась на ногах. К счастью Колобок оказалась рядом - объяснила комендантше, что Нелька на больничном, заболела с горя после смерти Петра. Такой ответ показался естественным и с отдела кадров больше не звонили. Изредка приезжала Наталья, но и ее Колобок убедила не поднимать шума. Непрошенных гостей быстро отвадили под тем же предлогом душевной травмы, этим же объяснили и ужасный Нелькин вид. Вскоре Неля настолько ослабела, что едва могла встать с кровати. Даже ходить в туалет стало нелегко. Работая в общаге, Колобок денно и нощно находилась с Нелькой, обслуживала ее, принесла откуда-то стульчак с горшком, который выносила ночами, в тайне от людских глаз.

Когда Нелькина худоба стала пугающей, дверь в комнату стали держать на замке, а перед дверью повесили простынь - Колобок боялась, что кто-либо увидит Нелькино состояние и вызовет "Скорую". Теперь живот выделялся куда резче, чем даже тогда, когда Нелька была здоровая на своем пике беременности. Как последнее средство решили еще раз попробовать лаврушку. Неля с трудом заставила себя проглотить противную жидкость и запихала в себя тампон с листом. Ей стало совсем плохо, живот скрутило, но не внизу, а в области желудка. Grimаса боли отразилась на ее лице, но слабость и истощение взяли свое, и наступило забытие.

Колобок валялась рядом на Наташкиной кровати и читала книжку, когда зашуршал ключ в замке. Она подскочила и подбежала к простыне, отделяющую перед дверью импровизированную прихожую. Вернувшись Наташка недовольно крутила носом - в комнате стоял неприятный запах, неизбежный спутник стульчаков, уток и лежачих больных. Колобок попросила Наташку не шуметь, так как Неля спит. Но Неля уже не спала - она умерла.

На вскрытии быстро нашли причину интоксикации и следующего за ней истощения - пергаментный плод. В определенных условиях женский организм не отторгает мертвого плода, а оставляет его в матке. Такой плод не может подвергнуться полной резорбции. Он частично рассасывается, истончается и становится как бы сделанным из парафина. Название "пергаментный" это официальный термин. Для меня плод парафиновый или пластмассовый, потому, что я пергамента за свою жизнь в глаза не видел, хоть и знаю что это такое - тонкая, выделанная под бумагу, кожа. Решено было его сохранить, как учебное пособие для курсантов, и третий участник этой драмы нашел свое прибежище в банке с формалином. Ну а насчет самой главной причины - лаврового листа.. Ха, вы думаете, что я такой умный? Да в жизнь бы не определил почему такое произошло, кабы не характерный запах желудочного

содержимого и сами листья, извлеченные из влагалища.

-- Катапульта

Прапорщик Мишуков обслуживал катапульту - здоровый механизм, чем-то похожий на аттракцион. На небольшом помосте у высоченной решетчатой мачты стояло пилотское кресло, скользящее вертикально вверх по длинной рельсе, идущей по металлической ферме. На этом тренажере тренировали военных летчиков аварийно покидать самолет. В самолете под креслом имеется специальный пиропатрон, который и выстреливает пилота словно ракету. "Удовольствие" не из приятных, но готовиться к таким ЧП надо. Вот и создали для этих целей машинку, имитирующую возникающие нагрузки. Тренировки на катапульте строго лимитированы - каждый "прыжок" дает сумасшедшие нагрузки на позвоночник, а если переборщить, то и сотрясение мозга получить можно. Сколько раз Мишукову приходилось мыть кресло от мочи и дерьма, поэтому он каждого пилота просил сходить в туалет перед занятием.

Как ни странно, но еще об одном интересном применении вверенной ему техники, прапорщик Мишуков узнал от своей жены. Знаете, офицеры народ мобильный, интересы Родины их частенько кидают с места на место, и разумеется с ними следуют их верные боевые подруги и тылы - офицерские жены. Прапорщики обычно более оседлы, ну и прапорщицы, соответственно. Жены прапорщиков в военных городках считаются старожилами, они всегда готовы встретить новеньких лейтенантш и капитанш и ввести их в курс дела, а те в свою очередь делятся с ними впечатлением и опытом с предъидущего места службы муженька. Так вот одна из новоприбывших и рассказала мадам Мишуковой об абортных возможностях катапульты. Говорят, что впервые это открытие было сделано случайно, во времена Юры Гагарина и Вали Терешковой, когда кандидаток на звание первой женщины-космонавта отбирали. Так вот одна из претенденток оказалась слегка беременной, и сразу после "отстрела" на катапульте у нее случился выкидыш. Ну оно и понятно -такие перегрузки просто отрывают плод от маточной стенки.

Мишукову эта мирная возможность его военного агрегата очень понравилась. Вот и решил он немного денег подзаработать и попрактиковаться в бесконтактной гинекологии. Вначале дело шло туго, клиентуры было мало. Но город Ленинград под боком и молва о добром кудеснике туда долетела. Брал Мишуков не много, от трех до десяти рублей. Со знакомых и жен знакомых не брал ничего. Лишних вопросов Мишуков не задавал, порой даже имени не спрашивал, что многим очень нравилось. Тайком проводил баб на территорию части, сажал в кресло, пристегивал ремнями и кидал. Обычно хватало одного раза, но иногда приходилось повторять аж до пяти раз. Но успех был всегда и успех стопроцентный. Будучи человеком внимательным и заботливым, он после каждого "покидания самолета" спрашивал пациентку, как та себя чувствует. А ну если пять раз подряд трясти придется? Тут поневоле почувствуешь себя, как после нокаута. В таких случаях Мишуков проявлял поистине джентльменские качества - после "экзакуции" он брал даму под ручку и заботливо доводил до самой станции, и не уходил, пока не сажал ее в электричку. Дальше он, правда, не следовал, боялся что жена может неправильно понять. О своей частной практике на гособорудовании он языка не распускал, хотя и особой тайны не делал. Многие сослуживцы, видя Мишукова с очередной женщиной, только небрежно махали рукой, опять мол какая-то на катапульту "облегчаться" приходила.

А все же зря Мишуков ничего не спрашивал, кроме самочувствия после "полета". Один вопросик ему все же следовало задавать до посадки на тренажер. Простой такой вопрос: "Какой срок беременности?"

Ирина залетела в отпуске - с подругой поехала в Геленджик, море, фрукты, танцплощадки. Сама она в Луге жила, а на танцах повстречала парня из Питера. Двести километров ерунда, считай земляки. Если бы он из Москвы, к примеру, был, или еще откуда подальше, то она бы

и в голову не брала, получила летнее удовольствие и прощай. А тут близость жительство как то к продолжению намекала. Она уехала чуть раньше, он позже. Через неделю позвонил, пригласил к себе в гости. Очень хотелось продолжения отпускного рая. Она приезжала к нему, а он к ней. Но работа... Получалось только на выходные. Месяц молчала, а потом рассказала, что беременна. Отношения сразу закончились, а любовь осталась. У нее. А у него оказалась уже есть невеста, да и вообще Ирка ему не пара, а так погулять, повеселиться. Может никакой невесты не было - не стыкуется такая с полностью свободными выходными, да и не станет официальный жених у себя постороннюю девушку на две ночи оставлять. Потом какие слова он до того говорил... Короче Ирка решила оставить ребенка. Дождалась до пяти месяцев, а потом передумала. Не видя "суженного" долгое время, быстро переосмыслила его "достоинства", и любовь сразу куда-то делась, да и матерью-одиночкой перехотелось быть. А если честно, то ее она ей и не хотела быть никогда, просто ждала, что "любимый" вернется. А коли любимый перестал быть любимым, то и на фиг такое надо.

Возможностей легально прервать беременность уже не было, но она вспомнила, что когда-то одна подруга рассказывала ей, что под Ленинградом в одной военной части мужик на какой-то машинке делает такие выкидыши, что обзавидуется любой гинеколог! При этом сам в дырку не лезет и даже имени не спрашивает. Денег берет смех, червонец, да наверное и за бутылку с ним можно договориться. Прямо сказка! Ирина быстро разыскала ту подругу и узнала, как пробраться к чудо-знахарю. Оказалось просто - надо сесть на электричку и поехать в Горелово, там найти детский садик и спросить любую воспитательницу. Тот детсад для детей военных, а воспитки там все их жены, они точно на этого чудесника выход имеют. На следующий день Ирина взяла отгул и поехала по указанной наводке, правда без особой надежды на успех, путь поиска этого "акушера" казался слишком уж нечетким и безличным.

Однако зря она переживала. Быстро нашла указанный детсадик. Как подойти, что спросить, как объяснить, что тебе надо и кого ты ищешь? Прямо не сказать - тут со стыда сгоришь. Лучше всего, решила Ирина, это спросить всего два вопроса, где тут летняя часть, и не знают ли они мужика, который на "подбрасывающей машинке" там работает? Оказалось, что и часть недалеко, и мужика такого они знают. И даже догадываются, зачем она этого мужика ищет. Воспитательница оказалась участливая, сама куда-то позвонила, о чем-то договорилась. Ничего за это не взяла, а просто сказала, что иди мол по этой дороге, пока не дойдешь до здорового бетонного забора. Иди затем вдоль этого забора до зеленых ворот с красной звездой, а там тебя уж ждать будут. Отсюда за час дойдешь.

Пошла Ирина, как сказали. Дошла до ворот, а там и вправду ее мужичок-прапорок дожидается. Провел ее за ворота. Вот и чудо-машинка. Спросила Ирина мужичка, сколько стоит процедура? А сколько дашь! Червонца хватит? Вполне! Ты только в туалет вначале сходи, уж если не по большому, то хоть по маленькому. Объясняет - у мужиков то штаны мочит, а из баб, так просто струей выбивает. Проводит до туалета, терпеливо сторожит возле двери, чтоб какой военный даму случайно не испугал. Ну вот и порядок, пошли на катапульту. Садит прапор Ирину в кресло, застегивает ремни, показывает как голову держать, как руки. Проинструктировал, отошел к своей будочке. Готова? Да! Ну тогда поехали! Бах, вжжжик - кресло улетело высоко вверх. Казалось, что не только матка оборвалась, но и само сердце, в глазах потемнело и челюсть потянуло вниз. На высоте кресло быстро затормозило аж ремни больно впилось в тело и щелкнули зубы. Не будь ремней, Ирину точно бы швырнуло на середину летного поля через ближайший высоченный ангар и здоровые самолеты-транспортники. В одно мгновение копошившиеся вокруг них люди оказались малютками, а будка вмиг сократилась до размеров маленькой коробочки. Не успев толком испугаться такой высоты и того, что с ней произошло, Ирина ошалело глазела по сторонам. Потом мягко и плавно, словно лифт, кресло пошло вниз.

В ушах звенело и болел прикушенный язык. Ирина провела пальцем по деснам, слюна была с краснотой. Ну это понятно почему. Плохо инструктаж слушала, вот и клацнула зубами до крови. Наконец кресло спустилось. Подошел "доктор", спрашивает, хватит или еще раз? И

тут Ирина поняла, что хватит, дело сделано - под задницей у нее, похоже, стало мокро. Отстегнули ремни, Ирина извинилась перед добродетелем за неприличный жест и засунула руку себе под юбку. Точно не моча. Кровь! И тут она осознала глупость своего положения - она не взяла с собой ни ваты, ни тряпочек-подкладушек. Стало крайне неудобно, но ей пришлось об этом сказать "доктору". Те тряпки, что нашлись у него, подкладывать было страшно - в саже и масле. Еще порылись в поисках чего-либо подходящего, наконец нашли кусок грубой дерюги. Кровь она впитывала плохо, но тут прапорщик наткнулся на пачку старых растрепанных листков. За неимением лучшего она попыталась подложить один из них под трусики. Все же не так быстро потечет, как дерюга напитается. Прапорщик спросил, как она себя чувствует, тошнит ли ее, кружится ли голова и не охота ли блевать. Ничего такого не было. Значит сотрясения нет, можно спокойно проводить ее за ворота, а уж до станции сама дойдет.

Ирина около часа прождала электричку на Лугу, а потом в самой электричке надо тащиться больше трех часов... Она села в уголок почти пустого вагона и почувствовала, что смертельно устала. Особой боли в матке не было, просто кровь начинала идти все сильнее и сильнее. Поезд тронулся, но вскоре от железнодорожного мелькания и легкой тряски ей стало плохо. Пыталась сидеть прямо и не смотреть в окно, но это не помогло, и Ирина отключилась. Всем проходящим мимо пассажирам казалось, что девушка просто спит, а щели в деревянной реечной лавке спокойно пропускали кровь. На полу кровавой лужи не было - под этим угловым местом как раз находится какой-то непонятный металлический ящик, своей глубиной уходящий под вагон. Ничто не насторожило окружающих. Ее труп обнаружил машинист, обходя пустой состав перед поставкой в депо. Мы конечно думали как могли - синяки на плечах, от каких-то ремней, похоже, язык прикушен... Но унесла бы Ирина тайну своего аборта с собой в могилу, если бы не ее подкладушка - на пропитанном кровью потрепанном листке было написано "Памятка-инструкция по по обслуживанию летного тренажера-катапульты".

-- Аспирин

Вообще-то над этим трупом чуть подумать пришлось. Да нет, что причиной смерти являлся страшный передоз обычного аспирина, мы догадались быстро - ну не совсем же дураки у нас работают, плюс анализы. Некоторую проблему составило определить непосредственную причину смерти. А вернее даже не так - причина, острое кровотечение, была тут ясна. Оставался вопрос, какое кровотечение, так как их было два. Одно маточное, из-за выкидыша, а другое желудочное, из-за острой обширной эрозии слизистой, сопровождавшейся множественными изъязвлениями - типично аспириновая смерть. Ну сколько крови вытекло из матки мы уже измерить не могли, а вот то что вытекло из желудка - запросто. Получается, что желудочное кровотечение было более тяжелым, а маточное просто помогло ему приблизить смерть. Вообще аспирин штука серьезная, каким бы пустяковым лекарством его в обиходе не считали. Аспирин свертываемость крови заметно нарушает, особенно в больших дозах. С ним надо бы на Вы, вместо того, чтобы жрать его по любому поводу.

Что беременна, Жанна поняла неделю назад. Одно сомнение ее мучило - это месячная беременность или двухмесячная? По идее даже меньше месяца, хотя прошлые месячки были какие-то странные - короткие, но в две серии, в первый день помазало чуть-чуть, а потом три дня ничего, затем, правда, еще пару дней что-то такое непонятное текло. Все же наверное это была такая менстра, у нее такое частенько случалось - то циклы собьются, с непонятными задержками без какого бы на то повода, то за два-три дня все пройдет и необильно так, почти сухо, то наоборот, как ливанет и на целую неделю. Слышала она, что иногда даже при беременности бывает, что мажется, вон Светка с их группы до третьего месяца все думала, что она не залетела. Но сейчас то Жанна точно знает, что к чему - двухнедельная задержка очень соответствовала одному моменту из ее жизни. Хотя и месяц до того был один моментик... Но похоже тогда обошлось чисто, не то что в этот раз.

Последним экзаменом шел Матмех - самый тяжелый экзамен на летней сессии. Штудирование дикой смеси заумной математики и физики, приправленной некоторыми наворотами инженерного дела, окончательно вымотало Жанну. А еще добавьте панический страх, который она испытывала перед этим предметом, пять, практически бессонных ночей, постоянно крепкий кофе и сигареты, и вы поймете силу Жанкиного стресса. Затем был экзамен, где она чуть не грохнулась в обморок от переживания. Принимал Интегралыч, старичок-доцент. На удивление, она ответила очень прилично, а видя ее крайнее волнение, Интегралыч разжалобился и буквально за красивые глазки избавил ее от серьезных дополнительных вопросов, спросив для вида какую-то очевидно-элементарную ерунду.. Итого "отлично"! Она так боялась завалить эту сессию, а снова вышла среди девушек лучшей в группе. "Завалить" для Жанны отнюдь не значило "не сдать" и пролететь со степухой. Она давно сидела на повышенной, а уж за обычную, то и вовсе не переживала. В Жанкином понятии завалом считалась четверка. Среди девушек бесспорный лидер, да и среди парней пожалуй тоже, ну разве за исключением Димки. Он вон харахорится своими пятаками с автоматом по Матанализу, а посмотри в зачетку, там тоже самое, что и у Жанны.

Невзирая на усталость с последнего успешного экзамена вылетаешь буквально на крыльях. Ад позади, а от сессии до сессии живут студенты весело! Жанна хоть и была отличницей, но не исключением из правила. Она буквально пританцовывая вышла из главного корпуса и уселась перекурить на парапете. Блаженный миг. Тут рядом оказался Димка. Он сдавал Биссектрисе - профессору-злючке, которая недолго любила слишком амбициозных мальчиков, и вообще слыла скрытой феминисткой. Однако судя по сияющему Димкиному лицу, с экзаменом у него получился полный порядок.

- Привет Жанет!
- Привет, Димон!
- Ну как дела у нашей Софьи Ковалевской?
- Похоже также, как и у нашего Альберта Эйнштейна!

Обменявшись комплиментами, они еще потрепались немного о том, что досталось в билетах, какие были дополнительные вопросы, и как пришлось выкручиваться. Затем перешли к более насущной повестке оставшегося дня. Как отметить конец сессии? Оказалось, что отличники самые несчастные люди - все остальные давно распланировали этот счастливый день, а умники, сидючи за своими книжками, об этом забыли. Пойти в кафе и сожрать там по порции цыпленка табака, запив его бутылкой сухого Рислинга или Ркацители, казалось самой естественной необходимостью. Жанна почувствовала, как Димка обрадовался, когда она согласилась ему составить компанию на перекус. У Дмитрия подруги вообще не было. Ни одной с самого первого курса. Отличник, но вовсе не зубрила, он был, как казалось, излишне целеустремленным, с нулевым вниманием на собственную личную жизнь. Вел какую-то комсомольскую работу, но то для галочки, зато много отирался на кафедрах от СНО, студенческого научного общества. Частенько заглядывал на "взрослые" научные семинары и конференции. Однокурсники считали Димку бездушным карьеристом, но Жанна так не думала - она видела, насколько искренне тот увлекается наукой.

Жанну в науку не тянуло, она полагала, что с нее вполне хватит отличной учебы. До последнего времени у нее был хороший парень, и в плане ухаживаний она считалась девочкой невакантной. Он был старше ее, и это лето для него оказалось последним - диплом, госы и распределение. Их отношения казалось выходили на серьезный уровень, но перед распределением почему-то все между ними расстроилось. Последний раз она спала с ним около месяца назад, а потом наступило отчуждение. Нет, даже ссоры не произошло, просто обоим стало понятно, что продолжения романа не будет, а с выпуском у молодого специалиста просто начнется новая страница его жизни. Финит а ля комедия - Жанна становилась вакантной. Были кое-какие сомнения насчет, чисто ли она с ним распрощалась, дело в том, что они раз трахнулись без ничего, но Жанка считала по дням, и выходил безопасный период. Хотя с ее часто плавающими циклами за такое поручиться сложно. По крайней мере на сессии она уже об этом не думала, прошли малюсенькие странные месячки,

которые она списала на свои обычные нервные переживания перед экзаменами. Во всяком случае, когда она сидела с Димкой в "Орбите" треская за обе щеки сочного цыпленка и запивая его кисленьким "сухачем", то проблема залета ее уже совершенно не волновала.

Димка оказался весьма галантным и уверенным в себе ухажером. Вот чего от него она от него совершенно не ожидала, наивно полагая, что обнаружит в нем теряющегося в таких вопросах инфантильного девственника. Плотнo отобедав, они решили пешочком пройтись до общаги студгородка, а по пути разузнали о ближайших планах друг друга. Никаких планов опять не было. Оба уезжали через день - Жанка в свой студенческий отпуск, а Дима в стройотряд. Так получилось, что они выбрали разные потоки, Жана в стройотряд отправлялась после отпуска. Обоим завтра предстояло сдать книжки и подписать бегунок. Но это завтра. А сегодня необходимо было развлечься. Оказалось, что Димка жил в комнате с каким-то арабом и первокурсником. И тот и другой сессии сдали парой дней раньше и уже свалили. Жанкины соседки Димке были хорошо известны - две девчонки с их курса и соответственно начало их отпусков и стройотряда совпадало с Жанкиным. Значит вариант "женской фатеры" отпадает. Дальнейшее времяпровождение представлялось весьма просто, пусть и несколько прозаически. Надо было заглянуть в общагу, чтоб бросить зачетки и переодеться во что-нибудь более джинсово-прозаическое, нежели костюм и строгое платье. Затем надлежало опять встретиться и отправиться убивать остаток дня - посмотреть, что идет в кинотеатрах, а если ничего путевого, то просто пошататься в парке, например. По пути надо было купить бутылку коньяка на вечер, а потом уединиться в пустой Димкиной комнате, чтоб "спокойно посмотреть телевизор". Жана вдруг серьезно подумала, что в такой хороший день Диму не плохо бы выебать. Почему-то именно так девочки-студентки говорили о культурных мальчиках, а не наоборот.

Кино оказалось везде дрянь, в парке гулять долго не пришлось, так как пошел летний теплый дождик, а бутылку они уже купили. Оставалось возвращаться и "смотреть телевизор". Похоже Димка вполне уловил настрой Жанкиных мыслей. Хоть и абсолютно трезвые, они уже целовались взасос и Димкина рука не спала с девичьей талии. Пришли в общагу. Открыли бутылку, включили телевизор. Буквально символически пропустили по чуть-чуть, едва покрыв доньшко стаканов. Похоже, что особой любви к коньячным изделиям ни у него, ни у нее не было. Поговорили за жизнь, коснулись щекотливых тем и намекнули друг другу, что с такого начала можно и по серьезному влюбиться. Такие намеки весьма сильно простимулировали половое влечение, и наши отличники трахнулись. Но тут был один неприятный момент - Жанка была на пике своих залетных дней, а у Димки совершенно не оказалось презервативов. Вот что значит полностью посвящать себя учебе. Обцелованные и раздетые, они уже и мысли не допускали, чтобы тащиться в аптеку за этой вещью. Жанка пожалела, что сама не купила, когда гуляли. Оставалось только уповать на мужское хладнокровие, выдержку и сознательность - Жанка попросила в нее не кончать. Дима пообещал. Но не сделал - не успел. Жанка попробовала что-то из народных приемов, она заставила Димку отвернуться, а сама дала туда капельку шампуня и как могла протерла уголком простыни. О том чтобы тащиться в мужской общаге в душ, и речи быть не могло. Там неприятно пощипало, может действительно мыло защитит? Не стоит сильно переживать, и Жанка блаженно уснула до утра в Димкиных объятьях.

Следующий день они опять провели вместе. Сходили в библиотеку, поздавали белье, подписали везде бегунки и занесли их в административный корпус. Там же получили отпускную степуху - еще одна маленькая радость. Потом сходили в аптеку, где Димка купил пачку гандонов. Все, теперь можно не бояться, и вторая ночь оказалась куда лучше, чем первая. Утром Жана проводила Диму до стадиона, куда собирались стройотрядовцы, все в форменных куртках и с рюкзаками, вместо привычных чемоданов. Пока не подошли автобусы весь поток с интересом разглядывал новоиспеченную пару, встречались недоуменные ухмылки и вполне завистливые взгляды. А потом подали транспорт, и студенчество с песнями уехало строить коровники. Жана помахала рукой и загрустила - вновь встретится с Димкой она могла только через долгих три месяца, после месяца отпуска

и двух "трудовой повинности" на благо социалистического сельского хозяйства. Вечером она села на поезд и укатила домой, к любимым папе и маме. А вот к концу отпуска она окончательно поняла, что залетела. Сделать что-либо за оставшиеся пару дней она уже не могла, а как вернулась с отчего дома, то сразу оказалась в стройотряде в далекой для нее и холодной Ленинградской области.

О своей проблеме она рассказала по страшному секрету Валентине, своей лучшей подруге. Дело получалось скверное. Димка, конечно хороший парень, очень умный и серьезный. Но встречалась с ним Жана всего два дня. Его стройотряд сейчас в Казахстане, и поди пойми, а не вернется ли он оттуда со штампом в паспорте и свидетельством о браке - стройотрядовская жизнь такие выкрутасы вполне допускала. Потом вроде они друг другу понравились, но только и всего - никакими обещаниями они себя не связывали и расстались, пусть приятными друг другу, но свободными людьми. То есть впереди одна неопределенность. Еще худший вариант, если она залетела от "экс-кавалера". Тогда беременность уже больше двух месяцев. Жана была очень честная девушка и посчитала, что шантажировать Димку чужим ребенком, пусть даже и с 50%-ной вероятностью недопустимо. Но где же выход? Они только приехали, и к кому тут обратиться, да и возможно ли вообще здесь сделать аборт? Скорее всего нет. И тогда Валька дала ей один простой совет - аспирин. Две пачки на кишку и одну в душло.

Вообще удивляюсь я, как такие умные девушки могли пойти на такую глупость. Видать медицина и прикладная математика вещи из разных измерений, без пересечения в нашем трехмерном пространстве. Жана выпила две упаковки аспирина, а одну упаковку запихала к себе в место оное. Без бумажки-конвалютки, конечно, одни таблетки. Для простоты решения мы задачу упростим, слишком уж необычная фармакокинетика "переваривания" во влагалище, поэтому посчитаем просто: аспирин идет по 0,5 г "на колесо", двенадцать таблеток в упаковке, итого 18 грамм ацетилсалицилата на шестьдесят килограммов женского тела. Скрутил живот и появилась страшная изжога, а потом развилось салициловое опьянение, весьма прикольное и эйфорийное состояние. Токсикоманы, с которыми мне доводилось беседовать, описывали аспириновую интоксикацию, как куда более приятную, чем алкогольную или барбитуратную. Жанке не было плохо, Жане было хорошо. Рвотный рефлекс слегка подавлен, болевой порог заметно понижен. Когда у нее ацетилсалициловая кислота разъедала желудок, она особых неприятных ощущений не испытывала. А вот когда сломалась тонкая биохимическая машина регуляции агрегатного состояния крови, то есть кровь стала сочиться через стенки сосудов, было уже поздно. Блок простагландин-простаглицлинового комплекса "запустил" матку, и та стала "работать на выкидыш", что быстро добавило темпа кровопотере, ведь кровь уже всю хлестала из слизистой желудка. Жана похихикала, немного потащила и умерла.

Кстати зря она так. Срок ее беременности оказался всего чуть больше месяца. Соответственно Дима был папой. И ведь в тот день они практически не пили. Да, хорошая пара могла бы получиться, а какие были бы дети с такой наследственностью! Эх, замечтаешься...

-- Постинор и другие стероидные контрацептивы

Уж коли мы затронули крайнюю проницаемость сосудов, ведущую к массивному кровотечению при медикаментозном криминальном аборте, то пожалуй следует рассмотреть диаметрально противоположность - "патологическую непроницаемость", да простят меня медики за столь фривольную терминологию. А ведь смерти от подобных осложнений очень частая штука при попытках провести криминальный медикаментозный аборт обычными женскими гормонами или похожими на них синтетическими стероидами. Наиболее доступны "с улицы" противозачаточные таблетки, а вот бесспорный лидер среди них - постинор. Лидер не только по контрацепции, но и по нецелевому использованию. Вообще-то удобная таблеточка для женщины, никаких тебе специальных курсов и согласований с собственным

циклом, принимаешь только когда "надо", хочешь "до", а хочешь "после". Сильный гормональный препарат и относительно безопасный. Если инструкции следовать. А если не следовать, то можно и в морг от него попасть.

Очень коротко коснемся, что такое гормональная контрацепция, и как женские гормоны работают. Женский организм два типа стероидов делает - одни матку готовят к беременности, другие ее в "готовом" состоянии поддерживают. Физиологически смысл простой - женщина должна быть готовой забеременеть, но если забеременела, то доносить плод до родов. В разный период женского цикла концентрации этих гормонов разные. Вначале больше "подготавливающих", потом "сохраняющих". Ну а при падении концентрации последних - вай-вай-вай какое фиаско, менструация. Типа мы так ждали, так готовились, а вы нам плодика не послали - вычищай все и давай по новой. Мать-природа умно устроила, ну а человек ее чуть перехитрил - достаточно добавить противоположных гормонов, чтобы сбить всю систему с толку - матка "не готова", да и "не знает" об этом. А раз концентрации гормонов меняются (они-то, собственно, и составляют сам женский цикл, остальное лишь их следствия), то и противоположные фармакологические добавки к ним надо согласовывать. Поэтому большинство противозачаточных таблеток расписаны по дням. Но не пастиноп. Этот препарат одновременно оба типа гормонов напоминает, а еще в организме претерпевает кучу биохимических изменений, на определенных этапах которых его продукты остаются все еще активными. Но у любых стероидных гормонов есть кое какие неспецифические действия - например от них набирают вес, и они понижают проницаемость сосудистой стенки. А если сильнейшие из них передозировать, то возможны пристеночные тромбозы - кровь на поверхности выстилки сосуда начинает свертываться.

Ольгин труп мы не вскрывали - его нам из городской больницы уже вскрытым доставили. Мозг, сердце и селезенку, так вообще отдельно, как их обычный патологоанатом из органокомплекса извлек, так назад вкладывать не стал. Честно сказать, это мы его так попросили, после того, как тот или ООИ, или "токсу" заподозрил. Особо опасную инфекцию или отравление, в смысле. А было вот что:

Ольга работала кассиром в кинотеатре, простая симпатичная молодая женщина двадцатишести лет, мать двоих маленьких детей. Муж шофер-дальнобойщик, не курит и не пьет, зарплата хорошая, семья крепкая. Дома тоже забот никаких - с ними жила бабушка, которая и за детьми присмотрит, и обед сделает. Короче самая обычная счастливая тихая семейная жизнь, не только предел мечтаний, но и удел многих миллионов советских людей. Ольга была очень хорошей женой и человеком строжайшей морали - никаких походов на сторону. Даже за муж она выходила, сохранив свое девичество, что в конце советского периода факт был безусловно редкий. О том, что такое аборт Ольга не знала. Понятно, что на личном опыте она этого не знала, а так вполне была осведомлена от подруг. Уж наслушалась их рассказов о старых гинекологшах-садистках, жмущих зеркалами самые интимные места несчастных женщин, о пьяных небритых мужиках-гинекологах с трясущимися руками, однако умудряющихся выполнить подобную процедуру намного быстрее, чем парикмахеры делают стрижку, об страшном ожидании в коридоре, о боли, о слезах... Аборта Ольга боялась и поэтому предохранялась - пила таблетки. Была она женщиной худенькой, и возможность набрать несколько лишних килограммов ее нисколько не пугала. Однако есть у таблеток одно свойство - если их долго пить, то они начинают действовать все хуже и хуже. Вот Ольга за годы и привыкла к препарату. А значит и залетела.

В маленьком коллективе кинотеатра такие "радости" обычно скрывали только от их единственного мужика - киномеханика. Девчонки, включая Зинаиду Михайловну, их заведующую, только посочувствовали, а Евгения, кассирша что сидела напротив, злорадно пошутила, ну вот теперь добро пожаловать на процедуру-пытку, только после почувствуешь себя настоящей женщиной, роды мол не в счет. Ольга рожала дважды, но оба раза через кесарево сечение. Воспоминания остались самые драматические, но не ужасные. А тут Женька подлила масла в огонь - ты же была под наркозом, а значит ничего не помнишь, а вот

теперь тоже самое придется испытать, но уже без наркоза! Но, ты подруга, не дрефь - участь женская такая. Подобное ободрение не помогло и Ольге стало страшно. Дома она уже обговорила предстоящий аборт с мужем, но сама идея, что можно иметь третьего ребенка даже не затрагивалась. Как можно обсуждать такое - они же современные городские люди уже имеющие двоих детей, дикари, что ли третьего заводить? Да и рожать опять через кесарево придется. Нет, аборт и только. Что же, логически верно.

И пошла Ольга к Зинаиде Михайловне договариваться о том, в какие дни она работу пропустит. Зинаида тетка была что надо, хоть и начальница, а девочек своих никогда не обижала. Говорит, или бери номерок - на какой день дадут, на тот и иди. Три дня тебе больничный положен, ну а если захочется еще денек-другой после дома побыть, позвони лишь, я тебе без потери зарплаты отгулы устрою, потом воскресеньями досидишь. А какая задержка то? Что-оо? Такая пустяковая, а она уже скрестись идет! Да не будь ты душой - сожри несколько таблеток постинора, но не так, как там написано, а три таблетки сразу, а потом по одной три раза в день, дня три-четыре. Даже выкидыша как такового не будет - пройдет как сильная менструация, ну разве что здоровыми сгустками. Нет, сама я так не пробовала, это мне моя подруга, медсестра, рассказывала. А чего тебе терять, рубля что ли жалко? Не поможет - пойдешь на обычный аборт.

Оля постинор ни разу не пила. На обеденном перерыве сбегала в аптеку, что в соседнем здании. Постинор не был редкостью, но особо на прилавках не залеживался в силу своей явной популярности, особенно у незамужних женщин. Но для Ольги нашелся - конечно кассирша в кинотеатре невелика птица, но тоже кое-какой блат. Из всех советских развлечений кино на первом месте было, а как фильм хороший, то очереди у касс, ноги отвалятся, вот и знали Ольгу соседи-аптекари. Им всегда без очереди билетки на лучшие места, а теперь вот Ольге таблетки без проблем. На этом же перерыве за обедом и приняла сразу три штуки. Никакого эффекта. Вечером еще одну. Опять ничего. Потом пару дней по одной каждые восемь часов - каких-либо ощущений ноль. Вроде как кальций или витамины пьет. А потом у Ольги в ночь заболело сердце. Заболело внезапно, боль была острейшая, как будто какой-то неведомый изверг раскалил до красна кинжал и воткнул его под левую грудь. Это случилось, когда она собралась своего младшего ужином кормить - так неожиданно, что тарелка с кашей вывалилась из ее рук и вдребезги разлетелась на полу. Однако сил даже как-то среагировать на это не было. Ольга судорожно схватилась за край стола и замерла, надеясь переждать приступ этой острейшей боли. Но боль не прошла, лишь чуть потупела и стала разливаться по шее, отдавая куда-то в челюсть, а потом по плечам и под лопатку. Казалось сердце взорвалось, а теперь на его месте сердца горит пожар. Ольга бессильно опустила на стул и тихо позвала на помощь.

Прибежали муж и мать, застыли испуганные дети. Ольгу перенесли на кровать и тут же позвонили в "Скорую". "Неотложка" приезжать не торопилась. Да нет, не дура и не бездушная убийца сидела в диспетчерской - умная и опытная диспетчерша сразу поняла, что жалобы на инфарктные похожи, но извините, возраст то двадцать шесть лет! Какой инфаркт?! Ну радикулит какой, продуло там... От такого не умирают, а ведь в это время кто-то реально погибает. Вот и направила она по адресу не специализированную, а обычную бригаду, да и не "по-горячему", а так следующим вызовом тому, кто был поблизости. Работайте врач спокойненько, а как освободитесь, так заскочите на этот адресок.

Наконец долгожданный звонок в дверь, входите доктор сюда, пожалуйста, и быстрее сделайте что-нибудь. С Ольгой действительно было плохо - губы синие, дыхание неглубокое, глаза полуприкрыты. Но самое интересное началось с ее сознанием - классический бред! Какие-то галлюцинации, полная дезориентировка, кого-то зовет, говорит обрывки фраз. Контакт с больной установить не удалось, а расспросы родственников ничего не дали - двадцать минут назад была здорова и абсолютно нормальна, а сейчас вот, сами видите... Не долго думая снесли больную в машину и под синим фонарем и сиренным воем быстренько эвакуировали в ближайшую больницу. Там в приемном отделении моментально сняли

кардиограмму - на ней картина острейшего и обширного инфаркта миокарда. Только вот с локализацией инфаркта возникли некоторые проблемы - точно сказать, где сердечная стенка омертвела, невозможно. Вроде как... Да чушь какая-то. Вроде как везде. Вся сердечная мышца, в смысле, а так не бывает. Направили сразу в кардиологию, начали классические лечебные мероприятия, что при инфарктах положены. Да только без толку. Угасло сознание, а вскоре и само сердце встало. Сразу реанимация, шарахнули током несколько раз - тело в дугу, а сердце "не заводится". К утру "перевели" в патанатомию с тем же дежурным диагнозом - острый инфаркт миокарда.

Патологоанатом от такого сочетания молодого возраста и картины молниеносного инфаркта со спутанным сознанием тоже призадумался. Вскрыл аккуратно и заподозрил какую-то неведомую вирусную инфекцию, вроде геморрагической лихорадки с энцефалитом. Дело в том, что мозги, сердце и селезенка были "забиты" маленькими фокусами множественных инфарктов - как будто нашпигованы мелкой дробью микротромбозов, вызвавших омертвения тканей. Ну а молниеносные вирусные инфекции, да еще неясные и со смертельным исходом, извините, это к нам. Вот он и позвонил. Правда, тут же и извинился, товарищи военные, там может просто криминал. Тетку то и травануть могли. Поэтому вы с карантинном города Ленинграда особо не спешите. А мы и не спешили - у нас на этот счет спецподразделение есть. Знаем мы и как тело перевезти, и как что закрыть, куда пускать, куда не пускать, что мыть, что не мыть, и что другое делать, пока настоящую причину не установим. Молниеносная вспышка неясной лихорадки в пятиmillionном городе к шуткам не располагает, а отравления тоже по нашей части, поэтому спасибо за звонок, ну а Ольге добро пожаловать к нам.

Оказалось просто. Нашли мы и беременность с гипертрофией эндометрия - точно пошли бы месячки скоро, вымыли бы малюсенький плодик из матки. Вот с этой находки и начали круть. Никаких ядов и вирусов в крови нет, а вот концентрация стероидов чудовая. Сделали анализы подетальной, послали одному профессору гинекологии, попросили дать консультативное заключение. Ну тот и дал - такого у здоровой женщины быть не может. Посмотрите ее яичники, там сверхактивная опухоль должна быть, только такая столько гормонов может в кровь накидать. Посмотрели - яичники здоровые, и микроскопически никакой гиперплазии. В норме они гормоны выделяли. Значит она гормонами траванулась. Проконсультировались у патфизиологов и биохимиков. Что? Женские стероиды - да запросто! При передозе они запросто вызывают пристеночное тромбообразование. Ну теперь понятно, откуда инфаркты посыпались. А уж саму историю с постинором следак за полчаса беседы в ее родном кинотеатре узнал. Зинаиде Михайловне ничего не сделали - за дурацкие советы в СССР не сажали.

На последок любительницам "раскачивать" собственный гормональный фон с целью выкидыша остается только напомнить - вы таким образом много чем еще рискуете, гормоны, они же в матке не сидят, они по всему телу "бегают".

-- Фигус

Из этой матки мы тоже учебное пособие сделали. Сама по себе матка была вполне интересна - острый гангренозный миометрит при полуторамесячной беременности, а еще какой у нее был необычный аксессуар! Из зева матки торчал непонятный красно-зеленый рог. Штука явно женскому организму чуждая. Мы его аккуратно извлекли, а вот когда поняли, что это такое, то обратно на место запихали и этот натюрморт увековечили в банке с формалином, как пример безжалостного преступления и женской глупости.

Красно-зеленый рог оказался почкой фикуса. Помните в советское время это здоровое комнатное растение было очень популярно? Фигус любили держать из-за его неприхотливости, быстрого роста и способности терпеть низкое освещение. Этакое красивое деревце в кадке, раскинувшее свои темные кожистые лапти-листья где-нибудь в казенном

помещении, типа почты, кафедры, аптеки, гостиничного фойе или отдела кадров. Если посмотреть на самый кончик фикусовой ветки, то там вы обнаружите совершенно гигантскую почку размером с авторучку, только в основании толще. Если обломить этот росточек, то тот час же закапает белое, горькое и очень липкое "молочко" - фикусовый сок. В тропиках фикусы большие, там их режут и собирают этот сок, называемый латексом. Из него делают, например, медицинские тонкие перчатки. Сокодвижение в фикусе тоже уникально. Это дерево может захватывать из почвы любые бактерии и разносить их по своим листьям. При этом само дерево не болеет, а бактерии сохраняются живыми. Впрочем тогда я всего этого о фикусах не знал - пришлось почитать литературу, когда писал окончательное судмедэкспертное заключение в уголовное дело об этом криминальном аборте.

Не видеть бы нашим курсантам интересного препарата и не читать бы судмедэксперту ботанику, если бы Леночкин труп нам сама Гебуха не подкинула. Дело в том, что Лена была чрезвычайно перспективна - учитывая ее юный возраст и уровень ее выступлений, в Спорткомитете СССР законно посчитали ее достойной кандидаткой в советскую сборную по фигурному катанию. Более того, с ее данными и потенциалом, многие заслуженные тренеры считали ее в недалеком будущем очень вероятной претенденткой даже на мировое и олимпийское золото в одиночном катании среди женщин. А знаете, тогда у советской рекордно-штамповочной спортивной машины поиск таких девочек был поставлен на поток, и в своих заключениях профессионалы редко ошибались.

А вот с концовкой получился облом - дело каким-то макаром затрагивало интересы неких знаменитостей из Спорткомитета, и хотя мы его полностью раскрутили и раскрыли в деталях яснее ясного (смешно сказать судмедэксперты, а не следователи!) завершать его никто не собирался. Типа, вам ребята за работу, за экспертизу и протокол спасибо, но обсуждать мы это с вами не будем. Похоже, в верхах дело решено было замять. Что же касается самой беременности, то тут для нас простенькая история открылось, и все благодаря тому же фикусу. Правда нам потом слегка настучали за излишнюю прозорливость по шапке, пришлось оправдываться, что копнули глубже, чем надо, не раскрытия преступления ради, а так, из чисто научного интереса. И протокол пришлось переписать, ограничившись только медициной и стенами морга. Два дополнительных листка дернули даже из архива и уничтожили. Вот и осталась истинная причина Леночкиной смерти только в устных преданиях нашей судьбы.

После выступления на первенстве Союза среди юниоров Лену заметили по серьезному. Пригласили в специальную школу-интернат, дали нового, известного тренера. Началась интенсивная тренировочная жизнь с очень серьезными ставками, если все пойдет хорошо, то через год-два Лену ждет мировая известность. Тренер был властной и очень требовательной личностью. Ленкина свобода, как понятие, просто отсутствовала, все было подчинено цели государственной важности - выйти в мировые чемпионки. Регламент дня полный, режим строже чем у космонавтов, секунды расписаны. А девочка реально могла сделать рекорд и вписать свое имя в историю фигурного катания - я слабо в этом спорте разбираюсь, но как-то особо у Лены на льду прыгать-крутиться получалось, так что не до, не после нее такую фигуру никто до сих пор сделать не может. Тренер заменил ей все - семью и школу, друзей и... любовников.

Перед очередным чемпионатом Союза, который и считался для советских спортсменов отборочными выступлениями и экзаменом в сборную на чемпионат Мира, тренер понял, что Лена беременна. Тренера такое открытие просто убило - это было полным срывом всех планов, назревали крупные неприятности с очень нехорошими для него последствиями. Его подопечная куда меньше беспокоила - то что девочка сможет полностью восстановиться после аборта, он не сомневался. Проблема была в другом - аборт у спортсменки государственного уровня не скроешь. Это вам не Маша с Уралмаша, ее медицинская карта полностью во власти врачей от спортивной медицины. Признайся им, и все - конечно будет высокопрофессиональный аборт в одной из самых лучших клиник, потом плохое

выступление на Союзе, а там разбор его работы, причина сбой тренировок... Ну и причины-следствия. Ладно бы просто вздули, типа не досмотрел, не уберег, плохо работаешь, дисциплины никакой... Так ведь хуже. Отцом то был он! А как притащить девочку в нормальный городской абортарий, и сделать это тихо, без лишних записей и учетной карточки, он не знал. Зато знал один метод, который во всю практиковали его старые подруги-спортсменки в то далекое время первой вспышки советского ледового спорта. Ледовых арен было мало, не то что сейчас, жили и тренировались вместе, ну и залетали. А где залетали, там и избавлялись - фикусом!

Метод был чрезвычайно прост. Требовалась одна столовая ложка с плоской металлической ручкой и один росток фикуса. Ручкой ложки поднимался свод влагалища, чтобы увидеть зев матки, а потом в этот зев и вводилась острый кончик фикусовой почки. Оставляли так на ночь, а утром вынимали. Если на следующий день не происходило выкидыша, то вечером процедура повторялась снова. Вообще такое дело и неделю могло длиться, но это не страшно - у фикуса веточек много и каждая заканчивается такой вот сосулькой. Ломай, не хочу, - на лечение точно хватит. Вот тренер-наставник так и поступил. О том, чтобы его послушаться, или там какое свое мнение высказать у Лены и мысли не возникло - за годы на ледовой арене он привыкла к беспрекословному подчинению. Зашла к нему в кабинет, улеглась на тот же массажный топчан, где он ее периодически пользовал, мотивируя абсолютной необходимостью снятия стрессов и каким-то чудодейственным эффектом мужской спермы. Вроде без этого рекорда просто не бывает. Презервативами наставник не пользовался - сам ей измерял температуру в заднице, сам за нее вел календарь ее циклов. Да что скрывать, у других тренеров она тоже видела подобные календари, исчерченные звездочками менструальных дней их подопечных - нагрузки то дают на грани физических возможностей, такое не учитывать нельзя! Поэтому и думала Лена, что вот так, после тренировки, но перед душевой все они по приказу становятся раком чтобы получить от тренера то, без чего мировое первенство не выигрывается. Тренер, он сам знает когда сколько и как. Ему надо доверять и подчиняться! Вот и сейчас Лена ему во всем доверяла, по команде перешла из коленно-локтевой позиции в лежа-на-спину и послушно раздвинула ноги. Было несколько неприятно, но не больно - в зеве матки практически отсутствуют болевые окончания. Секундное дело, и тренер засунул куда надо эту блестящую зеленую морковку.

На утро она, как ей и было приказано, сама залезла к себе в хозяйство и двумя пальцами легко вытащила росток. Тренировалась как обычно, ничего не произошло. В конце вечерней тренировки тренер повторил процедуру. Утром она опять вытащила росток. На завтраке аппетита не было. Когда ехала на тренировку стала сильно болеть голова и бить озноб. Вышла на лед, и чуть не упала, как когда-то давным-давно в свои пять лет, когда мама первый раз привела ее на новый искусственный каток, где только что открылась секция фигурного катания. Лена поняла, что тренировки сегодня не будет. Будущая мировая звезда едва доковыляла до борта. Подошел тренер, спросил какого черта не идет разминка? Ах заболела! Ну а там как, в смысле по женской части, был выкидыш? Нет!?! Остаток дня она пролежала у тренера в кабинете на том же злополучном топчане, накрытая поролоновым матом, но все равно трясясь от озноба. Отпускать ее в интернат тренер не хотел - такой грубый срыв тренировочного режима безусловно будет замечен. О том, что бы привести Лену к их врачу даже и речи не было - вот выкинет, тогда сразу пойдем, пусть лечат, а пока вот чай с малиной и цитрамон, ничего за пару дней с ней не случится. А температура 39? Ну так не 40 же! Потом тренер считал, чем выше температура, тем лучше борется организм. Поэтому в конце такой вот "лежачей тренировки", тренер опять попросил снять трусы и раздвинуть ноги. Если работать столовой ложкой, то что там твориться не слишком то видно, для этого нужно гинекологическое зеркало и правильный свет. К тому же есть сомнения, что по виду зева матки тренер бы заподозрил неладное. Он же не гинеколог. Вот гинеколога от увиденного сразу бы холодный пот пробил. Тренер же спокойно засунул очередной росток фикуса, потом посадил Лену в свои "Жигули" и сам отвез в интернат. На прощание сказал, что вообще это хорошо, что она заболела, при болезнях выкидыши лучше получаются, пожелал спокойной ночи и еще раз напомнил, чтоб росток вытащила только утром. А она не

вытащила. Мы вытащили. На вскрытии.

Мышечная стенка матки, миометрий, имела все признаки газовой гангрены. Как такое возможно? Моментальный клостридиоз из ничего, но ведь и микробиологи не врут - для них подтверждение нашего предположения тоже выше крыши оказалось. Вроде так не бывает. Правда в практике военной медицины были такие случаи. Давно и далеко - с 1942-го до 1945-го года на территории Китая. Тогда там японцы хозяйничали. Был у них специальный номерной отряд под командованием генерала Исиро Исини. Тот генерал разрабатывал программы биологического оружия для непобедимой армии Ямато. В одной из программ испытывали возможность стопроцентно летальных исходов при осколочных ранениях. Делался специальный снаряд, где кроме взрывчатки и мелконасеченного корпуса для увеличения числа осколков, имелась специальная добавочка из спор гангренозных бактерий. Выбирали те, что позлее, клостридии например. Потом дело было за малым - к столбам привязывали биоматриал в виде китайских военнопленных и подрывали снаряд. Осколочные раны получались совсем пустяковые, а вот смертность колоссальная! Данный случай чем-то напоминал нашу матку, если бы фикус был таким же снарядом. Но предположить, что этим росточком специально поковырялись в бактериальной культуре, или хотя бы в земле, перед тем, как его засунуть в матку, было как-то трудно. Пришлось читать книжки. А в книжках написано, что фикус может бактерии из земли тянуть и в листьях их складывать. Значит, все-таки такое заражение не из области фантастики получается.

Для подтверждения версии оставалось только одно - найти этот фикус, взять пробу земли из его горшка на баканализ. Если вырастет там тот же бактериальный штамм, то можно считать, что найдены отпечатки пальцев. Куда поехать искать фикус? Наверное надо начать с элементарного - места жительства и места работы, Леночкиного спортивного специнтерната и катка. Перед походом за бакпробой, я еще одну пробу сделал - посмотрел групповую принадлежность плода. Мало ли... Вдруг на папу нарвемся? Вообще здесь вот такая штука - этот анализ примитивный, он отцовство на сто процентов не доказывает. Хотя, если дело до какого конкретного виновника дойдет, то можно такую серологию развести (исследования антигенов крови), что выбор запросто сузится до один на тысячу, а то и на десять тысяч.

В Ленкином интернате фикусов не было, зато один нашелся в вестибюле катка. Обойдем его кругом, осмотрим. Ага, вот они - три почки сорваны. Теперь мы еще одну срежем и положим ее в стерильный пакет. Теперь стерильной ложечкой насыплем землицы из горшка в специальную банку. Готово. Ну что, уж коль пришел, пойду хоть тренера проведаю. Вообще-то это не мое дело, это так сказать, частная инициатива, я не следователь. Здрасте, входите, все как полагается. Видать мужик горем убит - сильно смерть своей подопечной переживает. Представляюсь, прошу содействия. Да-да, конечно, готов помочь. Смотрю тренировочные листы, какие-то спортивные графики. Да вот что-то и тренер не поймет, как так могло получиться, что она днем была на льду, судя по записям каталась очень плохо. Откровенно записано, что задан самый щадящий режим тренировки из-за плохого самочувствия спортсменки, проведена разъяснительная беседа, но разговора по душам не получилось. Похоже честный тренер, о причине смерти ничего не знает. Он меня об этом спрашивает, я уже готов ему сказать, чего конечно делать по инструкциям никак нельзя, интересы следствия, как-никак. Только тут мой взгляд попадает над тренерский календарь... Вот он, на столе перед самым моим носом - листочек на два месяца. А на календарике крестики рядком. Медленно, как бы случайно переворачиваю страницу - и там крестики. Той же ручкой тем же почерком кое что написано. Я уж взрослый мужской почерк от полудетского почерка девчушки-фигуристки как-нибудь отличу. Тренер крестики рисовал! Странно, что мужик учет девичьих месячных ведет, хотя большой спорт, такое вполне разумно. Не разумно только то, что ты, дядя, мне врешь! Не можешь ты не знать о залете. А когда последние нарисованы - ага, давно. Значит, все ты знал! Переворачиваю на текущий месяц - а там твоим же почерком написано слово "фикус", и три стрелочки нарисованы. Очень даже совпадает по дням с предполагаемым гангренозным заражением. А над последней стрелочкой написано 39,3, температура похоже. Но не это самое главное - большая латексная капля на этом листке.

Похоже на засохший фикусный сок, а в корзине для бумаг валяется фикусный лист. Да, дядя, ты еще и глуповат слегка - даже вещдоки не уничтожил. Еще копаюсь в старых записях, уже конечно, для вида. Я думаю о другом, как бы мне понятых сюда завлечь, чтоб тихо, но при свидетелях календарик то забрать. Мне он, честно сказать, совсем не нужен, это я в подарок следователю.

Пока я над этим думал, еще на одну интересную запись нарвался. Дело в том, что для советских спортсменов-рекордсменов существовал один простенький трюк. Где-то за полгода до соревнований у них отбиралось до 700 миллилитров крови. Вообще-то точное количество от веса тела зависело. Отбирали не разом, а за два-три приема, чтоб на тренировках помягче сказывалось. Из крови отделяли эритромассу, которую морозили в жидком азоте. А вот в нужное время перед соревнованиями эти собственные красные кровяные клетки размораживали и возвращали хозяину. Организму, честно сказать, лишняя кровь совсем не нужна, но на какое-то время его способность поглощать кислород возрастает, а значит возрастает способность к тяжелой мышечной работе, чем спорт и является. Так вот наткнулся я на старые записи о тренере - группа крови вторая отрицательная, далеко не самая частая, хоть и не редкость.. Как у плода, хотя тут, конечно, простые совпадения возможны.

Поблагодарил я за помощь и вышел. Подошел к телефон-автомату и звякнул одному своему знакомому следоку. Через полчаса приехала ментовка, позвали пару человек из персонала катка, да при понятых мусорное ведро с листиком и календарик изъяли. Листок, значит, с пальчиками, календарик с почерком. Делу конец. Ещеждемся результатов бактериологии, все красиво напишем и передадим в суд. Тренер это дело увидел, струхнул и тем же ментам дал показания. Все подробно, что и как, чин-чинарем под подпись - типа прошу принять за чистосердечное. Тренера - в КПЗ, бумаги - к делу, вещдоки - на экспертизу. Через три дня приходят. Заключение от микробиологов и дяди в штатском. С заключением все хорошо - бактериальный штамм полностью идентичен. А вот с дядями не очень. Дело у горпрокуратуры забрали в ГэБэшное производство. Пошустрили по протоколам, нарутали за самодеятельность, короче, я об этом уже рассказывал. Мы оправдываться, типа хотели как лучше, для вас же старались, хоть вы и дело не вели, но с вашей курацией оно проходило. Сами же нам и труп передали. Дали нам формочки эти гребанные заполнить с их долбаным неразглашением. Иногда у этих мальчиков в серых пиджаках все же были большие проблемы с холодной головой, чистыми руками и горячим сердцем. Уж по какой причине им надо было дело свернуть, я не спрашивал. А мы что дураки? Нам тоже как-то ссать против ветра не охота, тем более похоже, что с прокуратурой они уже обо всем договорились.

Наверное с полгода прошло. Поехал я на Птичий Рынок за мотылем, на рыбалку собирался. Смотрю передо мной знакомая фигура - тренер! Идет с двумя девочками, лицом девчушки на него очень похожи, а по возрасту всего на какие пару лет младше той Лены-фигуристки будут. Наверное дочери. Весело с папой болтают, довольные какого-то щенка домой тащат. Семейная идиллия. Не могли же их папочку так быстро амнистировать? Значит никакого суда не было. Наверняка списали все на Ленку-дуру. А что, мертвые сраму не имут. Вот вам и преступление без наказания.

-- Луковица

Уж коли заговорили о "живых частях" растений, то страшилки ради, еще пару методов напомним, правда уже без какой-либо собственной причастности.

В пору юности моей, когда я был молодой и совсем еще не специалист, что-то мне понадобилось найти в нашем музее. Наш музей странный - посетителей там нет, и билеты не продаются. Мы сами хранители, они же и посетители. Здоровое помещение, напоминающее темный склад, забитое стеллажами до потолка. На многоярусных полках плотными рядами стоят цилиндрические банки с консервирующими растворами, ну а в этих растворах плавают то, что наша братия посчитала уникальным или наглядным. Пусть мертвые учат живых -

некоторые куски человеческого тела мы от трупов отрезаем и оставляем себе, ради знаний и опыта, науки и учебы. Помню я, что на одном стеллаже где-то на углу возле прохода стояла странная склянка - весьма старая, каких уже давно не делают. А в ней - матка с зародышем, в который проросли корни лука. Есть такой "деревенский" метод - вложить во влагалище луковицу доньшком к матке. Лучше всего использовать "сорокозубку" - корни дает быстро, а луковица вытянутая и относительно небольшого диаметра, такая "комфортно" входит до самого свода, и носить ее в себе можно долгое время и без особых проблем.

Тут механизм действия прост. Во влагалище среда кислая, там у здоровой женщины специальная биофабрика есть - определенные и очень полезные бактерии "едят" женские выделения вместе со слущенными клетками слизистой, преобразовывая все это в кислоту. А знаете зачем? Чтобы защитный барьер создать! Кроме этих бактерий, там никакие другие микробы жить не хотят. Даже гонорея, и та внутрь клеток прячется, как ее кислота жжет, а трихомонада специальную мембрану имеет - этаким плащик, микроскопический химзащитный костюм. А вот в матке среда слабощелочная, почти нейтральная. Поэтому туда, в благодать обетованную, и бегут наперегонки сперматозоиды из "прокисшей" зоны. Луковица не исключение. В теплой и влажной среде она начинает быстро прорасти, но корням ее там очень плохо. Они тянутся к тому, где им условия чем-то напоминают удобренную почву - через слизистую пробку зева внутрь матки. Потом правда, луковица обычно загнивает. Как работает этот метод можно догадаться по следующему факту - наша баночка отнюдь не уникальна. Сослуживцы мои разные мединституты позаканчивали, и с их слов я понял, что по крайней мере в нескольких анатомических музеях подобные препараты имелись. Отмечено такое и в специальной литературе, и даже в художественной - например, в "Казусе Кукоцкого" у Улицкой об этом очень хорошо написано. Вплоть до препарата - тот же метод криминального аборта. Значит повсеместно мрут женщины от обыкновенного лука!

Датирована баночка была 50-ми годами XX-го века. Искать старые журналы и что-то там смотреть по этому делу, а тем более заказывать из архива древний протокол, не было абсолютно никакой нужды. Об этой банке я мельком спросил Паренхиму, нашу лаборантку-препаратора и старейшую сотрудницу. Паренхима, конечно ее медицинская кличка, а имя Павлина Андреевна. Эта уникальная женщина работала уже семнадцатый год (!) после своего законного выхода на пенсию, но несмотря на преклонный возраст, имела приличную память. Этот труп она помнила.

Доставлена из "Крестов" - известной Ленинградской тюрьмы и знаменитым своими беспредельными порядками следственным изолятором. Вообще многие зечки всеми неправдами стараются забеременеть - им сразу идет громадное послабление режима. На криминальный аборт в тюрьмах идут крайне редко, в отличие от "воли". "На киче" только заяви о беременности, так все надзиратели и "кумовья" (начальники спецучреждений) наперебой начнут склонять такую женщину к медицинскому аборту - им же забот меньше, нет возни с беременной, роженицей и малышом. Плюс персонал поставлен, чтобы кому-то сидеть, неся наказание по полной строгости, и облегчать участь заключенного в его обязанности не входит, особенно когда это касается грубого нарушения режима. Ну и тюрьма, если ваши заключенные беременеют! На зонах легче - там свиданки в комнатах с мужьями бывают. А как бедных залетевших зечек порою избивают контролерши внутреннего порядка, просто заставляя идти на аборт, а то и просто "вышибая" плод на выкидыш!

Здесь же вот какое дело оказалось - эта молодая красивая женщина была у "мамани" личной "лизалкой-ковырялкой". Или "коблой", аналогу "петуха" на мужской зоне. Только если петухи там девочки, то коблухи, соответственно, мальчики. Это точно подтверждала ее короткая прическа - коблу стригут часто и на лысо. Жизнь у коблухи хуже петушиной - например "авторитетная" бабья благота порой их заставляют вылизывать себе кровь во время менструаций, а то даже анус после оправления естественной надобности. Ну и изображать мужика при помощи самодельного или подручного дилдо - какого-нибудь огурца, морковки или набитой хлебным мякишем модели полового члена, сделанного из чулка, да и много чего

иного. Понятно, что в таких условиях просто биологическое сохранение организма отключает у бедных опальных коблук последние протестные механизмы.

Но здесь скрывается один интересный парадокс, с которым, к сожалению, судмедэксперты и судебные психиатры сталкиваются весьма часто. У "зоновского" мужеложества корни проще - однополый секс там имеет в основном заместительную (баб нет) и садомазохистскую природу. А вот на женских зонах включается еще и сильный истинно лесбийский компонент. Поэтому для "авторитетщицы" личная "ковырялка" не просто секс-рабыня, но еще и тайный, подсознательный объект обожания, каким бы садизмом ее лесбийский драйв не прикрывался. Многие из этих "мам" далеко внутри сами по себе "мужички", и их садистские наклонности выступают простым заместительным механизмом главной внутренней потребности обладать женщиной. Заставляя свою коблу совершать порой беспрецедентные по своей унижительной жестокости вещи, они ревностно берегут ее от чужих посягательств. Формируется плотная садомазохистская пара, устраивающая и низы, и верхи. Доказательством тому служит весьма низкий (по зоновским понятиям и очень специфической статистике) процент кобловых самоубийств (не из рядовых "опущенок", а именно личных рабынь "авторитетных мадам"). Понятно, что попади такая на на врачебный аборт, или роди бы, то перевод в другую камеру ей был бы обеспечен. А это означает начинать жизнь сначала, и уже с самого низового статуса в полной неопределенности. Остаться при "хозяйке" стало самоцелью, вот и решилась эта несчастная на аборт по-народному - луком. Интересная получается картина - уж при каких условиях какой конвоир ее "дернул", мы понятия не имеем, но пошла женщина на криминальный аборт не из-за мужика, а из-за бабы! Полной причины смерти я не знаю, но сдается мне, что там пошла инфекция.

-- Филодендрон

"Филодендроновый" метод, к счастью, в России не популярен, не растет у нас лиана *Phylodendron oxycardium*. Эта штука из тропической Латинской и Южной Америки. Зато у нас в горшках растет сциндапус - комнатный цветок-плетучка, родом с Кубы. О том, что последний работает, как филодендрон я слышал из уст весьма компетентных лиц, а вот в судебно-экспертной практике сталкиваться не приходилось. О филодендроне я тоже слышал со стороны, близкой нашей теме, но далекой от судебки. Один мой друг в погонах стал гинекологом. Военным гинекологом, хоть это и звучит курьезно. Служил он начальником отделения в одном крупном госпитале, и под самую перестройку оказался советником-специалистом в Никарагуа. Тогда там последователи Парня Че всю комплектовали свою армию революционно настроенным женским полом. Ну и как положено, от Клары Цеткин и Розы Люксембург эти "комсомолки" не отставали - беременели с завидной регулярностью (видать в списках советской материальной помощи презервативы не присутствовали).

Так вот повстанки-солдатки в своей массе избавлялись от плода старым индейским способом - кусок зеленой лианы срезался так, чтобы на одном краю черенка оставалась почка. Этот черенок вкладывался во влагалище почкой во внутрь. Буквально за неделю корень входил в зародыша, раздражал маточный канал, и происходил выкидыш. Однако иногда выкидыш не происходил и тогда, следуя индейским народным советам, оставался шанс подождать еще немного до гибели лианы, а потом за черенок попытаться медленно вытянуть плод из матки. По свидетельству того военного гинеколога, все без исключения женщины, которые попадали ему на этом этапе искусственного прерывания беременности, уходили или с полностью ампутированной маткой, (вернее совсем без матки) или их уносили на кладбище от разлившихся генерализованных инфекционных осложнений. Так что и метод народной медицины Майя и Ацтеков ой какой небезопасный.

-- Горец Мясоподобный

Читается "горЕц", а не "гОрец", хотя эти горцЫ растут тамже, где и живут гОрцы - в горах.

Хотя слово "горец" от слова "горький" происходит. Трава это такая. Растет в альпийской зоне Кавказа и Карпат. Цветок чем-то похож на клевер, только гораздо длиннее, а по виду точно сырое мясо. Листики же щавель напоминают, перепутать легко. Кто в советское время горными походами увлекался, наверняка помнят ситуацию, когда туристский зеленый борщ из дикого щавеля варили. Щавель в кипятке моментально буреет, а горец становится каким-то ядовито-зеленым. Как попадут такие листочки в котелок - все, борщ выливай, он горький становится. Есть в этом семействе и лечебные травы, например горец болотный хорош при маточных кровотечениях - матку сокращает, помогает крови свернуться. Горец мясоподобный тоже матку сокращает и тоже кровь сворачивает, но во всех справочниках числится как растение ядовитое. Не зря числится.

Труп Светланы нам доставили прямо из метро. По свидетельству очевидцев, стояла себе нормально женщина у стенки вагона, абсолютно нормальная, книжку читала, и вдруг бац - свалилась замертво без какой-либо внешней причины. Вначале думали, что обморок, положили на сиденье, на первой станции дернули стоп-кран. Ну а когда из медпункта фельдшер с ментами прибежали, то уже стало ясно - мертва. А всякая внезапная смерть на улице это к нам.

Мы ее вскрыли и нашли там "наездника". "Наездник" это такой длинный тромб, сгусток свернувшейся крови. Он формируется в какой-нибудь вене, а потом отлетает в кровоток. Путешествует такой тромб секунды - транзитом проходит сердце и летит в *truncus pulmonalis*, здоровый кровеносный сосуд, из которого кровь из сердца в легкие течет. Легких у нас, как известно, два - правое и левое. Вот и сосуд этот надвое делится. Как долетает тромб до этой развилочки, так на нее "верхом" и садится. А тогда сразу каюк - стоп сердечно-сосудистой системе, коллапс, смерть.

У Светланы по непонятным причинам начался тромбоз маточных и геморроидальных вен. Ну еще аборт в ходу, но вроде только начавшийся, без особой кровопотери. Полуторамесячная беременность, небольшое отслоение. В таких ситуациях бывает, что женщина даже не чувствует начало выкидыша. Взяли кровь и желудочное содержимое на алкалоиды, хотя истинную причину установили не мы, нам ее муж покойной рассказал. Я сразу признаюсь - с родственниками не беседую. Я их боюсь. Вот мертвецов не боюсь, а их родственников боюсь. Такой вот трусоватый судмедэксперт. Поэтому когда заявился ее муж, я сразу убежал и спрятался в морге - там двери толстые, спокойно и не страшно. С ним уже коллеги посмелее поговорили, а мне уж потом рассказали.

Светлана была очень интеллигентной женщиной тридцати девяти лет от роду. Работала она библиографом, если я не ошибаюсь, это что-то связанное с каталогами научной литературы в крупных библиотеках. Двое детей, уже довольно большие, любящий муж - хорошая прочная семья. С абортами Светлана была знакома не понаслышке, и эти процедуры, как большинство женщин (наверное все), люто ненавидела. Поздние дети в их семье не планировались, поэтому узнав, что беременна, Светлана только вздохнула и восприняла очередную грядущую экзекуцию, как осознанную необходимость. У Светланы круг друзей состоял исключительно из людей культурных. Например возьмем Раису Андреевну. Одна из подруг, большой духовный авторитет для Светланы, да и человек крайне незаурядный. Занимается йогой, нетрадиционной медициной, соблюдает вегетарианские диеты (по сезону), в свои сорок по утрам бегаёт, а летом обязательно ходит в горные походы. Вот это характер и здоровый образ жизни! А еще она понимает толк в травах. Раиса Андреевна со своего горного активного отдыха никогда пустой не приезжала - всегда привезет чего-нибудь лечебного, то наберет где-то мумие, то каких трав. Из последнего похода она вернулась с двумя кулками - боронца альпийского (лечит алкоголизм) и горца мясоподобного (помогает по-женски).

О том, что горец вызывает выкидыши известно издревле. В понятии Раисы Андреевны "помогает по-женски" имело весьма широкое трактование - если что-то не так в малом тазу,

тогда эту траву надо пить, поможет. Ну например если угроза выкидыша, или наоборот, если выкидыш нужен. В первом случае надо дать чуть-чуть, а во втором много, вот и вся разница. Поэтому когда Светлана пришла к ней вечером посудачить и ненароком обмолвилась о своей проблеме, то Раису Андреевну, как всегда прошиб энтузиазм. Выказав очередное недоверие к официальной медицине, она воздала осанну медицине нетрадиционной. Какие все же эти доктора дураки! Шесть лет учатся, потом год в какой-то интернатуре сидят, затем еще пару лет в клинической ординатуре, а все напрасно - такие простые вещи делать не умеют, что такое биополе и аура не знают, все бы им резать, да над бедными людьми издеваться. По словам Раисы Андреевны выходило, что аборт придумало Министерство Здравоохранения, чтобы занять толпы безработных гинекологов. Для настоящего знатока необходимо полностью полагаться на сами биологические возможности организма - женский выкидыш всегда чище, лучше, безопасней и естественней аборта. Кстати "от шлаков помогает" избавиться. Знаете, есть такие шлаки... Ну там у нас где-то есть. Внутри, наверное. А чтобы организму дать команду на избавление от плода, то необходимо просто попить отвара вот этой травки. Правда отвар очень горький, зато "кровь чистит". Была у вас кровь грязная, а как этой горечи выпьете, то станет чистая. С выкидышем тоже проблем никаких - все естественно. Ради демонстрации Раиса Андреевна быстро приготовила отвар, и Светлана его выпила. Очень горький, но заставить себя можно. Затем Лариса Андреевна отобрала для подруги добрую половину мешка и посоветовала пить три раза в день. Три раза не получилось. Получилось один раз - утром. Ночью у нее пошел аборт с резкими изменениями свертываемости крови в сторону тромбозов, и открывшаяся рана на стенке матки стала инициатором тромбообразования. Вообще-то из брюха кровь в печеньку идет, но не из всего. В малом тазу есть вены, из которых кровь может оттекать минуя печень прямо в сердце. Там и сформировался "наездник".

-- Гадючий зуб

Уж если говорить о проблемах свертываемости крови при криминальных абортах, то эту историю можно вспомнить только как уникальный курьез. Хотя уникальный для Ленинграда и области. В Киргизии и на юго-востоке Казахстана такой народный метод прерывания беременности весьма известен. Моя личная гипотеза распространения этого метода в данной географической области бывшего СССР объясняется близостью к Китаю и неким культурным родством с китайскими уйгурами, большинство там мусульмане, но некоторые приемы традиционной восточной медицины тоже практикуют. Сразу скажу, что этой медицине никаких дифирамбов я петь не буду - мода модой, но слишком уж хреново она работает. Всякие там толченые кости тигра, рог носорога, крысиные усы и змеиные зубы - ну пусть мы глупы и зашорены, пусть абсолютно не понимаем механизма действия этих снадобий, но как быть когда не видно самого действия! Ни статистически, ни клинически, никак. Есть красивые визитки и приемлимые цены от специалистов по восточной медицине. Насчет массажа шиатцу, акупунктуры и прижиганий я помолчу - здесь я не компетентен. А женьшень, аралия, элеутерококк, лимонник - по моему это уже лет сто как в обычной "традиционной" медицине используется. В смысле врачами. А вот остальное... Дело добровольное - хотите обманываться, обманывайтесь на здоровье! Но знайте, от этого здоровью иногда плохо становится.

Юлия была геологом. Со своей партией они "копали" скалы Тянь-Шаня на "редкоземелку и стратегичку" - бериллий, цирконий, ниобий, молибден, ну уран, конечно. С начальником партии установились весьма теплые отношения. Нет, она прекрасно понимала, что у него жена, семья нормальная, ребенок есть. Ничего и не требовала, просто шесть месяцев "в поле" тоже не шутка. Конечно ей нужна диссертация, конечно хотелось, чтоб поработали не только на поиск, но и на ее тему, но не из-за этого она с ним спала. Просто она молодая незамужняя красивая женщина и ей тоже кое-чего хочется. Уж лучше с начальником, чем с шурфовщиком или водителем. Обретаешь негласную власть, тема движется, и удовольствие с удовлетворением. Похоже только вот залетела. Вообще-то это не проблема. Ему можно все объяснить, скоро пойдет вниз машина с пробами, он пошлет водителя со мной в больницу,

там сделают. Можно даже домой в Ленинград слетать и сделать там, не на необитаемом же мы острове мы сидим. Задержка пустяковая, вторая неделя пошла, как нет предполагаемой месячки. Ну ладно, тогда через неделю и поеду, а пока вот что попробую. Мужики недавно здоровую гадюку убили и голову ей отрезали. Голова с разинутой пастью висит на палке около палатки с намытыми пробами, оставили вроде тотема, смеха ради. А эта уйгурка, что нам молоко продает, сказала что "ааа, зуб хороший, если рожать не хочешь когда беременная, детей не будешь заводить - само выйдет". Скоро она придет, надо ее спросить поконкретней, что же она имела в виду. Черт их знает, этих китайцев, может что дельное подскажут, народная мудрость древней цивилизации, как никак.

Послышался звон колокольчика, сделанного из автомобильного поршня - излюбленный инструмент местных пастухов. Они их цепляют на свой скот, чтобы было легко его найти за камнями или в тумане. Ну и на брочки-кибитки цепляют, чтобы с "музыкой" ехать. Юля вышла из палатки, точно - подъехала та же самая уйгурка с молоком и сыром. Пастушеская жизнь не сильно балует людским общением, и уйгурка с радостью ухватилась за возможность поговорить, да еще поучить русскую уму-разуму. Оказалось, что снадобье готовить очень просто. Надо сжечь чуть-чуть полыни до белого пепла. Потом найти змею, которая "очень плохой быть - гадюка". Эту змею убить, голову отрезать и высушить. Затем вырвать из сушеной змеиной головы верхние зубы (посоветовала это делать плоскогубцами), потом зубы надо растереть в порошок и смешать с пеплом. После взять одну головку хлопка, коробочку оторвать, а в вату аккуратно сыпать порошок и "твоя женский дырка туда". Все, на утро аборт гарантирован.

Экзотики, конечно, хоть пруд пруди, но решиться белой женщине на такое... Как-то не верится. Первое, что Юля сделала, так это пошла в палатку с документацией. Дело в том, что перед экспедицией им всегда читают подробный инструктаж, в том числе и про ядовитых змей. Обязательно наличие противоядия, сыворотки, расписанной по змеиным видам. Потом дают специальную книжку-памятку, которую надлежит хранить рядом с сывороткой. Ей вспомнились слова того дядьки на инструктаже - он говорил, что змеиный яд действует только в одном случае - при попадании в кровь. Если капля попала на кожу или даже в рот, то никакого вреда не будет, поэтому при укусах любых змей яд из ранки можно отсасывать абсолютно без риска хоть как-то отравиться. Еще он говорил, что в змеиных зубах вообще никакого яда нет, случаются даже "холостые" укусы. Яд находится в специальных железах по бокам головы, а через зубы он просто впрыскивается, подобно лекарству через полую иглу шприца. Юля открыла памятку - точно, памятка слова лектора полностью подтверждала. Тогда она пошла к палатке с пробами и аккуратно сняла голову с песта. Она положила ее на стол и стала подыскивать подходящую картинку из памятки. Картинки были черно-белые и нечеткие, а голова уже ссохшаяся, точно определить вид змеи было трудно. Однако получалось одно из двух - или *vipera vipera* (здоровая гадюка обыкновенная), или *vipera lebanica* (молодая ливанская гадюка, чаще просто называемая гюрзой). Яды их оказались идентичными по своему действию, хоть на них и имелись разные сыворотки.

Похоже метод, предложенный уйгуркой был безопасным, но и не имел под собой никакого научного обоснования. Юля взяла фарфоровую ступку и пасатижы. Выдрала из головы два подсохших змеиных зуба. Потом прямо у входа палатки сорвала полынную веточку. Сожгла ее в блюдце. Растерла зубы, добавила в полученный порошок пепла и еще раз перетерла. Хлопка у нее не было, зато была вата - какая разница, та же самая целлюлоза. Соорудив нечто вроде ватного кулечка она сыпала туда получившуюся щепотку порошка, а затем выглянула из палатки, не идет ли сюда какой мужик. Мужиков к ней не направлялось, она быстро спустила штаны и заправила тампон с полученным снадобьем как можно глубже внутрь себя.

До вечера никаких особых ощущений не было. Юлька даже села с шофером в "Газон", и они съездили забрали пробы с нижних, потом верхних шурфов, что были в самом низу ущелья и на хребте. А по пути домой вдруг появилась боль в матке и озноб. Возникла слабость и Юлька почувствовала как стало бешено колотиться сердце. От этого внезапно

развившегося приступа сердцебиения в голове закружилось и застучало в висках. Она моментально попросила немедленно остановиться. Шофер тормознул и демонстративно устался в окно на своей стороне, мол иди себе спокойно по маленькому. Она выскочила из кабины, зашла за колесо и вытащила тампон. Тампон был в крови, и из нее текло, правда не очень сильно, может чуть сильнее обычных месячных. Она решила по приезду для верности немедленно проспринцеваться, однако у нее камнем сдавило грудь и возникли серьезные затруднения с дыханием. Юлька поняла, что дело крайне серьезное, и молчать ей не следует. Сразу по приезду она поплелась к начальнику экспедиции рассказывать свою глупую историю. Тот все подробно выслушал и пошел к радисту. Они долго говорили по радиии, но оказалось, что вызвать вертолет уже практически невозможно - темноло и на темно синем небе лишь где-то далеко выделялись белые вершины Победы и Хан-Тенгри. Ночной полет по ущельям был бы равносильным самоубийству. Оставалось только одно - вколоть Юле гюрзиной и гадючьей сыворотки и на их Газоне быстро отправиться вниз, где есть "табиб". Доктор по-местному. А это километров сто если не больше по очень плохим горным дорогам.

Однако здесь случилось самое неприятное. Сыворотка напоминала желтоватый порошок, точнее даже не порошок, а скорее хлопья, закатанные в маленькие пенициллиновые пузырьки. Туда следовало добавить воды для инъекций, потом хорошо взболтать, а потом колоть. Сыворотка должна была храниться в одном ящике с памяткой и листом-описью. Внешне змеиная сыворотка абсолютно одинакова, от какой она змеи помогает, надо читать на пузырьке. Согласно описи у них должно быть по три пузырька от гюрзы, гадюки, кобры, эфы и щитомордника. Там действительно было пятнадцать пузырьков, но на каждом было написано одно и то же - "кобра среднеазиатская". Никакой другой сыворотки больше не было. За всю экспедицию никого змея не кусала, и никто эту сыворотку не проверял. Юлке на всякий случай ввели дозу "кобры", положили в кузов газона и отправились в долгое путешествие вниз. К больнице добрались куда за полночь. Юлке было очень плохо, она периодически теряла сознание, дыхание становилось поверхностным и неравномерным.

Дежурный доктор, нацкадр, выпускник Фрунзенского Мединститута уже основательно подзабыл русский. Конечно преподавание тогда велось на русском языке, просто он уже лет двадцать, как сидел в этой глубинке, которая была его родиной. В этом уголке русских не было, зато были почет и уважение местному табибу. Но остатки кое-каких профессиональных знаний у него сохранились. Полчаса ему пытались объяснить, что произошло, и просили вколоть гюрзиную и гадючью сыворотки. Доктор заметил, что история очень "нэправда брэхня", так как гюрза женщинам между ног не залезает и "слющай, матка кусат нэ умеет". Потом он резонно заметил (кстати совершенно справедливо), что от укула сыворотки тоже часто умирают, а закатать сразу три сыворотки - кобры, что уже было сделано, гюрзы и гадюки, что просили сделать - "слющай, очень-очень много". Наконец Юльку положили под капельницу и догадались раздеть и осмотреть, правда только внешне, а не гинекологически. Внизу живота и на пояснице появились темно-синие пятна. Доктор тогда согласился, что такая картина действительно похожа на укус гюрзы или гадюки, но вот двух маленьких точек на теле - следов укуса, он найти не может. Неужели и вправду в матку? Ему еще раз объяснили про странный метод "китайского аборта", на что тот только затряс головой и замахал руками. Конечно мусульманские женщины не такие как русские и такого безобразия себе не позволяют, но он сам об этом методе десятки раз слышал и стопроцентно уверен в двух вещах: во-первых этот метод "гюпый шайтан шютка, такой глупый, что совсем не работает" - еще никому таким образом беременность прервать не удалось, а во-вторых этот метод абсолютно безопасен, "мало-мало толченой кости и пэпэл из тарва" во влагище еще никому не навредил. По словам доктора метод этот - чистое плацебо, и какое-либо его действие основано только на психологии. А тут похоже русский садист змею этой женщине между ног запихал, где та ее и укусила. А поэтому надо в центр звонить, ментам докладывать. Что он и сделал. А вот чего он не сделал, так это не провел соответствующей инфузионной терапии, не сделал серотерапии (сыворотки), не обеспечил реанимационные мероприятия, направленные на поддержание жизненно-важных функций, да и вообще практически самоустранился от какой-либо адекватной медикаментозной поддержки. Юля

умерла.

Ввиду абсолютной необычности истории, в которую особо никто не поверил, труп перекинули самолетом к нам. Получили мы его слегка подпорченным, но вполне годным к исследованию. Что оказалось: смерть действительно наступила в результате действия гемотоксина - яда гадюк. Второй интересной находкой оказалось то, что Юля не была беременна, у нее просто наступила физиологическая задержка менструации на недельку или чуть больше - штука, частенько случающаяся с любой здоровой женщиной. Так что убила она себя совершенно зря.

Мне, если честно сказать, до сих пор не очень хочется верить в эту историю, но никаких малейших зацепок, указывающих на что-либо другое мы не нашли. Главная причина неверия, это даже не то, что без пяти минут кандидат наук вдруг стала толочь змеиные зубы, выдранные с сушеной головы, лишь затем, чтобы вместе с сажей их заправить себе во влагалище. Чуден мир, а люди в нем еще чуднее. В чужих головах порой творится такое... Мы, судмедэксперты, сталкиваемся с последствиями "завихрений в мозгах" куда чаще, чем люди других профессий. Достаточно рассмотреть проблему садизма и изнасилований, чтобы отменить всякие критерии "нормальности" к внешне нормальным представителям *homo sapiens*.

Мой скептицизм основан на другом - на природе яда гадюк. Это белок, протеолитический фермент, разрушающий клетки крови, стенки сосудов, и запускающий сложные каскадные реакции тромбообразования. Белок - это очень большая молекула. Трудно поверить, что он способен так хорошо всосаться, пусть даже через утонченную стенку влагалища. Я помню веселый случай, как один подвыпивший биолог-герпетолог на спор одну за одной сожрал три чайных ложки змеиных ядов - кобры, гюрзы и еще какой-то твари, обитающей в окрестностях Ашхабада. Сказал, что яд кислый на вкус. Так вот с ним ничего не было, если не считать того, что он выиграл ящик водки. Чайная ложка сухого змеиного яда это очень много. Ее за рабочий день опытный герпетолог в том же Ашхабадском серпентарии едва ли мог надоесть - это сотни змеиных укусов, плюс яды этих змей имеют различное токсикологическое действие. Но если вы не страдаете кариозными зубами или язвой желудка, то они в кровь попасть не могут. А попав к нам брюхо вреда от них будет не больше, чем от трех ложек желатина! Белок переваривается и все дела. Конечно во влагалище он перевариться не может. Но давайте вернемся к нашей ситуации - там яда было чуть-чуть, а у герпетолога сотни доз. Значит то, что оставалось у него после прохождения через пищевод, на миндальных складках глотки и во рту, через слизистую не всосалось! Будем считать факт экспериментально доказанным. Ну и наконец последнее - откуда в зубах яд? Он ведь и вправду в железах, а от толченой эмали и дентинной пыли еще никто не умирал - вспомните хотя бы свои визиты к стоматологам, они нас тоже толчеными зубами подчуют, правда нашими собственными.

А теперь серьезное "за" - следы ваты, пепла и яда у нее во влагалище мы обнаружили. Правда не гадючьего, а гюрзиноного, но какая разница, токсикология у них одна. А теперь попробуем смоделировать ситуацию. Мужики убивают змею и открывают ей рот, голова змеи какое-то время "жива" - мышцы ее желез рефлекторно сокращаются и выжимают яд. На ветерке в условиях среднеазиатской сухой жары капли яда быстро высыхают прямо на зубах и соответственно попадают в "снадобье". Там кислая среда и мокро - то что надо для полного растворения. Наверное, будь Юлия беременной, может ничего бы и не случилось. Но у нее случилась обычная менструация - и кровеносные сосуды стенки матки оказались открыты. Потом она поехала на нижний шурф - перепад атмосферного давления, повысилось давление снаружи и втокнуло содержимое влагалища на обнаженный эндометрий. Матка "всосала" яд. Громадная контактная поверхность, идет резорбция в кровь, а отсюда все местные изменения и токсикология как при укусе. И соответствующая смерть.

-- **Конский волос**

А вот кто она, мы не знали. Бесхозный труп. Был вызов "Скорой", на улице девушке плохо. Ну те приехали, загрузили, повезли в больницу, по дороге развернулись и повезли в морг. Одета хорошо, лет так около двадцати, двадцати-двух. Весьма симпатичная. В кармане кошелек, рублей сорок денег (приличная сумма по тем временам, чтоб с собой носить), ключи. И больше ничего. Хоть бы сумочка женская - кладезь информации. С бесхозными одна проблема - хранить их долго надо, жди пока кто объявится, опознает. Тогда картотеки граждан на картонках в паспортных столах лежали, никакого тебе компьютерного поиска, ни программ идентификации личности по фотографии и базе данных всех подданных страны. Трудно было. Поэтому мы сразу проводили работу, узнавали что да к чему, потом ложили тело в холодильник и положенное время ждали. Ну а потом хоронили безымянных. Конечно всех документировали и фотографировали, а потом сдавали в архив. Если когда чего выплывет - вот вам материалчик. Какое преступление, или там несчастный случай, а может просто болезнь какая - от этого зависит, какой следак дело поведет, а может там и вести нечего, если например смерть естественная. Ну взял да помер, какое тут преступление?

Она беременная была, но похоже после выкидыша - желтое тело в правом яичнике, матка увеличена, вот эндометрий восстанавливается. Да и слегка малокровная, как всегда после выкидыша бывает. То что выкидыш самопроизвольный был, это точно, ее не скребли. Сроки уже труднее установить, но похоже не более четырех недель. Пустяк, а не аборт. Да вроде и прошел гладко - от такого не умирают. С такими запросто на работу ходят. А эта молодница взяла да померла, только вот от причины слишком необычной. Когда вскрыли камеры ее сердца, то в правом желудочке на фоне некоторого острого эндокардита нашли здоровый конский волос. Он скрутился, запутался в хордах, что клапаны держат. Кое где на нем тромбы флажками выросли, а вот один его короткий конец вошел в сам миокард. Из короткого участка конского волоса весьма жесткая и упругая "пика" получается. В сердце она воткнулась в очень нехорошее место - в узел, который генерирует возбуждения сердечные. Произошел там некроз - омертвела эта система, возбуждающая сердцебиение, да проводящая сердечное электричество по всему миокарду. Потрепыхалось сердце чуть-чуть в бесполезной фибрилляции, да и стало. Так уж наше сердце устроено - ему для того, чтобы биться нервов не надо, нервы ему лишь приказывают как быстро биться. А бьется оно само, благодаря своей системе сердечного автоматизма.

Вообще конский волос для Ленинграда это экзотика. Я понимаю, леска там, струна какая или нитка... Но конский волос? Дежурный следак в цирк, в зоопарк, на ипподром звонил, нет, у них сотрудники на пропадали. Трудно найти такую работу, где в силу профессиональной вредности конский бы волос в женское сердце попал. С человеческим полегче - спросите в парикмахерской мужского мастера, некоторые имели удовольствие загонять короткий кусочек волоса себе в палец, до нарывов доходит. Но парикмахеров конских хвостов в советском Ленинграде не было. Похоже, значит не случайное это попадание. Зачем-то тетка его себе по вене пустила? Да еще его достать надо - материалчик то экзотический, наверное именно для этой цели подобранный. Чтоб сдохнуть? Не похоже. В армию ей не призваться, косить от нее тоже не надо. Инвалидности захотела? Молодая и красивая. Вряд ли. Мотивации нет!

И стали мы укольную точку искать. Я грешным делом подумал, что проглотила она его, да тот через стенку вены пищевода прокололся. Затем на том внутривенном кусочке (он же для крови инородный) формируется тромб-"парус", и за этот парус его кровь дальше по сосуду тянет, пока весь волос не всосет. Механизм понятен, теперь надо найти иголку в стогу сена - откуда этот волос в сосуд полез. Стенка пищевода оказалась не причем - я ее под громадной лампой с увеличительным стеклом очень долго и очень пристально разглядывал и ничего там не нашел. Ниже желудок и кишки, так там и искать бесполезно - от них вся венозная кровь через печень отливает. Пошинковали печеньку - нет, через нее волос не пробежал. Во-первых невозможно, во-вторых, если было бы возможно, то след бы в ее тканях оставил. Кожные покровы давно осмотрены, кроме задигов-заусениц от недавнего маникюра, ничего нет. Через палец такой волос не затолкаешь. Задницу осмотрели - нет, в геморроидальных венах

чисто. Даже дурные мысли появлялись, может как через рот, в подъязычную вену, а может в синус черепа, через край глаза? Да глупости это - нету входного укола! Потом нашли. В вагинальной вене. Только еще кое что еще нашли - в выкинувшей матке волосок тоже поблуждал, очень уж характерные накольчики оставил. Еще одно интересное наблюдение, войти в ту вену он мог только выходя из маточного зева. Вот мы и нарисовали картинку.

Наша прекрасная незнакомка пошла к другой незнакомке избавиться от беременности народным способом (то есть на преступное деяние под названием криминальный аборт). Вторая незнакомка (или незнакомец) тут весьма вероятны, хотя она могла умудриться конский волос туда сама засунуть, это возможно, но очень трудно. Так вот, суть метода состоит в том, что в беременную матку через зев запикивается на всю длину конский волос. Понятно, что он там рвет амниотические оболочки плодика, раздражает эндометрий, и матка рано или поздно начинает сокращаться. Конец волоса невозможно без специального инструмента полностью запихать в полость, и он остается в маточном канале, а то может вообще торчать из зева. Получается, что этот волос протыкает стенку в глубине влагалища по направлению изнутри наружу, входит в расширенную полнокровную вену влагалищного сплетения (они полнокровны, так как аборт же в ходу, плюс раздражение). Дальше на волосе формируется тромб-парус и он начинает уходить в сосуд, влекомый током крови. Сокращения матки с "рождением" остальной длины этому процессу помогают. Потом плод оказывается снаружи, а волос внутри, ну а дальше путешествие до сердца и смерть. Так и захоронили ее бесхозной, без имени под номером.

-- Горячая ванна

Труп этой симпатичной женщины был тоже весьма интересный - "руки прачки", но не холерные, а от пребывания в воде, правда весьма недолгого, но необычного. На теле видна четкая линия погружения, по границе которой кожа имела совсем разный тургор (эластичность). Такое бывает если вода горячая, хотя еще не кипятком. Нет, она не была утопленницей. В легких ни капельки воды, никаких признаков асфиксии (удушения). Нет и патологии - здоровый организм беременной женщины. Беременность трехмесячная, тоже здоровая. Была. Правда на момент смерти там только-только пошел аборт, но не он стал ее причиной. Эта молодая женщина (а по своему незамужнему семейному статусу - девушка) получила крайний перегрев и скончалась от банального теплового удара - сварилась в горячей ванне. Трупешник был ГэБэшный, по их делу, но не со стороны, а непосредственно из их системы. Тело молодой начинающей кэбистки. Поэтому и рассказали нам больше обычного, им самим потрепаться было приятно, перемыть косточки своей системе и ее славным порядкам, в угоду каким молодые бабы по собственному желанию в ваннах заживо варятся.

Аня была одной из самых успешных студенток на Пятигорского Иняза. Вела активную комсомольскую работу, весьма общительная, но не болтушка, она вполне здраво подходила к перспективам на будущее. Никаких выдающихся планов себе не строила - четвертый курс, через год распределение учительницей иностранных языков скорее где-нибудь по Кавказу или югу России. Ей очень нравилось Ставрополье, особенно район ставших родными Кавминвод, поэтому максимум, чего она желала - это местное распределение где-то поблизости к курортам. К срочному вызову в деканат она отнеслась без особого волнения, опять что-нибудь попросят сделать по общественной линии.

Однако ее удивлению не было предела, когда в кабинете у декана она застала двух человек, приехавших из самой Москвы с единственной очевидной целью с ней побеседовать. Дяденьки в неприметных серых пиджачках представились обтекаемыми Иван Сергеевичами, да Сергей Петровичами. Долго ходили вокруг, да около, говоря на ерундовые темы. Стали спрашивать о студенческой жизни, об учебе, потом о ее семье - как там мать-отец, кто ли есть еще, а-аа младший братишка... Да нет, спрашивали профессионально, логически никаких выводов не сделать. Только Аня девушка умная, поняла, что все о ней им прекрасно известно.

Договорились быстро. Официально она распределяется в село Троицкое, что в Калмыкии, а на самом деле едет учиться в Москву. О будущей работе ни слова. Мы мол сами не знаем, разведка или "контра". Наконец подписывается стандартная ПОНка (подписка о неразглашении). и всего хорошего. Приятного Вам завершения института и до встречи в Первопрестольной и в нашей системе, куда мы Вас, похоже, возьмем.

А они действительно взяли. Взяли в Контору, отучили в Дзержинке на спецкурсах, а потом направили работать среди экскурсоводов и гидов, водивших иностранные группы в Ленинграде. Задача номер один - выявление потенциальных кандидатов на вербовку среди иностранцев. Задача номер два - обеспечение мероприятий, направленных на выявление нежелательных контактов иностранцев и советских людей. И задача номер три - контроль и наблюдение за персоналом, работающим в контакте с иностранцами. Никакого тебе самопожертвования в виде долгих лет служения бойцом невидимого фронта где-то за кордоном от нее не потребовалось. Перспективы на дальнейшую жизнь оказались радужными и весьма денежными, по советским понятиям.

Как и все сотрудники КГБ в очереди на квартиру она не стояла - сразу по приезду в Ленинград вселилась пусть в ведомственную, но отдельную однокомнатную квартиру. Довольно быстро сориентировалась по службе и работе - необходимость развивать неформальные контакты с потенциальными объектами разработки заставляла порой недурно прифарцовывать. При этом о всех своих деяниях Анна честно писала отчеты, а начальство весьма снисходительно смотрело на прибыль, в виде оставшейся у сотрудницы модной шмотки или иного забугорного барахла. Зато "прикрышка" и внедрение были полными. Приделалась, кое чем разжилась, да и без "левизны" зарплата штатного сотрудника Интуриста, гида-переводчика по "основному" месту работы, накладывалась на денежное довольствие офицера КГБ. Плюс всегда давались деньги на задания, а если не нагнать, то ими можно было распоряжаться с умом и кое-какой личной выгодой. Анна не наглела, Анна была профессионалом высокого класса, пусть молодой, но очень любящей свою работу сотрудницей, а главное не какой-то там шкуркой, а офицером, искренне преданным делу государственной безопасности и служению родине. Командование об этом знало, но глаз со своих сотрудников не спускало.

Только вот с личной жизнью у Анны как-то не заладилось. Служебные интересы предполагали определенную скрытность от окружающих, когда откровенные разговоры запросто идут по накатанным и отработанным схемам "интерактивного выведывания информации с параллельными контр-вербовочными мероприятиями и сохранением легендированного прикрытия". А в таких случаях взаимность какая-то липовая получается. Говорили же преподы в Дзержинке - бабы, не будьте дурами, хватайте офицеров из системы, пока те рядом ошиваются, потом трудно будет. Не послушалась, не схватила. Училась, старалась, а искать толком не искала. А теперь вот и результат - с мужиками, которым можно доверять, с ее мужиками, в смысле с коллегами из ее родной Гэбухи, остались лишь встречи на конспиративных квартирах с отчетами под магнитофон, там тебе ни имен, ни фамилий, ни фривольностей каких. Все четко и сухо. Доклад, задание, метод, обеспечение, материалы, техника. Говорим по делу, сидим рядом, но между нами стена. Ну как тут роман завести? Конечно, порой надо и в Управление ездить. Но там и того хуже - что за час-другой по коридорам сниматься? А вот со связями на стороне совсем плохо. Сотрудник с любовником - ха! Это уже не сотрудник. Нет, ну можно откровенно познакомиться с каким-нибудь там честным инженером, добиться признания в любви, при этом избежав с ним постели, потом написать рапорт (а перед тем тысячу объяснительных). Парня год будут "просвечивать", на этот период, конечно, от оперативной работы отстранят, ну а потом дадут разрешение - и выходи себе замуж! Потом, разумеется, на туже линию уже не попадешь, у мужа то никаких допусков, а такому необходимость срочных вечерних поездок куда-то без объяснения причины понравиться никак не может. Поэтому обычно оперативной работе с "цивильным" замужеством не по пути. Хотя мужики из КГБ женаты в основном на дамах "вне системы", но там случаи иные - чаще всего они попереженились рано, еще в училищах, институтах или

Академии и не сидят "под прикрышками". А вот кто "под прикрышкой", тот для семьи в длительной командировке, а если холост, то так же воет от одиночества, как и она.

Эх, такого бы найти! Терять интересную работу и заниматься поисками мужа со стороны Анне не хотелось. Конечно, можно вообще на все наплевать и просто зажить нормальной жизнью молодой женщины - ведь если не встречаться с диссидентами или невыездными евреями, а просто трахнуться с приятным мужиком, то даже из-за романа из органов пожалуй сразу не уволят. Ну переведут куда-нибудь на кабинетную работу делать переводы иностранной периодики. Конечно, по сравнению с ее нынешним положением это будет значительный материальный проигрыш, да и романтики абсолютно никакой. Нет, такой шанс всегда можно использовать, а пока Анна скрепив зубы и порою дрожа от желания, все так же старательно обходила мужской пол стороной. Она с завистью кидала взгляды на выпирающие животы случайно встретившихся беременных, на детские коляски молодых мамаш, на родителей, тянущих за руку своих малышей в детский сад мимо окон ее квартиры. Она разглядывала семейные фотографии своих подруг, повыходивших замуж и понарожавших детей. Вот оно, собранное улыбающейся группкой, такое земное счастье заурядных учительниц периферийных школ - у них не было оперативной тайны, но были обычные семьи. Она провожала взглядами влюбленные парочки, которые не вели "наружку", а просто балдели от присутствия друг друга. Она приносила с работы дорогие букеты, что дарили ей группы на прощание, а потом подолгу сидела возле них и мечтала, что их ей подарил Он. Он, кого не было. Анна много раз прокручивала в своей памяти свои институтские романы, вспоминая моменты и детали своих прошлых, а теперь таких далеких соитий. Господи, она ведь никакая-нибудь молодая дура, она специально подготовленный офицер Госбезопасности, прошедшая самый тщательный психотбор и тренинг, она может запросто совладать с собой! Но она не может избавиться от сопряженной с этим совладанием обычной сексуальной фрустрации, как это называли преподаватели-психологи из ее Академии, или простого желания переспать с мужиком, как это называли все остальные люди.

И она решилась. Нет, глупостей не будет. До тридцати с хвостиком можно поискать кандидата в мужья из "своих". А вот трахнуться можно и с "чужими"... Ведь зацепить партнера на стороне, пусть даже сделав это очень не заметно, для нее, профессионалки, никакого труда не составит. Контроль контролем, но не круглосуточно. Она была прекрасно осведомлена как о степени контроля за ними, так и о его возможностях - если не заводить серьезного романа и при достаточно профессиональном подходе в виде "самоконспирации", то риск "засветки скрытого контакта" будет минимален. Можно обманывать систему, ведь это всего лишь с целью столь необходимого ей удовлетворения собственной похоти, а не измена Родине. Ну заставляет предписанная им инструкция немедленно информировать начальство о любых подобных встречах - обойдутся, не девочка перед "папами" отчитываться! Не будет пищи ни для службы внутренней безопасности, ни для политотдела, не будет и "пятна" в личном деле. А сладкие ночи будут.

Ближайший выходной - четверг. В субботу вести группу итальянцев по Эрмитажу, а потом их же, но аж по Золотому Кольцу, поэтому выходные пришлось на четверг и пятницу. Ориентировку получать в пятницу, значит со среды на четверг и будет ее ночь. Для начала проверим "хвостик". Вообще такое дело за сотрудником без причины не топают. Ну а если и топают, то пару раз за год по сетке случайных проверок КГБ в КГБ. Сотрудник, установивший, что за ним идет наружное наблюдение обязан немедленно о таком случае оповестить по команде. Это ЧП. За такое или выговор можно получить (если "сел на паранойю"), или благодарность за проявленную бдительность (если наружка была своя). Правда тогда все равно выговор будет, но не тебе, а тому, кто за тобой топтался - тщательнее работать надо, товарищ. В толпе хвостик не заметить, а если ведут двое, то в ней же и не затеряться. Аня проверяется просто и надежно - у Пушкинского Вокзала спокойно идет вдоль забора по "железке", расстояние метров этак четырехста. В заборе сделан проход на улицу Рузовского, значит через этот проход и выходим на эту самую улицу, затем двести метров по

ней, а там спокойно ныряем в проходной двор и идем к своей лучшей подруге в гости. Поднимемся на нужный этаж и в окошко контролируем "проходняк" и "колодец". Никого - отлично! Заходим к подруге на чай, трепемся с полчаса. Маршрут от метро до подругиного дома оказывается самым кратчайшим и логичным, хоть и малоизвестным. Выйти и не засветиться на участках невозможно, так же, как и невозможно заподозрить проверку. От подруги прямо по направлению к метро, а как вышла за угол дома вне пределов видимости из ее окон - дальше свободная птица.

А вот и зеленый огонек такси. Ресторан "Янтарь", пожалуйста. Это хороший ресторан - абсолютно непрестижный, на окраине, довольно большой, совершенно без иностранцев, а значит и без их брата. Снимайся на здоровье, одна проблема остается, чтоб мужика с хатой найти. Еще сравнительно рано и к тому же будний день, в ресторане есть свободные места. Ей не нужен какой-то специальный вечерний наряд на выход, работая в Интуристе, и крутясь среди фарцы, ее повседневная одежда лучше, чем вечерние туалеты большинства советских женщин. Войдя в зал, Аня невольно вспомнила слова "покупателя" из ПГУ - офицера-кадровика из Первого Главного Управления: "Вас, дорогая, я во внешнюю разведку на пушечный выстрел не подпущу. С Вами же куда выйди - провал сразу. На Вас же полгорода пялится!" Вот и оставил Аню в Союзе, о чем она сильно и не жалела. Сейчас она очень явно прочувствовала - на нее пялились. Ну и хорошо. Мэтр сразу постарался уяснить, подзаработать она пришла, или просто так. Намекнула, что никаких подзаработать, но пятерочку ему в руку положила - для проститутки маловато, а для женщины с понятием и без комплексов в самый раз. Мэтр это оценил, столик дал в веселеньком месте, на виду у всего зала и близко к танцевальному "пятаку". Однако и местная путана ее оценила. Аня это поняла, просматривая меню и попутно изучая столики, пока только на предмет парней, пьющих минералку, то бишь ее родных коллег "на выпасе". Гэбэшных парней не было, были военные, были менты в штатском, явно не на службе, а на отдыхе, была куча студентов и куча работяг. А еще были две злые шлюхи - их взгляды моментально пересеклись. Аня тренированная, ей выдержать взгляд этих нарванных баб, что на открытку посмотреть. Однако она скользнула по ним, словно не заметила. Спокойно сделала заказ, сказала официанту, что отлучится на минуту, подхватила сумочку и демонстративно медленно пошла в туалет.

Ее задумка сработала на все сто - одна из путан нетерпеливо подпрыгнула и резво побежала за ней. Разговор был короткий, ты как снимаешься, за так или за деньги? За так. А раз за так, то нам дороги не переходит. Не перейду. Ты поняла? Поняла. Путана стала заводиться от своей "моральной победы". Аня медленно поворачивается к ней спиной, прекрасно зная, что за этим последует. А последует за этим толчок в плечо или спину, типа прощания-угрозы с напоминанием, кто хозяйка в зале. Аня этого не боится, Аня ее на это провоцирует, а сама косится на здоровое зеркало сбоку. Не выдержала проститутка, решила толкнуть конкурентку. Аня делает шаг в сторону и немного назад, а руку, согнутую в локте, резко вверх на полукруговой захват. Вот шлюшкина рука у нее подмышкой, а в этот момент легенькая такая подсечка, а длинная ручка-ремешок от сумочки накидывается на шею, и шлюха летит на пол. Ремешок хороший, сделан из натуральной толстой кожи, под стиль "пизанка", столь популярный в Европе того времени. Специально для подобной возможности выбирала. Конечно безопасней было бы красной книжечкой перед носом помахать, да только такие варианты не для Ани, она из-за ерунды светится не будет, да и ее Удостоверение Сотрудника КГБ с самого начала у начальника в сейфе лежит. Вот синяя книжечка сотрудника Интуриста, та действительно у нее есть, да и то не с собой, плюс кто же ее боится? Похрипела шлюха на полу, поскавчала, что ошиблась, попросила не бить... На том и сошлись - девочки, я вас не знаю, а вы меня. Под ногами не путаться, ну а если на дальнейшее что задумаете, парней там каких позовете или сами там чего решите, так вот при любой попытке мести буду просто убивать. Шлюха поверила. Вышла на минуту к своей подруге, а на горле красная полоса, морда в соплях, руки трясутся. Жахнула здоровый фужер водяры и бегом из ресторана. А подруга, выслушав короткий, но с иллюстрациями, рассказ "коллеги", весь оставшийся вечер на Аню подобострастно смотрела, и не только кого там

отбить - подойти близко боялась. Тогда времена были советские, ни мафии, ни сутенеров, каждая девочка сама по себе, а уж между собой, так вообще сплошной закон джунглей и никакой тебе организации. Да и мало проституток то было, клиентуры им с избытком хватало. А уж официально так их вообще ни одной не было - проституция и советский образ жизни по Марксистско-Ленински были несовместимы. Типа социалистические условия для них не подходят, как Сахара белым медведям.

Военные пригласили ее первыми и отпали сразу - командировочные, живут в гарнизонном общежитии. Менты обмывали чью-то звездочку, там тоже ловить нечего. Студенты... Для нее это вообще-то малолетки, лет на семь младше. Ты смотри, один смелый решил тетю на танец пригласить. Ух ты, живем с другом на квартире - похоже вариант безопасный. Молодоват еще, ну ничего, мы тебя подучим, если что. И с деньгами у ребят похоже напряг. Давайте-ка, хлопцы, ко мне за столик. Официант, бутылку коньяка! Как зовут? Как зовут... Аней зовут, врать тут вроде не к чему, еще где окликнут по случаю. Кем работаю? Да учительницей младших классов. Конечно замужем, но муж в длительной командировке на Севере. Поэтому и домой ко мне нельзя, там мама и ребенок. Да ты что, какой телефон? Телефона нет, а адрес ни за что не дам! И школу свою не скажу - еще мне не хватало, чтоб родители моих учеников обо мне слухи распускали. А вообще то я голодная... Да нет-нет, вы, мальчики, кушайте и ничего мне больше заказывать не надо - не в том смысле я голодная. А что вы так смутились? Я же честно и откровенно! Ах то что вас двое... Ну тут сами решайте, хотя можно и с двоими, если не разом, конечно, а по очереди. Вы рады? Ну тогда допивайте и поехали. Нет с собой мы ничего брать больше не будем, и у вас завтра занятия, и у меня уроки...

Это была чудная ночь! Она отыгралась за все свои "монастырские" годы. Молоденькие кобельки оказались заводными и послушными, казалось ее удовлетворению не будет конца. Пока один послушно сидел на кухоньке малюсенькой однокомнатной хрущевки, другой занимался делом. Потом они менялись. Менялись споро и Анька не успевала остыть. Правда больше, чем на два захода никого из них не хватило, но и этого ей оказалось вполне достаточно, чтобы словить долгий яркий оргазмище, от которого казалось замирает сердце и обрывается все внутри. А потом они спали - она одна на кровати, а они по жребью - кто на другой кровати, а кто на полу. Утром она встала по будильнику, сходила в душ, потом сделала кофе и яичницу на всех. Ребята снова смотрели на нее восторженными глазами и стали просить не исчезать, а приходить еще. Вот наш телефон - ты только позвони. Она запомнила их номер и сказала, что звякнет недели через две, там договорятся по настроению. Посоветовала влюбляться в хороших девочек и исчезла.

Аня удачно "отгуляла" итальянцев. По ориентировке были сомнения насчет одного паренька, в смысле турист ли он, или связной, выходящий на русского агента в обход посольств. Такие вещи устраивают исключительно для важных птиц, точнее даже не для них, а для снятия их тайников. Потом "сняток" никогда не тащат через границу, его обязательно передают в посольство и переправляют безопасной диппочтой. Посольство ничего не знает об агенте. Да и трудно отследить таких - чистый въехал, чистым выехал.. По обстановке Ане пришлось выполнить две ТэФэПэшки - операции по тайному физическому проникновению, а попросту пошустрить у него в вещах во время отсутствия хозяина. Кроме довольно дерьмовых итальянских стихов собственного сочинения, как дневника впечатлений "объекта" о России, больше ничего интересного она не нашла, заложила жука, перефотографировала написанное и пробежалась по ним ультрафиолетовой спецлампой на предмет тайнописи. За поездку объект себя ничем не проявил, и в конце поездки Аня влезла к нему еще раз, просмотреть номера фотокассет и свои маркерные метки. Метки были на месте, номера совпадали. К заднему дворику гостиницы подошел крытый грузовик с рентген-установкой, и они быстро провели полную просветку его вещей. Аня привычно закинула тяжелый чемодан иностранца в большой пустой чемодан и бегом пустилась назад. На всю операцию от выноса до возврата ушло около пяти минут. Похоже иностранец был чистым. Был еще один "говноед", как КГБшники и ГРУшники называли лиц, слишком демонстративно симпатизирующих советскому строю, но и тот оказался полной пустышкой в плане

оперативной разработки на дальнейшую вербовку. Во-первых, профессионально никто, абсолютно бесперспективная личность, а во-вторых, просто истероидный психопат из тех, которые готовы восторгаться чему угодно, лишь бы получить симпатии окружающих. Такой будет на тебя смотреть преданными глазами ровно до пересечения границы собственного государства, где немедленно с той же преданностью все вложит первому попавшемуся карабинеру. Кроме этих двоих больше ничего интересного.

Аня вернулась домой, подготовила отчет. У нее почти неделя на выходные - завтра пойду на "конспиративку", отчитаюсь, а вот вечером... Вечером надо сходить к подруге, все должно быть естественно. А вот послезавтра вечером... Но перед тем надо позвонить мальчишкам. Отчетом начальство оказалось довольно, похвалило хоть и за безрезультатные, но отлично проведенные ТФП, понравились и толковые психологические профили, что она приложила к отчетам по иностранцам. Отметили высокий профессионализм и вскользь помянули, что приближается присвоение капитана, не всю же жизнь в молодых старлеях ходить. Ну а теперь отдыхай, дочка, восстанавливайся, а там возьмешь группу бритишей-экстремалов на месяц по Сибири.

Ну вот и вечер. То, что Анькина линия на круглосуточной прослушки, она не сомневалась. Точнее, она очень сомневалась, что ее кто-либо слушает вообще. Она не сомневалась, что все ее номера и все ее разговоры стопроцентно пишутся, хотя и не стопроцентно слушаются. Но если надо, то обязательно прослушаются, повода дать - всего набрать новый номер. Поэтому звонить будем с улицы. Она проверилась, как обычно на пути к подруге, принесла той подарок в виде итальянского дезодоранта, посидела, попила с ней кофе с ликером "Амарето", еще одним трофеем из недавней командировки. Затем распрощалась и пошла к давно примеченному телефон-автомату, не ближайшему, но укромному. Автомат обещающе заглотил двушку на втором гудке. Привет! Да неужели? Ну ладно - завтра приду. Нет, не на ночь. С пяти до двенадцати. Семь часов нам надеюсь хватит? Хорошо. А вот денька через два можно и на ночь. Да, пожалуйста отмойте плиту и начистите картошки к моему приходу - я вам хоть супа сделаю и мяса нажарю, уже купила курицу и хорошей свинины. Вам, ребятки, белок нужен. Ну пока. Все же железная она женщина - никогда страсть у нее не возьмет верх над разумом.

Ой как они ее ждали! Нищие студенты купили шампанского и фруктов с базара, в пустую кефирную бутылку поставили три простеньких гвоздики. Для нее! Впервые после институтской скамьи она получила цветы. Точнее цветов ей дарят много, но это от иностранцев на работе, такие не считаются. А эти считаются - они от любовников, пусть и от двух сразу. Ребята подхватили ее здоровую сумку, в которых кроме свинины и курицы оказалась блок дорогих импортных сигарет, тонкая палка настоящего финского сервелата и толстый батон сырокопченого итальянского салями, пачка масла и банка растворимого кофе - все считалось деликатесом и дефицитом. На дне сумке лежал новый махровый женский халат и простенькие тапочки. Это нам? Ну а кому же! Халат и тапочки только мне - хотя пусть это у вас побудет. Вы не против? Девочки ваши не возревнуют? Ну и ладненько. Анна бесцеремонно разделась при них до своих кружевных полупрозрачных трусиков, и ребята как загипнотизированные уставились на ее тело, переводя глаза с чернеющего треугольничка под трусиками на ее весьма объемные груди. Не захотев испытывать их терпение, она облачилась в новый халат пошла на кухню. Готовить она умела и любила. Поставила суп, быстро сделала пюре, хорошенько отбила эскалопчики и нажарила ароматных отбивных. У ребят нашлось немного квашенной капусты и заваливавшаяся банка зеленого горшка - чуть чеснока, немного сахара и томатной пасты и готов вполне приличный салат. Пока она хлопотала, ее кавалеры комарами вились вокруг нее по очереди прикладывая губами то к шее, то к ляжкам. Эй, озорники, смотрите без засосов! Ну вот и все готово - Аня подает на стол.

- Аннущка, ангел наш, ну-ка посмотри сюда, сейчас вылетит птичка!

Кухня озаряется резким белым светом фотовспышки. По лицам видно - никаких задних мыслей, ребята действительно хотят запечатлеть своего доброго ангела на память.

Фотоаппарат устанавливают на холодильник и взводят автоспуск. Анна делает улыбку как у кинозвезды и красиво обнимает обоих кавалеров. Еще одна вспышка - будет забавная "семейная" фотка. Анна берет в руки фотоаппарат, "Зенит-ТТЛ", лучшая советская машинка. Ребята, а что у вас еще на пленке? Ничего. Тогда не жалейте - она открывает фотоаппарат и одним движением вытягивает пленку из кассеты. Давайте договоримся раз и навсегда - больше никогда никаких фотографий со мной. Нас здесь трое, и никто четвертый нам не нужен. Почему - это я вам объяснила еще в ресторане. И последнее - я буду к вам приходить когда смогу, а это не слишком часто. Я всегда буду звонить перед своим приходом, и если вы сказали "можно", значит вы автоматически выполняете мои несложные условия. Если вы не можете меня видеть по любой причине, которую мне совершенно не надо объяснять, то вы мне об этом прямо говорите, я не обижусь и перезвоню при первой своей возможности. Но если вы хоть один раз нарушите хоть одно из моих условий - никогда не фотографировать или что-либо записывать на магнитофон, никогда не пытаться узнать мою фамилию, мой адрес или мою школу, и никогда не приводить сюда кого-либо еще, когда мы вместе - так вот, если нарушите хоть что-то, я просто больше никогда не приду. От этого проиграют все - и вы, и я. Ну и конечно, я готова навсегда исчезнуть, изъяви такое желание хоть один из вас. Я не могу проконтролировать ваши языки, болтать и хвастаться вы все равно будете. Поэтому я только могу вас просить - не болтайте много. И не дай бог, кто-либо из ваших друзей решит глянуть на меня "случайно" - я это расценю как нарушение контракта. Уяснили? Вот и прекрасно, помогите мне сохранить репутацию честной жены, доброй матери и хорошей учительницы. А теперь прошу к столу, мои дорогие!

Они отлично покушали, выпили шампанского. Две бутылки на троих - хмель легкий, но для раскрепощения очень помогает. Кинули монетку на первого. Потом был замечательный блаженный час, оставивший всех в полнейшем удовлетворении. Анна вошла во вкус и проявила свою власть над этими мальчишками. Она запросто уложила каждого валетом, купив на простые слова, что другому мы об этом не расскажем! Дай парнишке чуть-чуть почувствовать его "сексуальную исключительность" и делай с ним, чего душа пожелает. Потом она пошла в ванну. После программы "Время" показывали старую комедию, и они сдвинув кровати валялись втроем, вполглаза смотря телевизор, и говорили на всякие умные темы. Парнишки были весьма не глупы и начитаны, несмотря на их молодость и в общем то еще инфантильную "зеленость", с ними было вполне интересно. Напоследок договорились о следующем визите.

Наконец Анна оделась и стала собираться уходить. Она мельком глянула на свою сумочку - вложенного волоска-контрольки на дужках не было. Значит открывали. А значит читали. То, что ребята могут пошустрить у нее в сумке на деньги, она мало допускала, хотя и не исключала. Скорее всего они там будут искать любой ее документ, мужское любопытство зачастую сильнее женского. Женщина может простить "таинственного незнакомца", мужик "таинственную незнакомку" не простит никогда - он готов землю рыть для ответа на простой вопрос "Кто ты?". Поэтому Аня загодя вложила в один из карманчиков якобы случайно забытую бумагу, где написано, что некая Анна Фридриховна Вальтер-Петрова прослушала какие-то курсы по детской педагогике и психологии. Круглая печать Ленинградского отдела народного образования. Эта бумага к Анне попала совершенно случайно - она ее просто подобрала на улице около года назад. Подобрала и оставила, тогда сама не зная почему. Наверное, потому что "Анна" и потому что "образования"... Вот и пригодилась бумажка - пусть мальчишки думают, что они ее раскрутили. Глупую немочку "Фридриховну Вальтер-Петрову". Но по сумкам лазить не хорошо, но еще хуже дать им понять, что она вещи на контролке оставляет. Поэтому на прощание необходим маленький спектакль, исключительно в педагогических и воспитательных целях.

Аня небрежно открывает сумочку и достает губную помаду. Потом делает обнимающий жест и приглашает целоваться на прощание, мол давайте, пока губы не намазала. Пареньки с объятьями к ней на встречу. И тут Анна демонстративно, но вроде еще шутя, отталкивает первого. Постой, а что у тебя так глаза забежали? Не выкручивайся, я же педагог, я же вижу,

ты что-то натворил! А ну признавайся! Не надо отнекиваться - ты же врать не умеешь совершенно! Что, спер у меня что-то? Ого, как глаза забегали! Эх мальчики, мальчики... А я вам поверила... Я вам самого лучшего хотела, от души, искренне... А вы оказывается мелкие воришки... Хоть что сперли то?

- Ничего!!! Анна прости нас - мы ничего не сперли! Даже и не думали о таком никогда. Анна, поверь, ты абсолютно зря так...

Анна пристально смотрит в глаза. Сначала одному, потом другому. Парни ежатся, глаза отводят. Тогда говорите, что натворили? Нет, что-то вы определенно натворили. А раз так вас так дернуло, когда я о воровстве заговорила, то...

- Просто по сумкам полазили...

Ну и зря - я не дура, я все документы дома оставила. А лазить по чужим вещам нехорошо. Насчет "прости нас"... Обещаете, что такого больше не повторится? Ладно, верю. Прощаю. И совет дам - будьте в жизни выше этого. Ну давайте, мальчики, целоваться.

Ух как искренне они к ней прилипли! Простила мамка шкодников, обещала еще принести конфетку. Поебаться, в смысле. Дело сделано - мальчики, похоже, приручены...

Она позвонила им через пару дней. Опять обед с сексом, точнее секс с обедом. А потом она "повела гулять" британцев. Группа экстремалов похоже была полностью чистой - их багаж досконально прошмонали еще в аэропорту, ручную кладь обработал "персонал гостиницы" по вызову. Жуки были в номерах, стационарные, от "Интуриста", ничего дополнительного подсовывать не пришлось. В их группе из шести человек был один толстосум, который и спонсировал всю экспедицию. Их интересовала "белая вода" русского севера - сплав на только что появившихся двухместных фибerglassовых каяках по бурлящим рекам. Водным туризмом, тем более в таком экстриме Аня никогда не занималась. Как бы там не было, она решила, что самоотвода по операции не подаст, пусть лучше утонет - он из бритов оказался инженером с "Ролс-Ройса", специалистом по турбинным лопаткам. А инженерами в авиастроении КГБ не разбрасывается. Его психологический профиль, поведенческие стереотипы, вкусы и привычки, короче все, что может пригодиться для потенциальной вербовки, необходимо собрать самым тщательным образом. А единение душ в условиях тяжелого водного похода этому как нельзя способствовало.

Проблему "сбора инфы со стороны противника" Аня отсекала сразу самым примитивным образом - столь тщательно разработанный британцами маршрут, она сразу и категорически перечеркнула. Мотивировка была проста и "откровенна" - там много каких-то секретных заводов, о которых она сама, рядовой гид-переводчик, ничего не знает. Этот маршрут совершенно невозможен, решение "сверху". Возможно вот это - глушь поглубже, реки побольше, экзотики не меньше. Вообще-то с англо-саксами такой вариант практически непроходной - у них очень сильна концепция "я плачу свои деньги за то, что надо мне, а не вам". Убалтывать приходится долго. Так и в этот раз - она уже готова была пойти на кое-какие уступки, как внезапно их всех уломала. От "Интура" позвали гидов - профессионалов горного сплава. Прибыли три инструктора-"эмэловца" из какого-то кавказского МЛ (международного лагеря). Как официальный групповод, Аня, признавшись, что никогда еще в своей жизни не сплавила, попросила их профессионально объяснить англичанам преимущества нового маршрута, каких-нибудь пару тысяч километров в стороне от первоначального. Британцы с восторгом выслушали рассказ коллег, "мокрозадых единомышленников", как они их называли. Анин район был одобрен без каких-либо возражений, а описания русской бани и рыбалки, где хариус и громадный таймень идут, считай на голый крючок, просто зажгли и без того взрывной энтузиазм иностранцев.

По прибытию ее русские инструктора из подручного материала, в виде березовых жердей и привезенных куски сетки и четырех здоровых колесных камер, за день соорудили здоровый плот, чтобы показать британцам как плотогонит по бурунам советский самодеятельный турист. Опять восторгам не было предела. Потом рыбалка. Потом уха. Потом поход в баню в ближайшей встретившейся таежной деревеньки. А потом сплав - ежесекундная борьба с "белой водой". У Ани не получалось, как у мужиков. Она пару раз влетала на порогах в очень

неприятные ситуации, мокла, а раз даже чуть не утонула. Ее ловили, грели. Аня очень близко сблизилась с инженером-авиастроителем. Обрал у русских гитару и пел ей раннего Престли и "Битлз", которые помнил еще с университетской скамьи. Потом сидел у костра и рассказывал похождения мифического Кинга Артура, чередуя их со старыми вельскими и шотландскими легендами. Прямо как наши парни, простые инженеры со всяких "Рубинов" и "Кировских Заводов"... Затем, правда, заговорил несколько иначе. С женой он развелся более пяти лет назад. Да дети есть. Двое. Платит свой "саппорт" - алименты. Живет так себе... Свой дом на шесть комнат, слава богу уже выплаченный, дворик неплохой, но бассейн очень маленький - мы не американцы, нам бассейны не нужны. Машины... Ну есть, конечно, парочка и отнюдь не новые "Ягуар" и "Лэндровер". Первый - чтобы ездить на работу, второй - чтоб байдарку на крышу привязывать и по Англии возить. А еще он очень одинок, не расист, любит экзотическую кухню, и как ему кажется, ее - Анну...

В легендах советской улицы о КГБ всегда было место, что "их там учат, как с мужиками спать для вербовки". Так вот, КГБ этому не учило. КГБ за это сразу увольняло, со скандалом после неприятного ведомственного расследования. Были "сплюшки", но все они были не выше информаторов, иногда на "конторской" зарплате, а чаще всего вообще без каких-либо денег. На бизнес многих валютных путан закрывали глаза, если девочка начинала попутно "делать, что нам надо". Переспать с иностранцем советскому офицеру госбезопасности был факт абсолютно невозможный. Ну разве что, где-то там нелегалки за кордоном этим баловались... Да и то вряд ли, а если и "да" то конечно не под отчет. И все это не потому, что КГБ такое уж моральное было. НКВД, например, такую практику очень даже хотело использовать. Хотело - и погорело! Начинает женщина иностранцу отдаваться, а у того, лопухового дурака, возьми и любовь возникни. Вроде ой как хорошо, щас вербанем его тепленького. А не тут то было - чаще вариант получался с точностью до наоборот. Сидит такой вот знаток кельтских легенд и клянется в любви до гроба молодой и красивой офицерше. А потом молодая и красивая офицерша в своей однокомнатной конуре мочит слезами подушку ночи напролет, потому что знает, что мужик то правду говорил! А дальше уже, что перевесит - патриотическая любовь к ее "органам", или вполне плотская любовь к его органу. Ну еще добавим дома-машины против ведомственных 17-ти квадратных метров (ей богу нормальная кухня должна быть больше). Ну и еще "чистоту душевного порыва" против "поставленной оперативной задачи". У вас еще есть сомнения? Если женщина не падшая (а падших в секретные системы стараются не допускать), то ответ на "кто-кого" не в пользу советской власти получается.

Анна с британцем не спала, даже мысли такой не допускала. Лишних поводов не давала, на намеки и приставания отвечала весьма твердо - нет. Закончилась командировка, задание выполнено, отчет написан. В отчете отмечено об несколько излишней межличностной аффективности разрабатываемого по отношению к ее собственной персоне. Вроде все честно, но умными словами. Об "I love you" ни слова. Опять отчет одобрен, опять благодарности уже с намеками, что с капитаном возможно медалька какая последует - Анькина самоотверженная работа стала вызывать заслуженное восхищение не только на Литейном-4, но и на Лубянке. Только вот к радости и гордости за саму себя добавилась банальная такая женская тревога - месячки ее родные задерживались! Ну понятно, что это от ее мальчиков, от кого же еще. Не понятно только как это получилось - она любые операции, в том числе сугубо личные, планировала досконально. Мелочей в ее работе не бывает, вот и привыкла к подобному подходу. На мальчиках всегда были презервативы, ее собственные хорошие импортные "Трояны", а не хлипкие советские "Проверено электроникой". Быть такого не должно, а однако было. А теперь вот какая проблема - необходимо или провернуть какую-то самостоятельную операцию по быстрому поиску возможности абсолютно анонимного аборта. Именно анонимного, а не конфиденциального, риск тут не нужен - что знают двое, знает весь мир. А уж о том, чтобы пойти и сделать легальный аборт и речи быть не может, так как любая подобная медицинская запись будет для нее, как для офицера КГБ, приговором - она спала с иностранцем и от него залетела, сама же в отчете об реальности подобного варианта проговорилась. И по срокам под "британца" вполне попадает, никому

ничего не докажешь... Пинок под зад из органов, а не очередное звание!

Значит так, раскопать в условиях полной анонимности возможность для нормального медицинского аборта она, конечно, сумеет и быстро. Но суеты и хлопот! Да и одно осложнение вроде было, точнее не осложнение, а подозрение - после столь обильной похвалы по службе обычно следовала внутренняя проверка. Вначале документы, ну а уж потом "опричники" могут ради интереса и глубже копнуть, вплоть до наружки. Знаете, моментальные контакты для осуществления передачи информации или там какие закладки тайников - они ведь сразу не выявляются. Надо потоптаться за человеком, посмотреть его "странности", где бывает, сколько дома отсутствует, есть ли какие личные встречи, не соответствующие его повседневному окружению или социальной среде. Гуляет ли без толку где не надо - может места ищет? А если просто дома не ночует, то уж точно что-то левое делает. Ну и т.п. Наберут чутка общих сомнений - тогда выставят плотный хвост. Зазря, конечно, никто людские ресурсы распылять не будет - наружка удовольствие дорогое. Аня решила никаких поводов для "общих сомнений" не давать, месяц надо просидеть дома. И попытаться самой сделать простенький аборт, пока ситуация не прояснится.

Но не выдержала она, все же звякнула своим мальчикам. Побывала у них дважды за неделю, правда оба раза очень по-умному, на пару часов и в дневное время. Перед каждым заходом проверилась, никаких хвостов. Разумеется о своей беременности им даже и намек не подала - этим-то на что об этом знать? После второго раза, вернувшись домой она решила попробовать старый "безопасный" метод вызывания выкидыша - посидеть в горячей ванне. Вообще-то горячая ванна, как вполне безопасный метод от нежелательных беременностей, работает. Правда не со стопроцентной гарантией, и с одной большой оговоркой - ЭТО МЕТОД ДЛЯ МУЖИКОВ!

Называется он среди врачей-андрологов, тех кто мужское хозяйство лечит, вполне официально "японским методом временной мужской стерилизации". Ну и неофициально почти также - "самурайская ванна" или "акай фуру" по-японски (красная кадушка). Точнее не совсем кадушка, а здоровая деревянная кадка, традиционная японская ванна под названием "фуру", а красной была не кадушка, а задница у самурая после кадушки. Как только у дворянина в средневековой Японии нарождалось слишком много детей, которым явно не хватало его скудного наследства, он говорил "стоп" деторождению, но не сексу со своей женой. Для этого требовалось налить в эту кадушку совсем чуть-чуть воды (обычно там сидели по грудь), но воды очень горячей - на грани человеческой терпимости. Потом надлежало в эту кадушку сесть и скрепя от боли зубами попарить там яйца в самом прямом смысле! Ну стопы, но уже не саму задницу - так если только чуть водичкой ягодицы омоет, ибо терпеть такую температуру весьма тяжело, а парить надо долго. Зато потом от двух до трех месяцев самурай был бесплодным - сперма у него пустая была. Ну а потом полностью восстанавливалась, и опять в ней живчики-спермики копошиться начинали. Биологический механизм такой стерилизации крайне прост: Знаете, зачем мужские яйца снаружи, а женские яичники внутри? Температура для нормального формирования сперматозоида должна быть ниже температуры тела. Вот фабрики по производству мужских половых клеток и вынесены за пределы тела, где им прохладней, яйцеклеткам же такого совсем не надо. Упростив ситуацию, можно сказать, что как только сперматозоид попадает в "оранжерею" женского влагалища, то ее тепло моментально активизирует этого удалыца на коллективный призовой забег в поисках яйцеклетки. А если спермик "перегретый", то он никуда бежать уже не может, так как стал полным параликом. Поэтому мужики, носящие свободные семейные трусы - молодцы, а вот любители стильных прижимающих плавок - не очень. Поэтому, умный гинеколог, когда к нему приходит женщина с жалобами на бесплодие, в ряду первых вопросов спрашивает: "А Ваш муж любит посидеть в горячей ванне? А на раскаленной лавке в баньке?" И на всякий случай передает свой привет такому мужу с пожеланиями широких штанин и умеренно тепленького душка для полноценной личной гигиены.

Так вот Аня об этом не знала. Не учили в Академии имени Дзержинского таким

премудростям. Зато Аня давным-давно, наверное еще со школьной скамьи, слышала байку, что плод можно "выпарить", только вода должна быть на пределе человеческой терпимости. Париться надо долго, пока между ног не пойдет кровь, ну а после вылезать, выкидыш дальше уже пойдет самостоятельно и без проблем. Анна прогрела свою ванну и стала медленно наполнять ее горячей водой. Анна была очень волевой женщиной. Анна была офицером КГБ, тренированным и способным переступить через собственный болевой порог. Ей было очень горячо, тело распарилось до малиновой красноты, с рук и лица катился пот капая в горячую воду тяжелыми каплями. Кровь никак не шла, и Анна делала воду все горячее и горячее, делала глубокие вдохи на счет, заставляя себя терпеть. Своей волей она могла пересилить боль, но не могла переступить через биологию. Вдруг она ощутила, что ее тело бьется в крупном ознобе, ей совсем не жарко, а даже очень холодно, а по коже побежали тысячи мурашек. Она поняла, что перегрелась, и что необходимо срочно вылезать из ванны. Она схватилась за край, но только лишь успела приподняться, как глаза залило темнотой, тело стало совсем слабым, и она упала обратно в ванну. Анна потеряла сознание от элементарного теплового удара, а попав обратно в горячую воду, быстро там умерла.

Ментов вызвали соседи этажом ниже, когда из залило горячей водой. Выломали дверь, обнаружили тело в ванне. Ран никаких, а вода красная. Пошла таки кровь между ног. Наши ребята на судебке долго гадали, сама ли ванна запустила аборт, или он случился в агонии умирающего организма? Мы пришли к выводу, что ванна ничего не запустила - просто матка стала сокращаться в предсмертных судорогах. Ведь "рожали" же за секунды беременные женщины в газовых камерах Освенцима вне зависимости от срока. Значит это сделала не ванна, это сделала смерть.

-- Спица

Ну вот мы наконец и дошли до нее, до главной героини народного фольклора, мифической исполнительницы криминальных абортов Одной Бабки! Ну знаете "и тогда пошла Она к Одной Бабке..." На самом деле "одни бабки" такое дело практикуют крайне редко, и даже их консультативно-методическая помощь зачастую оказывается совершенно иной, чем об этом говорит молва. Молодая женщина от этих старушек куда чаще слышит "Да рожала бы ты, милая, не бери грех на душу, не губи ребяточка...", нежели "возьми земли с кладбища, да две жабы, да сбун-травы с придороги..." и т.д. по теме. Исторически, конечно, мы вполне допускаем, что во времена Ивана Грозного "одни бабки" только этим и занимались, в перерывах между нормальной повитушьей деятельностью или древне-акушерским родовспоможением, а также снятием сглаза и порчи. В наше время "одни бабки" полностью перекавалифицировались в мирных пенсионерок, больше озабоченных уничтожением колорадского жука на огородах, нежели человеческих зародышей в матках. Хотя кое-какие носительницы этого средневекового ремесла все еще живы.

Это был туп молодой женщины. Если не смотреть на *striae gravidarum* - специфические растяжки кожи на животе, говорящие о перенесенной беременности больших сроков, то можно сказать, что это девушка, так как ей шел всего двадцать четвертый год, а выглядела она и того моложе. Эти стрии, белесые зигзагообразные линии, сформировались около двух лет назад, так у нее был нормально рожденный ребенок, и к данному делу никакого отношения не имели. На вскрытии обнаружился весьма интересный синдром тромбоза печеночных вен, или синдром Budd-Chiari. Печень при этом напоминает мускатный орех - у того похожий рисунок на срезе. Вообще то этот синдром идиопатическая редкость, то есть когда причину тромбоза установить просто невозможно, однако в этом случае причина была, хотя и не совсем обычная по теориям патогенеза. Причиной такого тромбоза стал едва начавшийся, восходящий из малого таза перитонит, или воспаление брюшины, а вот самой первопричиной этого воспаления явился криминальный аборт, неудачно выполненный одной бабкой.

Тамара вышла замуж три года назад за парня, а точнее мужчину, весьма старше себя. В ее

селе Василия прозывали "Кулаком". В свои тридцать пять он умудрился отгрохать единственный двухэтажный дом, всегда имел относительно новую машину, вел солидное хозяйство. К удивлению и зависти селян он занялся "цветочной выгонкой", чрезвычайно трудоемким и кропотливым делом - ездил на юга за тюльпанной луковицей, скупал ее мешками от пяти до пятнадцати копеек за штуку, а потом по нескольку раз в году к нужному празднику "выгонял" в своей теплице разом по несколько тысяч тюльпанов. Так ценой своей жизни и ранее накопленных соков в теплых, но голодных условиях короткого светового дня, маленькая луковка дарила людям прекрасный цветок, который тут же перепродавался цветочникам-лоточникам из Ленинграда от полтинника до полутора рублей. Ну а те ставили от рубля до трех. Цепочка "производитель-продавец" считалась в Союзе абсолютно нелегальной, но и абсолютно не преследуемой, так как "частники" обеспечивали, наверное 99% цветочного рынка. Числился Василий колхозным сторожем, где его мало кто видел. Наверное зарплату за него получал председатель колхоза. Да и не нуждался Василий в "казеной копейке", ему и своих рублей хватало.

Понятно, что в колхозе Василий был мужиком видным, но не в плане внешности - маленький, щуплый, веснучатый и белобрысый, с крупной залысиной и серыми, казавшимися прозрачными глазами, он на звание первого парня на деревне, явно не тянул. Однако будучи холостым, практически непьющим и самым богатым, он оставался очень завидным женихом. Мать Василя пилила его почти ежедневно, что кому это он все настроил и на что деньги копит, если ни семьи, ни детей у него нет. Жениться надо! Жить по-людски надо, счастливо и весело, а не одними трудами. Что ей толку с соседской зависти, если стала уж вон какой старой, отца его, мужа своего уж схоронила, а тот и внуков не увидел. Наверное и сама уж такого счастья не дождетя. Василий у нее был единственный сын, давным-давно она сильно застудилась, и детей у нее больше не было. Оттого и хотелось так старенькой матери внучат.

Наконец Василий сказал свое долгожданное "ладно, мать, наверное и вправду пора жениться". В их колхозе были одинокие женщины его возраста или чуть моложе, в основном или оставшиеся в девках дурнухи и дуры, или вполне приличные женщины с детьми, рано "овдовевшие" из-за отсидок своих экс-мужей на зонах. Мужики туда залетали частенько, в основном из-за глупых преступлений по пьяной лавочке. Брать разведенную или дурнуху ему не хотелось. Тут и сосватали молодую Тамару. До этого момента Тамарка сама смотрела на свою перспективу весьма мрачно, оставшись работать обычной птичницей в своей родной деревне, она ежедневно крутилась среди баб, зачастую тоже с частыми пьянками и скандалами. Мужиков вокруг было немного, а свободных достойных претендентов не было совсем - наиболее дельные парни предпочитали после армии подаваться на жительство в города. Деревня пустела и "взрослела", если судить по среднему возрасту оставшихся. Она не пошла бы за Василя из-за одних его денег, машины и красивого большого дома, если бы у нее была хоть какая-то иная любовь. Но такой не было, и не предвиделось.

За дело споро подрядилась Игнатъевна - известная деревенская сплетница и сводня. Будучи уже на пенсии, она мало уделяла внимания своему хозяйству, а муж ее, "Дед Карасик", тоже предпочитал больше рыбалку и изливания, нежели сельский труд. Сажали они меньше чем пол-огорода картошки, капусты и немного иного овоща, мотивируя скудость своим возрастом. Большая половина была покрыта многолетним девственным бурьяном с уже весьма высокими кустами бузины. Свиньи у них часто дохли от недосмотра, зато Игнатъевна умудрялась за день оббегать кучу дворов, собирая и разнося "новости". О решении Василя она узнала от его матери первой и тут же подключила свой конструктив в виде предложения взять Тамарку. Через час она уже была на птичнике с бутылочкой своей бражки, где до конца рабочего дня перемывала эту возможность с самой Тамаркой. Такое предложение для Тамары оказалось полной неожиданностью, в свои двадцать один она всерьез не смотрела на тридцатипятилетнего Василя. Нет, пока никаких сватов не надо, дай месяцишко подумать, да и лучше бы было, если бы он сам пришел... Как-то давно уж на селе отвыкли от такого посредничества, не крепостное же право на дворе, ей богу. Так вот ему и передай!

Игнатъевна передала, "дописав" послание от себя, что мол девка не спит не ест, как Василя любит и о свадьбе мечтает. Был май, самое затишье в цветочных делах, уже давно пошел тюльпан и нарцисс с открытого грунта, и тепличникам можно было немного отдохнуть. В ближайшую субботу Василий отмыл до блеска свой "Жигуль" и предложил Тамаре съездить с ним в Ленинград. Просто так, без цели прогуляться, отдохнуть. Она согласилась, отстирала свои единственные джинсы и новую ветровку, пусть несколько заурядню, но имортную и яркую. Вот рано утром они поехали. Бросили машину в привычном месте, на метро добрались в центр. Сходили в Эрмитаж, потом прошлись по магазинам Невского. В переходе Гостинного Двора какой-то спекулянт, вероятно опознав селян из глубинки по простенькой Тамаркиной одежде, моментально предложил импортные сапоги за двести рублей. Зарплата птичницы была около сотни. Она уже была готова протестно замахать руками, как вступился Василий с предложением померить. Тут же зашли в боковой коридор Гостинного, где Тамара сунула ногу в сапог - он подходил. Спекулянт стал умолять поторопиться, оглядываясь по сторонам нет ли ментов. Однако Василий без всяких комплексов спросил "Ты фарца или кидала? Второй-то сапог при тебе?". Фарцовщик обиженно достал из коробки второй сапог, а Василий две желто-серых бумажки с Лениным. Торг совершился, и Тамара стала обладательницей вещи о которой и мечтать не могла. На танцах в их клубе точно все девчонки помрут от зависти! Покушали в простой кафешке, выкидывать деньги на рестораны Василий считал глупостью - наедаешься также, а дерут дорого. К вечеру купили еще красивую кофту для Тамаркиной мамы и спиннинг для отца. Похоже дело серьезное, раз прям так сразу подарки родителям.

Приехали домой поздно, уставшие, но довольные. Родители не спали и подарки пришлось вручать тут же. Получив благодарности, и приглашение к завтраму на обед, но отказавшись от чарки на посошок Василий поехал домой. А на следующий день к трем дня, в новой белой рубашке и добротной кожаной куртке он снова пришел к ним в дом. Будущий тесть не стал ставить обычный самогон, а достал "беленькой казенки", обычную бутылку водки. Василий признался, что пьянеет он быстро, поэтому пить особо не любит, но под уговоры потенциальных родственников бутылка быстро опустела. Однако под пельмени моментально появилась вторая, которая тоже быстро опустела. А тогда уже появился самогон. Это оказалось выше его способностей, и через минуту после самогонной стопки Василь вылетел во двор, на свежий воздух. Земля кружилась, и его тошнило, правда пока не до рвоты. Его бережно подхватили под руки и повели в дом на кровать. Только он принял горизонтальное положение, как головокружение моментально усилилось, и к горлу подкатил комок, а еще через секунду Василь громко блевал фонтаном в заботливо подставленный тазик. Официальное знакомство с семьей состоялось.

Ему было так плохо, что домой он не пошел, с благодарностью приняв предложение полежать до утра. Утром неистово болела голова, хотелось пить и было страшно открывать глаза. Но вот появился будущий тесть со стаканом "самгарита". Самогонка показалась сладковатой - явный признак большого перепоя, однако подействовала, головная боль утихла, а на старые дрожжи быстро развезло до умеренно пьяного состояния. На поговорку тестя "один день пить, что воду рубить", прозвучавшую, как команду к продолжению банкета Василий ответил решительным отказом и пошел домой. На все вопросы своей матери, он ответил одной единственной фразой "В тот дом ходить нельзя, если сдохнуть не хочешь" и снова завалился спать.

Однако фиаско не произошло. В понедельник, окончательно отойдя от пьянки, Василий подъехал к Тамаре на птичник, встретил ее и отвез к себе домой. Старушка мать как то старомодно, но осторожно спросила, а знают ли Тамакины родители, что она здесь, а то чего люди скажут... Василий обнял маму и просто сказал, что его меньше всего волнует, о чем говорят люди. Они пошли на второй этаж. Тамара впервые переступила порог дома Василя и он ее поразил не только размерами. Дом был полностью кирпичный с громадными окнами, стены с моющимися обоями, везде на полу был паркет, кухня и санузлы в кафеле, кругом

батареи водяного отопления, как в городе. Василий гордо водил ее по своему хозяйству, рассказывая про чудо котел, которому хватает трех ведер угля в сутки, про туалеты, ванну и душ с горячей водой, стиральную машинку и отдельную собственную канализацию, что заканчивалась в громадной крытой яме в огороде. Ей, привыкшей к насквозь продуваемому теремку с вонючей дыркой и еженедельным походам в их сельскую баню, корытом для стирки и гремящим рукомойникам со льдом по утрам, все это все казалось чудом. Но главное там не было печи! На кухне стояла обычная городская газовая плита, ясно что от баллона, а в зале первого этажа был большой красивый камин, похоже вообще девственной чистоты, который по самому признанию Василя они почти никогда не топят. Василь ничего не врал, рассказывал, что когда дом строили, то сам он делал очень немного - добывал материалы, платил работягам и кормил их, ну и иногда помогал в черновой работе, там замес цемента сделать или кирпичи поднести. Они зажгли камин, уселись на красивый диван, и Василий достал книжки по цветоводству. Оказалось это целая сложная наука, тонкости которой он постиг в совершенстве. Сорты и земляные смеси, температурный режим, специфика отопления и поддержания влажности... Все настолько отличалось от ее привычного "вскопали-посадили".

И ей захотелось здесь жить. Ей захотелось, чтобы ее будущие дети игрались у красивого камина, а не у грязной растрескавшейся "голландки", дающей копоть и сырость. Ей захотелось по субботам ездить в Ленинград, а не отыскивать своего мужа по дворам и оврагам. Ей очень захотелось, чтобы деньги шли вот так от каких-то малознакомых людей, а не авансом и зарплатой из окошечка сельсоветовской кассы. Много денег. Она не полюбила Василя, но она полюбила его жизнь и настрой его мысли. Слова его, в общем-то такие простые, отнюдь не казались нарочитым примитивом, чем так любили козырнуть их сельяне. Заговорили о том, как жить богато, и Василь вдруг сказал:

- Ты знаешь, Тамара, а ведь самое дорогое слово это "нет". "Да" это очень дешевое и плохое слово...

Тамарка очень испугалась, подумав от том, что Василий как-то странно намекает ей на некий символический ответ, который если все пойдет хорошо, то ей придется давать ему. Или даже говорить прилюдно на свадьбе. Однако все оказалось куда сложнее. Василий научился говорить "нет" всему тому, что его окружало. Это "нет" пьянкам и лени, "нет" дружкам, и "нет" просьбам со стороны о чем-нибудь за просто так. Он бережет свое время, свой труд и свои деньги - и поэтому "нет" перекупщику с плохой ценой. Он торгуется, он не боится, что о нем плохо подумают. Он никогда не скажет "да" если какая-нибудь мелочь ему до конца не ясна. Он никогда не скажет "да" если есть хоть какая-то возможность его "обуть". Пусть он жадный, но он честный и это его деньги и его дело. Он не любит говорить "да" другим. Но ей он это говорит...

Вот и вышла на улицу их помолвка. Сорока Игнатъевна споро разнесла ее по дворам. К Тамаре стали подходить, с чем-то поздравляли, на что-то намекали. От людей в возрасте она постоянно слышала поговорку, что "старый конь борозды не портит". Туже самую поговорку она слышала и от сверстниц, правда с ехидным дополнением "но и глубоко не вспашет". Она смирилась. Она взяла пример с Василия, ее перестало волновать, что про нее скажут люди. Скоро сыграли свадьбу. Тамара не была девочкой и любовные утехы были для нее сладки, хоть и случались крайне редко. Однако до свадьбы она с Василем в постели не была. Да и после свадьбы, став полноправной хозяйкой в доме, она с трудом себя воспринимала его женой. Она очень уважала его, но как-то больше как отца, ну может не совсем так, тогда как некого старшего брата. В близости с ним она была предельно скована, хотя никогда не отказывала ему в его простеньких делах. Он делал их быстро, а она лежала под ним с закрытыми глазами. Ей не было противно, но ей и не было сладко. Ей было никак. Она быстро забеременела и родила малыша, такого же щупленького и худенького с жиденькими белесыми как лен волосами и полупрозрачными серыми глазами. Бабушка во внуке души не чаяла, постоянно сравнивала его с Василием и говорила, что так похож, что сама бы с родным сыном перепутала. Мальчик был не капризный, хорошо брал грудь и особых хлопот

не доставлял. Тамара считала себя вполне счастливой. А как сыну исполнилось полтора года, Тамара решила, что насиделась дома достаточно, оставила внука бабушке и вышла на работу на свой птичник.

За время Тamarкиного отсутствия все молодые птичницы поуходили, кто на ферму, кто в контору, а кто вообще уехал в город. Остались только сорокалетние. Месяца три шла обычная размеренная сельская рутина, но тут появился Гришка-цыган. Вообще-то о происхождении Григория ходило много легенд. Самая реальная гласила, что вроде как мать, сама чернявая со значительной помесью цыганской крови, нагуляла его не то от грузина, не то от азербайджанца, когда ездила по путевке куда-то на юга в дом отдыха. Муж у нее сидел, а по освобождению к ней возвращаться не стал. Она была одинокой женщиной без родни, вот и оставила себе этого нагулянного ребенка, как опору на старость. Так кличка Варька-цыганка породила кличку Гришка-цыган. А он действительно этой кличке соответствовал на все сто - озорной и бойкий он был чернее смолы! Единственный такой среди умерено-русого населения их деревни.

Она его прекрасно знала, еще с сельской школы-восьмилетки. Он был младше ее на почти на три года, но известный на всю школу шалопай. Он ушел в сельхозучилище, когда Тамарка уже пошла работать на птичник. В училище он был хулиган и двоечник, вечно влетающий в какие-то неприятные истории, и девчонки на него никогда серьезно не смотрели. И вот теперь он вернулся и устроился к ним тем же механиком сельхозтехники. Армия Гришку много чему научила. Он не только не забыл свое оборудование, но научился и понял как его сносно чинить, чего до армии никогда не делал, спихивая все на дядю Антона, второго механика. Но Антон уже год, как работал с трактористами, и на Птичник заходил редко. Оборудование старело и ломалось, а ремонтировать его было некому. С появлением Гришки дело несколько наладилось - пошли казалось замершие навеки транспортеры, закрутился кормоцех с его "рушалками" для зерносмеси и комбикормов. Бабья работа заметно облегчилась, стали выдавать больше яйца и птицы, повысилась зарплата. Однако Гришку не уважали. Несмотря на свои дельные руки он оставался тем же шалопаем - мог прогулять без причины, а получив заплату то всюю подражал "старшим по сроку службы", напивался до потери равновесия. Правда запоев не допускал и остаток зарплаты отдавал мамке-Варьке, наверное сохранила от греха подальше.

И тут Гришка стал к Тамарке клеиться. Она ему раз четко сказала, что по сравнению с ее Василем Гришка просто ничемное дерьмо. Странно, но задиристый Гришка не обиделся. Он подждал ее у двери, а когда она входила, то прыгал и хватал ее за сиськи или за задницу, ну прям как семиклассник. Тамара злилась, но не так чтоб сильно. Она никогда серьезно не смотрела на него. Он лез целоваться, правда без какого-либо насилия, как бы в шутку постоянно признавался ей в любви. Тамарка все эти выходки списывала на то, что она единственная молодая птичница и ему заигрывать больше не с кем. Потом она стала его в наглую использовать - по ее приказу Гришка таскал мешки с комбикормом, вывозил помет, дробил мел и выполнял другую тяжелую работу. Она стала в шутку позволять ему подержаться за сиську или легонько взять ее за ягодицы. И вдруг в один момент она поняла, что нестерпимо хочет его. Пару дней она страшно боялась этого желания, а потом дала ему волю. И тут случилось то, чего никогда с ней не было. Случился страшный кайф! До замужества нее пару раз бывали оргазмы, но какие-то быстрые и поверхностные. Она здорово ощущала свой клитор, иногда резко, с острой слабостью до дрожи, но само проникновение оставляло ее весьма равнодушной. Похоже, что роды что-то перестроили в ее организме. В начале Гришка довольно сильно раздрочил ее, и она позволила ему на себя залезть тут же в подсобке. Он всего пару минут нетерпеливо посовался на ее лобке, вот уже пришли ее клиторные дела, как вдруг поверх них навалилось нечто очень приятное, откуда-то изнутри. Чувство было настолько сильным и долгим, что дрожь перешла в какие-то конвульсии, ей казалось что она проваливается в океан удовольствия и страшно хотелось заорать. Он сделал свое дело, а она все лежала полностью расслабленной, слушая периодически возвращающиеся волны своего неземного блаженства, вызывающие все

затухающие спазмы ее тела. Это было самое сильное чувство, самое приятное ощущение и самое высокое удовлетворение, когда-либо случившееся за всю ее жизнь. Она просто не знала, не представляла, что такое возможно у нормальной женщины. Нет реально, такого не может быть! Но оно было.

На следующий вечер она намекнула своему мужу, не хочет ли он чего. Она попросила его сильно "потрогать себя". Он долго тер, потом крутил пальцем вокруг дырочки, она привычно закрыла глаза и стала ждать возвращения своего блаженства. Ничего не произошло. Абсолютно ничего. Он попросился войти в нее и она согласно кивнула головой. Все получилось, как всегда с самой первой брачной ночи. Никак. У нее на глаза навернулись слезы разочарования. Однако, даже воспоминания о ее вчерашней сладости, ничуть не изменили ее отношения к собственному мужу - она нежно обняла его, это же отец ее ребенка, ее единственная и такая прочная опора в этом мире. Она вздохнула и заснула спокойной.

На птичнике она больше всего боялась, все догадаются о ее связях с Григорием. Она боялась, что Григорий сам сболтнет о них по пьяне. Она боялась, что их элементарно застукают за этим делом. Она боялась всего этого, но давала ему все чаще и чаще. Один раз, улучив редкий момент, когда они оказались на птичнике совершенно одни и полностью насладились друг другом, она откровенно рассказала Гришке о своей проблеме с мужем и спросила его, в чем же секрет? Ведь Григорий не делал ничего особенного, ну разве что всегда любил минуты две-три потереть ее клитор. Она ведь просила тоже самое делать своего мужа, но от такого даже не завелась! Григорий сидел голый на мешке с комбикормом, и пытался понять проблему:

- Знаешь, Тамара, бабу, оно ведь любить ее надо... А баба не должна бояться отдаваться. Ты же мужа своего боишься! Ты же как с отцом родным спишь. Какой тут кайф. А я кто? Так шалопай, ебарь... Я тебя ебу с любовью, а ты меня выше себя не ставишь, вот и разрешаешь себе подо мной кончать на полную.

Вдруг до Тамарки дошел некий смысл такой деревенской сексологии, ее непробиваемая логика и правда. Плевать, что она с Гришкой как простая сучка под кобельком, но куда страшнее было ощущение, что она не сможет переломить свое отношение к Василию. Однако семейная жизнь, комфорт, уют и достаток значили для нее слишком много, пожалуй куда больше, чем возможность испытывать полноценные оргазмы. Она действительно ставит мужа на недостижимую для себя высоту, она не может себе позволить под таким кончать. Ведь он фактически ее не дрочит - она лишь позволяет ему в себя излить, ровно для того, чтоб ему не было плохо. В мыслях она с ним не спит. И она обняла своего сладкого Гришущалопа и попросила его уволиться. На следующее утро он уже сидел в правлении, и высунув язык, писал заявление о переводе с птичника к механизаторам, мотивируя свои действия низкой зарплатой и сварливым бабским коллективом, где ему совершенно невозможно работать. Председатель просьбу удовлетворил, и Гришка исчез с ее жизни, отправившись чинить трактора.

Однако с заменой Гриши на прежнего молчаливого дядю Антона, ее беды не кончились - он поняла, что беременна. Она в принципе не могла залететь от мужа, с ним она была лишь раз, тогда давно, перед последней менструацией, когда просила себя гладить и трогать. После этого он не настаивал, а ей было без надобности. Значит беременна она от Гришки-цыгана, и ее ребенок будет кучерявым и чернявым с большим носом. Доказать мужу, что это его ребенок будет невозможно. Надо сделать тайный аборт. Она вспомнила, как Игнатовна рассказывала про какую-то Захарьевну, вроде та живет на Седьмом Километре и делает аборт каким-то своим чудным методом, да так здорово, что лучше, чем в районной больнице у гинекологов - быстро и совсем не больно.

Седьмым Километром назывался маленький хуторок из двадцати дворов, и найти бабку Захарьевну оказалось совсем просто. Тамара пришла к ней в старую покосившуюся хату, где первые венцы сруба уже давно ушли под землю. Разноцветная крыша была явно "крыта по-

бабски" - старая еловая дранка, какой уж не кроют лет этак тридцать, кое-где прикрывалась по верху толем и полосами рубероида. Тамара бережно несла пятьдесят рублей ее собственных денег. Она никогда бы не посмела взять без спроса у Василия, но Василий совершенно не интересовался ее зарплатой. Она вот и взяла с собой последнюю получку.

Захарьевна, или проще баба Люба, оказалась весьма подвижной бабушкой лет около шестидесяти пяти, может чуть больше. Тамара долго не могла приступить к делу, не могла собраться и рассказать о цели своего визита. Тогда баба Люба начала сама. Оказывается с самого начала Отечественной войны она и еще четыре ее сестры попали в оккупацию. Отец ее погиб на фронте, а мать повесили немцы, как коммунистку-активистку и за связь с партизанами. Заодно и выгребли абсолютно все продукты из их дома. Остались пять молодых девок от шестнадцати до двадцати трех и их старая бабушка. Еды у них совсем не было, и чтобы не умереть с голоду им пришлось побираться. У своих тоже взять было нечего, но можно было взять у немцев за определенные услуги. Поэтому все они выжили, только вот периодически беременели. От всех беременностей их поизбавляла их же родная бабка, баба Фрося, что померла в день со Сталиным. Поизбавляла, спасла их всех от сраму, а может и от лагеря, да при этом еще научила бабу Любу, тогда двадцатилетнюю девушку, как это делать. С тех пор баба Люба многих девиц от сраму-то спасла, а самой вот в жизни не повезло - детей у нее нет, и муж ее бросил, еще как Хрущев только пришел. Да ты, дочка, не бойся - дело такое безопасное, и не больно совсем, мне баба Фрося два раза делала, в сорок первом и сорок втором, а после я и не пузатилась. Хоть и давно, а я помню хорошо, что никакой боли. Сделают за минуту и иди себе домой, а потом сама выкидыш родишь, что чуть больше, но тоже терпимо.

Суть метода была предельно проста: Девушке надлежало снять трусы и залезть на стол, над которым висела лампа. Следовало опереться на шею и лопатки, а руками подпереть поясницу и упираясь локтями в стол, поднять зад как можно выше. В этом положении следовало полностью раздвинуть ноги в стороны, так широко, как это возможно. У рожавших сразу срамное место открывается само, и "дырку на соске матки", что внутри влагалища хорошо видно (так баба Люба описала маточный зев и шейку). А вот у нерожавших срамота полностью не открывается, и ее надо открыть, хотя бы два пальца левой руки туда всунуть и раздвинуть, чтоб "сосок с маленькой дыркой" увидеть, шибко узенькая "дырочка на соске" у нерожавших. После этого в дырку через сосок вводится обычная вязальная спица, которой в матке прокалывают плод. Это абсолютно не больно, идет немного воды и почти нет крови. Все, можно идти домой, плода уже убили, и выкидыш будет обязательно - матка мертвяков не любит. Ты рожала? Ну так вообще легко будет. Кто жаловался? Да никто еще не жаловался. А спицы боишься! Так чего ее бояться - сейчас на карандаш ваты намотаем, одеколоном обольем, подождем и спицу над пламенем прокалим, любая зараза сдохнет! Сколько беру? Да рублей пять за работу думаю не жалко...

Тамара положила перед Захарьевной пятьдесят рублей с обещанием молчать, что ее у себя видела, скинула трусы, улеглась на стол, задрала свой зад и лихо раздвинула ноги. Баба Люба прокалила спицу, а потом нагнулась к Тамаркиному хозяйству. Хоть та и была рожавшей, но ее "срамота не открылась", тогда баба Люба всунула ей как можно глубже два своих пальца в срамное место и что было силы их развела. Наконец она увидела "сосок с большой дыркой" рожавшей женщины. В эту дырку она и кольнула спицей несколько раз. Особо больно не было, хотя иногда были резкие приступы острой боли, напоминающие то, что бывает у дантиста, когда тот порой задевает нерв в больном зубе. Но такая боль длилась всего секунду. Ну вот, дочка, и все. Тамара села на край стола. Из нее действительно вытекло немного воды с прожилками крови. Где-то внизу чуть побаливало, но вполне терпимо. Она поблагодарила добрую бабу Любу и пошла домой.

Не знала баба Люба самых азов женской анатомии. Уж скольким она девушкам так "помогла", но совершала она действие весьма варварское и с медицинской точки зрения абсолютно безграмотное. Матка относительно влагалища стоит под определенным углом.

Это о самой, что ни есть обычной здоровой матке. Бывают матки у которых этот угол больше, наклон несколько иной а то и вообще не в ту сторону, что в народе называют "загибом матки", в таких случаях последствия еще тяжелее будут. Анатомически абсолютно не возможно, уколов спицей в зев, и следуя по направлению самой влагалищной трубки, пройти в маточную полость. Есть определенная вероятность зацепить плодный пузырь и выпустить амниотическую, околоплодную жидкость, есть даже небольшая вероятность проткнуть плод, но основное действие получается совсем иным. Почти наверняка спица по прямой прокалывает шейку матки сразу в районе нижней губы зева, затем небольшой участок самой маточной стенки и выходит в пространство в нижнем тазу между маткой и прямой кишкой. Очень большая вероятность проколоть и саму прямую кишку, чем вызвать каловый перитонит.

Но в случае с Тамарой этого не произошло. Прямую кишку баба Люба ей не проколола. Хватило той дряни, что была на всунутых в Тамаркино влагалище, бабкиных пальцах. В пространстве между маткой и прямой кишкой пошел перитонит, который полез вверх, где отток венозной крови с бактериальными токсинами идет прямо в печень. От этих токсинов печеночные вены затромбировались, нарушив кровоток и полностью отключив функцию очистки крови от ядов и продуктов распада организма (чем печенка и занимается, и для чего она, собственно, нам и нужна). Тамара абсолютно без приключений добралась домой, а там почувствовала боль по всему животу и слабость (во всей ее трюхе кровь остановилась). Потом начало угнетаться сознание, так как организм стал еще самоотравляться. Вызвали "Скорую", когда врач приехал, то решить, что же произошло с больной было практически невозможно. Состояние было тяжелым. Ее постарались отвезти в Ленинград, но она умерла по дороге.

Ну а на бабу Любу нам Инагнатовна помогла выйти - как только следователь спросил, не знает ли она, кто тут в округе мог молодой женщине матку проколоть, так та его к ней и привела. Бабка поотпираться решила, да без толку - и смывы со стола, и сама спица следы биологического материала имели, кстати идентичного с Тамаркиным. Бабку посадили, Тамарку похоронили, а Василий остался доживать свой век бобылем. А ведь часть и его вины в этом есть - разве трудно было с первой брачной ночи спросить свою жену, хорошо ли ей с ним? Не стеснясь обсудить, кончает ли она? Действительно, самое дорогое слово "нет", особенно когда его не говорят.

-- Пахикарпин

Есть такой медицинский препарат. Это вчера Санек Толику рассказал. Санек не соврет - он уже на третьем курсе мединститута. А вот Толику только на этот год поступать. Хотя может уже и не поступать... Ведь вчера приперлась эта дура, Лариска, пришлось ее тащить в парк, чтоб предки, не дай бог, чего не заметили. А там ревела весь вечер, как белуга. Вот ведь какая стерва! И ведь не нравится она Толику ничуть, ему Светка белобрысая из параллельного нравится. Вот та красивая и отличница еще. А эта? Да смотреть не на что, третий сорт и учится плохо. Ну как с такой жить? Какое, к черту, будущее если она мечтает работать с ее мамашей в ателье? Что за полет мысли - портниха свадебных платьев? Дура! Всех достоинств - детская художественная школа. Нашла, чем гордится. Вот Светка на юридический поступать собирается, это понятное дело. Просто Светка ему не давала, а Лариска давала. Может и Светка бы дала, да как-то спросить боязно и подойти стремно... Вроде даже и не знаком официально, так кивок-улыбочка при случайной встрече.

А началось все из-за училки, тоже стервы. Классный руководитель то же мне! Да сдается Толику, что о Ларискиных чувствах Александра Александровна, или Сан-Санна, Сана-Сюзана, а то и вовсе АА, давно догадывалась. И ведь как, сволочь, хитро все подстроила - оставила их наедине убирать класс перед Новым Годом. А Лариска, ведьма, ведь так тянулась стоя на парте и развешивая новогодние украшения. И сапоги скинула, якобы столы не пачкать, и места повыше выбирала - посмотри, Толя, на мои трусики. Пришла бы в джинсах,

может и делов то никаких не было. А тут нате, короткая юбка, мини-стрептиз среди зимы. Никто же ее за язык не тянул, сама и в любви призналась, и целоваться полезла, и намекнула, что от дальнейшего не откажется. А Толик что? Толик еще ни с кем не был, а тут так сразу приперло. У Лариски как раз дома никого. Боялся, что не встанет, что первый раз не получится. Да ерунда это все, стоял так, аж звенел! А получилось хоть и с закрытыми глазами, но три раза! Правда первый раз спустил не засунув, а вот потом... Потом долго "покатался". Лариска тоже молодец, во-первых уже не девственница, а во-вторых это она ему советы давала, ну вначале, чтоб ногу между ее ног не оставлял и не стеснялся, ложился как надо. Честно сказать, то без ее слов Толя точно бы застенялся и убежал бы сразу после "фиаско на колготки". Она же и раком сама повернулась! Толик не просил. Толику вообще стыдно было. А она вон как успокоила да подучила - одним словом блядь! Потом Толик встречался с Ларисой довольно часто, срамное по началу дело оказалось сладко-притягивающим. Хвалился перед друзьями, даже ревновал иногда. Правда пропустив стакан крепленого вина или литру пива, свою столь обожаемую подругу, первой подарившую ему много чудных моментов неземного счастья, Толик называл просто - моя блядь.

"Ненавижу! Блядь!" - со вчерашнего вечера эти слова крутились в Толиковой голове с упорностью мантры буддистского монаха, разве, что звучали они отнюдь не отрешенно, а напротив, весьма эмоционально. А все потому, что Лариска беременна. От кого? Да ясное дело, что от него. Ну конечно друзьям на всякий случай надо чего-нибудь такого приврать покруче - что она блядь они уже слышали, надо рассказать, что трахалась она с первым встречным и поперечным. Она, конечно, не трахалась. Она Толика любила. Да какая разница, он же у нее не первый, а раз до него кому-то давала, значит в натуре блядь! Правда вот зачем всем гнал пургу, что якобы сам ей целку сломал... Как бы не ляпнули чего там на каком суде, или что там будет. Надо всем срочно сказать, что Толик все всем врал, что не трахал он Лариску совсем. Хотя если ребенок его, то какое это имеет значение... Сейчас такое вроде легко определяют. Вчера притащила, зараза, эту импортную палочку. Мол посмотри, дорогой, я эту палочку у сестры стырила - тест на беременность. Час назад на нее пописала - видишь крестик? Это залет. Потом считали сколько месячки не было. Вроде если и залетела, то совсем недавно. Два месяца назад точка у нее точно была.

А ведь какая упрямая оказалась! Как долго умоляла ее обнять. Плачет, тушь по щекам мажет, а сама все в любви признается. Похоже, что на аборт она не собирается. Говорит что рожать будет, хоть пока ничего никому не говорила. Толик ей благородно сказал, что пошлет ее на три веселых буквы с ее же ребенком. Своим ребенком? Не смейся, дорогая - моим ребенком будет только тот, которого я сам захочу. Ему и на алименты наплевать, он мужик стойкий! Господи, как противно дрожали ее плечи после этих слов. Какие красные были глаза после долгого рева. Тьфу, аж морда опухла! Потом полезла целоваться, стала хватать за член... Понятно, Толик опять не выдержал и вскоре драл ее раком в кустиках по соседству с лавочкой. Но и этот половой акт (Толик зарекся, что последний) его отношения к Ларисе не изменил - сразу после оргазма, в его голову вернулось прежнее "Ненавижу! Блядь!" Он застегнул штаны и резко повернулся, так что даже задел ее мягкую голую задницу. Бросив крутое мужское "Все!!!", Толян не оборачиваясь уверенно зашагал прочь.

Нет, определенно из каждого безвыходного положения есть выход. С расстроенных чувств и последних денег Толян купил четыре бутылки пива. Сел на лавочку, в соседнем дворе, очень уж ему не хотелось снова с Лариской встречаться. А она ведь будет его искать, это Толик, как пить дать, знал. Ладно, после драмы, что эта дура устроила, нужно нервишки успокоить, пивка попить. Только открыл первую бутылку, как появился Сашка. Да нет, Санек парень смирный и воспитанный, пива просить ни за что не будет. Шнурок у него развязался, вот и воткнул он свою лапу на туже лавочку с Толиковыми бутылками по соседству. А Толик вдруг исполнился такой крутизной и гордостью за себя. Вон он какой, невзирая на последствия, смело бабу на хуй послал! И захотелось ему с первым встречным-поперечным пережитым поделиться. "Пивка хочешь? Бери, не стесняйся!" И понеслась неспешная беседа.

Санек послушал и сказал. Мол знаешь, Толян, раз она на аборт не идет, раскрути ее на таблетки. Есть такая штука, пахикарпин называется. Уговори ее залпом штуки три-четыре выпить, и твоим мучениям конец - никакого аборта не надо, все само к вечеру выйдет. Гаран-ти-ру-ю!!! Только смотри - там сосудистые ортостатические рефлекссы нахер вырубает. Поэтому надо, чтоб после приема девка вообще не суетилась. И еще, достать эти колеса трудно - они группы А и на розовом бланке идут, как наркота. Толик от счастья к Саньку чуть обниматься не полез. Название "пахикарпин" он записал Саниной ручкой прям на своей руке, а какие там чего-то рефлекссы на хер... Да до них ли дело, когда по Саниным словам матка в камень сократиться и выплюнет все со свистом! Наверное из-за этих самых орто-кисло... или как там их. Ну а на счет того, чтоб девка не суетилась. Черт его знает, что Санек имел в виду, наверное, чтоб не дергалась, в смысле больше без истерик.

Задача была решена очень просто. Через полчаса Толик рылся в семейной шкатулке, доставая сто десять рублей. Это за рецепт, а десятку на аптеку. Пропажу денег предки, конечно засекут, и придется им сбрехать, что мол порвал в драке одному куртку... Драку начал сам, поэтому и заплатить пришлось, чтоб дело замять. Тогда и концы в воду, не станут же родоки рыпаться и искать приключений на жопу собственного сына. Затем довольный удачно сочиненной лапшой, Толя бежал к Митьку-Кухарычу. Он был лет на пять старше, но под армейский призыв не попадал, вроде из-за какого-то не то гепатита, не то туберкулеза. Митек-Кухарыч работал столяром-разнорабочим в городской больнице. Что-то там чинил, врезал замки, подкрашивал, подбелевал и стриг "розу". "Розой" назывался розовый рецептурный бланк, пригодный для выписки лекарств с наркотическим действием. Букет "роз" был заветной мечтой каждого наркомана и стоил бешенных денег. Она "роза" шла вроде за столярничек... А наивная администрация больницы никак не могла взять в толк, что держит на рабочем месте молодого человека при месячной ставке в 65 рублей, и как при такой бедности молодой человек умудряется носить дорогие дубленки и ездить, пусть на подержанной, но машине.

Митек-Кухарыч принял Толика весьма холодно. Сказал, что на столярничек может дать пять ампул морфина, восемь ампул омнопона, упаковку промедола или кетамина на выбор. Тогда Толик вкратце рассказал ему свою историю. Митек-Кухарыч о пахикарпине не слышал. Недоверчиво и много раз он переспрашивал Толика, не цепляет ли эта штука, а если цепляет то как? С кайфом, с тормозом, с глюками? Этого Толик не знал. Митек-Кухарыч выразил громадное сомнение насчет того, что это, доселе неизвестное, снадобье не долбит - раз "роза", то долбить обязана, иначе чего ей делать на розовом бланке? Митьку-Кухарычу явно стало интересно. Он угостил Толика какой-то импортной сигаретой, велел подождать, а сам трусцой побежал домой за фармакологическим справочником. Вернувшись через пять минут Митек-Кухарыч аж осунулся от разочарования. Эта гадость не цепляла абсолютно, но при этом шла на "розе"! "Из-за тебя, козленка, один цветок придется портить" - злобно прошипел Митек-Кухарыч. Явно, на морфине у него с одного бланка куда больше столярничек выходило. Из того же справочника он вытащил пустой рецептурный розовый бланк и размашистым почерком врача с двадцатилетним стажем выписал рецепт, проставив дозу по справочнику. Затем извлек из кармана печати и аккуратно проставил их в нужных местах. Когда чернила просохли, он вручил бланк Толику. Посоветовал не мять, сложить вдвое, а отовариться в любой аптеке Выборгского района. Потом написал на листочке короткую памятку - что нужно сказать, если в аптеке спросят "кому и зачем", а вместо прощания сказал: "Если узнаю, что отоварился в нашем районе, убью".

Толик парень надежный, он сразу побежал в дежурную аптеку Выборгского района, что была возле Финбана. Пожилая женщина с крайнем недоверием взяла красный рецепт из рук молодого человека. "Кому и зачем?" - спросила она, даже не заглянув в бумагу. Похоже, цвет рецепта говорил сам за себя. Собрав весь свой артистизм, Толик сделал постное лицо и заговорил спокойным голосом, как можно более обыденно, но в тоже время с легким придыханием, намекающем на откровенность. "Да я сам толком не знаю, толи давление у нее какое-то особенное, какие-то там кровотечения, вроде с маткой что-то такое страшное,

устали уже "Скорую" вызывать. Доктор вот это выписал и сказал ей лежать трупом. Помрет наверное скоро. В смысле тетка моя." Глаза видавшего виды провизора удивленно поползли поверх очков, что сидели на самом кончике ее носа и казалось, вот-вот свалятся. История явно не походила на стандартный ответ "рак у бабушки, боли". Она стала внимательно читать рецепт. Потом схватилась за телефон и принялась куда-то звонить. Повесив трубку, хозяйка лекарственного царства, с виноватой улыбкой снова подошла к окошку:

- Молодой человек, у нас сейчас нет пахикарпина. Могу сделать только завтра к полудню. Советую вам сесть на любой автобус и через две остановки будет другая аптека. Я туда звонила, там есть. Они до семи, Вы успеете. Такие вещи обычно по срочному, Вы уж нас извините. Если будет там очередь, суньте рецепт и скажите, что по срочному, Тамара Николаевна уже с "Дежурки" звонила.

- Да, мне сказали срочно... - неуверенно пробормотал Толик, ибо такое искреннее участие многоопытной Тамары Николаевны в судьбе его несуществующей тетушки явно сбивало с толку.

Автобуса Толик ждать не стал, играть, так играть - хорошо после такого звонка ворваться запыхавшимся в тягучий, бальзамно-камфорный аптечный мир. Этаким контрастом показать искренность порыва! Вот и указанная аптека. Толик врывается, как революционер размахивающий розовой листовкой:

- Х-хх, х-хх, Тамара Николаевна, х-хх, х-хх, тут Вам...

Его рецепт берут без единого слова, а еще через мгновение на стекле прилавка появляется небольшая сине-золотистая коробочка явно импортного препарата. Коробочка пока остается в углу прилавка на стороне у провизора:

- Во вторую кассу, рубль одиннадцать, пожалуйста. По одной утром и вечером. Да и Вашей тете надо лежать не вставая.

- Я знаю...

Толик стал в коротенькую очередь. Его сердце уже билось не столько от недавнего бега, сколько от какой-то внезапно переполнившей его внутренней радости, что все так быстро и успешно получилось. Толик чувствовал себя героем, способным пройти любые трудности и взять жизнь за рога. Наконец беленький квадратик чека наколот на иглу, и заветная упаковка надежно уложена во внутренний карман, поближе к сердцу. Вот и все, завтра дело за малым, и уж с этим Толик справится без проблем. В руке оставалось без малого девять рублей. Толику был так приятен вечерний весенний воздух, и он не спеша побрел к Финляндскому Вокзалу, смакуя каждый вдох. В успехе мероприятия сомнений не было, Толик раскусил "розовую" тайну пахикарпина - это чтоб подпольных абортотворцев не делали!

Рядом с Финбаном у метро лоточники торговали цветами. Толик замедлил шаг, затем остановился возле одного небритого южанина и выбрал хороший букет за девять рублей. Одиннадцать копеек ему простили. Толик с букетом растеряно стал у метро - пятака на турникет у него не было. Забыл в пылу. Но даже эта маленькая досада, его совершенно не расстроила. Рядом стайкой проходили какие-то студентки. "Девушки, извините ради Бога, не могли бы вы мне дать пятак? Право забыл по глупости, а возвращаться не могу - на свидание опаздываю". Вид молодого человека с цветами и таким признанием моментально оживил девчонок, наперебой посыпались необходимые шуточки и пятаки:

- Возьми два, назад то ехать... Да бери, чтоб у подружки не выпрашивать!

Толик послушно взял монетки и исчез в толпе. Его сразу обволокло одиночество общественного транспорта. Кто-то цеплял за локоть, кто-то наступал на ногу, но этих людей как бы нет, есть только собственные мысли о том, что завтра воскресенье и лишь первый этап операции. Если все пойдет удачно, то второй этап будет в понедельник, а во вторник утром будет третий этап - проверка действия и окончательное сожжение мостов. Во вторник утром Толян уже будет свободным человеком без "генетических хвостов". Зайдя в свой подъезд он спрятал букет под лестницей и пошел спать. Пропажу денег предки еще не обнаружили, а после всех скитаний ужинать в их обществе совсем не хотелось.

Утром отец с матерью вышли на свой короткий моцион. По выходным они вместе любили ритуально погулять с Кнопкой, маленькой гавкучей болонкой. Едва хлопнула дверь, как Толик сел за телефон. На счастье трубку взяла сама Лариска. "Привет, Ларис. Ты это... Короче, я это... Долго думал, ночь не спал. Нам надо встретиться. Прости меня. Я тебя люблю!" Почему-то сказать это заочно оказалось куда легче. Договорились, что она выйдет через час, а Толик будет ее караулить у подъезда. Можно успеть прыгнуть под душ, быстро почистить зубы и подушиться папиным одеколоном. Потом Толик опять залез в родительскую шкапулку и вытащил еще один червонец, теперь уже на культурные мероприятия. Вот и знакомый подъезд. Легкая Ларискина фигурка моментально выпорхнула из дверей, едва он подошел - похоже она караулила его у окна. Глаза девчонки наполнились слезами, она все еще не могла поверить, что этот букет ей! "Ой, а цветы теперь куда?" Похоже, что Лариске еще ни разу в жизни цветов не дарили. Толик пожал плечами, и полез по Ларискиным карманам в поисках платка. Лариска прижимала к себе то цветы, то Толика, а слезы все текли и текли... Опять смазалась тушь, и платочек стал грязным и мокрым. Наконец Лариска чуть успокоилась и зашептала:

- Пошли ко мне. Отец на шабашке сегодня, кому-то там балкон стеклит, а мама на базар поехала. Часа два у нас точно есть!

Дома Лариса достала громадную хрустальную вазу. Эта ваза стояла высоко на шифоньере в окружении очень красивых кукол. Точнее куклы были пластмассовые, дешевые и самые обычные. Необычными были их одежды - все они были наряжены в необычные подвенечные платья, в малюсеньких коронках с фатой. Даже изящные кружевные туфельки умело скрывали гротескную пухлость кукольных ножек. Белоснежные одежды миниатюрных невест здорово выделялись над темным деревом шифоньера. Это Лариска с мамой баловались - пообшивали старых кукол, что остались от Ларискиного детства и детства Ларискиных знакомых. Девчонка водрузила вазу с букетом на телевизор, вроде как на самое видное место в комнате.

- Толь, а что мне маме сказать? Спросит ведь, откуда цветы...

- А скажи как есть. Скажи Толик подарил!

Она опять заревела и бросилась к Толику с объятьями. Потом с видимым усилием отнялась от его тела и бросилась закрывать шторы. В этой квартире - тюль и занавески, покрывала, наволочки, накидочки, скатерти, салфетки - все было самодельным носило ярко выраженный свадебный характер. Толика эти белоснежные цветочки-завиточки-голубочки поначалу забавляли, а потом раздражали. Реминисценции с работы Ларискиной мамы ему казались верхом безвкусицы и мещанства. Хотя сейчас он об этом не думал. Ларискино упругое тельце заходило под ним, и он даже не успел снять полностью джинсы. Так и влился в нее с болтающимися на одной ноге штанами. Впервые он был не конем-молчуном, а нежным влюбленным. Он склонялся к уху своей покорной девочки и тихо шептал: "Ларисонька, кисонька, лапушка, моя, моя, моя..." А Лариска лишь тихо выла в ответ, чуть наискось прикусив губу, и из глаз ее уже в который раз бежали слезы блаженства и радости. Потом Лариска поскакала в ванну, Толик поплелся за ней ополоснуть свое хозяйство под краном. Он засунул руку за очередную свадебноподобную портьеру, где изысканная капроновая тюль удачно скрывала простую клеенку и перекрыл воду. Потом скомкал белых лебедей и отодвинул занавеску. Лариска стояла перед ним, такая маленькая, голая и беззащитная. Покрывая свою рубаху темными разводами капель, Толик прильнул к ней начал целовать Ларискино голое тело. Целовал он быстро-быстро, и так же быстро тараторил "люблю-люблю-люблю..."

Потом они оделись и пошли гулять на Неву, потом в какое-то скучное и дурацкое кино. Кино они не смотрели. Сидели себе на самом заднем ряду и тихо там целовались весь сеанс. Затем забрели в простенькое кафе и проели там почти все деньги. Домой решили идти пешком. Со скульптур Летнего Сада уже сняли деревянные "тулупы" и за решеткой снова блистали Аполлоны и Афродиты, а не убогие будки, похожие на сельские туалеты. Они зашли в эту Мекку всех ленинградских влюбленных. Там Толик вдруг рухнул на одно колено и громко сказал:

- Лариса вот тебе моя рука! И мое сердце!

Прохожие шарахнулись и захихикали. Как-то манерно и слишком театрально, не шутит ли? Лариска галантно взяла Толикову руку и тихо ответила смущаясь назойливых зрителей:

- Толя, а я согласна. Я ведь тебя тоже люблю, ты ведь знаешь...

Только вскочил, и как-то по гусарски поклонился. Они еще с минуту под ручку шли по алее, пока не наткнулись на первую попавшуюся свободную лавочку. Толик попросил его не перебивать и заговорил о свадьбе - свадьбу предстояло сыграть сразу после "Последнего звонка" в школе. Это ничего, он все равно сумеет поступить в университет. Пусть будет трудно, но он подготовиться. Лариске надо будет пойти к маме в ателье, потом она тоже сможет стать настоящим мастером подвенечного платья. Плюс ее зарплата и его стипендия, на двоих хватит! Но только на двоих... Не на троих. Да я понимаю, деда и бабки у нас молодые будут, помогут, никуда не денутся. Но ведь Толику учиться надо. Не получится это с ребенком. Вот курсе на третьем - тогда без проблем! Такой вот подход и называется планированием семьи. Ларискины глаза погрузнели:

-Я не пойду на аборт - сказала она похолодевшим голосом - я себе платье подвенечное уже давно придумала. Я его в альбоме нарисовала. Мама смотрела, кое-что подправила, и сказала, что сошьет. Там фасон такой, что и животом можно...

- Господи, Лариска! Да не надо на аборт! Я тебе завтра четыре таблетки дам. Ты их выпьешь. Если у тебя там ребенок здоровый, то ничего не будет, а если какой урод - то его сам твой материнский организм отторгнет! А если не отторгнет - шей себе платье с животом!

- Нельзя беременным таблетки... Мне так мама говорила.

- Ой, Ларис, ну чего ты такая наивная! Вон твоя сестра импортную палочку, ну тот тест на беременность за какие деньги покупала у валютчиков-спекулянтов? Ну пусть не за деньги, пусть ей мамкины клиенты в благодарность за платья подарили. Это не важно! Они то все равно такое за валюту или по переplate доставали. Важен импортный тест! Тебе вот охота ребенка-урода? Нет! И мне не охота. Это специальные французские тест-таблетки - они только здоровых детей оставляют. Я у Гарика-валютчика доллары купил, а на них эти таблетки одному морячку специально для тебя заказывал! Да не бойся ты, они вроде как витамины, их в Америке и Европе всем школьницам раз в месяц дают, сам по "голосам" слышал. Ну че ты, Лариска, такая необразованная.

-Ну если только один раз... - неуверенно согласилась Лариса.

Наутро перед школой Толик дожидался Лариску у подъезда. Едва она вышла, как он схватил ее увлек обратно в парадную, где зажал в объятьях и страстном поцелуе. Лариска что-то затараторила, что пора идти, а то они точно на алгебру опоздают. Толик не спеша открыл портфель и достал... бутылку молока. Он сунул бутылку в Ларискину руку, а затем быстро извлек что-то из кармана. На протянутой руке лежали четыре белых овальных капсулы.

- Пей их быстро, одну за одной.

Толик все рассчитал. Он пятнадцать минут будет с ней идти в школу. Он постарается немного опоздать, и времени забежать в туалет у Лариски точно не будет. Значит не выблюет. Потом алгебра, сорок пять минут - в той умной книжке про лекарства, какую читали с Митьком-Кухарычем, было написано, что всасывание в желудке в течении часа. Вот мы час и обеспечим!

До школы дошли без приключений, и едва все сели, как они оказались перед дверью класса. Глаза Сан-Сюзаны удивленно расширились, чего-чего а увидеть Толика и Лариску вместе, да еще и за ручку, она никак не ожидала. Кивком головы предложила пойти сесть на свои места. Даже не стала метать свои гневные речи по поводу опоздавших. Опоздавших она не любила, и поэтому к ней опаздывали редко. У АА лучше прогулять, чем опоздать.

Лариска сидела от Толика довольно далеко, через ряд. Хрупкая и маленькая она никогда не вылезала с первых парт, а вот рослый Толик всегда сидел на "камчатке". Однако если подвинуться на нужную позицию, то Лариску ему было хорошо видно между застывших голов одноклассников. Первую половину урока она что-то там писала в своей тетрадке, наклонялась за линейкой в портфель и иногда грызла ручку. А вот потом. Потом минут

десять она сидела неподвижно, а после ее скрутило. Она положила руки на живот и грудью оперлась о парту. Очкастая Алка Федорова, дебелица бабица, что сидела от Лариски через ряд и прям перед учительским столом из-за своего плохого зрения, небрежно швырнула на Ларискину парту какую-то конвалютку с таблетками. По серебристой фольге похожи на баралгин, Толику мать такие от зубной боли давала. Любят бабы друг друга "от месячки" лечить. Лариса отрицательно помотала головой и передала таблетки назад Федоровой. Движение ее руки показалось Толику каким-то слабым. Потом Лариса подняла руку и сконфуженным голосом произнесла:

- Извините, Александра Александровна, я выйду.

Вставала Лариса как-то медленно и излишне долго - уже весь класс вперила в нее глаза. Сан-Сюзана нервно подскочила к полускорченной Лариске и уставилась ей в лицо своими колючими рентгеновскими глазами. Затем АА заговорила привычным властным голосом:

- Немедля иди на первый этаж в медпункт! Сама дойдешь, или пусть тебе Федорова поможет?

- Сама, сама. Спасибо, мне уже лучше.

Стараясь выглядеть бодрой и по своей привычке закусив криво губы, Лариска вышла из класса. Математика на втором этаже, до медпункта один лестничный пролет. На первой ступеньке с Лариской неожиданно что-то случилось - в глазах не то внезапно потемнело, не то страшно посветлело, в ушах раздался нестерпимый звон, переходящий в высокочастотный писк, после чего ее мышцы полностью ослабли, и она отключилась. Все случилось так внезапно, за какие-то доли секунды, что Лариса не успела даже сесть на ступеньку - так и грохнулась на лестнице. Все что она успела - это лишь чуть-чуть развернуться, поэтому хоть и полетела она строго вниз, но удар о край бетонной ступеньки пришелся не в лицо, а за ухом. Техничка Ивановна, что мыла вестибюль услышала страшный хлюп с хрустом - очень характерный звук разбиваемого черепа. На ее вопли прибежала медичка и АА, потом завуч, потом Крючок - трудовик, его мастерские на первом этаже рядом... Потом вообще все, кому не лень. Когда Лариску занесли в медпункт, она не дышала. Хотя она и на лестнице уже не дышала. "Скорая" приехала. Два больших дядьки с носилками, ящиком и каким-то аппаратом бегут в медпункт. Торчат там минут двадцать, потом один устало выходит перекурить. Появляются менты, начинают ходить вверх-вниз, чего-то мерять. Наконец Лариску несут на выход под белой простыней вперед ногами.

Толик это видит и ему страшно. Первый раз по настоящему страшно. Нет, Лариска блядь и ее не жалко, но ведь впереди жизнь, институт... Нет, надо молчать, молчать и молчать! Тогда ничего не будет. На перемене Толик запирается в туалетной кабинке и спускает оставшиеся таблетки в унитаз. Потом выходит на школьный двор, прячется за старой елкой и нервно прикуривает сигарету. Тут же сжигает коробочку и оставшуюся пустую конвалютку. Все, следов нет. Ничего не знаю - будут менты чего спрашивать, скажу что ебать-ебал, но любил. Скажу жениться хотел, а что беременная не знал.

Прозектор Серега тронул меня за плечо:

- Шеф, там похоже токса с черепной травмой. По Вашей части, вроде, может глянете? Габриэлян просит, его труп.

- Ладно, а что о теле у нас почитать есть? Не густо, писульки "Скорой" со слов уборщицы... Ну пошли, проведем Габриэляна с его мадам.

Да, похоже токса на лицо. В желудке четыре полупереварившиеся белые капсулы. Мозг и печень малокровны, а вены и артерии малого таза расширены до предела. Да я тут особо и не нужен, Габриэлян и сам дока, меня позвал больше из вежливости, хотя может чего ему надо... Все пробы крови и других биожидкостей, печени, сальника и, разумеется, желудочного содержимого он уже взял. Остатки капсулок лежат по отдельным пробиркам. С головой все ясно - на черепе громадный перелом, трещина проходит через основание. Так Велозиев круг, это серьезно, латеральный синус, ерунда. А вот и вклинение продолговатого мозга - ясно, это и есть непосредственная смерть. Теперь капнем на шажок в сторону - что еще интересного? О, матка беременная, стенки сжавшиеся. Плодное яйцо почти из зева вышло. Аборт в ходу.

- Слышь, Арсен. Распотроши это красиво, я пойду фотоаппарат принесу. Похоже

грохнулась малолетка от ортостатического коллапса, судя по перераспределению крови. Да плюс аборт... А на стенки матки посмотри! Короче, на отравление пахикарпином похоже. Придется труп с неделю в холодильнике поддерживать. Пробы я в ИВС и в нашу лабораторию пошлю, случай не срочный, раньше не сделают.

Глаза Арсена Акоповича в мольбе устали на меня:

- Анатолич, закончи ты. Мне надо с дочкой на гимнастику, а жена дежурит. Ну закончи, а? Долма с меня!

Я долму люблю, особенно ту, что Наира готовит. Я холостой, мне всегда жрать хочется, поэтому согласен. Поделил пробы, кое-что для верности закинул в жидкий азот. Раз столько работы подвалило, то можно не торопится, теперь все равно в общагу поздно попаду. Пойду как я покурю на улице, такой день хороший. Из прозекторского зала надо выходить осторожно. Хотя прозектура судебная, военная, да режимная, никогда не знаешь, когда на родственников нарвешься. И как они умудряются все узнать и сюда через КПП пробраться? Сейчас все вроде спокойно. Я усаживаюсь за только что зазеленевшими кустами и с наслаждением прикуриваю беломорину. Через прозрачную салатную кисею однодневной листы вижу серую ментовскую форму, а за ним балахонистый пиджак следака. Это не родственники, все свои, присаживайтесь ребята, покурим. Начинаются стандартные вопросы, что нашел, да что думаю. Вот что мне не нравится в их братии, так это то, что они готовы всем и вся устраивать допросы. Ну подождали бы чуть-чуть - получили бы официальный протокол предварительного заключения, а через недельку и окончательного. Я небрежно помахиваю вычурно согнутой папиросой, манерно пускаю дым, закидываю ногу за ногу. Рисуюсь немного перед следствием. Да мол, чего там искать - пока стопроцентно утверждать юридического права не имею, так как результаты анализов не получил, но дело похоже ясное - отравление пахикарпином при попытке неудачного медикаментозного криминального аборта.

Следак достает записную книжку и просит написать название лекарства по-латыни и по-русски. Я пишу. Краем глаза замечаю, что к нам подходит какая-то женщина. Почему-то мне кажется, что это Николаевна, следачка с "железки". Наверное идет по поводу того алкаша на четвертом столе, что вчера ночью поцеловался с электричкой. Дописал, поднимаю лицо. Нет, не Николаевна. Красные сухие глаза, черная шаль на плечах, руки бессмысленно теребят какой-то детский альбом для рисования с выглядывающим из него белым бутафорским цветком из тюля с блестками. Да, влип. Это МАТЬ, и судя по возрасту, это ЕЕ мать. Я нервно швыряю окурок и торопливо встаю. Конечно, от матери много чего полезного можно узнать, да только пусть с этим следователи возятся. А у меня здоровье не железное. Я вон и работу выбрал, где даже "больные" не жалуются. Однако быстро слинять не получилось. Она меня взяла ЗА РУКУ. Никогда ИХ родственники не берут НАС за руку. Мать заговорила, вроде бы по делу и вроде бы в пустоту:

- Когда мне отдадут Ларису? Она платье себе придумала. Красивое, подвенечное. Не знаю, успею ли...

Мать отпускает меня и открывает альбом, я машинально прячу освобожденную руку за спину. Мне неудобно, но интересно, я стою и смотрю альбом. На первой странице нарисована невеста в красивом наряде. Мать листает дальше, это бант, это шлейф, это фата...

- Думаю, что успеете. Нам не менее семи дней на экспертизу потребуется. Да Вы не волнуйтесь, у нас хороший холодильник...

Похоже, что про холодильник я зря. Дочь все же. На мое спасение со скамейки поднимается следак с дежурными извинениями, пониманиями, успокоениями и просьбой пары вопросов. Путь к отступлению открыт. Быстрыми шагами я скрываюсь в своей надежной крепости-прозектуре и сразу задвигаю засов. Совершенно необходимая вещь при наличии родственников во дворе. Поднимаюсь на второй этаж и смотрю в окно из-за шторы, тихо, по шпионски. Там следак беседует с матерью. Похоже, от нее сейчас многого не добиться. Опять стршно захотелось закурить. Сел за стол, закурил. В ординаторской никого, и я ловлю себя на мысли, что я вроде как от взгляда матери прячусь. Глупость какая. К чужой смерти я привык, она меня не трогает. Почти.

Возвращается следователь, черт, надо идти все доделать побыстрее. Следак покрутился вокруг трупа. Да ему здесь и особо смотреть нечего. Ну тыкнул ему пинцетом на полнокровные вены, он что поймет. Спрашивает мое мнение про лекарство. А чего тут думать, препарат группы А и сравнительно редкий. Если брали в аптеке, то найти легко - звони в городское Аптекоуправление, в учетно-рецептурный отдел. Но это конечно, если недавно брали... Если есть описание подозреваемого и свежий рецепт, езжай и спроси провизора, потом делай очку, если провизор тебе чего похожее на твоего подозреваемого опишет. Не поленишься, посадишь гада раньше, чем мои анализы придут. Мне ли тебя учить, мое дело вот - мясо... Я отодрал кусок светло-голубой клеенки и красиво расположил матку. Разрезал, как художник, чтобы показать аборт в ходу. Сфотографировал этот натюрморт, отобрал немного биоматериала, на случай если придется устанавливать отцовство. Что еще мне пригодится? Ничего. Я кинул матку в глубину пустого распахнутого тела, а она, прыгнув мячиком, улетела куда-то под ребрами к горлу. Да какая разница, куда. Следом кинул сердце и мозг, а потом сверху завалил остальной требухой со столика. Рядом возник Серега со здоровым иглодержателем и толстой черной ниткой.

- Все, Сереж, ушивай. А потом отмой ее хорошо. Чтоб не пятнышка! На ней будет очень красивое подвенечное платье.

-- Лирическое эссе об аборте легальном, стерильном, медицинском

Ну вот и случилось, Вы залетели, моя прекрасная фея. А, красавец-мужчина, биологический соавтор, папой быть совсем не рад... Похоже, решение принято окончательное и бесповоротное. Вы подумали чуть-чуть, может даже поплакали в подушку и вынесли окончательный вердикт маленькому созданию, беззаботно плавающему в нирване где-то там глубоко в Ваших недрах. Приговор гласит: жизнь собственного малюсенького ребенка прервать путем четвертования и без всяких философий и морализаторства. Ну и правильно! Детей надо губить, нас и так шесть с копейками миллиардов на планете. Но запомните, мой ангел, конечное решение всегда принимает женщина! Изнасилования встречаются сплошь и рядом, а вот насильные аборты... Я, честно сказать, с такими не сталкивался. Тут уж без сомнений - добровольно ноги расставляете. Поэтому подпись на приговоре всегда Ваша, тонкая и ранимая женская душа. Значит завтра это и произойдет, и анализ крови уж сдан, и моча в порядке. Пора в "Сочи на три ночи". Ну это мы на работе так скажем. Знаю, знаю, какая сложилась гадкая ситуация. Да не рассказывайте ничего, и так понятна вся безысходность, и так ясно, какое дело дрянь и что случай из ряда вон, а не как у всех. Ну не имеете Вы права из-за этой глупой ошибки самой себе, Ему и всем своим родным жизнь портить. Разве я осуждаю? Разве я Вам что-либо советую? Да нет...

Просто хочу Вам напомнить, сколько баб, даже после золотых рук профессиональных абортмахов в суперсовременных клиниках, детородную функцию навсегда теряют. Ну какой мастер даст гарантию, что отскребет он стенку Вашей матки на нужную глубину? Ведь достаточно чуть-чуть "перебрать", в смысле копнуть глубже, чем следует, и восстановление полости пойдет по типу фиброзного рубца. Ну не растут цветы на бетоне, не селится яйцеклетка на рубцах. А если миометрий (мышечная стенка матки) оголилась с двух сторон, то возникнет синехия - сращение полости. Зато какая возможность для внематочной или околозевной беременности открывается!. Что такое внематка, Вы, надеюсь, слышаны, хотя иллюстрации ради пару случаев опишу, а потом уж вкратце расскажу, как ведет себя плацента, присосавшись к шейке:

Внематка трубная. Абортик хорошо перепаял матку у выхода трубы, зажило все, уместилось рубцовым булыжничком, а сам выход на "мостовую" сузился. Думаете, что начавшая делиться яйцеклетка дура? Совсем нет! Ты не смотри, что ее размер, как ушко игольчатое, и весь ум будущего гения заключен пока в сотне клеток, он (она) уже хорошо знают, что им надо. А надо им срочно имплантироваться - вжиться в мягкие ткани. А раз матка напоминает пустыню после ядерной войны, то приходится довольствоваться малым -

детка пробует прижиться в трубе. Это легко удается. Все тесты у такой беременной в норме, зародыш в материнскую кровь весь положенный набор гормонов выделяет. Только вот один прекрасный момент становится ему тесно, и труба рвется... Кровушка быстренько хлыщет в мамино брюхо, ситуация неотложная - как можно быстрее такая женщина должна оказаться на операционном столе. Ну а там уже дело техники - сосуд перевязывается, а маточная труба с горе-ребеночком, любителем прятаться где не надо, летят в тазик для хирургического мусора. С перепаянной маткой и одной трубой Вы еще надеетесь родить? О-оо, Вы неисправимая оптимистка. А сколько тех, кто при таких симптомах вообще о беременности не ведают и решают обойтись баралгином с тройчаткой-петерчаткой? Ну какая мелочь, внизу заболело, наверно "потечет" скоро - подкладку потолще, "Тампакс" в ридикюль, таблетку в рот и по делам. А потом их привозят к нам, молодых и красивых, "заснувших" в вагонах метро и на автобусных остановках; с книжками лирических стихов и дорогой парфюмерией в сумочках; с нотами и цветами, извлеченных из закоченевших рук; скрипками и тубами чертежей, подобранных рядом.

Внетрубная внематочная беременность. Ну это когда зародыш шустрый попадается. Коли в матке, на месте назначения, послеабортный лунный пейзаж, то подобно Колумбу, отправляется наш юный герой путешествовать в неизвестное. Я вот например, хорошо помню труп одной двадцатитрехлетней проводницы, у которой зародыш имплантировался в печень, и там умудрился развиться до весьма приличных размеров, правда этим он и убил свою маму. Печенка оказалась вкусная и плацентарный хорион зародыша так глубоко в нее въелся, что "перегрыз" крупные кровеносные сосуды. Понятно, что сам ребеночек ничего не грыз, а смиренно плавал в жидкости амниотического пузыря соединяясь пуповиной с плацентой-кормилицей. Вот она и "грызла", выделяя растворяющие ферменты в ткани печени.

А что будет, если зародыш как Амудсен окажется? Тот до полюса дошел, вот и наш малолетка возьмет и мужественно преодолет все торосы послеабортной маточной Антарктиды. И ведь за труды свои найдет он себе Землю Санникова - его ждет теплая, мягкая и плодородная почва зева, что у самого нижнего полюса матки. Там он и поселится. Беременность по началу совсем нормально протекает, а вот в конце... В конце, вне зависимости от судьбы плода, основное женское богатство надо безжалостно резать под корень. Точнее под свод влагалища. Без надвлагалищной ампутации матки женщина неизбежно умрет от кровотечения, когда неправильно прикрепленная плацента разгрызет маточный зев, отслоится и пустит мамке кровь потоком. Поэтому не будем дожидаться такого финала, в виде молниеносного эндшпиля - заранее повезем женщину в операционную. После этого родить уже, конечно невозможно - куда рожать то, если рожалки нема. Спасибо, сама жива осталась (если осталась). А ведь причина проста - давным-давно забытый и казалось бы благополучно перенесенный, такой невинный аборт. Мелочь.

Попутно расскажу три медицинских байки. За полную достоверность не ручаюсь, ибо этих случаев я лично не видел, хоть и слышал это из уст профессоров. Все на тему послеабортных осложнений. Первый случай произошел где-то в Российской глубинке, где зародыш присосался к большому сальнику, и женщина пошла к врачу на 23-й неделе, от того, что шевеления в брюхе замучили. А до этого момента селянка все пыталась гонять у себя глистов народными методами. А вот два следующих случая вроде где-то в мировой спецлитературе описаны, как казуистика (так или не так, мне искать лень). В Австралии один печеночно-имплантированный зародыш аж до 28 недель дожил - так там вообще смех, тетку благополучно прооперировали, изъеденную печень тампонировали, а ребеночка перевели в отделение интенсивной неонатологии и там выкормили! Потом отдали мамке родное нормальное чадо, никогда не бывшее в матке. А вот в Калифорнии что было - там зародыш у мужика в члене оказался! Вроде как вывалился зародыш во влагалище из "послеабортной" матки, а во влагалище среда кислая, для зародыша это как газовая камера. А тут вроде как половой акт происходит, причем у мужика было обострение хронического простатита. Больная простата кончить не дает, под самый финал стало мужику больно, и член упал, и

простата набухла, но не симметрично, при этом некоторые пузырьки расширились да как пылесос всосали еще живого зародыша. Потом тот по мочеиспускательному каналу до той самой простаты добрался. При простатите мужик долго ссать не мог, мочу через прокол над лобком выпускали, это и дало зародышу возможность имплантироваться. Через некоторое время опять попадает мужик к урологу. Тот думал киста, а оказалась беременность. Пришлось этому мужику "аборт делать" по сумме уникально совпавших обстоятельств.

Есть еще десятки куда более реальных и очень частых послеабортных осложнений. Те, что вспомнил, это так ради примеров и хохмы. Не экзамен же по гинекологии сдавать, полный обзор осложнений простого аборта тут не нужен. Нужно главное - нужно, чтобы женщина о крайне неблагоприятном повороте событий всегда помнила. Помнила, что теплая радость материнства всегда лучше холодного прозекторского стола, а многодетная, сорок-с-чем-то-летняя и одинокая матери вовсе не дуры. Они заслуживают куда большего уважения, чем бездетные "гуляхи", а поздние дети краше ранних траурных венков. Думаете, что еще один ребенок Вас лишит с таким трудом нажитого богатства или радости жизни? Думаете, что он многое от Вас отнимет? Что-то отнимет, бесспорно, но даст куда больше. Думаете, что у Вас "не тот возраст" или неподходящие жизненные условия? Денег нет или Он оказывается Вас совсем не любит? Так ведь тот, кто Вас будет любить крепко, искренне и предано уже в Вас сидит! Ну а если Вы замужем и с любовью все в порядке, просто самец-осеменитель как-то где-то со стороны подвернулся? Да ведь по большому счету наплевать - соврите, наконец! Ложь будет почти святая, а биологическое разнообразие можно считать залогом крепкой фамилии. Думаете сами мужья так и ринутся свое отцовство по ДНК определять? Ха-ха, да оно им меньше всего надо, конечно если Вы не стерва, и развода не планируется. Главное не давайте повода об этом думать. А если все куда проще, если жизнь только начата, и перспективы лучезарны... Ах, ну да - как можно в таком случае все свое будущее портить. В плане будущего Вы сравните свою жизненную цель с вполне возможным *exitus letalis*, неблагоприятным исходом по-максимуму, и сами поймете, что ошибаетесь.

Если записать на листочке все рациональные доводы о том, почему современной женщине детей заводить не следует, а рядом в столбик, почему следует, то длина столбцов будет 100:1 не в пользу детей. Наверное так и вымирают цивилизации, построенные на рациональности. Вообще о детях надо думать до, а не после. Даже если Вы их не хотите. Поэтому (особенно при внесемейном спаривании) второе основное правило - КОНТРАЦЕПЦИЯ! Ну первое, конечно, это все же профилактика кожно-венерических заболеваний. Хотя методы часто общие. И в страсти любовной не забывайте - когда подкорка торопится, то кора отстает. Это вроде о головном мозге, но к делу относится.